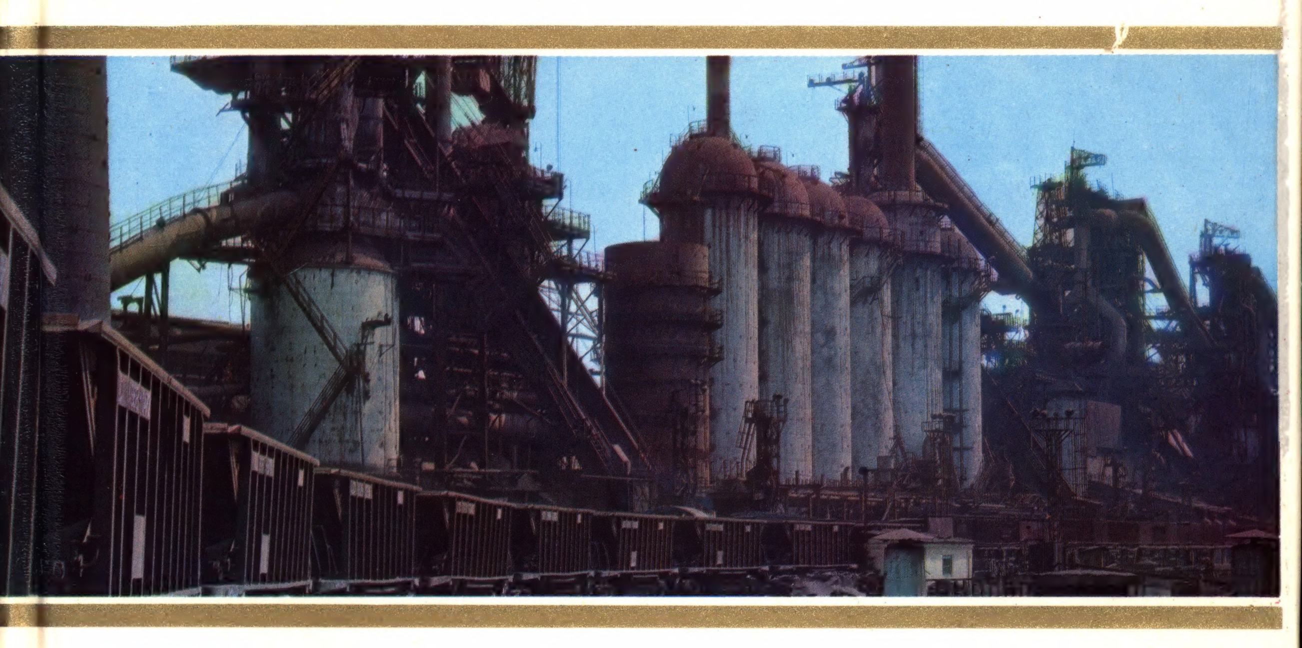
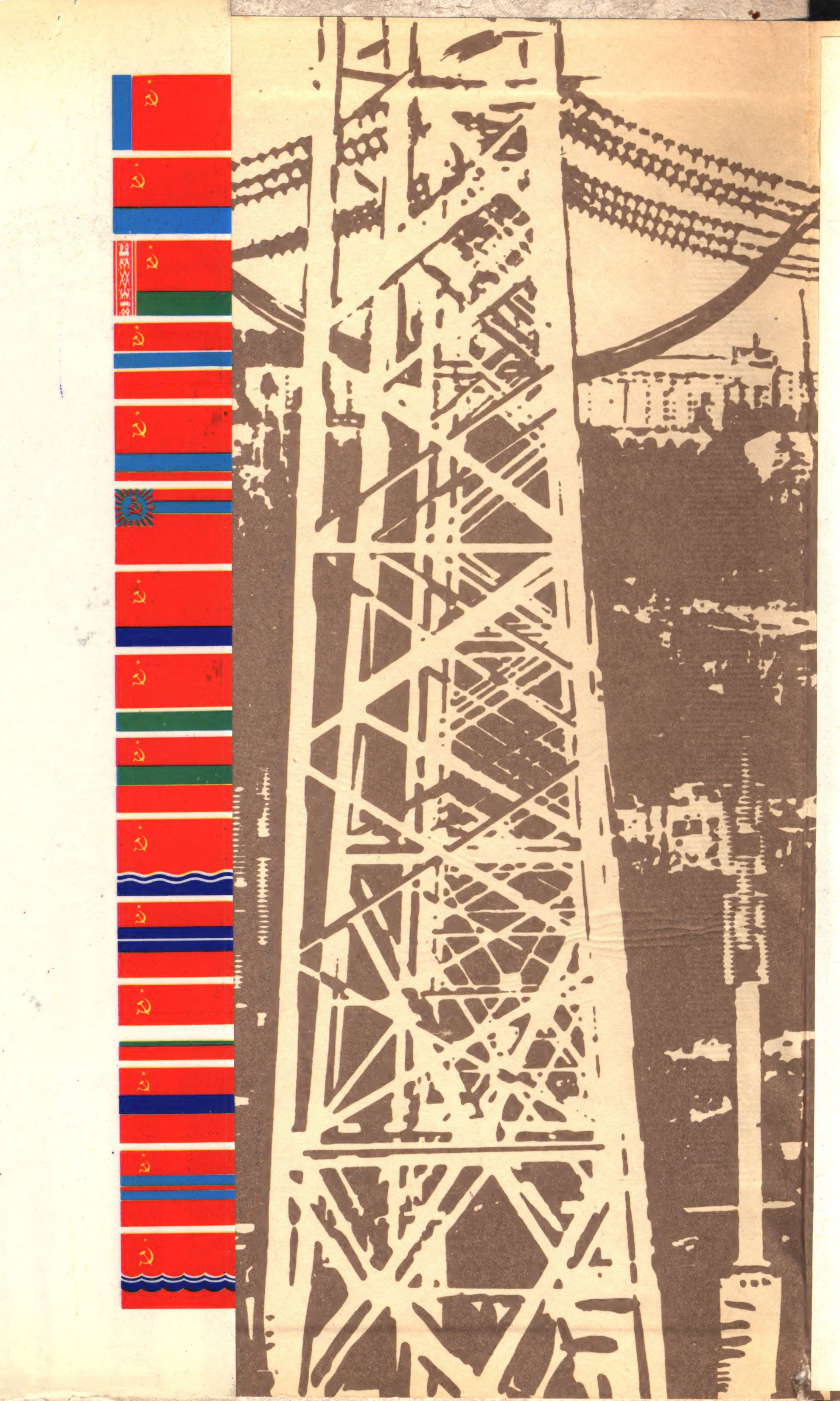
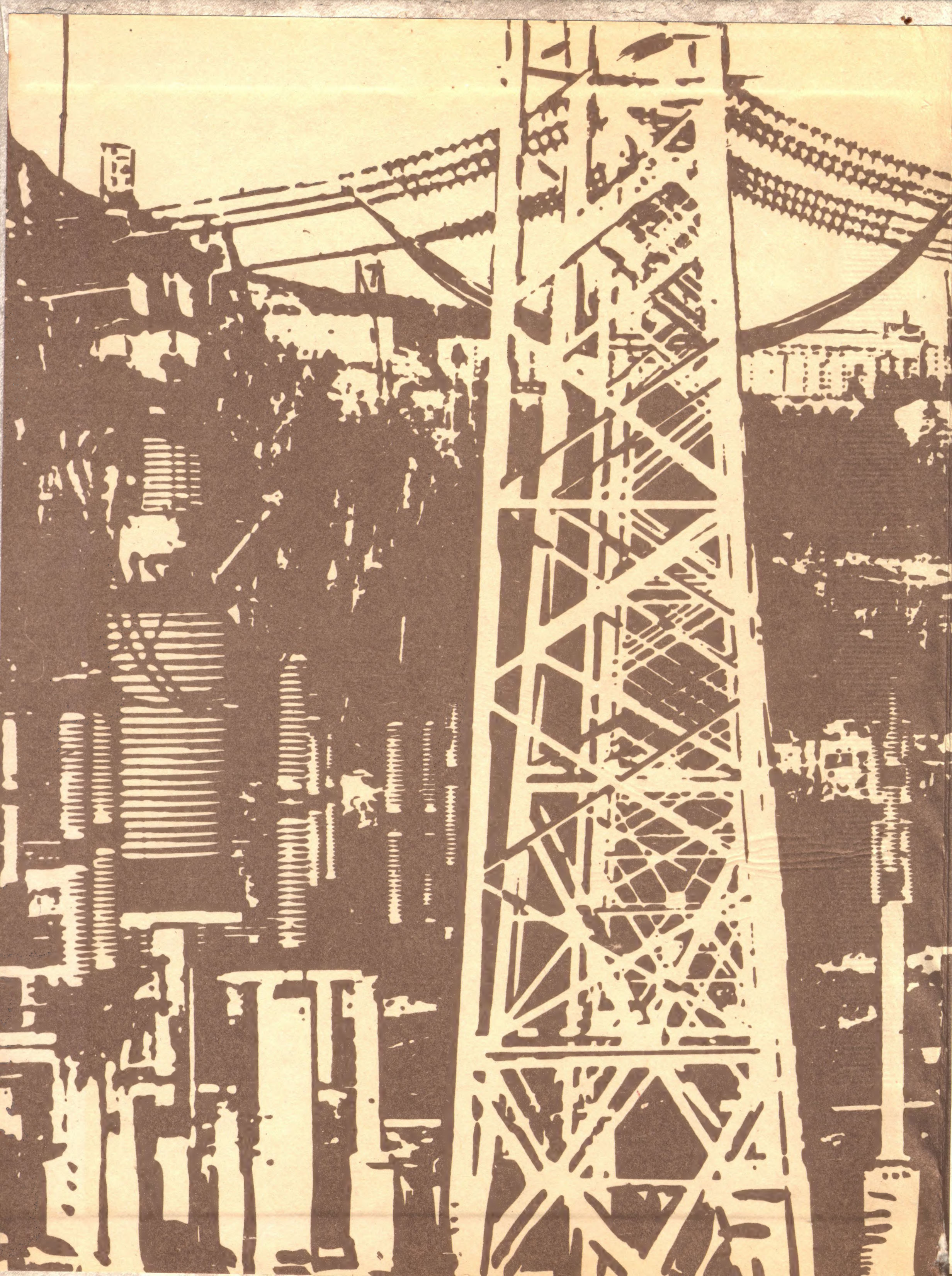
РАБОЧАЯ

ДОБЛЕСТЬ

УЧАСТНИКУ

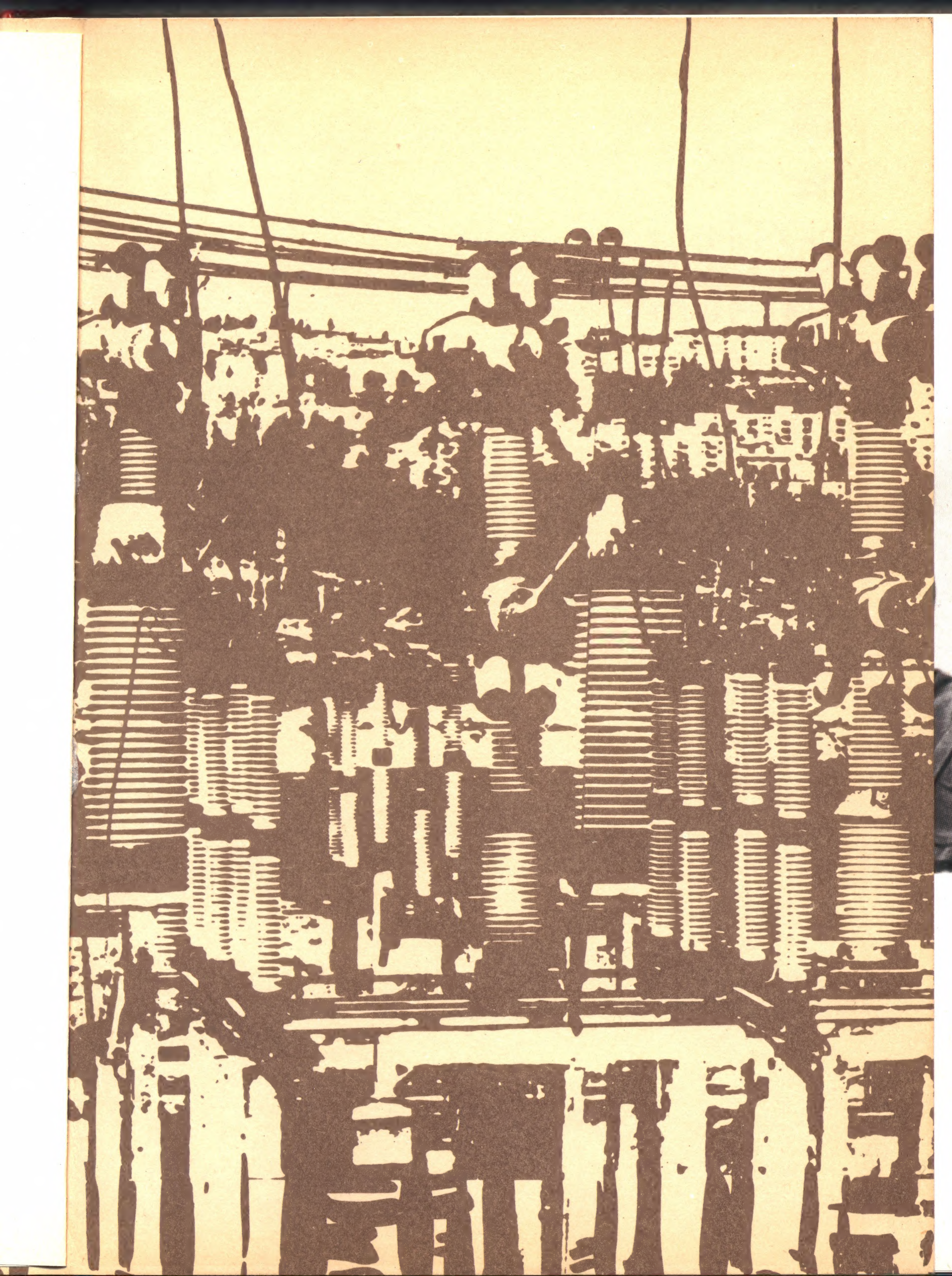
ГОРОДСКОГО СЛЕТА ЛУЧШИХ
ПРОПАГАНДИСТОВ
КОМСОМОЛЬСКОЙ ПОЛИТУЧЕБЫ,
ПОБЕДИТЕЛЕЙ ГОРОДСКОГО КОНКУРСА
РЕФЕРАТОВ
„ПАРТИЯ — УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ НАШЕЙ ЭПОХИ!“,
ОТЛИЧНИКОВ УЧЕБЫ ШРМ

СВЕРДЛОВСКИЙ ГОРКОМ ВЛКСМ

Июнь 1976 года

НС 23475 29.V-1976 г. «Полиграфист», з. 1034 т. 200

ГЕРОИ
ДЕВЯТОЙ
ПЯТИЛЕТКИ

РАБОЧАЯ ДОБЛЕСТЬ

МОСКВА.

СБОРНИК ОЧЕРКОВ

«ЭКОНОМИКА». 1976

Образцы трудовой доблести
показывают ударники
девятой пятилетки
и передовые коллективы.
Они — гордость и слава
нашего народа
и по праву пользуются
всеобщим почетом
и уважением.

*Из Обращения ЦК КПСС к партии,
к советскому народу*

ЭТИ ИНТЕРЕСНЫЕ ЛЮДИ

При чтении этой книги, хотя она к романам никакого отношения не имеет, по причудливой ассоциации вспоминается фраза, которой начинается «Анна Каренина» — «Все счастливые семьи похожи друг на друга». В самом деле, хотя в книге идет речь о разных людях, из различных мест страны, порой разделенных тысячекилометровыми расстояниями, о людях с разными характерами, с несхожими профессиями — от сталеварения до производства мебели — между ними есть нечто, очевидно, общее. И это общее не только в том, что, если представить осуществление планов пятилетки наступательной операцией, все они, плечо к плечу, находятся на острие атаки, — а это, конечно, многозначимо само по себе, — но в первую очередь в глубинных сущностях, которыми определяется место человека в обществе и незаурядность личности.

Сходство между людьми — в беспокойности натуры, в обостренности творческого мышления, связанного с повседневной работой, в глубоком понимании своей роли в обществе, в чувстве ответственности и собранности воли, что по совокупности и делает их ориентирами прогресса.

Того социалистического прогресса, от которого зависит развитие, благополучие, сила общества в целом и каждого человека в отдельности — давно ведь, как дважды два в таблице умножения, известно, что все ценности цивилизации, все ее блага и чудеса техники создаются союзом ищущего ума и золотых рук. Рубашка и телевизор, книга и реки зерна, сталь и автомобильная шина, домашний холодильник и космическая станция «Салют». И в наше время надо быть очень уж ограниченным человеком, с умом, похожим на нищенскую суму,

и духовным миром в горошину величиной, чтобы не понимать этого, относиться к делу лишь как к тягостной необходимости, жить по скудоумной философии — «работа не волк, в лес не убежит».
Верно, не убежит. Но ведь и материальный достаток, и духовные ценности сами из леса ни к кому еще не прибегали и не прибегут — что посеешь, то и пожнешь, что пожнешь, то и пожуешь. Мудрость эта, извлеченная из опыта еще нашими предками, действует поныне, хотя передвигаемся мы не верхом и на волокушах, а в скорых поездах и на реактивных самолетах, хотя энерговооруженность современного человека измеряется не одной или двумя, как прежде, а десятками, сотнями, порой тысячами лошадиных сил. И поэма труда, созидающего все, чем мы живем, включая наш внутренний мир и наши отношения друг с другом, является и ныне прекраснейшей из поэм бытия.
Не слишком ли это пышно сказано о труде — «поэма бытия»? Есть в нашем сознании интересная особенность — оно остро и свежо отзывается на явления, в какой-то степени особые, неповседневные, и довольно спокойно на те, что совершаются, как говорится, сплошь и рядом, хотя бы в них мудрого и прекрасного заключалось ничуть не меньше. Дикторы телевидения, например, не раз приглашали нас совершить «путешествие в страну прекрасного», хотя порой прекрасное это было посредственным эстрадным ансамблем с приевшимся репертуаром. И мы не спешили опротестовать эту пышность зазыва, воспринимали ее как нечто нормальное. А вот когда человек работает за двоих, за троих, — прежде таких называли богатырями, в былинах воспевали, — нам даже в голову не приходит отождествлять это с понятием «прекрасное», — ну, молодец, верно, но ведь мы и сами работаем. Там, на сцене, искусство, талант, а тут...
А тут, между прочим, тоже талант, достойный уважения и восхищения! Более массовый, без сцены и зрительного зала, но для материального и духовного развития общества не менее важный, чем всякий другой! Один человек, мудрый и знающий, сказал, что суть таланта — двадцать процентов вдохновения и восемьдесят процентов упорного труда, и это относится к любой сфере деятельности, в том числе к искусству. Между прочим, это — взаимосвязь понятий «труд» и «прекрасное» — как нельзя лучше понимают и сами выдающиеся деятели искусства, потому и выдающимися стали! — и не случайно, а именно как выражение того, что понимают, становится повседневной практикой дружба многих театральных коллективов с рабочими коллективами предприятий. Ко взаимной пользе.
Почему предисловие к книге, где просто, без всяких словесных ухищрений рассказывается о людях трудового подвига, начинаю я с таких вроде бы даже отвлеченных рассуждений? Потому, что нельзя понять значения конкретного и частного без соотношения его с целым и общим; потому, что свободный

наш труд в социалистическом обществе настолько важное дело, что видеть его необходимо во всех гранях и аспектах — здесь материализуется, становится зримой явью наше будущее, заложенное в нашей марксистско-ленинской идеологии, в программах нашей партии, здесь, в труде, на широчайшем фронте от Кубани до Сибири, от хлопковых полей Узбекистана до КамАЗа и БАМа формируется передовой человек с широким современным миропониманием и новой нравственностью.
При этом особо хочется подчеркнуть, в качестве решающего фактора,— в труде. Наша пресса, наша общественная мысль непрестанно заняты проблемами этики, эстетики, нравственности, морали. Потому ли, что для нас эти проблемы стоят острее, чем, скажем, для капиталистического Запада? Нет, конечно, любому непредубежденному человеку известно, что мы давно ушли из обветшалого мира, где ценность человека выражается в долларах, а богом является прибыль, — мы занимаемся этим потому, что у нас с непрерывным ускорением происходит процесс формирования человека нового типа, с широким миропониманием, с гуманными устремлениями, с богатым духовным комплексом. А организующим началом, фундаментом общего сложного процесса является труд во всех его видах, от умственного до физического, — труд целеустремленный, творческий.
Не даром говорится, что единственная высота, с которой человек виден в настоящем свете, — это его дело.
В этой книге писатели и журналисты рассказывают о людях, которые, каждый в сфере своей деятельности, стали героями девятой пятилетки и сегодня по заслугам носят звание Героя Социалистического Труда. Нет никакой необходимости пересказывать содержание книги — она, как говорится, все скажет о себе сама. Но нельзя не отметить одну присущую ей особенность — чем дольше, страница за страницей, читаешь это повествование о человеческих судьбах и подвиге труда, тем незаметно для себя все больше вступаешь в мир размышлений о человеке, характере, судьбе, о том, что такое жизнь, призвание, счастье. О нем, — о счастье, — говорят охотно и много, особенно в юности, но много ли значат отвлеченные рассуждения? Какой-нибудь молодой человек счастлив оттого, что день погож и пригож, что впереди у него свидание с девушкой, которая нравится. Хорошо? Конечно. Закономерно? Разумеется. Но день кончится, наступит вечер, назавтра может быть ненастная погода, свидание может не иметь продолжения — и что же остается от счастья? Мимолетное оно какое-то в таком виде, мотыльковое. А прочное, пожизненное? Бывает или нет? Да, бывает, но возможно оно только на солидном, долговременном фундаменте, который закладывается жизнью и деятельностью, непрестанным стремлением больше знать и уметь, больше и лучше делать при ясной осознанности цели.
Гульслу Гаязова начала работать с четырнадцати лет. Одни соседи советовали пристроить ее в кулинарное училище — она

хорошо готовила, другие рекомендовали медицинское поприще — она добра, внимательна к людям. А она поехала на строительство Верхне-Тагильской ГРЭС, пять лет работала маляром, нашла свою любовь и вышла замуж за водителя самосвала Мунира Гаязова. Росли дети, требовала внимания семья, но, закончив одну стройку, все, теперь уже целым отрядом, переезжали на другую и снова оказались на родной земле, в Башкирии — там возводилась Кармановская ГРЭС. И вот Гульслу Гаязова — уже Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Башкирии, знаменитый человек, к которому многие обращаются за помощью.

— Счастливая! — говорят о ней.

И верно — счастливая, но счастьем прочным и долгим, созданным горением души, поисками ума, золотыми трудовыми руками. «Талант!» — говорят об артисте, который хорошо сыграл роль героя пьесы. Правильно, заслуженно говорят. Но с не меньшим основанием можно то же самое сказать о человеке, который сделал, сотворил героической собственную жизнь! И это — счастье, не зависящее от перемен погоды и мелких передряг бытия.

«Я счастлива, что принадлежу к славному ленинградскому отряду рабочего класса, — говорит ткачиха, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР Екатерина Яковлевна Демидова. — *Рабочий — это не только почетное звание, это огромная ответственность за сегодняшний и завтрашний день страны, за осуществление планов партии, заданий пятилетки».* Такие слова выслушиваешь с радостным изумлением — какая широта взгляда и мышления, какое высокое осознание политического значения своего труда! Мне немало довелось поездить по белу свету, немало повидать разного и всякого в разных странах, но, честное слово, подобная зрелость общественного мышления сплошь и рядом не по силам даже некоторым западным политическим деятелям, сквозь пышные словесные кружева которых то и дело просвечивает мелкая в карьеристскую крапинку душа и узкий, как у осы, кругозор, тусклый и жалкий в сравнении с действительно государственным кругозором прославленной ткачихи.

Труд творческий, соотнесенный с высокими идеалами социалистического общества, осознанный и целеустремленный, неизбежно приводит и к философским размышлениям. Рабочий «Запорожстали», Герой Социалистического Труда Владимир Александрович Орлов говорит: *«Всякая работа обновляет и облагораживает человека. Но особо влияние любимой работы, которую знаешь в совершенстве и выполняешь с радостью, сообща с товарищами, для всего народа».*

Вдумаешься в эти слова и видишь — это глубокая и совершенно новая нравственная программа, которая могла родиться только при советском образе жизни. Точно так же, как и сам Владимир Орлов, рабочий нового типа — он хорошо разбирается в искусстве, особенно в живописи, размышлял у полотна не только

в Третьяковской галерее, но и в Лувре, бывал на Кипре, в Ливане, в Египте, в Турции.
Несколько иначе, конкретнее применительно ко времени, но столь же глубоко формулирует нравственные принципы тоже Герой Социалистического Труда латыш, мебельщик по профессии, Петр Донатович Вильман: *«Качество труда — это прежде всего показатель чувства долга и ответственности человека»*. Очень важная мысль! Я знавал человека, — кстати, в журналистской практике это не редкость, — который и в письмах, и в личных разговорах раздраженно, даже зло, с требованием «отдать под суд — и все», жаловался на невысокое качество продукции — и холодильник ему попался такой, что барахлит, и газовая зажигалка, притом не из дешевых, зажигается на десятой или пятнадцатой попытке. Надо честно признать — были у него основания для таких жалоб, есть еще у нас люди, которые работают кое-как, по присловью «лишь бы с рук, а с ног хоть собаки ешь». Но когда я поинтересовался им поближе, то оказалось, что сам он в работе равнодушен, норму еле тянет, получал взыскания за брак. Так что же это за мораль, что за нравственность — требовать от людей, чтобы они тебе добром, а ты им в ответ пакостью?
Очень хотелось бы, чтобы в десятой пятилетке спрос с таких людей в любой сфере деятельности был побольше, повзыскательнее, в полном соответствии с пословицей — «что посеешь, то и пожнешь». Прав Петр Донатович Вильман — качество должно стать показателем чувства долга и ответственности человека. Мерой его достоинства, его порядочности как человека и гражданина. И мерой для общественного вознаграждения — безотказно строгой.
Что такое счастье? В его высшем выражении — интересная, полноценно прожитая жизнь. И об этом хорошо и оптимистично говорит Герой Социалистического Труда, рабочий Воронежского шинного завода Николай Григорьевич Богатырев. Работает он на трудной операции сборки большегрузных покрышек, один выполняет две нормы там, где не все вдвоем управлялись прежде с одной, за пятилетку выполнил план двух. Сильный физически, добродушный, с коллективистским характером и постоянной готовностью помочь другим, он говорит: *«У меня каждый год очень интересно прожит. Но я знаю: все еще впереди»*. С досрочным выполнением заданий пятилетки его поздравил в письме, опубликованном в «Правде», Леонид Ильич Брежнев. **«Ваш труд, Николай Григорьевич,** — говорится в этом письме, — **представляет собой замечательный образец рабочей доблести, новаторского отношения к своим обязанностям, пример настойчивой борьбы за осуществление решений XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза».**
Здесь все знаменательно — и уважение к рабочему человеку на высшем партийном и государственном уровне, чего нигде ни в какие времена не бывало, и высокосознательное творческое отношение к труду, увенчанное всенародным признанием

и славой. И всякий, кто серьезно вдумается в глубинное значение этого события, откроет для себя много интересного в существе советского образа жизни и ее развития в направлении коммунистических идеалов. Факты такого рода — надежная основа для умозаключений на перспективу!

В книге рассказано о трудовом подвиге героев девятой пятилетки. С ее выполнением наша страна, народ наш поднялись на новую ступень экономической, технической, духовной мощи, на новый уровень сплоченности во имя общей цели. И это есть самое реальное выражение победоносного продолжения ленинской революции — сила нашего примера в соединении с активной миролюбивой внешней политикой привлекает все более пристальное внимание стран и народов, воздействует на миллионы умов и сердец, становится важнейшим ориентирующим фактором мирового прогресса. Свой животворный вклад в это внесли десятки, сотни миллионов советских людей на полях и в цехах, каждый на своем месте, и бесстрашными разведчиками, ударным авангардом были те, чей труд подвигу равен и как подвиг высокого признания удостоен. Очередной, XXV съезд партии поставит новые задачи коммунистического строительства, еще более крупномасштабные, — фундамент надежен, приращение силы идет непрерывно! — и в нашу жизнь, кипучую, творчески созидательную, придут новые знатные люди, новые герои, пополняя список уже прославленных. Мы еще не видим их лиц и не знаем имен, но слышим их близкий шаг и от всей души приветствуем:

— Здравствуйте, товарищи, люди завтрашнего дня!

НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ

ВПЕРЕД ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ К КОММУНИЗМУ!

Почти тридцать лет я варю сталь. При каждой новой выдаче металла словно видишь, как твой труд вместе с огненным потоком вливается в мощь Советской державы, и от этого испытываешь огромное счастье.

Людей, понимающих счастье именно так, много у нас на заводе.

НИКОЛАЙ РОДИЧЕВ

ОГОНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

ПЕРЕД СМЕНОЙ. В красном уголке цеха над шахматной доской склонились двое. Чубатый краснощекий крепыш в спецовке и его партнер, еще не успевший переодеться, в костюме и кепке, атлетического сложения парень с устой-

чивым загаром на худощавом волевом лице. Это, как после выяснилось, Лев Спиридонов, первый подручный сталевара у печи номер четыре.

Через распахнутую по теплой поре форточку доносился монотонный гул мартенов. Приглушенный звук этот с примесью тяжелых вздохов прокатного стана не мешает соперникам продолжать поединок, но все же напоминает о близящейся смене. Оба шахматиста, сделав очередной ход, взглядывают на часы, висящие на стене.

Чуть пригнувшись над столиком, за игрой внимательно наблюдает человек с чисто выбритым лицом, одетый в зеленоватое поролоновое полупальто, в шляпе.

Вошедший вместе со мной секретарь цехового партбюро Юрий Георгиевич Стрекулистов слегка кивнул в сторону «болельщика», вполголоса сказал мне:

— Вот, знакомьтесь, — Клюев Виктор Владимирович.

Клюев не сразу обернулся на голос. Может, не расслышал, а вернее всего — выжидал, пока Лев Спиридонов переведет своего белого слона с левого фланга в центр.

Забегая несколько вперед, хочется сообщить: позже, в разговоре со мной Клюев на вопрос — почему люди в его бригаде так увлекаются шахматами — ответил: «Вы, конечно, знаете, что однажды сказал о шахматах Анатолий Карпов: «Шахматы вырабатывают в человеке прежде всего уверенность в своих силах, работоспособность». Тогда же Клюев уважительно отозвался о своем первом подручном: «Лев — кандидат в мастера спорта по шахматам».

А сейчас, пользуясь вынужденной паузой, я смотрел на Виктора Владимировича Клюева. Он выглядит моложе своих лет. Чуть удлиненное лицо его сосредоточено; взгляд, устремленный из-под кустистых бровей на шахматную доску, по всему видно, зоркий, меткий; роста он среднего, а в плечах широк.

Наконец, Лев Спиридонов сделал ход, что явно решило партию в его пользу. Клюев слегка сжал ладонью плечо Спиридонова, чуть улыбнулся — и лицо его стало добрым, располагающим. Он встал со стула, повернулся ко мне, подал руку.

Дальнейший наш разговор при этой встрече протекал в рабочей комнате секретаря партийного бюро.

Юрий Георгиевич получил набор плакатов к празднику тридцатилетия Победы над фашистской Германией. Он передает Клюеву плакат с изображением знаменитого военного парада на Красной площади 7 ноября 1945 года, негромко спрашивает:

— Помнишь?

— Помню, — также сдержанно говорит Виктор Владимирович и сам не может отвести глаз от красочного плаката. Кому, как не бывшему фронтовику, оценить все значение этого исторического парада.

Война временно оторвала Клюева от мартеновской печи, но все же он без малого тридцать лет несет почетную вахту сталевара. Теперь она стала для него в самом прямом смысле и героической. Грамоту Президиума Верховного Совета СССР он хранит в алой папке. А внутри белый лист, на котором золотом оттиснуто:

«Герою Социалистического Труда тов. Клюеву Виктору Владимировичу.

За выдающиеся успехи в выполнении принятых на девятую пятилетку социалистических обязательств, достижение высоких показателей в увеличении производства специальных сталей».

Грамота выдана 25 июня 1974 года. День этот навсегда врезался в память Виктора Клюева.

...Неслышно открывается дверь. Это вошел в комнату секретаря цехового партбюро Лев Спиридонов. Первый подручный сталевара уже успел

обрядиться в спецовку. Они трудятся вместе и дружат уже не первый год. В один день с Клюевым получил Лев заслуженную награду — орден Трудового Красного Знамени. Когда Виктор Владимирович по какой-либо уважительной причине отсутствует в цехе, Лев ведет плавку самостоятельно. Но и эту плавку он все равно привычно называет «клюевской», ибо проведена она по всем правилам.

Выразительным взглядом Спиридонов дает понять Виктору Владимировичу, что пора в цех.

Стуча каблуками по металлическим лестницам, они идут к мартеновским печам.

СТАЛЬ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ. В цехе их встретил Михаил Петрович Игнатов — машинист завалочной машины. Щуплый на вид, с острым мальчишеским лицом, он, по словам ветеранов завода, не постарел с тех пор, как вместе с Клюевым смотрел парад Победы. Да и вообще Михаил Петрович — живой пример верности в дружбе. Тридцать лет он в одной цехе и в одной смене с Виктором Клюевым.

Идет плавка

Война разлучила было их, а Победа опять соединила.

Потрепав по плечу Игнатова, Клюев тут же деловито распорядился:

— Миша, дай «середку»!

В грохоте рвущегося из мартена огня можно и не разобрать слов бригадира или опоздать с выполнением команды. Но Игнатов не таков, чтобы не понять друга юности. Следует только подивиться сноровке машиниста. Вот он круто, даже немного артистично развернул на месте агрегат, вставил хобот машины в зажим мульды, снова развернулся с грузом и уверенно, соблюдая осторожность, отправил в огненную пасть среднего окна печи очередную порцию шихты.

Виктор Владимирович прибавляет огня, окидывает взглядом подручных — те быстро взялись за лопаты: готовят ферросплавы, раскислители, размещают поближе к завалочному окну мартена, да так, чтобы не захламить площадку. Скоро начнется расплав, а там не оглянешься—и выпуск. Раз, другой сталевар берется за длинную и тяжелую металлическую пику, чтобы стронуть что-то в огне, подправить. В эти минуты Виктор Владимирович похож на тех многих сталеваров, которых мы видим на иллюстрациях в журналах, — с длинной, вверху кольцеобразной железной пикой в руках. Вспоминаются вычитанные в заводской газете слова знаменитого сталевара из Электростали Василия Дмитриевича Постникова, их помнит Клюев и любит повторять: «Слабому у печи делать нечего. Сколько раз за смену приходится брать в руки тяжелую трехметровую пику... Сталевар не может стать ни лодырем, ни пьяницей».

Гордые слова человека гордой рабочей профессии!

Лев Спиридонов обеспечивает «тылы» печи. От него тоже многое зависит. Чуть не так — Клюев сразу уловит какое-либо нарушение в режиме плавки и уже не утерпит, покинет свой пульт, явится на место «происшествия». А это уже нежелательно. Старается Лев, поторапливает ближайшего помощника своего, Виктора Лукьянова, который в свою очередь бережет время первого подручного. Иногда достаточно взгляда, взмаха руки в брезентовой рукавице — и вот они уже оба, первый подручный и второй, схватились за лопаты, добавляют в шихту необходимые смеси... Перекинутся двумя-тремя словами, опершись на те же лопаты, понаблюдают за огнем, старший посоветует младшему взять что-либо на примету. Здесь, в бригаде, учеба в процессе труда — это в своем роде сталеварочная академия. Благо есть к кому по ходу дела обратиться за разъяснением самых трудных вопросов.

— Что там у нас сегодня? — больше для вида спрашивает Виктор Владимирович у подошедшего Спиридонова. Первый подручный с некоторым недоумением смотрит в лицо сталевара: что это — проверка? И отвечает коротко, без запинки:

— «10 Г2»! Все в порядке.

Название марки стали звучит как пароль. Это «10 Г2» вслух или про себя будет не однажды за смену повторено каждым из бригады, пока лаборатория на исходе расплава не подтвердит точными данными анализа, что отклонений не допущено.

Привычно и вместе с тем все еще сравнительно ново для Клюева звучат технические наименования специальных сталей: «АРМКО», «12 ГС», «16 ХСН»... Все это — сталь девятой пятилетки... Вот из динамика раздается бодрый девичий голос лаборантки. В нем слышатся нотки торжества и одновременно предупреждения в смысле «так держать»: «Углерод — ноль ноль семь, марганец — ноль двадцать один, сера — ноль двадцать пять». Это все в тысячных долях процента. Эти пропорции должны быть не только со-

блюдены в процессе плавки, но и закреплены в самом ответственном акте — при выпуске готового металла. Замешкайся, потеряй бдительность Лев Спиридонов на минуту-две, и может оказаться под угрозой качество стали — потеряны тысячные доли углерода. А без него и сталь иная. Но мастеру шахмат Льву Спиридонову не пристало попадать в цейтнот: метким ударом он раскупоривает клокочущий в истоме готовый металл. Чистейшей белизны огненный родник струится по желобу в ковш... Ждут его на заводах, в цехах, в конструкторских бюро. Ждут люди и машины.

КАК ЗВОНКАЯ СТРОКА В ПЕСНЕ. На вопрос, как складывалась для бригады девятая пятилетка, Виктор Владимирович отвечает неторопливо, прикидывая, не упустить бы чего:

— Поначалу обдумывали социалистические обязательства, советовались... Не только мы, другие занимались тем же. На «Серпе и молоте» издавна ценят на вес золота рабочее слово. В случае необходимости у нас есть с кем посоветоваться: Анатолий Никитович Шиманов, Виктор Павлович Зверев, Иван Иванович Федин, Виктор Иванович Герасимов... — каждый из них мастер своего дела. И подручные у них — парни один к одному... Мы в бригаде определили так: взять надбавки к плану по 250 тонн в год, чтобы девятая пятилетка оказалась короче. У отцов наших так было во время первых пятилеток: «5 в 4»! По-рабочему сказано.

Виктор Владимирович, как о живом существе, говорит о своей печи.

— И в прежние годы мы не однажды взбадривали нашу «старушку». Своды укрепляли, поправляли кое-что в поде. В свое время вместе с начальником смены Акинфиевым решили укоротить форсунки. Вгляделись и сообразили: если пламя будет более равномерно рассеиваться по печи, то коечто выгадаем во времени плавки. Удалось, да еще как!.. При выработке обязательств на новую пятилетку тоже задумались: откуда взять резервы? Решили так: печь наша вроде бы морально устарела, вряд ли что в ней изменишь к лучшему. Надо искать резервы в самих себе, в людях. Опыт в любом деле приходит с годами. Значит, используй свой опыт, да и опыт других... Делали подробные разборы самых удачных плавок, словно выигранные сражения разбирали. Смену сдаешь — все товарищам расскажешь, где прибыток накопили, в чем потеряли. Принимаешь смену — опять тот же разговор. Сменщики в свою очередь тебе подсказывают, предупреждают о чем-либо важном.

Виктор Владимирович, говоря о поисках, по скромности что ли, «забывает» (но другие в цехе помнят) свой собственный эксперимент, получивший безоговорочное «добро» от того же опытнейшего начальника смены Акинфиева, — добавлять распыленный марганец и кремний в струю жидкого металла при выпуске его в ковш. В результате этого устранялся брак при разливке металла. Все слитки до последнего получались высокого качества. А прежде были при разливке отходы, но с этим мирились как с непоборимым злом. Пришел конец и этим не обязательным потерям.

Девятая пятилетка для бригады Клюева ознаменовалась новшеством — плавки по заказу. Сталь только заданной марки, только та, которую ждет потребитель сегодня, сейчас!

Чаще всего заказчиками являются столичные машиностроители. Уже одно это еще больше повышает ответственность сталеваров.

В. Клюев никогда не забывает и о другом, столь же значительном.

— Качество стали — это сейчас главное для нас. Но ведь и без подсчетов каждой тонны ни одна плавка еще не проходила и не будет проходить.

Да, было совсем не просто из печи, рассчитанной на выдачу 75 тонн металла, получить 80 полноценных тонн. И сделать это нужно было так, чтобы ни печь, ни тем более люди у печи не почувствовали на себе излишнего напряжения, чтобы ударная работа радовала, не мстила после издержками. Но и останавливаться на освоенных рубежах на «Серпе и молоте» уже не могли. Ко многому обязывала слава лучших, еще больше — свое же слово: выполнить пятилетку досрочно!

И вот в горячем ударном труде както незаметно для всех подошел тот день, когда по заводскому радио после выдачи очередной скоростной плавки объявили: обещанные 250 сверхплановых тонн поступили в ковш! С трудовой победой вас, бригада Клюева!

— То был хороший солнечный день, — продолжает вспоминать Виктор Владимирович. — Самый канун Первомая... Принятые обязательства наша бригада выполнила за три года и четыре месяца. Первыми пришли к печи поздравить товарищи по цеху. Приятно... Затем и указ вышел о награждении всех членов бригады.

Виктор Владимирович почему-то не упоминает о том, что до конца этого памятного, определяющего года пятилетки бригада дала еще пятьдесят тонн сверх задания. А всего за пятилетку клюевцы положили в стальную «копилку» страны более тысячи сверхплановых тонн. Причем не уступили ни в одном пункте обязательств, где речь шла о качестве. Осваивались новые марки стали, которых прежде не знали на «Серпе и молоте»: «АРМКО», «16 ХСН», «10 Г2». Были и другие, специальные марки стали. Они тоже требовали труда, смекалки и терпения, когда дело почему-либо не ладилось. Нет, не легкими победами славен путь трудового человека.

СТУПЕНИ ВОСХОЖДЕНИЯ. У каждого мастера найдутся в жизни свои ступени восхождения. Для Виктора Клюева такими вехами были встречи со старшими товарищами, определившими его судьбу. Когда паренек Витя Клюев в бытность учеником ремесленного засомневался в своем призвании, к нему пришел поговорить по душам мастер производственного обучения Василий Георгиевич Домакеев. Затем, уже после службы в армии, его взял под свою опеку опытнейший сталевар Василий Грудков. Завершал Клюев цеховую академию сталеварения у своего рода «маршала» огня, лучшего сталевара страны Филиппа Ивановича Свешникова. Наконец, поездки по стране, когда собственное накопленное мастерство сверялось с умением других, подчас младших по возрасту, как волгоградский коллега Александр Николаевич Поздняков. Каждый из новых знакомых — собратьев по выплавке металла шел к высокому классу работы своими путями.

Одна из клюевских вех на пути к мастерству — это участие в плавке 100-миллионной тонны стали. Об этой долгожданной не только для Клюева, для всего завода и страны в целом плавке напоминает небольшая отливка шириной в две сталеварских ладони. Находится она тут же, в цехе, неподалеку от места события:

«24 декабря 1967 года на мартеновской печи № 4 бригадой сталеваров в составе В. В. Клюева, А. И. Белозерова, В. В. Нилова, А. А. Бадулина, Д. Ласо, В. В. Вавилова проведена завершающая плавка в счет производства 100 000 000 тонн стали».

Как звонкую строку из хорошей песни, не выбросить этого окрыляющего факта из сталеварской биографии В. В. Клюева.

«ЧЕТВЕРТАЯ СМЕНА». Живут Клюевы на Лефортовском валу. Дом их шумный, кругом многолюдье: слева — вечерний металлургический ин-

ститут, справа — техникум того же профиля, неподалеку ГПТУ, прежнее ремесленное, где Виктор Владимирович теперь уже совсем свой человек. Если ветерок потянет со стороны завода, улавливается дыхание мартенов. Старожилы привыкли к такому соседству — не где-нибудь живут, на Заставе Ильича. Известный каждому москвичу заводской район.

«Отец мой — рабочий. Умер он рано, а ребят в семье осталось восемь человек. Матери одной пришлось растить нас. Я, как старший, закончив пять классов, пошел работать. Надо было помогать матери. Начинал с азов: третьим подручным, вторым, первым...» Это из воспоминаний Виктора Владимировича об отлетевшем прошлом. Немалыми стараниями матери Варвары Ивановны и старшего ее сына Виктора меньших ребят подняли на ноги, вошли в полнолетие и сестры.

Ныне Клюевы привыкли к частым гостям. Сталевары — народ шумный, артельный. Спаял их души огонь. Другой раз и нет вроде особой надобности у человека — все равно заглянет. Знают люди: в клюевском доме не рассердятся, что пришел незваным. Здесь всегда что-нибудь новое услышишь, да и вообще к тебе отнесутся внимательно. Виктор Владимирович — распахнутая душа, хлебосольный рязанский характер. И супруга Анна Григорьевна подстать ему. Работа у нее напряженная — экономист. Привыкли Клюевы к тому, что они сильные, опора другим. Бывает самим трудновато, но Виктор Клюев шуткой ободряет жену: «Мы же с тобою — герои!»...

Чаще сталевары заходят гурьбой, все больше — свои. Брат Владимир Владимирович, племянник Аркадий, сын Юрий, недавно вернувшийся из армии. Сойдутся и пошли разговоры все о том же: о повадках третьей или четвертой печей, о том, как сложилась плавка вчера, совсем не похожая на

Огненный родник

ту, что неделю назад... Анна Григорьевна, готовя обед, называет такие сборы «Четвертой сменой».

Порой так разойдутся в спорах мужики, про еду забывают. И уже не терпится спорщикам — поскорее в цех, чтобы проверить на деле, кто же оказался прав. Сын Юрий норовит не последним вставить свое слово — в одной смене с отцом работает. Покамест — третьим и вторым подручным, да ведь и отец с азов начинал.

Иной раз гости доймут Виктора Владимировича расспросами: «Как съездилось в Макеевку? Что интересного видел у тамошних сталеваров?» И про заграницу им расскажи. Побывал знатный сталевар страны с рабочей делегацией в Польше, в Венгрии, ГДР...

Немало вынес отрадных впечатлений, когда встречался с коллегами по профессии, металлургами. Но не всегда как сталевару приходилось выступать Клюеву. Не очень охотно вспоминает Виктор Владимирович об одном случае в Риме: когда был избран депутатом Верховного Совета СССР, выступал здесь на сессии межпарламентского союза делегаций. Корреспондент какой-то газеты назойливо подступал с расспросами: «Что вы умеете делать как сталевар — это мы слыхали, а вот как депутат парламента?» Назвал

Клюев несколько полезных дел, начатых и завершенных в заводском районе при его депутатском участии. Опешил корреспондент, не поверил. Пришлось разъяснять более подробно и ему и другим с трибуны симпозиума.

А сделал сталевар-депутат немало. По его настоянию построены в районе две новые средние школы, открыто достаточно детсадов и яслей в прилегающих к заводу микрорайонах, благоустроен парк и поставлен в нем памятник В. И. Ленину... Только в Калининском районе столицы Виктор Владимирович за время своего депутатства принял по личным вопросам одну тысячу восемьдесят граждан! Избиратели устроили овацию своему депутату, когда он отчитывался перед новыми выборами.

В квартире Клюевых частенько звучат стихи... Сюда запросто, иногда с друзьями — молодыми литераторами, приходит давний друг серповцев — поэт Александр Филатов. Не одно десятилетие Александр Федорович руководит литературной студией при заводе. Это А. Филатову принадлежат

Сталь девятой пятилетки

В ожидании...

крылатые слова, которые при случае повторяют рабочие завода: «Мы у Заставы Ильича живем по-Ильичу!»

КЛЮЕВ ОСТАЕТСЯ В СТРОЮ. Это всегда, наверное, грустно — расставаться с чем-то дорогим, к чему вели все дороги жизни, мечты. Вот, кажется, и сбылись лучшие задумки юношеских лет: достиг Клюев выдающихся показателей в сталеварении, стал вровень с известными мастерами этого дела в стране. Как порадовались бы за него Домакеев, Грудков, Свешников — те, кто благословили юного Клюева на огневое дело, и те, кто бережно, год за годом передавали ему свой драгоценный опыт...

Однако и жизнь все эти годы не стояла на месте. О прославленном сталеваре не скажешь, что постарел, а вот работавшие долгие годы мартеновские печи «Серпа и молота», кажется, отслужили свое. Кварталы новых жилых массивов со всех сторон все теснее обступают корпуса «Серпа и молота».

Что же, перенести завод? Нет, нужно изменить его облик и в какой-то мере профиль производства, сделать соседство завода с новыми кварталами не мешающим обновлению столицы. Должны исчезнуть дымящиеся трубы, а вместо мартенов станут в ряд бесшумные и бездымные электроплавильные агрегаты — таковы планы реконструкции Заставы Ильича.

— От стали не уйду! — заявил друзьям по цеху Виктор Владимирович Клюев. — Стране нужен металл, значит, нужны и мы, опытные металлурги.

И правда: человек, отдавший себя дружбе с огнем и металлом, пока есть силы, не изменит своей привязанности к любимому делу.

...Вот приближаются в строю к проходным воротам «Серпа и молота» учащиеся ГПТУ. Один из подростков спрашивает мастера:

— А знаменитого сталевара Героя Социалистического Труда Виктора Владимировича Клюева мы увидим на заводе?

Мастер отвечает с улыбкой:

— Еще не один раз!.. Учитесь у него, пока есть возможность.

Мы подошли к непосредственному участию всего рабочего коллектива в учете всех издержек производства, в строжайшем контроле за ними, в целенаправленных поисках дополнительных источников экономии.

АНДРЕЙ БЛИНОВ

УРОК В ЗЕЛЕНОГРАДЕ

На северо-запад от столицы, подступая новыми домами к Ленинградскому шоссе, среди зелени лесов вырос новый город — Зеленоград, спутник Москвы. Приют ему дала священная Подмосковная земля, где в трудную осень сорок

первого проходил оборонительный рубеж столицы. Отсюда, из братской могилы близ Крюкова, был взят прах Неизвестного солдата и с воинскими почестями захоронен у Кремлевской стены.

Среди строителей Зеленограда в девятой пятилетке прославилась комплексная бригада Николая Злобина. Она впервые применила новую форму хозяйствования в строительстве — бригадный подряд.

* * *

Незадолго до Первомайских праздников Николай Анатольевич уехал в дом отдыха. Дела в бригаде шли неплохо.

Уезжал из Москвы, когда городские рощи и скверы опушились зеленью. Если так пойдет, то, вернувшись, он уже не застанет цветущей сирени.

...Цветение сирени Злобин еще застал — его отозвали из отпуска, и в Зеленоград он вернулся до времени. Однако он не огорчался. Да, пожалуй, вот по этой атмосфере, какая сложилась в строительном управлении и в бригаде, он скучал там, на отдыхе.

Отозвали его потому, что к нам в страну прибыла болгарская делегация, которая намеревалась ознакомиться с опытом применения бригадного подряда в строительстве.

На другой день после приезда Злобин встретился с болгарскими товарищами. Веселые и общительные, они своим появлением сразу же вызывали высокий эмоциональный настрой. Злобину нравилось в людях это качество, и он, обычно трудно входящий в роль рассказчика и неохотно отвечающий на расспросы о себе, увлекся и оказался хорошим собеседником.

* * *

— Как все началось?

...Было это пять лет назад, в апреле семидесятого. Тогдашний начальник Зеленоградстроя С. Т. Дементьев вспоминает, что попытки сделать хозяйственный расчет более действенным предпринимались в Зеленограде и раньше. К сожалению, успеха они не имели. И вот возникла идея бригадного подряда. К началу семидесятого года была завершена разработка основных его положений. Поначалу решено было перевести на подряд одну бригаду.

Для эксперимента был выбран четырнадцатиэтажный кирпичный корпус № 915, где к апрелю заканчивалось сооружение фундамента. Дом этот возводило сто одиннадцатое строительное управление.

— Нужен особый бригадир, — сказал С. Т. Дементьев начальнику стройуправления В. Г. Локшину.

— Бригадиры у нас — народ крепкий. Подберем.

Проведение эксперимента возглавил бригадир комплексной бригады Н. А. Злобин.

Николай Анатольевич — отличный каменщик, к 1970 году имел десятилетний опыт руководства бригадой. Право стать зачинателем нового движения, провести первый эксперимент Н. А. Злобин завоевал благодаря личным качествам. Он трудолюбив, скромен, внимателен к людям, требователен, умеет работать с народом, хорошо чувствует новое, объективен в оценке работы бригады.

В. Г. Локшин заранее ознакомил Н. А. Злобина с новой системой организации работы бригады, и он сразу же уверовал в подряд, в его силу и большое будущее. И теперь, когда речь зашла об этом эксперименте, у Николая Анатольевича не было двух мнений.

— Я — готов!

Но подряд — дело не одного бригадира, а каждого члена бригады. Так что решать ей. Было в этом начинании что-то такое, что казалось непри-

вычно смелым, даже рискованным. И на самом деле — строить бригадой целый дом! Непривычно взять на себя всю ответственность за материалы. Строить и сдавать объект и подставлять голову за отделочников, электриков, сантехников? Считай, только четыре пятых всех окон приходится заново стеклить. Кто только их не бьет! И при перевозке, и при установке рам... А потом работа субподрядных организаций... За всех отвечать?.. А сколько кирпича пропадает, раствора! А сколько потом доделок будет, и все это за свой счет? Сдавать Госкомиссии, потом ЖЭКу под заселение...

После обсуждения на собрании рабочие поняли и приняли начинание. Но тут голосованием не решишь. Каждый добровольно принимал на себя обязательство отвечать за все. Лично принимал, значит надо, чтобы убедились все, каждый.

И опять вопрос: допустим, мы возьмемся, будем отвечать. Перед бригадой кто ответит? — За проекты. За поставки строительных материалов. За выделение техники.

— Строительное управление. На основе договора. Как заказчик. А бригада выступает в роли генподрядчика. Двусторонние обязательства. Двусторонняя материальная и моральная ответственность, — объяснил Локшин. — Что же, если у бригады не получится, заработок будет прежний. Запишем, что эксперимент не удался. Но разве вы это допустите?

Зарплата, как и у всех, каждый месяц по промежуточному расчету, исходя из объема сделанной работы. Окончательный расчет по аккордному заданию — после сдачи объекта. Главное тут — премии за сокращение нормативного времени, за качество, за ввод объекта, за снижение стоимости строительства, за хорошее использование механизмов. Премии теперь будут более ощутимыми — не каждый месяц, а за сдачу объекта.

Итак, эксперимент начался. Первый договор был подписан.

Пять лет назад, апрельским утром бригада вышла на объект уже в новом качестве. Еще не все в бригаде понимали тогда, что по экономическим, социальным и нравственным проблемам, которые решались в зеленоградском эксперименте, это будет одно из крупных начинаний в строительстве за последние годы.

* * *

Злобин считает, что жизнь его не богата событиями.

Когда началась война, ему было десять. Жил в деревне. С подростковых лет — трудная крестьянская работа. Да, это было со всеми из его поколения! Почти со всеми... Как и все, служил положенное время в армии. Как и многие, демобилизовавшись, уехал с путевкой комсомола на стройку. В Сибирь! Прошел там первый строительный «университет» и получил специальность каменщика. Вряд ли думал, что это и будет его трудовой привязкой к жизни.

Злобин не видится мне вне профессии строителя. Может быть, эта моя уверенность ошибочна? Думаю, что нет.

Для меня строитель, который оставляет на лице земли свои добрые отметины, счастливый человек. Может быть, никто другой не ощущает так наглядно преобразующую силу своего труда, как строитель.

Злобин принимал участие в строительстве школы в Волгограде; в Сходне, под Москвой — мебельного комбината. И вот он в Зеленограде. Это сейчас Зеленоград выглядит современным городом — с широкими проспектами, улицами и площадями, город-друг, город-парк, удобный для жизни и отдыха. А тогда были поднятые бульдозерами терриконы красной вязкой глины, первые колышки, первые

дома. Тогда он не мог подозревать, что в апреле семидесятого начнет в этом городе ставший потом широко известным зеленоградский эксперимент, или, как его еще можно назвать, урок.

Аккордное наряд-задание определяло сроки выполнения всех операций и заработную плату не только за основные, но и за вспомогательные работы. Никаких дополнительных нарядов! Каждый увидел, что получит только за то, что сделал. Увидел также, что разбитый кирпич, выбитое стекло, выброшенный ящик раствора — это не чьи-нибудь, а его, лично его, потому что больше никто не даст, а только в счет своего же заработка. Удлинение срока строительства тоже влияло на заработную плату. А если дом не будет сдан в срок, то система подряда автоматически на этом и кончается.

Вот тут сразу и проявилась сущность подряда — коллективная деятельность бригады. Работа шла в три смены. На каждую заранее устанавливались объемы и виды работ. Время! Вдруг обнаружилась цена каждой минуты. Раньше иные ждали «пустого часа»: покурить, перебросить-ся новостями. А тут вдруг заметили, что на верхние этажи кран не успевает подать кирпич и раствор. Простои! Кран подавал два ящика раствора за подъем. Мало! Придумали бункер-дозатор — стали почти по два куба раствора подавать на этажи и там разливать по ящикам. Теперь каменщики всегда были обеспечены. И вообще стали лучше использовать технику. Кран поднимал не два поддона кирпича, а четыре, не одну плиту перекрытия, а — три. Бригада и раньше была комплексной, где строители, владея разными профессиями, при необходимости заменяли друг друга. Теперь же взаимозаменяемость потребовалась каждодневно. Плотник, к слову, кончив свое дело, не уходил с объекта, а заделывал швы в перекрытиях или конопатил оконные коробки. Монтажник, ожидая очередную плиту, не сидел сложа руки, а работал вместе со сварщиком. Часто бригадир, оказавшись рядом, скажем, с такелажником, приходил ему на помощь. Возникла необходимость овладения новыми профессиями, и членов бригады теперь нередко видели на учебном комбинате Зеленоградстроя.

...До сего времени помнят в бригаде фотографию рабочего дня на строительстве второго дома подрядным способом. Время основной и вспомогательной работы составило 94,5 процента, подготовительно-заключительных операций — 1 процент, отдых — 4,4 процента. Таким образом, потери времени составили всего 0,1 процента. Сравним, в среднем по Главмосстрою (а это передовая строительная организация в стране) потери рабочего времени составляли в те годы 8 процентов.

День за днем, и надо сказать без больших административных усилий, формировался в бригаде характер рабочего — рачительного, экономного хозяина. Это проявилось уже с первого шага: переходя на новый объект, захватили с собой дорожные плиты, подкрановый балласт (песок), даже ограду. Все это пригодилось и снизило накладные расходы, важный источник бригадной экономии. Раньше, например, терпели, видя, как прерывается подача материалов на этажи при разгрузке транспорта. Оказалось более выгодным на разгрузку машин поставить автокран. До сих пор никому не приходило в голову замерять поступающий раствор. Водитель привезет, сольет, получит расписку в накладной — и был таков. А тут вдруг решили замерить. И что же? На несколько десятков килограммов меньше, чем значилось в накладной! Однажды поступила столярка нестандартных размеров.

В поисках решения

В прежние времена приняли бы, брак пошел бы в дело. Не каждый вспомнил бы, что стоимость работ от этого резко повысится. А тут — нет! Доставляйте новые изделия или на десять процентов снижайте стоимость бракованных. Поставщикам пришлось принять это требование бригады Н. А. Злобина.

А позднее, когда бригада перешла на монтаж блочных многоэтажных домов, случилось нечто невероятное. Обнаружили — для монтажа типового дома, не первый год находящегося в производстве и не в одном городе, доставляется тринадцать лишних перегородок. Где, кто ошибочно заложил их в проект, так и не удалось узнать. Зато дом подешевел на величину стоимости этих тринадцати перегородок. То же самое случилось с ограждениями лоджий.

Теперь вспомним о битых стеклах, которые поначалу так волновали коекого из бригады. За ними был установлен строгий контроль — от начала следования на объект до сдачи дома.

При строительстве первого дома было разбито всего лишь несколько стекол. Во втором — все стекла остались целыми.

Первый дом строили 155 дней вместо 235 по плану.

Второй такой же кирпичный четырнадцатиэтажный дом был построен за 81 день вместо 235 дней по нормативам.

Драгоценные руки рабочих, их мастерство, опыт, способность людей строить больше и лучше использовались теперь куда эффективнее, чем раньше.

Эксперимент удался!

* * *

В семьдесят первом году Николаю Анатольевичу Злобину присвоили звание Героя Социалистического Труда. Вскоре были награждены орденами и медалями тридцать восемь членов его бригады. Заместитель бригадира Николай Афонин и звеньевой Михаил Семеньков удостоены орденов Ленина.

Волнуясь, Злобин говорил собравшимся поздравить его товарищам по бригаде:

— В общем-то эта ваша награда. Какой может быть спор? — остановил он чье-то просившееся возражение. — Работали вместе, радовались и мучились. Понятно, через кого-то надо отметить коллектив, оценить работу. Сделали это через меня...

Кирпичные дома вскоре сняли с производства. Взамен поставили на поток четырнадцатиэтажные крупно-

блочные дома. Надо было переучиваться, овладевать профессией монтажника. Дело облегчалось тем, что в бригаде Злобина рабочие уже владели не одной профессией. Это и пригодилось сейчас при возведении новых домов. И не только для выполнения своего прямого дела — монтажа стен, перекрытий, маршей. Широкий строительный кругозор потребовался для установления нормальных взаимоотношений с субподрядчиками, в роли которых перед бригадой выступали отделочники, электрики, сантехники. Конечно, им требовалось вовремя обеспечить фронт работ, сдать этаж, полностью готовый под отделку. Не сразу удалось наладить работу по совмещенным графикам, и все же злобинцы добились: смежники шли за ними, что называется, по пятам. Заканчивая монтаж, скажем, восьмого этажа, на четыре уже давали тепло — работайте, субподрядчики, даже в самую студеную пору. Так, поэтажно и поднимались ввысь.

Бригаду и сейчас заботит работа субподрядчиков. Еще бы! Число их постоянно растет. Работают они по нескольким потокам, не так-то просто стыковать эти потоки. Субподрядчики пока что на новую систему хозрасчета не перешли — подводит материально-техническое снабжение.

* * *

Николай Анатольевич Злобин — член Зеленоградского райкома партии, депутат Моссовета, высоко несет звание члена партии.

В предпоследнем году пятилетки бригада добилась высокой производительности труда: на каждого рабочего выработка составила 31 776 рублей. Это на 7000 больше, чем в обычной хорошей бригаде. Сверхплановая прибыль составила более 30 тысяч. Среднедневной заработок со всеми видами премий выразился в 11 рублях 74 копейках. В бригадах, не перешедших на подряд, заработок колеблется от 7 до 8 рублей в день. Рубли, копейки...

Злобина иногда спрашивают: а что — только это движитель подряда?

— И это! — отвечает Николай Анатольевич. — В условиях хозяйственной реформы моральные стимулы приобрели новые качества. Это ведь не только доска Почета, статья в газете, похвала на собрании, что тоже важно и широко у нас применяется. Главный моральный стимул — высокое доверие. Бригаде доверяют строить государственный дом, стоящий многие тысячи рублей. Бригада заключает двусторонний договор. Она — генеральный подрядчик. Сама ведет работы, сама сдает дом госкомиссии и ЖЭКу. Стимул? Да еще какой! Он вызывает ответную реакцию: работать — и работать хорошо. Люди в бригаде стали как будто другими. Какое достоинство у них теперь, какая культура. Обстановка труда с полной отдачей сил... Как она преображает душу человека.

Новую атмосферу труда чувствуют не только кадровики, прошедшие опыт подрядной работы, но и молодежь. Новички уже, что называется, обжили бригадный дом и чувствуют себя в нем вполне уверенно. К слову, Евгений Жарков, Дмитрий Беспалов окончили курсы монтажников, Николай Вдовенков — каменщиков. В бригаде над ними взяли шефство опытные мастера Афонин, Миляев, Нипейвода, Дроздов и другие. Крепкую подготовку получили молодые рабочие. Хорошо!

Активно работает в бригаде партийная группа, возглавляемая Николаем Кирилловым. Коммунисты постоянно контролируют качество работ, своевременное поэтажное обеспечение бригады деталями и материалами. Большая заслуга партийной группы — высокая трудовая дисциплина всей бригады.

Расти, дом!

Когда Злобин рассказывал о работе своей бригады болгарским товарищам, строителям Узбекистана, Грузии, как наглядное пособие по соседству были три корпуса на разных этапах строительного потока. Первый из них, шестнадцатиэтажный, заселен. Второй корпус — № 909 — сдан под отделку. Там трудятся смежники. Часть бригады ушла на новый объект, другие еще остались на прежнем. Корпус этот строился трудно. Да, пожалуй, не вспомнить хотя бы один, который «шел» без сучка, без задоринки. На 909-м не получили вовремя стеновые блоки — на заводе случилась авария. Начальник стройуправления Георгий Молодчинин, главный инженер Эдуард Евсейчик, старший прораб Петр Семенко, Николай Злобин со своим заместителем Николаем Афониным сидели в прорабской, молчали. Срыв графика казался неизбежным.

— Будем монтировать выборочно, — уронил в тишину Злобин и взглянул на Афонина. Тот кивнул в знак согласия.

— Это как же выборочно? — удивился Семенко. — А техника безопасности? А качество? — старший прораб строго следил за этим. Он обеспечивал четкую инженерную подготовку объекта.

— Технику безопасности продумать. Всем вместе! Строго! — сказал Георгий Молодчинин. — Будет лишняя работа, вижу, но время нам дороже.

Корпус монтировали выборочно. На месте недостающих блоков оставляли зияющие проемы. Так и вышли из положения. Злобин с благодарностью думал о начальнике строительного управления и главном инженере, о старшем прорабе и мастере. Все они, молодые инженерно-технические работники, хотя и не стояли у истоков бригадного подряда, стали его энтузиастами.

А как трудно начиналась работа на корпусе № 928. Смежники запоздали с подготовкой нулевого цикла. Зимой не начали, а весной на месте будущего дома обнаружилось болото, о котором никто и не подозревал. Какой объем земляных работ пришлось выполнить! Хорошо, что управление в помощь смежникам выделило свою бригаду, и они вовремя справились. Начали монтаж корпуса, а детали не в комплекте. Когда Злобин вернулся из отпуска, он ожидал увидеть законченными уже три этажа. Но монтажники завершали лишь второй. Завод железобетонных изделий нарушал графики поставки деталей многих наименований. Подряд должен захва-

тить и примыкающие к строителям смежные отрасли и службы, прежде всего планирующие и проектные организации, заводы строительных материалов, систему комплектации. Проблемы эти еще далеко не решены. Обсуждению их было посвящено недавно состоявшееся Всероссийское совещание.

Доклад о дальнейшем совершенствовании бригадного хозяйственного расчета на объектах строительства России сделал С. Т. Дементьев, стоявший у начала бригадного подряда.

Если не все, то почти все бригады Зеленоградстроя способны вслед за Злобиным перейти на бригадный подряд. Некоторые из них уже имеют опыт.

Отличные результаты показала на подряде комплексная бригада Зеленоградстроя, руководимая А. А. Клыгой. Она сократила сроки возведения корпусов по сравнению с графиком на 92 дня. Выработка на одного рабочего возросла против плана на 25 процентов. Но как может навредить делу недостаточная подготовка объекта!

В 1974 году комплексная бригада А. А. Клыги по бригадному подряду смонтировала пятиэтажный шестисекционный дом за три месяца вместо шести по плану. Но потом дом простоял год — заказчик не поставил электрооборудование.

Бригада И. М. Дермидошина, перейдя на подряд, возвела корпус за 140 дней вместо 250 по плану. Строители дали 33 тысячи рублей сверхплановой прибыли. Снизили себестоимость строительно-монтажных работ на 9 тысяч. Недавно Дермидошину исполнилось пятьдесят лет. В этот день ему вручили ордер на новую квартиру. За хорошую работу!

Специалисты подсчитали, 60—70 процентов всех строительных бригад страны уже сегодня готовы начать работать по методу Злобина.

В строительстве развернулось соревнование подрядных бригад трех Героев Социалистического Труда — Николая Злобина из Москвы, Ивана Шевцова из Ленинграда, Владислава Серикова из Мурманска. В январе 1974 года ЦК КПСС в своем приветствии поздравил коллективы трех бригад, успешно выполнивших свои обязательства. Это вызвало высокий трудовой подъем среди пионеров нового движения, и они в трудовом рапорте Центральному Комитету партии наметили новые рубежи. О выполнении их Злобину посчастливилось докладывать на Сессии Верховного Совета СССР в Кремле.

За успехи, достигнутые в третьем году пятилетки, Николая Злобина наградили орденом Трудового Красного Знамени. Вручили ему награду, по счастливому стечению обстоятельств, в апреле, в годовщину начала бригадного подряда. В том же месяце трудящиеся Тушинского и Зеленоградского районов столицы выдвинули его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Волнующие встречи с трудящимися... День выборов... И вот первая Сессия вновь избранной высшей государственной власти, собравшаяся в декабре 1974 года.

— Могу с гордостью доложить, — говорил Н. А. Злобин на сессии, — что мы уже выполнили свои повышенные обязательства, которые принимали в ответ на Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу. 1 ноября наша бригада завершила пятилетнее задание. В целом сроки строительства объектов сокращены на 900 дней, достигнута большая экономия материальных ресурсов при высоком качестве работ. Задание по увеличению выработки превышено почти в два раза.

Депутата Н. А. Злобина волнуют важные государственные проблемы: неотлаженность взаимодействия меж-

ду всеми участками строительного конвейера как следствие отставания проектирования и промышленности строительных материалов, а также недостаточной оперативности планирующих органов и распыления средств на капитальное строительство. Речь его была убедительной, подкрепленной личными наблюдениями.

Сессия избрала депутата Н. А. Злобина членом Президиума Верховного Совета СССР.

И еще одно знаменательное событие в жизни Николая Анатольевича Злобина: в 1975 году ему присуждена Государственная премия СССР за выдающиеся достижения в труде на основе внедрения эффективных форм хозяйствования.

* * *

Думаю о Николае Злобине, о Николае Афонине, Александре Дроздове, Василии Нипейвода, Михаиле Семенькове, о других членах бригады. На строительной площадке — они рабочие. За чтением листов проекта — инженеры. В выборе оптимальных вариантов организации строительного потока — экономисты. О них в управлении говорят: «Не хуже инженеров разбираются в чертежах». Кто они? Талантливые самородки? Взяли и собрали их в одну бригаду? Нет и еще раз нет. Обыкновенная бригада, состоящая из обыкновенных людей, но наделенных чувством ответственности за порученное дело.

БОРИТЕСЬ ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ
ПРОИЗВОДСТВА
XV
ЛЕНИН

В людях все заключено. В их отношении к делу. В моей бригаде Николай Бирюков, Анатолий Кулик, Виктор Гусев — все мастера первоклассные. С такими можно любое задание выполнить. Они — гордость завода.

Кордина

ВИКТОР ТЕЛЬПУГОВ

ВСЕ ПО НАШЕЙ МЕЧТЕ

Завод имени Ухтомского — крупнейшее в Советском Союзе предприятие, вооружающее совхозы и колхозы уборочной техникой. Более двухсот тысяч машин разных марок выпускается в Люберцах за год. 70 железнодо-

рожных вагонов ежедневно вывозят из заводских ворот готовую продукцию. Люберецкие уборочные машины славятся по всей стране — на Украине, на Кубани, в Сибири. Их можно встретить на полях Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Югославии, Кубы. Их покупают Франция, Греция, Ливия, Гвинея, Тунис, Марокко, Афганистан...

Люберецкий машиностроительный завод — современное, прекрасно оснащенное техникой предприятие; здесь вам покажут много нового, прогрессивного: автоматические и поточно-механизированные линии, автоматы, полуавтоматы и агрегатные станки, высокопроизводительное кузнечно-прессовое, а также литейное оборудование.

Но самое главное на заводе — люди. Красочный иллюстрированный справочник, выпущенный заводом, начинается такими словами:

«В седьмом часу утра небольшую улицу заливает человеческая лавина. Она обтекает памятник революционеру-машинисту А. В. Ухтомскому, который возглавил в 1905 году рабочую заводскую дружину, сражавшуюся на баррикадах в декабрьском вооруженном восстании, и двигается через проходную на территорию завода, носящего его имя. Здесь и ветераны, перестраивавшие завод после Великой Отечественной войны, и те «из племени самых юных, кто завтра достроит коммуну»... Каждый из них идет не сам по себе — он чувствует себя частицей этой живой лавины, этого целенаправленного людского потока и гордится тем, что все они вместе — Его Величество Рабочий Класс».

Я шел этой улицей мимо бронзовеющей на солнце фигуры Ухтомского с живыми цветами у подножия и думал о том, какое в самом деле счастье ощущать себя частицей такой семьи. Мой путь лежал в механосборочный цех, в комплексную бригаду токарей, возглавляемую Героем Социалистического Труда Пелагеей Павловной Кординой.

— Официально-то она у нас героем стала в январе 1974 года, — говорила секретарь цеховой парторганизации механосборочного Елизавета Павловна Коренева, вышедшая навстречу мне, чтобы проводить в цех. — Но я, например, давно уже Пелагею Павловну самой настоящей героиней считаю. Да и не я одна. На завод она пришла совсем молоденькой, двадцать лет назад. Ничего не умела, определили ее в разнорабочие. Отнеслась к делу честно, осмотрелась, стала постепенно овладевать профессией токаря. Правда, учитель отличный попался — Дымов Павел Федорович. Он и теперь внимательно следит за ее ростом. Когда Пелагея Павловна решила подать заявление в партию, Павел Федорович первый сказал: правильно решила, Пелагея, вступай!

Пока мы пересекали длинный заводской двор, Коренева продолжала свой рассказ:

— Родилась Пелагея в 1926 году. Войну встретила совсем девочкой. Отец погиб в бою под Смоленском. Из пятерых детей Пелагея самой старшей была.

Пришлось вместе с матерью выйти в поле. В Мордовии это было, в селе Сутягино...

— Вы знаете биографию Пелагеи Павловны, как свою собственную! — удивился я.

— Простая биография, — ответила Коренева, — обыкновенная. А впрочем, смотря как взглянуть. Биография целого поколения, если вдуматься. Вот вы, наверно, спросите, как Пелагея героем стала?

— Спрошу. Самая обыкновенная, говорите? Откуда же все это пошло? Началось с чего?

— А с того, наверно, и пошло, что человек ношу на своем плече почувствовал. Тяжела ноша, а передать некому. Когда и мать Пелагеи умерла — это случилось почти сразу после войны, — самой младшей сестренке, Машеньке, всего шесть лет было. Я думаю, тут трудовому геройству начало. Сама еще девчушка, а уже во главе семьи! Это и есть героизм самый настоящий. Согласны?

Я давно уже понял мысль Кореневой, но мне хотелось непременно продолжить этот разговор — незаметно в ходе его раскрывался и характер моей собеседницы. Ее суждения были логичны, точны, и я подумал еще и о том, что хорошо, когда рядом с тобой такой секретарь.

До механосборочного было, судя по всему, еще далеко, мы шли вдоль бесконечных корпусов. По пути нам попадались целые партии готовых к отправке машин. Елизавета Павловна замедлила шаг возле одной из них, сиявшей полированной поверхностью.

— Это комбайн для сахарного тростника. Специально для Кубы делаем. Вы знаете, какая это трудная работенка — уборка тростника! Можете себе представить, как были рады кубинские друзья, когда пришла к ним умная машина! Она срезает тростник так быстро и так ловко, что заменяет труд 100—150 уборщиков! А вон там тоже головастая техника, смотрите.

Мы сделали несколько шагов, и руки Елизаветы Павловны коснулись другой, пахнущей свежей краской машины.

— За нее спасибо говорят нам все полеводы и животноводы страны. Комбайн «Вихрь». Целая фабрика по изготовлению силоса! И косит траву, и «шинкует», и в рот буренке кладет.

— А это уже в порядке пожеланий конструкторам? — в тон собеседнице спросил я.

— Пока в порядке пожелания, конечно. Но шутка шуткой, а «Вихрь» еще и сам грузит нашинкованную траву на автомашины, которые отвозят ее для закладки в силосные башни. Так что почти буренке в рот и получается. А вообще-то на заводе конструкторская мысль не дремлет. Одних рационализаторов сколько! Кстати, Пелагея Павловна тоже участвует в усовершенствовании производства. Внедрение трех ее рационализаторских предложений, поданных с начала текущей пятилетки, позволило повысить производительность труда на некоторых узлах до 18 процентов, снизить расход инструмента на 6 процентов, получить экономию в сумме семи тысяч рублей. А результат ее личного труда знаете какой? Уже в августе 1973 года она выполнила на токарном станке свой план трех лет пятилетки, а 30 октября рапортовала о новой трудовой победе — о завершении планового задания решающего года. Неплохо? Вот за все это, за выдающиеся успехи в выполнении и перевыполнении производственных планов 1973 года и социалистических обязательств Пелагея Павловна и удостоена высокого звания.

Я прошу Елизавету Павловну показать мне, что именно в комбайне «Вихрь» сделано руками Кординой и ее бригадой.

— Шатуны они производят. Вот он, смотрите, шатун — нехитрая вроде штука, но ответственная. Бригада делает их 1700 штук в смену — это 120—130 процентов нормы. О качестве изделий и сама Кордина, и вся ее бригада заботятся постоянно. Сейчас сами все увидите... вот и механосборочный.

Шум работающих станков заглушает голос моей спутницы, она наклоняется к самому моему уху:

— А вон и Кордина, узнаете?

Я вижу группу рабочих — мужчин и среди них одну женщину. Вроде

она и не она; в парткоме полчаса назад я видел плакат. Статная, рослая, нарядная героиня смотрела на меня с портрета. Сейчас узнаю и не узнаю. Что-то мешает мне сразу понять, что передо мной Пелагея Павловна Кордина. Только глаза нельзя спутать с другими. Они задорно и в то же время застенчиво смотрят изпод косынки, а все остальное словно бы не ее, не кординское.

— Она, — говорит, угадав мои мысли, Коренева. — На плакатах люди всегда краше, разве не замечали? Но она у нас действительно красавица, вглядитесь.

Наконец, понимаю, в чем дело: на фоне огромных, тяжело грохочущих станков фигура человека кажется уменьшенной, как бы сжатой, а скромная спецовка усугубляет такое впечатление. Но недолго владеет мной это чувство. Подхожу ближе, пожимаю приветливо протянутую мне руку, ощущаю ее тепло и энергию, минутой позже — вижу, как похозяйски властно эта рука останавливает ход гигантского станка и происходит в своем роде чудо: женщина словно стала выше ростом, сильнее.

— Она! — уверенно отвечаю Кореневой.

— А вы откуда меня знаете? — спрашивает, смутившись, Пелагея Павловна.

— Заочно, — говорю, — познакомился. Плакат видел в парткоме.

Тыльной стороной руки Пелагея Павловна пытается убрать выбившийся из-под косынки льняной локон, но он не слушается, от этого она приходит в еще большее смущение.

— Корреспондент? — в вопросе этом слышится что-то настороженное и даже вроде бы некая досада от того, что,видимо, не первый раз придется отвечать на вопросы для печати.

Чтобы снять возникшую неловкость, говорю:

— Просто поговорить с вами пришел. Слышал о вас много хорошего.

— Она все, небось? — Пелагея Павловна с напускной сердитостью кивает в сторону Кореневой.

— Секретарь, конечно, в первую очередь гордится вами.

Пелагея Павловна улыбается.

— Негде тут говорить-то. Домой ко мне приходите, обсудим все спокойно. А пока в красный уголок можем пройти.

— Сначала мне хочется побыть именно здесь, у станка. Посмотрю, как вы работаете, познакомлюсь с бригадой.

— Это — пожалуйста! Знакомьтесь: Николай Бирюков, Виктор Гусев, Кулик Анатолий. Все мастера как на подбор, только я одна среди них слабый пол. Но я ведь не виновата, что меня к ним назначили...

Коренева, извинившись, заспешила по своим делам, а Пелагея Павловна стала рассказывать мне о каждом из своих подопечных, все время подчеркивая, что если и есть у бригады какие-то успехи, так это от того, что люди сработались, крепко сдружились, привыкли выручать друг друга.

— С такими ребятами можно любое задание выполнить. Кулик выполнил свою пятилетку к 10 апреля 1975 года. Гусев с Бирюковым еще раньше — к 20 марта. Свою бригадную пятилетку мы взялись к 105-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина выполнить, к 22 апреля 1975 года, стало быть. А выполнили знаете когда?

— Когда?

— Восьмого апреля. Точно? — словно проверяя себя, Пелагея Павловна поглядела сперва на Кулика, потом на Бирюкова, потом на Гусева.

— Точно! — в один голос поддержали они бригадира.

Кордина, сдержанно улыбнувшись, подходит к станку, включает его. Это 12-шпиндельный агрегат, сконстру-

Ей послушны сложнейшие станки

ированный Александром Алексеевичем Симанковым, ветераном производства.

Через плечо обернувшись ко мне, Пелагея Павловна кричит отчетливо, почти по слогам, чтобы я не пропустил ни одного слова.

— Ничего машина? А? Высвободила пятерых рабочих! Производительность в два с лишним раза больше, чем на старом станке!.. Признавайтесь, вы такую когда-нибудь видели?

Я говорю, вернее тоже кричу, что раньше работал токарем и дело это мне в общих чертах знакомо.

— Ах вот оно что! — обрадованно восклицает Кордина. — Так, может, вам комбинезон раздобыть — покажете свое искусство?

Лишней спецовки для меня, к сожалению, не оказалось, пришлось, увертываясь от брызг эмульсии, поработать на станке всего несколько минут.

— В другой раз я вам все-таки специальную робу принесу, хотите? — смеется Пелагея Павловна.

— Конечно, хочу! И мы еще с вами посоревнуемся!

— Согласна... А вообще-то соревнование у нас тут идет полным ходом. С бригадой Виктора Федюнина договор у нас. Там ребята все тоже трудолюбивые. Отличные мастера! Есть на кого равняться, одним словом. А работа тут напряженная, сами видите, почти как на конвейере, только успевай поворачиваться.

Пелагея Павловна умолкла, целиком уйдя в работу. Я еще долго наблюдал за ней, за каждым ее движением. И теперь увидел ее совершенно такой, как на плакате, — статной и высокой, даже глаза ее, и без того голубые, поголубели еще больше, сделались почти синими.

...В красном уголке, куда мы пришли в обеденный перерыв, я вооружаюсь блокнотом, но заметив, что это смущает мою собеседницу, засовываю его в карман пиджака.

— Так-то оно лучше будет,— замечает Пелагея Павловна. — Поговорим по-простому...

— Как токарь с токарем? — спрашиваю я.

— Как человек с человеком. А то был у нас тут недавно один из газеты — его только цифры интересовали.

— Цифра цифре рознь, Пелагея Павловна. Вы мне сами несколько цифр назвали. Звучат!

— Все-таки в людях все заключено. В их отношении к делу.

Если бы в моей бригаде не было Анатолия Кулика, Виктора Гусева,

Николая Бирюкова, неизвестно еще, как выглядели бы цифры.

Пелагея Павловна снова принимается рассказывать о своих друзьях. Обо всех вместе и о каждом в отдельности. Знает о каждом все, даже о том, как ведут себя дома, в семье.

Прошу бригадира хоть немного рассказать о себе, о своей жизни.

— Обо мне уже говорено, хватит, наверное? — Кордина намекает на мой разговор с Елизаветой Павловной. — Что еще вас интересует?

— Если можно, немного о своей юности.

— О юности? — глаза бригадира становятся задумчиво-грустными. — Не было ее. Помню себя сразу взрослой. Взяла в руки серп и пошла в поле, как все другие. А тогда мне пятнадцать лет только-только исполнилось. Отец погиб в самом начале войны. Он был плотником, школы строил в Мордовии по собственным чертежам. Не довелось его детям в тех школах поучиться как следует. Война для нас школой стала. Косишь или жнешь до темных кругов в глазах, а сама думу думаешь. Знаете, о чем первая взрослая мысль была?

— О чем?

— Мечталось: одолеем врага, тогда доучимся, придумаем такие машины, которые облегчат наш труд. Сегодня я счастлива, что все, буквально все, по нашей мечте выходит. Сами посудите. Во-первых, я доучилась. О Дымове вы знаете?

— Знаю.

— Дымов был моим учителем. Его так же, как отца моего зовут — Павел Федорович. Он и впрямь мне вроде отца родного. Вторая моя мечта тоже не пустой вышла: надо ж судьбе моей было так обернуться!.. Я на своем 12-шпиндельном делаю что? Шатуны для косилок. А косилки эти по всему свету катятся. И в Мордовии моей срезают хлеба и травы. Это же здорово!

— Вы точно знаете, что и в Мордовии работают именно ваши косилки?

— Совершенно точно! Специально интересовалась. Как вспомню кровавые мозоли на руках, как представлю себе: нынче «Вихрь» на тех самых делянках, где когда-то надрывалась горстка женщин и ребятишек, работа еще больше ладится.

— Пелагея Павловна, — спрашиваю, — вы в войну совсем девочкой принялись за тяжелую работу. Но ведь остальные члены бригады вообще не знают войны. Понятны ли им ваши чувства?

— Понятны, — убежденно отвечает Кордина. — Нет семьи, которая не потеряла бы на войне своих близких. Да и много думают у нас на заводе о молодежи, о ее воспитании. Я сама как член завкома за молодых отвечаю. Их не надо много агитировать, с полуслова поймут. А что не поймут — спросят. Ко мне и в цех, и даже домой ходят с любым делом. Я молодежи свой опыт передаю. В книжках это эстафетой, кажется, называют?

— Называют.

— Красивое слово, только неточное.

— В чем же неточность, Пелагея Павловна?

— У нас с мужем двое детей — Анатолий и Наташа. Оба комсомольцы. — Кордина, тщательно вытерев руки ветошью, достает из сумочки две крохотные фотокарточки.

Я долго разглядываю открытые, умные лица ребят. Пелагее Павловне явно нравится, что я держу в руках фотографии так долго и рассматриваю так пристально. Она сама внимательно изучает их вместе со мной, будто видит первый раз в жизни.

После паузы спрашивает:

— А у вас есть дети?

Вместо ответа я извлекаю из бумажника фотографию своей дочери.

Теперь Кордина в свою очередь долго держит портрет незнакомого ей ребенка, интересуется, как зовут девочку, как и где она учится, потом говорит:

— Эстафета — это когда один передает палочку другому. Один остановился, другой вместо него побежал, правильно?

— В общем и целом, — отвечаю я. — В спортивной эстафете так.

— Правильно, в спортивной, — уточняет Пелагея Павловна. — А в жизни по-иному. Если мы остановимся, то и дети наши с места не сдвинутся, а если дети наши рванутся вперед, то и нам отставать неохота. Согласны?

— Согласен.

Слушаю Пелагею Павловну и думаю: какое прекрасное сердце бьется в груди этого человека! До всего-то ему есть дело. Обо всем-то оно беспокоится.

Разговор наш, к сожалению, подходит к концу. Пока мы говорили, фанерная дверь красного уголка несколько раз отворялась, Пелагея Павловна подавала кому-то знак рукой, дверь захлопывалась, но по всему было видно: работа больше не ждет — торопит, требует.

Мы распрощались с Пелагеей Павловной как старые знакомые.

Распрощались ненадолго. Я обязательно встречусь с ней и с ее бригадой еще раз.

* * *

...1975-й вошел в историю как Международный год женщин. Каких женщин? Самых обыкновенных и необычайных. Самоотверженностью, разумом, трудолюбием которых многое на земле держится, которые ни в чем не уступают мужчинам, а во многом даже идут впереди. Не все мужчины, сильный пол, умеют работать так, как работает Кордина.

Пройдет немного времени, и дочь Пелагеи Павловны Наташа вместе с моей дочерью и миллионами их подруг сделают нашу землю еще более прекрасной, цветущей землей, которую вовек разлюбить нельзя. В которую можно только влюбляться — все больше и больше, все преданней.

Я счастлива, что принадлежу к славному ленинградскому отряду рабочего класса. Рабочий — это не только почетное звание, это огромная ответственность за сегодняшний и завтрашний день страны, за осуществление планов партии, заданий пятилетки.

ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВ

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

В семье было девять человек: отец и мать да семеро ребятишек. Деревня Дубинино, где они жили до войны, ничем не отличалась от других маленьких деревень Невельского района. А вот когда началась война, в лесу, неподале-

ку от деревни, партизаны организовали несколько своих баз. Отец знал в округе каждую тропку, стал партизанским проводником. Ему часто приходилось пробираться через чащобу и, казалось бы, непроходимые болота. Он оказал немало ценных услуг партизанам. В один из своих трудных и опасных рейсов он простудился, заболел воспалением легких, перешедшим в хроническое, и вскоре после войны скончался. На руках у матери осталось семеро детей. Правда, она поступила на работу — нелегко накормить семь человек. Немного выручал вдову кустарный ткацкий станок, который перешел к ней еще от ее матери.

Катя росла любознательной девочкой, любила смотреть, как ткет мать, как из нитей получается полотно. Когда девочка оставалась дома одна, она пробовала запустить станок, но ничего не получалось — нитки путались, рвались.

В пятьдесят четвертом году на семью обрушилась новая беда: мать, охраняя народное достояние, погибла во время налета бандитов на сельскую сберкассу. Тогда-то подросшая Катя и приехала в Ленинград к своему старшему брату, который после службы в армии работал в типографии.

Вскоре после приезда в Ленинград Катя увидела на улице, на больших воротах, вывеску: «Ткацкая фабрика-школа». Сейчас же решила: «Это мне и нужно».

Чем объяснить это мгновенное решение? Может быть, прежде всего тем, что ученикам школы давали общежитие, а учиться нужно было не так уж долго — два года. Вероятно, читая вывеску, вспомнила девочка допотопный домашний станок матери и как она украдкой сама пыталась ткать. Возможно, и это оказало свое влияние. Да, да, она будет ткать, но не на стареньком разбитом станке, а на фабричном, настоящем. Она считала, что ей очень повезло.

День 30 сентября 1959 года явился для Кати важной вехой. Робкая девчушка, вчерашняя ученица впервые переступила порог фабрики «Рабочий». За время учебы ей доводилось бывать здесь, и все же она долго бродила по фабрике в поисках нужного ей цеха. А когда нашла — ровные гремящие ряды станков несколько испугали ее: «Справлюсь ли, сумею ли так же, как вот эти женщины и девушки, сноровисто и быстро управлять станками? Одно дело — ткацкая школа, где всегда и во всем помогут опытные мастера — преподаватели, и совсем другое — малознакомый цех».

Начальник цеха, узнав, кто она, определил:

— Вам, девушка, сегодня — в ночную. Заболела ваша сменщица.

Что ж, вышла в ночную смену. Казалось, все в цехе только и делают, что смотрят на нее, мол, прислали на нашу голову неумеху. В разгар работы вдруг захотелось спать. Четыре часа утра — самый сладкий сон. Надвязывает нитку и чувствует — спит. На какую-то минутку действительно задремала. Вздрогнула от испуга. Сон как рукой сняло.

После той ночи немало лет прошло. Каждую смену исправно приходит в цех ткачиха Екатерина Яковлевна Демидова: неделю — к семи утра, неделю — к трем часам дня, неделю — к двенадцати ночи. На фабрике трехсменка. Все восемь часов ткачиха на ногах. От станка к станку — по основам, или по заднему плану станков, как говорят ткачихи; затем по полотну, или по переднему плану; и опять все сначала. Он так и называется, этот извилистый путь: «маршрут ткачихи».

Станков у нее сейчас шестнадцать. А ниток на каждом около 3000. На устранение обрыва нитки жесткая норма — 34 секунды. Екатерина Де-

Моя фабрика

мидова же вяжет узел за 15 секунд. Быстрее никто на фабрике не умеет, быстрее просто невозможно. Увы, нет такого аппарата и вряд ли будет в скором времени, который бы заменил при обрывах проворные руки ткачих.

Существует более 300 видов узлов, которыми связывают оборвавшиеся нити. Но вот вопрос: а почему собственно рвется нить? Одно из двух — или станки плохо отлажены, или пряжа невысокого качества. И значит, важно не только научиться быстро вязать узлы, но и предупреждать саму возможность обрывов.

Ткачиха, если она стремится к высотам своей профессии, должна хорошо знать оборудование, технику цеха. А помощник мастера обязан изучить эту технику в совершенстве. Если в комплекте — так называются у ткачей бригады — надежный помощник мастера, если он умеет сходу заменить негодную деталь, устранить любую неисправность станка, или, как говорят, его разладку, — вот тогда ткачиха сможет спокойно и уверенно работать.

В бригаде Демидовой эту ключевую должность вот уже много лет занимает Николай Ильич Спиридонов. Все время он начеку, наблюдает за действиями каждой ткачихи. Всякое бывает на производстве: случается, «зашьется» работница — сразу много станков стоит из-за обрывов нитей. Николай Ильич без лишних слов подойдет и сам временно заменит ткачиху.

Когда Екатерину Демидову расспрашивают о «секретах» ее производственных успехов, она прежде всего указывает на Николая Спиридонова, дескать, ему, как и другие работницы, она очень многим обязана.

Восемь часов «вечного» движения — от станка к станку, устраняй обрывы, связывай нитку за ниткой.

— И все же лучшей работы не знаю, — улыбается Катя.

Улыбка у нее добрая, располагающая. Вероятно, в какой-то связи с этой улыбкой редко кто на фабрике назовет Демидову по имени-отчеству, чаще всего — Катей, Катенькой, Катюшей. И она, сопровождая свои слова этой великолепной улыбкой, говорит:

— Юра, муж, однажды предложил мне: переходи к нам — он мастером работает на заводе «Звезда», — устрою в ОТК, будешь в белом халатике бегать. Спасибо, говорю, только я из ткачих никуда. И лучше, чем моя фабрика, нет для меня производства.

Маршрут ткачихи — шестнадцать километров за смену. Несчетное коли-

Трудовое содружество: мой опыт — твой опыт

чество раз хоженый-перехоженый путь от станка к станку. Екатерина Яковлевна никогда не меняет свой маршрут. Но вдруг остановились почти одновременно несколько станков. К какому бежать? Логика вроде бы подсказывает — к тому, который ближе. Но Катя мгновенно охватывает «фронт» выстроившихся станков и быстро направляется к тому, который можно пустить скорее. Вот из множества таких «секретов» и складывается большой успех в работе. Мы взяли слово «секреты» в кавычки по той простой причине, что нет их у Кати Демидовой. Ни от кого она ничего не прячет, не скрывает, напротив, щедро делится своими приемами.

На одном из слетов передовиков текстильной промышленности в Москве познакомилась Катя с ивановской ткачихой Лидией Омельченко. Работает Омельченко на меланжевом комбинате. Разговорились мастерицы и поняли: методы, личные приемы в работе одной полезны и для другой. Кончилось тем, что решили они с Омельченко соревноваться. Сначала — друг с другом, потом — бригада с бригадой. Несколько раз встречались ленинградские и ивановские ткачихи, обменивались опытом. В выигрыше, естественно, оказались оба коллектива.

Из комплекта, где работает Демидова, выбыли три ткачихи. Точнее сказать, перешли они на станки, которые простаивали из-за нехватки работниц. И что же — сумели находчивые мастерицы так расставить людей, что обходятся уменьшенным комплектом. Еще три ткачихи высвободились после перехода цеха на работу без заряжальщиц.

Екатерина Демидова, как, впрочем, и каждая ткачиха, теснейшим образом связана со сменщицами. Если она перешла на обслуживание 16 станков, значит, и сменщицы ее должны обслужить столько же. Не поддержат сменщицы — невозможно осуществить самую благую инициативу. Сменщицы Галина Пилинчук и Лидия Румянцева поддержали Демидову. Трудовая дружба была для них превыше всего. Теперь Галине и Лидии пришлось призвать на помощь все свое старание и мастерство, чтобы обслуживать по 16 станков вместо 9. В ткачестве приемы работы рассчитаны с точностью едва ли не до десятой доли секунды. И все же подруги вслед за Демидовой нашли резервы повышения производительности труда.

Один из важнейших резервов — это наиболее эффективное использование мощности станка. Если ткачиха хорошо изучила свои станки и может

быстро устранять мелкие неполадки, обходясь без вызова помощника мастера, то в течение смены набегает немало сэкономленных минут.

Нелегко, конечно, обслуживать 16 станков. Но если правильно и четко организовать смену, продумать каждую мелочь, можно работать без напряжения.

В цех Екатерина Демидова приходит минут за 20—30 до начала смены. Осмотрит, проверит станки, хотя и знает — сменщицы передадут их чистыми, предупредят в случае чего о неполадках. И все же — считает не лишним проверить.

Она даже завела специальную тетрадку. Аккуратно заносит в нее свои наблюдения о том, где можно найти неиспользованные резервы. Вычертила, кстати, десятки схем с маршрутом ткачихи у станков, опробовала их на деле, пока не нашла самый экономичный, самый лучший. Только после этого и решила перейти на обслуживание еще двух станков — с четырнадцати на шестнадцать. Это уже прошлое дело, но о нем полезно напомнить еще раз. Екатерина Яковлевна намечала выполнить план двух с половиной лет пятилетки к 30 декабря 1972 года. А вышла на этот рубеж еще раньше: 13 сентября 1972 года она рапортовала собранию актива работников легкой промышленности Ленинграда и области — задание двух с половиной лет выполнено за 1 год 8 месяцев и 13 дней, сэкономлено 203 рабочих дня, сверх плана выработано 31 775 метров ткани! В час с каждого станка должно сходить 2 метра ткани. Но у хорошей, опытной ткачихи получается 2 метра 10 сантиметров. Эти 10 сантиметров, помноженные на 8 часов, помноженные на дополнительные станки, и дали эти тысячи сверхпланового полотна. Арифметика простая!

Страна готовилась к празднованию 50-летия Союза ССР. Ленинградские ткачи решили вызвать на соревнование в честь этой даты товарищей по труду с текстильных предприятий других республик. «Наш девиз, — писали они, — через братскую взаимопомощь — к наивысшим технико-экономическим показателям в девятой пятилетке».

Вскоре пришли ответы из Ташкента и Херсона. Призыв ленинградцев поддержали 900 текстильщиков Херсонского хлопчатобумажного комбината и более 500 — в Ташкенте, на текстильном комбинате.

Когда в декабре 1972 года подвели первые итоги, вышло, что ленинградцы «чуть-чуть» впереди. Весомое это «чуть-чуть»: сверх плана выработано 90 тонн пряжи, 800 тысяч метров суровья, сэкономлено 67 тонн сырья. Сама Демидова 30 декабря 1972 года выполнила задание трех лет пятилетки. Только в юбилейном году Демидова сверх плана сняла со своих станков свыше 20 тысяч метров ткани!

В конце памятного 1973-го, названного советским народом решающим годом пятилетки, Екатерина Демидова вышла на свой главный рубеж: 22 декабря выполнила задание пятилетки.

Еще летом 1973-го в цех, где работает Демидова, пряжа стала поступать с перебоями, не хватало мотальщиц. Что поделаешь — отпуска! И тогда собралась партгруппа цеха. Не больше пяти минут потребовалось, чтобы принять решение: тут же, без лишних слов, все отправились на заготовительный участок. Помощь пришла вовремя, через несколько дней в цехе появился задел пряжи. И это, в частности, помогло Демидовой сдержать свое слово — досрочно выполнить план пятилетки.

Истинная рабочая взаимопомощь, готовность всегда прийти на выручку соседу — вот что в первую очередь помогает ткачихам фабрики «Рабочий» добиваться высоких производст-

На заседании Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР в 1975 году

венных результатов. Более 1000 человек в коллективе поддержали призыв Демидовой — выполнить задание девятой пятилетки за четыре года.

В канун нового, 1974 года указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся успехи в выполнении заданий пятилетки, принятых социалистических обязательств, большой творческий вклад в увеличение производства товаров народного потребления, улучшение их качества Екатерине Яковлевне Демидовой было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Второго января на фабрике был митинг. Поздравления, поцелуи, цветы... А потом на трибуну поднялась Екатерина Яковлевна Демидова. Тут же на митинге она взяла новое обязательство: в 1974 году выработать ткани в два раза больше, чем было намечено по личному плану; выполнить весь годовой план к 1 августа; в этом же году успешно закончить третий курс техникума.

Слово свое она сдержала по всем пунктам обязательства.

А в следующем году в жизни Екатерины Демидовой произошло еще одно знаменательное событие. Рабочие Невской заставы избрали ее своим представителем в парламент республики, депутатом Верховного Совета РСФСР. И так же ответственно, самозабвенно, как работает в цехе, депутат Демидова несет почетную и важную службу на высоком государственном посту.

Часто почтальон приносит на проспект Обуховской обороны письма с одним и тем же адресом на конверте: «Ленинград, фабрика «Рабочий», ткачихе Демидовой Е. Я.».

Разное пишут — и о себе лично, и о работе, делятся радостями и горестями, просят совета, помощи.

Из далекого Кемерова обращается Маргарита Ивановна Медведева: «Я работаю преподавателем в городском профтехучилище, и мне хочется, чтобы вы поделились своим опытом работы с моими воспитанниками...»

В Кемерово отправляется по почте бандероль, а в ней — брошюра, в которой Екатерина Демидова подробно и доходчиво рассказывает о методе своей работы в ткацком цехе.

А вот своеобразный отчет шестиклассников сельской школы из Краснодарского края:

«Дорогая Екатерина Яковлевна! Письмо ваше с фотографиями получили, большое спасибо. Теперь мы всю вашу семью знаем. Я вам пишу за всех: сейчас горячая пора — исправление оценок. В седьмой класс, кажется, перейдем все. Правда, есть у нас Артем, очень слабый, но надеемся, что и он не подведет. Передают вам привет все ребята».

Никто не заставлял прославленную ткачиху вести переписку с ребятами-школьниками. Но разве откажешь им, если они каждый месяц аккуратно присылают сообщения о своей учебе? Вдруг они извещают, что на каникулы приедут в Ленинград. И Екатерина Яковлевна хлопочет, чтобы разместить их в общежитии, а потом после ночной смены спешит на вокзал встретить гостей, показать им город, сводить в театр.

И эти хлопоты приятны ей, заботливой женщине. У нее самой подрастает дочь Маришка, и мать знает, как необходимо ребенку внимание взрослых.

Весь путь Демидовой дает возможность нам увидеть неповторимые приметы жизни советской женщины-работницы, которые впервые обозначились 58 лет назад.

У меня каждый год очень интересно прожит. Но я знаю: все еще впереди.

ЕЛЕНА КАПЛИНСКАЯ

СИЛА НИКОЛАЯ БОГАТЫРЕВА

Иногда говорят — «простой рабочий». Простой... а что это такое? И как назвать Богатырева — простой или выдающийся? Где граница, где судьба человека делает тот прекрасный поворот, за которым вся Родина, вся ее ширь и

даль становятся обозримыми и личными, твоими, где сделанное и несделанное — твоя забота, намеченное и достигнутое — твое дело? И как все это покоится на богатырских плечах Богатырева, как несет он жизнь?

...На Воронежском ордена Ленина шинном заводе был особенный день. 10 ноября 1972 года. В цех большегрузных шин к концу смены сходились люди из других корпусов, из всех служб заводоуправления. Торопились пионеры подшефных школ, ехали работники из обкома, горкома и райкома партии. Тянуло свои кабели телевидение.

Николай Богатырев стоял у своего станка, собирая последнюю покрышку. Эта покрышка завершала его девятую пятилетку.

Он был пока что один — единственный, первый во всей отрасли рабочий, выполнивший личный пятилетний план за 1 год, 10 месяцев, 10 дней. Невиданный результат! Когда стало ясно, что Богатырев гигантскими темпами приближается к удивительному событию, за ним стали следить сотни заинтересованных глаз. За него «болели», считали дни, даже торопили...

И вот теперь он, в свете жарких прожекторов, одевал на барабан широченные «браслеты», как называют шинники кольцеобразные ленты, состоящие из двух слоев обрезиненного корда, обманчиво легкими и ласковыми движениями отворачивал кромки браслетов по заплечикам барабана и тоже торопился, торопился — только где-то в глубине души... многое, ох, многое происходило подспудно и незаметно... И в этой сдержанности проявилась высокая культура, какая дается иной раз человеку природой.

— Ты никогда не сердишься, Коля? — спрашивали его любопытные. Действительно, за четырнадцать лет работы в цехе никому не удавалось увидеть его ругающимся, вышедшим из себя, гневным. Четырнадцать лет в цехе — и ни разу не вспылить, голоса не повысить, никого из товарищей даже за провинность не задеть неосторожным словом — трудно себе представить, не правда ли? Какая нужна выдержка, деликатность!

— Почему, я сержусь,— добродушно улыбался Богатырев. — Только отойду в сторонку, и там посержусь.

Это-то замечали. Отойдет, попыхтит немного, и — за дело.

А дело у него — «это работа для мужчин». Как он любит говорить. Итак, последняя покрышка. Лязгнул, складываясь, механический барабан, и она плавно соскальзывает со станка... последняя!

— Ура! — пронеслось по цеху. Замелькали цветы. Сменный мастер выводит мелом на черной резине: «Есть пятилетка!»

Богатырев не стеснялся торжества и радовался ему. Так же, как радовался работе.

Для него торжество «последней покрышки» началось раньше митинга в цехе. Оно началось в самой работе, в радости «делания», в драматургии сборки. В столкновении, сцеплении, слиянии всех деталей в вещь. Праздник был естественным завершением.

...На рапорт сборщика большегрузных покрышек Н. Г. Богатырева о досрочном завершении пятилетки ответил Леонид Ильич Брежнев личным приветствием. Вся страна прочла его в «Правде».

А вскоре на завод позвонили из обкома партии: слушайте по радио важное сообщение.

Когда диктор читал слова Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда Николаю Григорьевичу Богатыреву и его разыскивали по всему городу, он преспокойно сидел на школьном утреннике и глядел,

как на сцене танцует его старший сын Сережа. Интересно же, черт возьми. Сам Николай множество вечеров провел на танцах, обожал танцевать. И с Сережкиной мамой на танцах во Дворце культуры познакомился.

Все с ног сбились, митинг готовят в его честь, в честь первого на заводе Героя Социалистического Труда, а где Богатырев, неизвестно! Он появился в последнюю минуту.

Вышел на трибуну, взял микрофон в ладонь и сказал, что до конца 1975 года обязуется выполнить еще одну пятилетку. Значит, две пятилетки. Вот так.

...В армии Богатырева прозвали «полтора человека». Имея в виду вовсе не только его рост. А, скорее, качество. Николай всегда мог помочь в любом деле — если надо, любое солдатское имущество наладить, сапоги починить или часы, финский домик поставить, дров нарубить, форму подогнать, постричь даже. Сержант его ставил в пример другим: «Глянь: Богатырев — центнер без малого, а прыгает, как кошка. А ты — гук!» И никто не обижался. Потому что свою силу и ловкость Богатырев считал, видно, не своей собственностью, щедро делился с другими: охотно подменит товарища, поможет уставшему, выполнит самое трудное поручение.

Служилось ему хорошо, но по ночам он размышлял: а что будет дальше, после армии? Какой выбрать путь, какую поставить цель? До армии он закончил десятилетку, уже поработал на Воронежском шинном учеником сборщика покрышек и после службы собирался обратно на завод. В этом смысле как жить — Николай знал. А вот как относиться к жизни — думал. Человека обычно заставляют задумываться о таких вещах неудачи. У Богатырева их не было. Все давалось легко: способный, умный, сообразительный и притом ловкий, сильный, да еще доброжелательный, ровный. Золото, а не парень. Он мог спокойно жить без забот, долго и счастливо. А ему хотелось найти себе дело покрупнее, хотелось такой работы... ну, словом, для мужчин.

...Вот именно так и сказали ему в отделе кадров Воронежского шинного завода в 1961 году: пойди-ка, взгляни на наш новый цех большегрузных шин. Такие собирают там громадины. Это работа для таких, как ты.

Сборочный участок. Ловкие руки сборщиков одевали крупногабаритные браслеты один за другим на барабан с помощью стальной скалки, а затем накидывали на сборочный каркас массивный протектор. И было приятно смотреть, как огромные покрышки вращались на барабанах сборочных станков...

Этот цех был первым в стране, начинавшим выпуск шин для новой мощной строительной и сельскохозяйственной техники. Обычные шины для грузовиков уже превращались по сравнению с ними в «мелочь». Одна шина БелАЗа весила, например, 400 кг. ... От тех лет до сегодняшнего дня там, где работает Богатырев, осваиваются новые модели и конструкции большегрузных шин, хоть теперь, естественно, их выпускают и другие шинные заводы. Но здесь жива традиция «первых». И была здесь одна особенность: считалось, что сборщиком может работать только сильный, крепкий мужчина. И действительно, на первый взгляд кажется, что сила тут — главное. Судите сами: на сборочном участке 15 станков, на каждом из них работают по два сборщика, так предусмотрено технологией. Вдвоем собирают покрышку — ее детали весят от 15 до 70 килограммов. Потягай-ка. И именно здесь по сравнению с другими цехами завода больше всего ручных операций. На то есть свои причины: для таких покрышек нужны очень громоздкие станки. По-

этому «малая» механизация затруднительна: все приспособления должны быть большими, да такими, что к станку не подойдешь... Техника, конечно, не стоит на месте, но об этом речь впереди.

В цехе производилось более 15 типоразмеров покрышек и постоянно осваивались новые конструкции. И были свои трудности. Голод в шинах был такой, что если какой сборщик лишнюю покрышку сделает, то его мастер чуть не на руках носит. Как правило, каждая пара сборщиков осваивала шины одного размера и работала на «своем» станке. И вот сравнительно быстро обнаружилось, что Николай Богатырев может работать на всех станках. На любое место его поставь — подойдет, приглядится, подумает, прикинет — глядь, уже освоился и к концу смены норму дает. А на следующий день — две. И вскоре в цехе поняли, что для него не существует работы «выгодной» и «невыгодной», не существует «неохоты»; если надо, он пойдет и будет работать в любую смену, заменит товарища, постарается, чтобы участок вулканизации, который зависит от сборщиков, не простаивал. Там ведь тоже товарищи, тоже план, тоже заработок... Но главное — это острая нужда в технике на полях, на стройках, и Николай никогда не произносил слова «не могу». В цехе его стали называть «безотказный». Надежный. На его помощь можно положиться — это знали все.

Весной 1969 года в цехе большегрузных шин возле одного из станков установили стол, покрытый кумачом, на нем цветы, на видном месте вывесили плакат: «Привет участникам соревнования!»

Проходил III Всесоюзный конкурс мастерства молодых шинников. Съехались сильнейшие сборщики из Днепропетровска, Омска, других городов.

Незадолго до конкурса начальник цеха Русинов пригласил к себе в кабинет Богатырева и Титенко, сборщика из другой смены, известного самым высоким качеством работы. Николай очень им интересовался, даже в смену к нему ходил, чтоб приглядеться... и перенять кое-что.

— Вот что, ребята. К конкурсу нас не допускают, наши покрышки по размерам новые, в программу не включены, но я хочу, чтобы вы выступили все-таки. Вне конкурса. Показали свою работу. Дерзнем, а?

Богатырев и Титенко дерзнули. Выступили. Из 25 требуемых очков набрали... 27,5. Вот так вышло. Хоть места не могли занять никакого, общая молва присудила им безоговорочно место — выдающееся.

Завод премировал Богатырева холодильником, а Титенко — ордером на квартиру.

А через несколько месяцев Богатырев завершил восьмую пятилетку за 3 года и 14 дней. На его груди засияла первая награда — орден Ленина.

— Подумайте только... — счастливо говорил он. — Орден Ленина!

Идею того, что впоследствии стали называть методом, или почином Богатырева, подсказала сама жизнь.

Было это летом, в трудную для цеха пору, когда наступает время отпусков, а на полях техника «обуви» требует, на стройках самое оживление. Осваивали тогда новый тип шин для комбайнов «Колос» и «Нива». Сборщики дружно заявили: тяжелая покрышка для сборки — браслеты короткие, конфигурация заплечиков изменена, да еще корд жесткий. Не натянешь, не загнешь, намахаешься с ней. Одна пара сборщиков их освоила, собирала и вдруг — оба не вышли в смену. Что делать? К этой покрышке особое внимание, на нее особый спрос. Русинов подумал немного, посмотрел график — Николай Богатырев как раз заканчивал смену. На-

чальник цеха спустился вниз, подошел к нему... и Николай остался, глазом не моргнул. Раз дело такое.

Сборщики вдвоем собирали 5—6 покрышек в день. А Богатыреву пришлось работать одному.

В ту смену, свою вторую смену, он собрал... шестнадцать.

На следующее утро, когда Русинову принесли сводку, он глазам не поверил.

— А мне самому было интересно, что за покрышка такая? — пояснил Богатырев.

И вот тут пришло время для главного, крутого поворота. Того поворота, за которым Богатырев из «простого» рабочего превратился в выдающегося, из добросовестного труженика — в виртуоза, мастера своего дела.

Как уже говорилось, сборщики работают вдвоем. Вдвоем составляют сборочную бригаду. От того, как слажены партнеры, зависит качество и быстрота сборки. Вдвоем и легче и труднее. Не вышел напарник — беда. Нужно работать с другим, а тот привык к иному станку. Ведь станки-то

После смены — вокруг тебя реальные плоды твоего труда

Экзамены сданы.
Настроение отличное

И рядом с ним другим людям легко и просторно

разные. Конечно, намного было бы легче, если бы сборщики зависели только от себя. Вот как... Богатырев. Его на любой станок поставь — сразу освоится.

И Русинов вызвал Николая для разговора. Для большого, серьезного и, если хотите, партийного поручения. Надо было попробовать. Совершить эксперимент.

— Вот что, Коля, — сказал Русинов.— Ты попробуй, работай один. Вообще без напарника. А?

«Работать за двоих» ... каждому ясно, что это значит прежде всего экономить время, делать все в два раза быстрее. А как? Ну, во-первых, создать непрерывный ритм. Не останавливаться, не отвлекаться. Для этого станок не должен барахлить, полуфабрикаты должны быть качественные. И Богатырев все тщательно подготавливает до начала смены.

— Заменить деталь пустяки, — говорит он. — Но не во время работы. Пока пойдешь туда, пойдешь сюда... и темп потерян. А темп — главное. Работа — она как спорт, в форме держит. Ну а потом, после смены — вокруг тебя реальные плоды твоего труда. Нет, никакой спорт такого удовлетворения не дает.

Две богатыревские руки... они составляют его бригаду. Их движения спокойны, легки, неторопливы. Зачем суетиться? Они ведь ничего не повторяют дважды: деталь ложится точно на положенное место, кнопка включения барабана срабатывает моментально, кромки «браслета» загибаются послушно — потому что каждое движение продумано, рассчитано... мыслью конструктора.

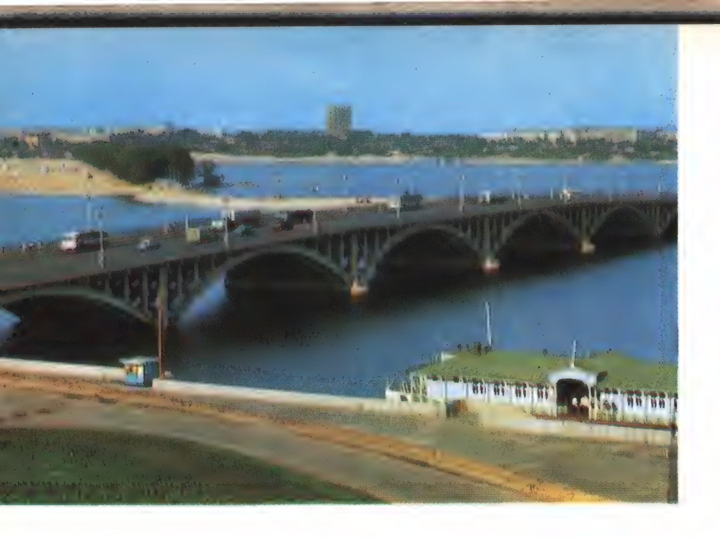
А конструктор — это сам Богатырев. И его руки работают так, что одна помогает другой. Одна заканчивает операцию, вторая уже начинает следующую...

— Эй, Коля, Коля, обожди, — начали поговаривать сборщики.— Поберегись. Перекури малость.

А он некурящий, Богатырев. Вообще никакими силами не разлучишь с работой. Ничем не оторвешь. Вот только разве что... затор какой-нибудь у товарища. Тут Николай, как бы ни берег ритм, станок свой выключит, подойдет, приглядится, в чем загвоздка, и придумает, покажет, доходчиво объяснит, как действовать. Да еще между делом полпокрышки соберет, даст возможность тому передохнуть, успокоиться и снова за работу взяться.

Он-то знает, какой отличный помощник в труде — спокойствие...

И из одной силы работа сборщика состоять не может. Тут ум надо приложить.

Богатырев две операции совмещает в одну. Новые приемы изобретает. Думает... Вот, например, протектор — сборщик его накидывает на покрышку и придерживает, пока барабан вращается. Николай придумал — вращать барабан от себя — барабан сам тогда натягивает протектор. Облегчение.

Даже конструкторы любят, чтобы новые типы покрышек осваивал именно он, Богатырев.

И вот ведь какое дело: казалось бы, работает человек скромно и без шума, «радуется каждой покрышке», как о нем говорят, и берет простые и естественные для себя обязательства... его опыт одобряет партийная организация завода, и начинают появляться в коллективе люди, которые следуют его примеру. Более трехсот воронежских шинников взяли обязательства закончить пятилетку за три года...

О Богатыреве заговорили на заводе, он стал заметен. Выбрали его членом завкома.

В цехе большегрузных шин лучшие сборщики стали переходить на метод Богатырева, работать по одному.

«Потянул, потянул за собой», — радовался Русинов. Чутье коммуниста подсказывало ему, что в таком деле одних лучших производственных показателей мало. Тянутся не столько за показателями — сколько за человеком. Сам человек — его личность, его подход к жизни, отношение к товарищам, отзывчивость на все заводские дела, да и на дела городские — вот как не просто стать в коллективе передовым рабочим.

Богатырев стал. Просто и легко... И в этой простоте и легкости остался неизвестным никому один незаметный подвиг Богатырева.

Когда его почин стали поддерживать другие рабочие, и на метод индивидуальной сборки уже перешел второй «гигант» цеха Николай Корчагин, уже пробовал свои силы Юрий Титенко, и на этом было сосредоточено внимание цеха, с Богатыревым случилось непредвиденное.

Готовя материал для сборки, он поднял три брекера. Но в этот момент как-то отвлекся, задумался что ли, не расслабил, как обычно, мышцы спины и в пояснице что-то «щелкнуло». Вступило. С кем случался радикулит — поймут, что это такое. Николай положил брекеры, сел. Сидит. Ребята сейчас же заметили.

— Ты что, Коля? Плохо тебе? Да что случилось?

— Ничего, — сказал Богатырев.— Это я просто так.

Встал и пошел, «симулируя поход-

С сыном Сережей

ку». Такую свою неторопливую, вперевалочку, беззаботную походку. И встал на сборку. Он работал, а в спине шалела боль. После работы еле взобрался к себе домой, на третий этаж. Дома — никому ни слова. В цехе — никому ни слова. Даже Русинову. На бюллетень погонит. Без никаких. И что тогда? Скажут сборщики: вот, Коля, мы тебя предупреждали. Не может человек более того, что может. И вера будет подорвана.

Богатырев не взял бюллетень. Каждый день он вставал на сборку такой же, как всегда, и только себе заметными способами берегся, чтобы боль не показать. Две недели... после смены, когда очень невмоготу было, входил в заводской парк, садился на лавочку. Потихоньку стонал. А потом отпустило.

Какие разные иногда формы принимает гражданский долг...

Даже не зная всего этого, Русинов сказал: «Сила Богатырева в душе».

На VI Всесоюзном конкурсе мастерства представителей ведущих профессий шинной промышленности страны он вместе с Николаем Корчагиным занял первое место. На этот раз они выступали уже на равных правах с другими участниками, хоть для этого им пришлось специально «тряхнуть стариной», потренироваться вдвоем. Зато поглядеть на их работу собрался чуть не весь завод, многие смену побросали, толпились возле станка, у которого «в одно касание», как говорит Корчагин, с полувзгляда, порхали ручищи двух виртуозов-богатырей.

За победу на конкурсе оба Коли получили в подарок от завода по мотороллеру. А после этого конкурса решением Коллегии Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР была организована школа Богатырева. Три раза на 10—15 дней съезжались лучшие сборщики отрасли, человек двадцать, из разных городов, и наглядно учились у него мастерству, чтобы потом передать этот опыт товарищам на своих заводах. Богатырев не жалел для этого ни времени, ни сил. А со временем-то у него было туго: ведь он дал рабочее слово выполнить до конца 1975 года вторую пятилетку, а это значит, должен был собирать свои, личные покрышки, да по три нормы в день. Вот тут, может быть, и играло важную роль то, что сил у Богатырева хватало. А главное, хватало гражданственности. И высокого чувства долга.

...Одним из учеников Богатырева был молодой сборщик Иван Яншев. Он взял обязательство завершить личную пятилетку к XVII съезду комсо-

Младший Богатырев начинает сразу с руля

мола. И выполнил. Комсомольцы Воронежа выбрали его своим делегатом на съезд. Яншев стал одним из лучших сборщиков цеха. И... разбил легенду о «силачах». Он среднего роста, худощав. А силу ему дала школа Богатырева...

Так вот что такое она, эта «работа для мужчин».

...Однажды на городском митинге, слушая выступление Богатырева, кто-то из воронежцев воскликнул:

— Это он? А говорили, громадный!

Богатырев действительно большого роста. Но такова сила его внутренней культуры, что он как-то не занимает лишнего места. И рядом с ним другим людям легко и просторно.

Последний год девятой пятилетки. Уже три с лишним тысячи рабочих Воронежского шинного завода, идя по стопам Николая Богатырева, закончили ее досрочно. По два пятилетних плана выполнили А. Н. Китаева, Н. П. Алисова — сборщицы спортивных велошин, С. Ф. Маналати — сборщик малогабаритных покрышек. Многие рабочие известны. Но самым популярным стал Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета РСФСР Николай Богатырев. Его имя сравнялось с именем заслуженного летчика-испытателя Вобликова, в мирные дни получившего звание Героя Советского Союза. Теперь два Героя, летчик и сборщик автопокрышек, один — в небе, другой — на земле, воплотившие в себе Отвагу, Доблесть, Труд, — они оба гордость Воронежа.

Девятая пятилетка принесла коллективу завода много трудовых радостей. И была она особой в том смысле, что на заводе не вводилось в строй никаких новых мощностей. Все успехи следует отнести только за счет изыскания внутренних резервов, повышения производительности труда и культуры производства.

Приближаясь к своему двадцатипятилетию, Воронежский ордена Ленина шинный завод уже в три раза перекрыл первоначальную запланированную мощность, и теперь выпускал каждую четвертую шину для сельскохозяйственных машин страны. Это значит: одно колесо каждой машины, работающей на полях Родины, «обуто» воронежцами.

А планы на будущую, десятую пятилетку вырисовываются еще более значительными.

Предстоит освоение новых видов шин с применением лучших материалов, лучших конструкций, и главная задача — повышение их ходимости с 70—80 тысяч километров до 115—120 тысяч.

Но для этого Воронежскому шинному заводу необходима реконструкция. Необходимы новые площади.

Для того чтобы решить этот вопрос, должен был приехать министр нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР.

Его ждали в цехе большегрузных шин: ведь министру еще ни разу не доводилось видеть первого по отрасли Героя Социалистического Труда Богатырева за работой.

Они были знакомы раньше, встречались на XV съезде профсоюзов. Николай приезжал в Москву вместе с директором завода Н. А. Сербиновым, чтобы участвовать в заседании Коллегии Министерства, выступал там, говорил о нуждах завода, о механизации, о жилье для рабочих. Министр быстро откликался. Были выделены фонды для крупного жилищного строительства. В цехе уже появилась первая ласточка — станок новой конструкции, на котором механизированы большинство операций. Но самому Богатыреву вот так, у станка, показать свою работу министру еще не приходилось.

Министр вошел в цех и направился сразу к Богатыреву. У Николая уже вовсю вертелась покрышка. Тут пошли приветствия, разговоры, вопросы, но главное было не в этом. Богатырев вернулся к работе и... накинутый им браслет вдруг слипся. Застрял. Было жарко, корд шел липкий, и только повященные в тонкости мастерства оценили, что скрылось в этот момент за неторопливостью и невозмутимостью Богатырева.

Движение барабана в одну сторону, в другую, поворот скалки — и вот уже браслет наделся, как перчатка.

Министр, секретарь обкома, директор завода пошли в курилку. Там началась беседа с рабочими. И все потянулись туда. Богатырев взял следующий браслет и накинул его на барабан... корд не слипся. Лег без единой складочки.

Богатырев работал. С наслаждением.

Хорошо, что есть такой Богатырев, Герой, рожденный и созданный нашим временем, девятой пятилеткой, открывшей дорогу многим рабочим талантам. Хорошо, что Богатырев — дипломник вечернего химического факультета Воронежского Государственного университета.

«Ваш труд, Николай Григорьевич, представляет собой замечательный образец рабочей доблести, новаторского отношения к своим обязанностям, пример настойчивой борьбы за осуществление решений XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза» — так говорилось в приветствии Леонида Ильича Брежнева.

...А обещание Николай Богатырев выполнил: свою вторую пятилетку он завершил 29 июля 1975 года.

Не может не согревать и не радовать нас, что превыше всего ценится в нашей стране Человек Труда. Страна, как мать, лелеет нас, согревает своим вниманием и заботой, окрыляет постоянной поддержкой. Как же не радоваться этому и как не стремиться претворить в жизнь планы наших пятилеток.

ЗОЯ БЫСТРОВА

СЛАВА, ОБРЕТЕННАЯ В ТРУДЕ

Теперь я уже считаю себя давней знакомой знатной фурмановской прядильщицы Героя Социалистического Труда Елены Георгиевны Амосовой. Встречала ее много раз на торжественных областных собраниях, партийных кон-

Кажется все в порядке

ференциях, пленумах. Виделись мы с ней дома, толковали про жизнь, чаевничали. Вспоминается мне она то смеющейся и добродушной, то строгой. Но более всего запомнилась такой, какой я впервые увидела ее в декабре 1973 года на Фурмановской прядильно-ткацкой фабрике № 2.

Тогда имя Елены Георгиевны Амосовой еще мало кому было известно. Помнится, в корреспондентский пункт «Правды» позвонил первый секретарь Ивановского обкома партии и рассказал о важном для народного хозяйства почине. Фурмановская прядильщица решила выполнить два пятилетних плана за пять лет. К тому времени Елена Георгиевна Амосова являлась инициатором досрочного выполнения принятых напряженных встречных планов. Она уже обслуживала 1104 веретена вместо 700 по норме, на десять процентов превысила проектную производительность машин, достигла наивысшей выработки в текстильной промышленности и носила звание лучшей прядильщицы РСФСР.

...В заснеженный текстильный городок я попала воскресным вечером. Смена Амосовой работала. Ни в парткоме, ни в фабричном комитете никого в это время не было. Меня провели в ярко освещенный цех, где гулко рокотали прядильные машины. На стене красовалась «молния», а рядом — портрет Амосовой, лишь отдаленно передававший, как я убедилась позже, облик этой славной русской женщины.

Ряды машин — рабочее место Елены Георгиевны, как принято называть — уплотнение. Длина сторонки машины — тринадцать метров. На каждой из них — 184 катушки мягкой, легкой, как пух, ровницы. Пройдя вниз меж цилиндров и валиков, ровница превращается в тугую витую пряжу. Амосова вырабатывает уточную пряжу 20-го номера. С прядильщицей рука об руку работают съемщицы шпулей, помощник мастера, наблюдающий за оборудованием. Первой скрипкой в этом «оркестре», пожалуй, является прядильщица. Для неопытного глаза прядильщицы все операции делают вроде одинаково быстро. Но это обманчивое впечатление. У каждой пары рук — свой почерк. Особый почерк и у Елены Амосовой. Мало сказать, что у нее рассчитано, выверено каждое движение. Для выполнения отдельных операций она нашла свой, наиболее рациональный подход. Наблюдая за ее работой, быстро убеждаешься, что «пустых минут» во время смены у нее не может быть. Вот она свободно, явно не спеша, идет

вдоль машины. Неприметно заменила ровничную катушку, присучила нить — и дальше. Приблизившись к нам, Елена Георгиевна виновато улыбнулась, мол, что поделаешь, веретена не ждут. А заменить ее тогда, в те первые дни почина, было некому. Амосова работала на семи сторонках, обслуживая одновременно 1288 веретен, в то время как ее даже самые умелые подруги справлялись пока с шестью сторонками. Следовать примеру Амосовой они еще не решались: ну как не справишься, осрамишься у всех на глазах.

Не сразу, а постепенно, от встречи к встрече, от случая к случаю раскрывался для меня характер Елены Георгиевны Амосовой.

Не было в нем ни резкости, ни бросающейся в глаза напористости. По своему отношению к людям она скорее человек ровный, мягкий, чувствующий настроение собеседника. Вот эти качества, думается, и помогли ее почину обрести сторонников, последователей уже на самых первых порах.

Помнится, она поделилась со мной своим беспокойством. В те самые трудные первые месяцы, когда она начала обслуживать семь сторонок, по сути дела работая за двоих, кое-кто спрашивал у нее, зачем тебе такая нагрузка? И без того работаем не спустя рукава... Вспомнилась молодая съемщица из бригады — Вера Киселева. Когда Елена Георгиевна только начала обслуживать семь сторонок — три с половиной прядильных машины и нагрузка на съемах возросла, Вера заявила, что работать с Амосовой не согласна, что заработка ей и без того хватает, и сгоряча покинула уплотнение. Именно в те минуты и появилось в сердце Елены Георгиевны сомнение.

«Хорошо, — думала она, — для меня работа — смысл в жизни. Семья не сложилась. Дочку одна вырастила. Мне взятая нагрузка по силам. А другим? Нужен ли мой почин тем, кто рядом? Женщинам, у которых семья — муж, дети, хозяйственные заботы?..»

Поняла ее душевное состояние бригадир Люция Русецкая — мать троих детей. Подошла, заговорила, ничем не напоминая о Вере. А потом Маргарита Виноградова заглянула во время обеденного перерыва, пообещала:

— Без слова стану, Елена, еще на одну сторонку. Пришли работать, надо работать, а не спорить.

Вскоре вслед за Амосовой попробовали свои силы текстильщицы Мария Семенова, Августа Беляева, Нина Кротова. Теперь почин этот поддержан тысячами текстильщиков и рабочими других отраслей. Работать на уровне высокого мастерства для каждого из них — потребность. Что это означает?

Скажем, обслуживали сменщицы Амосовой по шесть сторонок. Взяли еще по одной, седьмой. Забот прибавилось. И прежде немало времени у прядильщиц отнимали всевозможные досадные помехи. То не хватает цевок — простой. То кончились кассетные ящики, надо самой бежать за ровницей — опять простой. Тут было над чем призадуматься инженерам, экономистам — организаторам производства, чтобы содействовать замечательному почину.

Нелегко было и самой Амосовой досрочно выполнить задание пятилетки. Норма выработки пряжи на машину — 133 килограмма, по плану — 149. Амосова обслуживала не две, а три машины. К 10 ноября 1973 года она выработала 300 тонн пряжи — с честью выполнила личное пятилетнее задание. Однако прикинула, ведь за оставшееся время можно еще выработать не меньше 310 тонн пряжи. Иными словами — еще одно пятилетнее задание.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев поздравил Елену Георгиевну с замечательным трудовым достижением: «Эти успехи стали возможны благодаря Вашему высокому профессиональному мастерству, творческому отношению к труду, умелому использованию техники текстильного производства. Вы достигли наивысшей производительности труда в текстильной промышленности страны на сравнимом ассортименте продукции и аналогичном оборудовании».

Сама Елена Георгиевна всегда приходит на смену чуть раньше, чуть позже заканчивает работу, чтобы ввести в курс дела сменщицу—это сказывается на работе. На многие операции Амосова затрачивает времени меньше, чем положено по норме. Скажем, обрыв нити устраняется в среднем за 3,3 секунды, она и здесь секунду экономит да еще три секунды на смене катушки ровницы. Если осмотр оборудования хорошо налажен, то это позволяет в течение смены сберечь уже не меньше часа. Значит, есть возможность больше внимания уделять качеству пряжи. Так что все вроде бы предусмотрено, разумно, выполнимо. Но вот Вера, ее съемщица...

Чем же вызван уход этой молодой женщины с уплотнения? Ее нежелание взять на себя повышенную ответственность, чуть увеличенную нагрузку? Почему ей сподручнее терпеть производственные неполадки, сбои, работать и завтра, как работали вчера? Почему ее устраивает привычное, бесхлопотное течение жизни на производстве?

Поразмыслив, Елена Георгиевна пришла к честному самокритичному выводу: вину следует взять на себя. Она — коммунист, она — более опытный в житейских делах человек, оказывается, мало уделяла внимания работавшей рядом мастерице. Не смогла донести до другого сердца то, чем сама горела, во имя чего взяла на свои плечи дополнительную нагрузку. И потому так получилось, что Вера еще многого недопонимает.

В такие минуты душевной тревоги Елена Георгиевна вспоминает свою мать. «Поговоришь с нею, словно душа очистится». Вся семья Амосовых — потомственные текстильщики. Мать пережила войну, поставила детей на ноги. Не так уж много выпало на ее долю безоблачных дней. А как сохранила она свою живую душу. Многие годы складывалось у матери самосознание советского рабочего человека. Она не отделяет своей судьбы от судьбы Родины. Именно у матери Елена Георгиевна нередко находит самую верную опору.

Взяла дочь дополнительную нагрузку.

— Только разве славы она ищет! Вся жизнь у Елены связана с производством, она свое дело знает. Взяла еще сторонку, а как не взять. Было время, когда горохового киселя вдоволь не едали. А сейчас как живем? Грешно жаловаться. Подавай все получше да побольше. А кто же это нам подаст, если сами не постараемся, если каждый на свои плечи чуть больше не положит?

— Знаете, о каком я празднике мечтаю? — говорит Елена Георгиевна. — О Дне наставника. Будет такой день. В гости к нам, рабочим-ветеранам, будут приходить семьями — родители с детьми. И как самую большую нашу заслугу перед коллективом будут отмечать заботу о смене. В самом деле, это ведь очень важно, чтобы молодой человек ярко, торжественно отметил свое становление на рабочий путь, а мастер — передачу производству, скажем, сотого своего ученика.

С благодарностью вспоминает Амосова и своих первых наставниц: прядильщицу Серафиму Константиновну Гусеву, Валентину Ивановну Романову. Было время, когда мечтала Елена

Вот в чем секрет!

стать учительницей. И выучилась. Только так сложилось, что не довелось ей устроиться в школу — не было свободных мест, время же было послевоенное, трудное, и не работать она не могла. Ну и пришла на фабрику, посчастливилось ей с хорошими наставницами. И теперь считает, что «угадала» свою настоящую профессию, которой по праву гордится...

Вспоминается Ивановская областная отчетно-выборная партийная конференция. Притихший зал. На трибуне — невысокая женщина. Так вот она — Елена Амосова. Многие делегаты увидели ее впервые, хотя уже знали по фотографиям в печати, ее выступлениям по телевидению.

Едва сдерживая волнение, она медленно произносила первые слова, не поднимая глаз от листков, с которыми вышла на трибуну. Но вот волнение прошло, прядильщица заговорила о том, что было близко и понятно ей, о том, чем она живет, во имя чего многие годы трудится, не жалея сил. И все с облегчением почувствовали, что она успокоилась. Слушали ее с явным удовольствием, поддаваясь той взволнованности, с какой рассказывала она о замечательных переменах на фабрике, о тех, кто подхватил ее почин, о партийной организации фабрики, живо поддержавшей это начинание. И по мере того, как она говорила, голос ее набирал силу, становился каким-то напевным. И уже никого не удивило, когда она, еще не кончив своего выступления, прошла к столу президиума и положила перед министром легкой промышленности прядильные кольца, тонко звякнувшие в притихшем зале.

— Неприметные колечки, — сказала Амосова, — а ведь именно от них, от бегунков, от качества другой вспомогательной «малой» техники, от добротности материалов и зависит, как сработает прядильщица. Опытная партия этих колец проходит у нас на фабрике испытание. Изготовлены они Научно-исследовательским институтом тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. От имени прядильщиц заявляю: эффективная новинка! На 20 процентов позволяет сократить обрывность нитей. Изготовление их в десять раз дешевле старых. Товарищ министр, помогите быстрее наладить их производство, а заодно добейтесь повышения качества вспомогательных материалов. А уж мы, прядильщицы, не подкачаем. Примите заранее наше рабочее спасибо!

Зал загудел. Делегаты с одобрением и симпатией смотрели на разрумянившуюся землячку, которая возвратилась на трибуну, чтобы закончить

За каждым письмом — судьба

свою речь. Оказалось, что Амосова при всей своей стеснительности в общем-то не из робких. Помогает ей многолетняя практика работы в общественных организациях. Не первый год руководит Елена Георгиевна областной и фабричной школами передовых методов труда. Много раз выполняла она ответственные поручения Фурмановского горкома партии и партийного комитета фабрики, членом которых избиралась в течение нескольких лет.

Как бы ни была занята Амосова, никогда не откажется от встречи с текстильщиками, комсомольцами, школьниками. А повидаться с ней, посоветоваться многие хотят. И она не может не пойти к тем, кому близки и понятны ее душевный настрой, решимость сделать за пятилетку в два раза больше, чем намечено заданием. В том-то и видит она смысл своего почина, чтоб как можно больше людей прониклись ее уверенностью, убежденностью, что необходимо работать как можно лучше, производительнее. И не кому-то просто, «всем вообще», а вот — тебе, ему, мне — каждому из нас на своем рабочем месте.

Почин Елены Георгиевны Амосовой — явление характерное для земли ивановской, родины первого в России Совета рабочих депутатов, главного текстильного цеха страны. Много здесь похожих на Амосову, на кого равняются, с кого берут пример тысячи. Разве может оставить равнодушным любого текстильщика биография земляка Амосовой — помощника мастера Фурмановской фабрики имени 50-летия СССР Героя Социалистического Труда Виталия Смирнова? Как и Амосова, Смирнов первостепенное значение придает умению подойти к человеку, увидеть и пробудить его скрытые возможности. За последние годы коммунист Смирнов шесть раз переходил в отстающие бригады и выводил их на уровень лучших на фабрике. Его примеру последовали многие помощники мастеров.

Так что в Фурманове никто не удивляется тому, что знатная прядильщица Амосова чуть что — спешит к своим ученицам.

Эта черта — не только самому работать отлично, но подтягивать и тех, кто рядом — одна из самых прочных традиций текстильного городка.

Доводилось мне также встречаться и беседовать с В. А. Семеновым — известным в текстильной промышленности рационализатором и изобретателем. Местом рождения главных его новинок тоже стал Фурманов, куда привозит он свои самые серьезные но-

ваторские задумки. «Есть у фурмановцев, — говорит Семенов, — особая тяга к новому. Чуть ухватят суть производственной новинки, — глядишь, загорелись идеей, спешат осуществить ее на деле».

О прядильно-ткацкой фабрике № 2, где уже 27 лет работает Амосова, можно сказать, что здесь сложился крепкий коллектив новаторов, рационализаторов, застрельщиков социалистического соревнования. Десятки раз фабрика выходила победителем Всесоюзного социалистического соревнования текстильщиков. Отсюда пошли многие принципиально важные усовершенствования. В частности, одна из последних новинок В. А. Семенова — это кассетно-контейнерный способ съема и транспортировки пряжи, опробованный впервые на прядильных машинах Амосовой. Освоение и внедрение этого способа позволяет в полтора раза увеличить производительность труда во всех звеньях прядильного производства. Не случайно здесь намного превышена проектная производительность новых прядильных машин.

Нет сегодня на фабрике такого участка, где бы почин прядильщицы Елены Амосовой не всколыхнул новые силы. Трудовым подвигом назвали ивановцы почин своей землячки.

Но не в характере фурмановской прядильщицы трудиться в полнакала. К своим семи сторонкам она теперь прибавила... восьмую! И вместо 700 по норме обслуживает 1472 веретена. Изменили на уплотнениях паковку — более емкими стали катушки с ровницей. Улучшился график профилактического обслуживания прядильных машин, благодаря этому сократилась обрывность нитей, которая была у Елены Амосовой и без того самая низкая на фабрике. И она дала слово, что второе пятилетнее задание при создавшихся условиях выполнит к 7 ноября. А 30 октября стало известно, что Е. Г. Амосова выполнила свою вторую пятилетку — выработано 310 тонн первосортной пряжи.

По заслугам Герой Социалистического Труда Елена Георгиевна Амосова избрана своими земляками депутатом Верховного Совета РСФСР.

За выдающиеся достижения в труде на основе увеличения зон обслуживания, совмещения профессий и инициативу в развертывании движения наставничества Е. Г. Амосовой присуждена Государственная премия СССР 1975 года.

Самое большое счастье для буровика-разведчика — это знать и видеть, как найденные подземные сокровища идут на службу народа, умножают могущество Родины.

ГЕОРГИЙ СВИРИДОВ

БУРОВОЙ МАСТЕР

В моей записной книжке, которая побывала со мной в далеких поездках, есть короткая запись: «Жумажанов, бур. маст. в Сургуте». И под ней черта. Ее провел Салманов Фарман Курбанович, Герой Социалистического Труда,

лауреат Ленинской премии, доктор геолого-минералогических наук. Подчеркивая своей шариковой ручкой слова, он тихо сказал (мы сидели в зале на собрании):

— В Сургуте обязательно побывайте у Жумажанова.

Это было несколько лет назад. Я собирал материал для своей новой книги, в основу которой должны были лечь события, связанные с открытием нефти и газа в Западной Сибири. Меня интересовали прежде всего люди. Их судьбы, характеры, столкновения. А здесь, в Тюмени, всего много—и интересных неповторимых судеб, ярких самобытных характеров, борьбы, поражений и небывалых удач... О людях зажигательно рассказывал первый секретарь Тюменского обкома партии, выступая в Москве в Центральном доме литераторов. Казалось бы, что нового мог он сказать об этих героях и их делах, когда в те дни все наиболее интересное было уже известно, описано, даже отснято на фото- и кинопленку? Но секретарь обкома с увлечением рассказывал не о том, что хорошо известно, а о том, что этому— теперь известному — предшествовало. На это он исподволь нацеливал меня уже в Тюмени, когда мы часами беседовали.

Секретарь обкома партии приводил цифры, факты, имена и среди прочих героев открытия с особой любовью произносил фамилии буровых мастеров, вышкомонтажников, дизелистов, шоферов, слесарей...

— Ученые прогнозируют, предполагают, геологи ведут поиск, а буровики дают ответ на главный вопрос — что же таится в глубине, под пластами земли.

И помнится, рядом с прославленными проходчиками земных толщ секретарь обкома назвал и фамилию Жумажанова.

— У него высокие скорости бурения, восьмую пятилетку бригада выполнила досрочно и сейчас вышла в число передовых.

О Нажмидене Жумажанове с большой теплотой говорил мне лауреат Ленинской премии, доктор геолого-минералогических наук Лев Иванович Ровнин:

— У этого человека железные нервы... Следует напомнить: в октябре 1961 года, перед XXII съездом КПСС, — тогда здесь никакой нефти еще не было, геологоразведочная экспедиция Фармана Салманова взяла на себя смелое социалистическое обязательство: порадовать Родину нефтяным фонтаном. Испытывали — теперь уже знаменитую — скважину Р-62. Пласт, на который надеялись, дал воду. Все нервничали. Нужно было срочно начать испытание другого пласта. А запаса времени уже нет — до открытия съезда считанные дни.

Началась осенняя стужа. Испытание вела бригада Жумажанова. В те напряженнейшие дни он казался удивительно спокойным, сосредоточенным. И фонтан дали. Какой фонтан!.. Именно отсюда и началась сибирская нефть.

В тот же день в Москву, в Кремль, в Президиум XXII съезда партии пошла телеграмма с рапортом. В ответ пришла правительственная с поздравлениями.

— Вы хотите подробней узнать о Нажмидене Жумажанове? Это буровой мастер высокого класса. Среди буровых бригад Главного Тюменского производственного Ордена Ленина геологического управления его бригада по праву занимает одно из первых мест, — так отозвался о Жумажанове начальник этого управления Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Юрий Георгиевич Эрвье, человек, который на протяжении четверти века возглавляет наступление на подземные кладовые Западной Сибири.

Спокойствие, сосредоточенность —
его главная черта

— Бригада Жумажанова, — продолжал Юрий Георгиевич, — в совершенстве овладела современной технологией бурения и на протяжении ряда лет добивается высоких показателей. Трудятся они в сложных условиях. Разведка есть разведка. Удачи чередуются с неудачами. Но бригада Нажмидена постоянно повышает производительность труда, перевыполняет свои всегда высокие социалистические обязательства, добивается значительного снижения стоимости буровых работ. Есть ли в бригаде текучесть? Да, из бригады Жумажанова порой уходят люди. Но это «текучесть» совсем иного характера. Вырос человек — его переводят в другой коллектив. Однако основной состав, костяк бригады, его ядро, остается почти бессменным. Люди крепко сработались. Каждая скважина, пробуренная бригадой в последние годы, пробуренная, как правило, с опережением графика, еще больше сплачивает людей. Такие люди, как Жумажанов, — наш золотой запас, наша опора и надежда.

Разные люди по-разному, но все с одинаковым уважением и долей восхищения говорят о буровом мастере Нажмидене Жумажанове. Из этих высказываний, как из отдельных штрихов, складывается портрет человека, судьба которого была неразрывно связана с легендарным прошлым и героическим настоящим знаменитого нефтяного края.

А ту памятную строчку, по совету Фармана Салманова, я внес в свою записную книжку в Тюмени, в Доме политического просвещения, на собрании актива областной партийной организации. На партактиве шел серьезный разговор — по-сибирски, масштабно, глубоко поднимались насущные проблемы: разведка новых месторождений, эксплуатация, добыча, строительство железной дороги к Сургуту, о первых испытаниях нефтепровода... Я сидел рядом с Фарманом Салмановым. Мы слушали выступавших и сами тихонько делились впечатлениями. Вот тут Фарман Курбанович и назвал мне фамилию Жумажанова:

— Обязательно побывайте у него в бригаде. Ведь Жумажанов — это история. Он прибыл в Сургут, когда еще ничего не было, когда о нефти лишь мечтали, и сейчас работает в Сургутской экспедиции, продолжая великое дело разведки. Его жизнь — это целая глава в биографии сибирской нефти, понимаете?

— Кто он по национальности? Азербайджанец?

— Нет, он не земляк мне, хотя таким земляком я гордился бы. Жумажанов казах. А бригада у него многонациональная, дружная.

Вот он сидит передо мной — прославленный бурильщик. Сидим мы в тесной кабине вертолета. Обычный рейсовый полет: на буровую отправляется очередная вахта, и мы вместе с нею.

Внешне Нажмиден Уакпаевич ничем особым не отличается. Моложавый, несколько застенчивый, приятные черты лица, покрытого легким загаром; волосы темные, зачесаны назад, на висках мягкий налет седины, как, бывает, ранней осенью падает

Не нервничай, ищи причину
и устраняй неполадку...

первая изморозь. Встретишь такого на городской улице, и ни за что не подумаешь, что перед тобой покоритель сибирской нефтяной целины.

О Сургуте он говорит с нежностью и любовью, гордясь им и в то же время не скрывая недостатков. Так может говорить только истинный патриот своего города.

Сургут еще не совсем город, хотя по числу жителей уже перешагнул за шестой десяток тысяч. Сургут состоит из поселков: поселок Геологов, поселок Нефтяников, Рыбокомбината, Энергетиков, даже есть поселок Строителей моста через Обь... У каждого поселка свои магазины, свой транспорт, своя телефонная линия. Но Сургут растет и станет настоящим городом.

Он, Жумажанов, один из тех, кому выпало пробудить Сургут от векового сна, заставить быстро расти, строиться, набирать силы. Удачное географическое расположение — порт на Оби, железнодорожная линия от Тюмени пересекла тайгу и подошла к городу, к мосту, крупная ГРЭС, работающая на попутном газе, а главное — нефть. И Жумажанов знает каждое месторождение не из книг, не из передач по радио и телевидению; он сам шагал к ним по тайге, ежился от холода в тесных балках, увязал в незамерзающих болотах и всюду бурил, бурил, бурил...

Его жизни — всего, что он видел, пережил, к чему приложил свои натруженные руки — с избытком хватило бы на большой роман. Но Жумажанов говорит о себе сдержанно — ничего, мол, особенного в моей судьбе, обычная жизнь буровика. Он больше и охотнее рассказывает о других, о людях своей бригады...

И вот мы летим к его бригаде. Вертолет делает круг над Сургутом. Нажмиден Уакпаевич смотрит в круглый иллюминатор.

Вертолет пролетает над берегом замерзшей Оби. Внизу большой речной порт. Застыли гигантские портальные краны. У причалов зимуют тяжелые баржи. На берегу — склады с оборудованием, трубами, железобетонными конструкциями, лесоматериалами — все ждет начала навигации...

Нажмиден мог бы рассказать о тех временах, когда берег был голым, а грузы с баржи стаскивали обычным трактором.

На буровую в те недавние, но ставшие уже далекими времена добирались на лошадях.

Под вертолетом проплывают кварталы города, тянутся бетонированные улицы. Среди недавно возведен-

Срочное дело

Смена заступает на буровую

ных пятиэтажных зданий выделяется Дом Советов. В Сургуте уже насчитывается несколько Домов культуры, детских садов и яслей. Идет строительство нового мощного хлебозавода с учетом прироста населения, возводится мясокомбинат с колбасной фабрикой, растут цеха авторемонтного завода. Запланирован спортивный комплекс, несколько залов и крытый плавательный бассейн...

* * *

Бо́льшая часть прожитой жизни Нажмидена Жумажанова крепко связана с Сургутским районом. А родился он за две тысячи километров от Сургута, под Новосибирском. Отец был председателем колхоза. В беззаботные детские годы Нажмиден даже не представлял себе, что на свете существует столь важная наука — геология и есть такая нужная людям профессия — бурильщик. Подрастая, мальчик интересовался техникой: сеялками, косилками и, конечно, трактором.

В мирную жизнь нежданно ворвалась война. Отец ушел на фронт. Подростки, вместе с женщинами и стариками, заменяли ушедших в армию — стране нужен был хлеб, продукты. Отец воевал под Ленинградом. С фронта приходили немудрящие солдатские треугольники, но сколько радости они доставляли семье! В сорок третьем — пришло извещение: пал смертью храбрых...

Сын заменил на фронте отца. Война была жестокой, затяжной. Комсомолец Нажмиден Жумажанов стал пулеметчиком. Он воевал почти в тех же местах, где сражался и погиб отец. Из-под Ленинграда погнал оккупантов в Прибалтику, потом дальше в Пруссию, где и закончил победно войну. Воинов старших возрастов демобилизовали, а молодым предстояло служить дальше. Полк направили на Восток. Нажмиден Жумажанов проезжал мимо родных краев, поезд мчался дальше, к Владивостоку. Но воевать не довелось: победа была одержана, пока часть Нажмидена была в пути. Однако служить пришлось еще пять лет в трудных условиях дальнего Севера.

Домой вернулся в 1950 году. За годы военной службы отвык Нажмиден от земли. Нет, не боялся он тяжелой работы, но хотелось, чтобы труд доставлял больше удовлетворения, хотя парень тогда не мог сказать точно, какая профессия привлекала его.

К тому времени на окраине села появилось странное сооружение — вышка. Прошел слух, что «приехали

геологи», они будут через стальные трубы заглядывать в глубь земли. Нажмиден недоуменно пожал плечами: а для чего же тогда они сколотили вышку, по которой чуть ли не до облаков можно добраться? Чего только не наговорят, нет, надо самому все посмотреть... Пошел он к вышке, да и застрял там. Рокотали дизеля, пахло соляркой, железом... Демобилизованному солдату объяснили, что здесь геологи ищут нефть. Нефть?.. Это, пожалуй, интересно. Нажмиден стал простым рабочим. Фронтовая закалка и солдатская сноровка помогли проявить себя. Он брался за любую работу, быстро все схватывал, запоминал. Его заметили. Послали на годичные курсы. Нажмиден в 26 лет получил диплом бурильщика.

В те годы ему казалось, — сдал экзамены и главные трудности остались позади. Теперь пожинай плоды учебы. Он не подозревал, что настоящая учеба только началась, учиться предстоит всю дальнейшую жизнь, ибо каждая новая скважина таит в себе неожиданности, которые трудно предвидеть. Конечно, накопленный опыт поможет. Но ведь много тайн спрятано в глубине земли. Теперь, с высоты прожитых лет, Жумажанов видит: путь к мастерству не легок, но это единственно правильный путь.

У нефтеразведчиков жизнь кочевая. Подолгу не задерживаются на одном месте. Пробурили скважину, заглянули в подземные пласты и, если нет ничего, как говорят специалисты, перспективного, разбирают вышку; буровая бригада перебирается на новое место. А там — все с самого начала: надо монтировать вышку, устанавливать агрегаты, оборудовать базу, строить землянки...

Опять новый район, на сей раз в Омской области, рядом с деревней Ново-Покровка. Здесь повстречалась девушка — колхозница Даша, дочь Егора Заставы; острым с искоркой взглядом зацепила сердце Нажмидена, словно магнитом притянула к себе все мысли. На шумной свадьбе плясали геологоразведчики и колхозники, а председатель лишь сокрушался, что чернявый парень навсегда уводит из колхоза замечательную работницу. Он предлагал Нажмидену поселиться в колхозе, где у него будет свой дом и все необходимое для обзаведения хозяйством.

— У тебя же золотые руки, парень! Люди, дружные с машинами, ох, как нужны нам!

Но романтика подземных поисков, разведка таинственных кладовых уже увлекла Жумажанова. Он так много слышал от бывалых буровиков о га-

зовых и нефтяных фонтанах, об открытиях залежей и месторождений, что никакая другая профессия его не привлекала — Нажмиден Жумажанов навсегда связал свою судьбу с геологоразведкой. И когда в 1959 году, после очередной скважины, которая дала только воду, бригаде предложили отправиться в далекий Сургут, с экспедицией Фармана Салманова, он, не колеблясь, тут же дал свое согласие.

Сейчас, вспоминая те пустые скважины, Жумажанов говорит:

— Не по-хозяйски в то время поступали. Ведь скважины иной раз давали горячую воду. А их глушили, не использовали. Можно было передавать скважины колхозам. Горячая подземная вода — это же и готовое отопление для домов и школ...

Сургут встретил геологоразведчиков июльской парной жарой. Но работа есть работа. Огляделись, устроились. Бурили медленно, долго. Случались поломки или нехватки то одного, то другого. Но скважина обнадежила — выдала полторы бочки первой сургутской нефти.

— Появилась вера, интерес к делу, — рассказывает Жумажанов, — надежда крепла с каждой новой скважиной. Удача все же выпала не нам. Первый настоящий промышленный фонтан ударил далеко от Сургута, на юго-западе Тюменской области, в Шаиме. Мы радовались за наших друзей и завидовали им: нашли нефть. А в марте 1961 года, наконец, улыбнулось и нам счастье: ударил фонтан в Мегионе.

В те годы гремела на Шаиме бригада Семена Урусова. Он стал Героем Социалистического Труда, избрали его депутатом. Со временем, однако, в Шаиме бурить стало нечего — месторождение разведали, запасы определили. И эта знаменитая бригада перебралась в Сургут. Нажмиден Жумажанов не утерпел. Посоветовался со своими ребятами — и вызвали прославленных буровиков на социалистическое соревнование. Вскоре место Семена Урусова занял другой, не менее прославленный буровик Николай Мелик-Карамов. Началось единоборство двух бригад; восьмую пятилетку обе выполнили досрочно. Бригада Жумажанова выполнила социалистические обязательства по бурению за три с половиной года.

— На девятую пятилетку взяли более высокие обязательства, хотя план наш увеличился, — продолжает рассказывать Жумажанов. — Здесь еще надо учесть сложность расположения буровых, отдаленность, а самое главное — бурить стали более глубокие скважины.

— Ну и как?..

— Старались сколько могли, — отвечает Жумажанов. — Нам не только бурить приходилось: еще и учить. В нашей бригаде организовали школу передового опыта. Ученики-то непромах, глаза у них острые, стараются не только перенять опыт, но и побить своих же учителей. Так что отставать нам никак нельзя было...

Весною 1974 года Нажмиден Жумажанов выступал на коллегии Министерства геологии РСФСР по итогам трех лет работы. Бригадир, конечно, волновался, но все прошло хорошо. Некоторые члены коллегии бывали у Жумажанова в Приобье. И сейчас разговорились: о возможных скоростях проходки, о дисциплине, качестве машин, об экономии, себестоимости... О бригаде говорили.

— Ну, бригада-то у нас крепкая, надежная...

И Жумажанов начал рассказывать о своем помощнике Иване Ивановиче Раменском, который приехал из Грозного, заочно окончил техникум, сперва работал помощником бурильщика, потом бурильщиком, сейчас стал помощником мастера, «правой рукой». Говорил о буриль-

щиках, которые возглавляют вахты: о башкире Салахе Шамшаевиче Сабахутдинове, вместе с ним Жумажанов трудится с 1962 года, Сабахутдинов выезжал в Польшу, делился опытом с польскими буровиками; об Анатолии Ивановиче Тумашове, коренном сибиряке, сургутянине, который почти десять лет работает в бригаде; о молодом бурильщике Вадиме Матвеевиче Есине, который только в прошлом году окончил курсы и теперь умело возглавляет буровую вахту... О многих других заслуженных тружениках говорил Жумажанов. Эти выдающиеся мастера своего дела, преданные поискам новых сокровищ в недрах земли, — все вместе составляют одно единое целое — буровую бригаду Нажмидена Жумажанова.

— Бригада Жумажанова одна из самых передовых в нашем коллективе, — говорит начальник Сургутской нефтеразведочной экспедиции Николай Михайлович Морозов. — К 24 декабря 1974 года бригада выполнила свой пятилетний план с высокими показателями. Выработка в год составила 23—25 тысяч метров, коммерческая скорость — 2400—2700 метров на станок в месяц при средней глубине 2400—2600 метров. По сравнению с итогами восьмой пятилетки бригада Жумажанова значительно повысила и скорость проходки и глубину скважин. Высокие скорости получены благодаря правильной организации труда, слаженной, дружной, безаварийной работе всего коллектива, бесперебойной подаче необходимых материалов, высокой сознательной трудовой дисциплине, внедрению новой техники, использованию передового опыта проходки скважин. Но высокие показатели в работе не только у Жумажанова. Бригада Мелик-Карамова, например, выполнила свою пятилетку 13 марта 1975 года, а бригада мастера В. Соловьева — 29 марта. Отлично работают и вышкомонтажники из бригад М. Печковского, Г. Конова.

Возглавляемая Н. М. Морозовым Сургутская нефтеразведочная экспедиция является сейчас лучшей по Министерству геологии: выполнены государственные планы и повышенные социалистические обязательства; здесь самая высокая скорость бурения. В 1974 году она составила 2191 метр на станок в месяц при плановом задании — 1618 метров, а средняя глубина скважин достигла 2700 метров.

Дружная и слаженная работа экспедиции позволила досрочно, за три года и девять месяцев, выполнить пятилетнее задание по разведке промышленных запасов нефти.

Только в 1974—1975 годах за досрочное выполнение заданий девятой пятилетки и социалистических обязательств шестьдесят работников экспедиции награждены орденами и медалями СССР, а лучшему буровому мастеру Нажмидену Уакпаевичу Жумажанову присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Мой рабочий подарок XXV съезду КПСС — одиннадцать с половиной годовых норм в 9-й пятилетке. Считаю гражданским долгом все свое мастерство передать молодежи.

А Когаля —

МИХАИЛ КРИВИЧ

ОПЕРЕДИВШАЯ ВРЕМЯ

1974 год, 29 ноября, ночь.

Вышла я в смену и знала уже, что до завершения своей второй пятилетки мне осталось переработать 213 килограммов нити. Вот и решила: не уйду из це-

ха, пока не выполню своего обещания.

Впервые в жизни заправила 352 веретена — пять с половиной перемоточных машин.

В час ночи подошел ко мне начальник смены Виктор Васильевич Морозов. Взвесили первый съем.

— Как ты думаешь, сколько? — спрашивает Виктор Васильевич.

— Да, килограммов сто сорок, наверное, будет, — отвечаю.

— Сто сорок четыре!

Значит, осталось 69 килограммов. Я две машины остановила — хватит и оставшихся. Продолжала работать. Под утро — уже светало — пришли в цех товарищи, много народу. Цветы принесли.— Не рано ли? — думаю. Взвесили выработку — 223 килограмма! Вот и есть вторая моя пятилетка. И маленький шажок в следующую — 10 килограммов. Устала...

Прихожу домой, а там меня уже ждут — родные мои, и подруги по смене, и товарищи из парткома, завкома — тоже с цветами. Прежде чем отдыхать, позвонила секретарю горкома партии Ивану Петровичу Подгайному:

— Преодолела рубеж. Боялась, что не перешагну...

Это — рассказ Анастасии Филипповны Когачевой об одном из важнейших событий в ее жизни — о том, как шагнула она своим трудом в восьмидесятые годы. Рассказ незатейливый и бесхитростный, но в то же время наполненный пафосом трудового подвига.

Пусть простятся автору громкие слова. Они здесь, право, уместны, тем более, что от самой Анастасии Филипповны Когачевой — сорокашестилетней женщины, имя которой стало широко известно в нашей стране, стало символом коммунистического отношения к труду — от самой Анастасии Филипповны никогда и никто громких слов не слышал.

* * *

Анастасия Филипповна Когачева работает перемотчицей шелка в отделочно-перемоточном цехе капронового производства Энгельсского комбината химического волокна имени Ленинского комсомола. У нее три дочери и сын, четыре внука. Она носит почетные звания: «мастер — золотые руки», лучший рабочий своей профессии. Анастасия Филипповна — победитель социалистического соревнования 1973 и 1974 годов. Она кавалер ордена Трудового Красного Знамени и Герой Социалистического Труда. У нее своя школа работы, сотни последователей в Энгельсе, Саратове, Балакове, Клину и других городах страны. Обо всем этом мы расскажем несколько позже. А пока — портрет Анастасии Филипповны, а точнее три ее портрета.

Когда перемотчица Когачева взяла обязательство выполнить девятую пятилетку за 2,5 года, Энгельсский городской комитет партии выпустил плакат, рассказывающий об опыте ее работы. В центре плаката — женщина средних лет в скромном деловом костюме, украшенном орденом. У нее густые каштановые волосы, высокий лоб, серьезный, сосредоточенный взгляд. Такой видят Когачеву в президиумах слетов передовиков труда, на заседаниях городского Совета депутатов трудящихся, на встречах с пионерами.

Второй портрет Когачевой менее известен. Костюм попроще, не так тщательно уложены волосы. К глазам сбежались морщинки... Но вот любопытно: эти морщинки совсем не старят Анастасию Филипповну: они делают ее лицо близким, давно знакомым. Такой она бывает дома с детьми и внуками, с близкими друзьями.

Наконец, портрет третий. Туго стягивающая волосы белая косынка — она предписана строгими правилами

техники безопасности. Светло-серый сарафан — форменная рабочая одежда для всех перемотчиц и крутильщиц комбината, мягкие тапочки на босу ногу. Это — в цехе, за машиной.

Одежда сильно меняет облик человека. Для женщин эта истина неоспорима вдвойне. Но вовсе не одежда делает третий портрет Когачевой наиболее привлекательным. Лицо Анастасии Филипповны во время работы меняется ежеминутно. Спокойное и мягкое выражение сменяется строгим и озабоченным. Она на мгновенье задумывается, принимает решение, спокойно и деловито это решение выполняет. Здесь соседствуют простота и достоинство, доброта и строгость, увлеченность и сосредоточенность. И еще нельзя не запомнить ее руки — сильные, ловкие. Амплитуда их движений удивительно широка: от едва заметного прикосновения пальцев к нитям — до размашистого, поистине дирижерского жеста.

* * *

— Я люблю свой комбинат, — рассказывает Анастасия Филипповна.— Никогда не забуду, как пришла первый раз в цех: чисто, светло, даже шум машин приятный. Меня часто просят открыть «секрет» моей работы. А ведь, честное слово, никаких секретов. Просто — большой опыт, старание. Я двадцать пять лет работаю с нитью. До этого с семнадцати лет трудилась сновальщицей на ткацкой фабрике «Вперед» в Волгоградской области. В Энгельс приехала в 1960 году. И сразу в отдел кадров комбината, тогда только пустили капроновое производство.

Перемотчицы были нужны еще больше, чем сейчас. И все равно брать меня не хотели: возраст, мол, не тот, упущено время. А мне всего тридцать первый год шел. Предлагали в цех озеленения, в коммунальный отдел. Я просилась на машину — люблю машины. Потом все-таки взяли.

Сначала я работала на двух веретенах, потом на четырех. Уставала. Похожу-похожу и присяду. Потом пообвыкла. Сейчас я частенько смотрю на наших девчат, они за смену больше часа в бытовке сидят. Нет, не лодырничают, просто еще не привыкли к нагрузке. Я тоже такая была.

Сдала экзамен, получила разряд. Стала работать на целой сторонке — это 32 веретена. Потом перешла на 48. Всякое было. Случался и брак. Предлагали мне перейти на более спокойное место — весовщицей работать. Просто жалели меня по-человечески. Я поначалу согласилась. Сдала сменную выработку, оделась, пошла домой. Вышла за проходную, остановилась, подумала немного и обратно. Нет, говорю, останусь на машине.

Было такое — я год проработала мастером в техучилище, учила девчат. Вернулась в цех, к своим машинам, а мне опять предлагают работу полегче. А я решила взять встречный план: сверх нормы обслуживать двадцать веретен. С тех пор разговор о другой работе со мной не заводят, хотя уже сорок седьмой год пошел.

Так и работала. Незаметно уменье и опыт накопила, а там и скорость выросла. Почувствовала, что способна еще в работе прибавить. Я вообще не могу смотреть спокойно, когда машина стоит без дела. А у нас, вы знаете, народу всегда не хватает. Вот и взяла полторы машины, потом две, потом три, три с половиной. Сейчас около двухсот веретен обслуживаю.

Трудно? Я бы не сказала. Когда работала на ткацкой фабрике, нелегко было. Дети маленькие, хозяйство. Думала, никогда не удастся отоспаться. А сейчас дети выросли, девочки замужем. Зарабатываю хорошо, квартира прекрасная. Мне Саня, муж мой Александр Павлович, помогает — и по дому, и на работе. Он слесарем ра-

Концерт понравился

ботает в моей смене. Нет, сейчас куда легче стало. Конечно, двести веретен — большая нагрузка, это сейчас для меня предел. Если больше возьму, хуже буду работать, может быть, даже брак появится. А впрочем, кто знает — привыкну, глядишь, еще прибавлю. В общем, пока здоровье есть, буду работать.

Так Анастасия Филипповна Когачева говорила, когда завершила досрочно, за 2,5 года, девятую пятилетку. Но мы знаем уже, что очередной свой трудовой рубеж она преодолела, работая на 224 веретенах, а когда понадобилось сделать резкий рывок вперед, добавила к ним еще добрую сотню.

* * *

Непростая работа у перемотчиц! С одной стороны, она требует физической выносливости, с другой — филигранного, поистине ювелирного мастерства. После обучения в ПТУ комбината или же полугодовой учебы прямо на рабочем месте молодая перемотчица еще очень далека от вершин своей профессии. Пройдет много месяцев, прежде чем она впервые выполнит норму. А перемотчицей-асом она станет через несколько лет — и то лишь, если хватит терпения, ловкости, трудолюбия, таланта. В замечательной плеяде работниц цеха, выполнивших досрочно пятилетнее задание, почти все имеют не менее чем десятилетний стаж работы у машины. Эти люди выделяются не только своим высочайшим профессиональным мастерством, но и особым, страстным отношением к своему делу, к своей работе. И среди них истинный лидер Анастасия Филипповна Когачева.

Вот что рассказывает об Анастасии Филипповне Когачевой председатель завкома Валентина Семеновна Кириллова:

— Вы это услышите на комбинате от каждого. И сами в этом убедитесь, если постоите смену возле Насти. Удивительно она относится к работе. Никто не видел, чтобы она гуляла по цеху. А ведь было время, когда нормы были невысоки, и при ее изумительных руках время свободное оставалось.

Мы не раз пересматривали нормы в цехах, равнялись на передовиков. Знаете, наверное, что это дело никогда не проходит без дискуссий. А у нас на комбинате вообще есть порядок: такие вопросы выносят на самое широкое обсуждение. Иногда возникает шумный разговор. А Настя попросит слово, скажет: «Ну чего горячиться? Есть ведь время свободное.

Надо пойти комбинату навстречу...» И прислушиваются люди к Насте.

Был такой случай. Пригласил ее начальник смены на несколько минут побеседовать с корреспондентом городской газеты. Настя — человек обязательный, отвечает на все вопросы, и все же какая-то скованная, будто не по себе ей. Корреспондент в конце беседы вежливо спрашивает: «Я вас не очень от дела отвлек?» А Настя отвечает: «Нет, ничего, не беспокойтесь. Я всего-навсего девять с половиной килограммов шелка за это время потеряла, наверстаю». В общем, пока они говорили, она граммы считала. Поймите, на заработке они существенно не отразятся. Но у Насти сейчас закон: не меньше 350% нормы в смену!

Что еще?.. Много можно говорить об Анастасии Филипповне. Если что-то не ладится на производстве по недосмотру администрации, может нашуметь. Но никогда не станет спорить по мелочам. Были еще у нее детишки маленькими, так она ни разу не отказалась от поездки в совхоз на уборку урожая. И отдыхает на Волге всегда вместе с цехом. Нет у нее привычки ссылаться и на свою депутатскую занятость. — Когда только успеваешь? — спрашивают. А она только улыбается...

Настя — открытая душа, добрый и вместе с тем прямой человек. Все в глаза скажет. Поэтому ее любят и идут за ней.

Когда она переходила на 192 веретена, многие не верили, что это удастся. Можно ли на тонком капризном моноволокне три машины обслуживать? А теперь все ей спасибо говорят. Девочек за собой повела, раскрыла их таланты. Они и по-человечески как-то раскрылись.

Теперь как бы Настя ни увеличивала фронт обслуживания, никто не удивляется. Люди говорят: Когачева все может...

* * *

Огромный, светлый зал цеха уставлен рядами перемоточных машин, заполнен густым ровным гулом. Каждая из ста пятидесяти перемоточных машин — в машине 64 веретена — каждое веретено, приводимое в движение своим электромотором, с неуловимой для глаза скоростью вращает трехконусную приемную шпулю. Почти невидимая нить тянется через сложный лабиринт переходов и через контрольную щель, потом ложится на приемную паковку. Между рядами машин то быстро, то совсем неторопливо движутся женщины в одинаковых светло-серых сарафанах и белых косынках.

За полчаса до начала своей смены Анастасия Филипповна уже ходила между машинами, помогала заканчивающей смену подруге снимать готовую продукцию — увесистые паковки с перемотанным шелком. Потом, покрыв рабочий халат-сарафан своеобразной накидкой из суровой ткани, клала на одну руку целую гору копсов и, переходя от веретена к веретену, свободной рукой расставляла копсы на подставке перед машиной.

Потом вдоль машин также расставила пустые приемные шпули. И только после этого Анастасия Филипповна какой-то особой своей походкой пошла вдоль длинного ряда веретен. Она на секунды задерживалась, ставила шпулю, протягивала нить по переходам, через контрольную щель, запускала веретено и, стоя уже у соседнего, бросала взгляд на бегущую по шпуле нитяную дорожку. Потом Когачева вынула из кармана и разложила по машинам этикеточки, что наклеиваются на готовую продукцию (написаны загодя дома), потом что-то еще поправляла, проверяла, двигала.

Пересменка. Машины остановились. В цехе стало непривычно тихо. Люди в темных комбинезонах — механики

и смазчики — обступили машины. А Когачева тем временем с метлой и тряпками ходила по рядам. Подобно хорошей хозяйке, которая перед приходом гостей наводит последний глянец на свою до блеска вычищенную и вымытую квартиру, она убирала ниточки и ворсинки с веретен, что называется, сдувала пылинки...

Анастасия Филипповна быстро идет вдоль машины: одно плечо вперед, голова чуть наклонена назад. Смотрит на пройденные веретена. В гул машин врывается едва слышимый щелчок: шелк на копсе кончился. Когачева смотрит вперед, на те веретена, что еще предстоит пройти, а пальцы снимают с нового копса несколько витков волокна, неуловимо быстро подхватывают конец нити, ведут ее через переходы, вяжут узел, уводят нить на торец шпули.

Обратим внимание на четыре детали, характерные для работы мастера.

Деталь первая. На одной из сторонок все в порядке, нет обрывов и других неполадок. Когачева подхватывает порожние копсы, а чтобы не идти обратно с пустыми руками, приносит к машине новые.

Деталь вторая. Анастасия Филипповна замерла, прервав обход машины. На лице — тревожное внимание. Несколько резких шагов в сторону, выключает веретено, срывает со шпули слои шелка, заменяет еще неразмотанный копс. Копс с дефектом, волокно идет неравномерно. Услышать или увидеть неполадку с того места, где Когачева почувствовала тревогу, наблюдавшему все это автору казалось просто невозможным.

— Как Вы догадались о неполадке?

— Не знаю, почувствовала...

— Что почувствовали?

— Беспокойство...

Деталь третья. Где-то на пройденном уже отрезке сторонки Анастасия Филипповна вдруг улавливает легкие перебои в шуме веретена. Как она их уловила, загадка. Но уловила. «Обрыв!» — на ходу бросает Когачева корреспонденту, но не возвращается к оборванной нити, а идет дальше, зафиксировав в памяти место неполадки. Почему не возвратилась?

Потому что дальше по маршруту где-то может назревать брак, наверняка есть другие обрывы. На устранение брака уйдет полминуты, а узел можно завязать потом, за доли секунды. Надо спешить туда, где, как подсказывает опыт, возможны более существенные неполадки, а одно то веретено подождет.

Деталь четвертая. Анастасия Филипповна подразделяет обходы машин на два вида: «маршрут количество» и «маршрут качество». При первом обходе она меняет копсы и шпули, ликвидирует обрывы, настраивает веретена. А на обратном пути следит за качеством: нет ли петель и грязи, хорошо ли идет нить через контрольную щель. Конечно, такое деление чисто условное. И при количественном обходе Когачева никогда не пропустит брак.

Специальные маршруты качества создают особый настрой, повышают бдительность к браку.

И так всю смену: количество, качество, снова количество, снова качество.

В цехе воздух чист и прохладен — кондиционеры работают на полную мощность. Однако темп работы бурный. Желая как-то ощутить этот темп, автор, с разрешения Когачевой, пристраивается рядом и идет с ней по маршруту-змейке. Анастасия Филипповна находит время объяснить гостю ту или иную операцию, не отрывая глаз от веретен, шутит, устраняет обрывы, смеется. Сделав плечом к плечу с Когачевой полтора десятка обходов, корреспондент сходит с дистанции. Анастасия Филипповна продолжает свой обход.

Тысячи нитей...

Не легким и не коротким был путь А. Ф. Когачевой к трудовой славе. Но обычным, если хотите, традиционным для нашего общества. Первые, порою неуверенные шаги, помощь товарищей, руководителей цеха и комбината, всей партийной организации, успехи — сначала местного, цехового значения, затем более масштабные. Было жаркое увлекательное соревнование, был ориентир — трудовой подвиг крутильщицы Даугавпилсского завода химического волокна Героя Социалистического Труда Феодосии Марковны Рыбаковой. Были встречные планы Когачевой: пятилетку в четыре года, потом за три, наконец, за два с половиной. 21 мая 1973 года Анастасия Филипповна одной из первых в химической промышленности выполнила личное пятилетнее задание за 2 года 4 месяца и 3 недели.

— Выработку до последнего килограмма рассчитать трудно, — говорит Когачева.— Я в то утро перебрала 6 килограммов, вроде бы сделала маленький шажок в следующую свою пятилетку...

На ВДНХ

Простите, скажет внимательный читатель, о таком «переборе» уже говорилось раньше. Да, говорилось. Примерно с таким же запасом А. Ф. Когачева закончила и свою вторую пятилетку. Но тот первый шажок был сделан два года назад и послужил залогом новых успехов. К ней пришло всенародное признание.

С замечательным трудовым достижением Когачеву А. Ф. поздравил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев: «Ваш трудовой подвиг — результат высокого профессионального мастерства, творческого отношения к труду, умелого изыскания и использования резервов производства. Очень важно, что достижение Вами наивысших показателей производительности труда знаменуется выпуском продукции только отличного качества». После этого Анастасия Филипповна продолжала свой славный путь, опережая время. В ответ на приветственное письмо Леонида Ильича Брежнева она обязалась пересечь рубеж 80-го года в ноябре 1975-го. И, как мы теперь знаем, сделала это на год раньше.

Высоки личные обязательства героя труда. Но можно ли назвать их только личными? Ведь Когачева ведет за собой тысячи передовиков своей отрасли промышленности, и еще десятки и сотни тысяч людей стремятся, как и она, обогнать время. Анастасия Филипповна возглавляет сегодня отряд перемотчиц-мастериц. Необходимо хотя бы вкратце рассказать об этом отряде.

За годы труда в перемоточном цехе А. Ф. Когачева уже обучила 17 перемотчиц. В девятом пятилетии она обязалась подготовить 8 молодых работниц, а подготовила — 16. В десятой пятилетке решила обучить двадцать девушек.

Анастасия Филипповна учит прямо в цехе. Час, проведенный у рабочего места Когачевой, — самый лучший, самый доходчивый урок. Она учит молодых перемотчиц и в свои выходные дни: приходит в цех, смотрит за первыми самостоятельными действиями своих учениц, подмечает недостатки, говорит о них девушкам, сама становится к машинам, еще и еще раз показывает...

Несколько слов о большой школе Анастасии Филипповны, о ее всесоюзной школе. Не раз выезжала Когачева на другие предприятия отрасли, рассказывала подругам о своем труде, а потом становилась к машинам: неуловимо быстро крутились веретена, неуловимо быстро мелькали руки Анастасии Филипповны — золотые руки мастера.

А весной 1975 года героиня труда принимала у себя представителей тридцати родственных предприятий страны.

Она щедро дарит людям свой богатейший, бесценный опыт — опыт рабочего человека, матери, гражданина. Только в 1974 году Анастасия Филипповна десятки раз выступала перед многочисленными аудиториями в своем городе, в столице, других городах. А вернувшись из поездки, она прямо с вокзала идет в цех.

Для перемотчицы Анастасии Филипповны Когачевой такое поведение — норма жизни.

Работать в забое рядом с друзьями — это большая радость.

Г. Смирнов

ВЛАДИМИР КУЗНЕЦОВ

СВОЯ СТРОКА В ИСТОРИИ

Это вошло в историю отечественной угольной промышленности. 29 октября 1973 года бригада Геннадия Николаевича Смирнова на шахте «Юбилейная» научно-производственного объединения «Гидроуголь» за неполных десять

месяцев добыла миллионную тонну угля и стала первым в стране миллионером. А 1974-й, определяющий год пятилетки был ознаменован новым выдающимся успехом: на-гора выдано полтора миллиона тонн! Столько угля за год в то время не добывала еще ни одна шахтерская бригада у нас в стране и за рубежом.

* * *

...На юге Кемеровской области, за Новокузнецком, среди безымянных сопок взметнула вверх копры одна из крупнейших шахт Кузбасса «Юбилейная».

Мы только что поднялись на-гора. В глаза до боли резкий ударил свет солнца; он отражался от чистого снега, который лежал на обступивших шахту сопках. В ушах еще стоял подземный шум — рокот комбайна, реактивный гул монитора, журчанье угольной пульпы, но здесь было тихо.

Не помню где, то ли в комбинате «Южкузбассуголь», то ли во Всесоюзном научно-исследовательском институте гидравлической добычи угля, среди ученых мужей кто-то сказал: «Смирнова надо не описывать. Смирнова надо осмысливать!». И речь здесь шла не о личности Геннадия Николаевича Смирнова, а о небывалых в истории угольной промышленности успехах его бригады.

Не сразу я понял глубокий смысл этой случайно услышанной фразы: «Не описывать... осмысливать!».

...Январь 1973 года. В Кемеровском областном комитете партии собрались вожаки передовых шахтерских бригад бассейна. Намечались рубежи третьего, решающего года пятилетки. Бригада Геннадия Николаевича Смирнова взяла обязательство добыть 500 000 тонн угля.

А спустя несколько месяцев эта цифра увеличилась вдвое. Миллион тонн за год! О таких результатах в бассейне еще никто никогда не мечтал. Да и в самой бригаде, если и заходил разговор об этой круглой цифре, то с непременным «кивком» на Донбасс — это там, мол, Владимир Мурзенко планы подобные строит, только выйдет ли что?

Несколько по-другому рассуждали специалисты и ученые-угольщики. На то были свои основания. Еще в конце 1972 года бригада Г. Смирнова добыла за 31 рабочий день более 120 000 тонн угля. Это была рекордная цифра для гидродобычи. «Запрограммирована» она была еще... на поверхности — в технологической карте, составленной учеными института ВНИИгидроуголь и специалистами шахты.

Из чего исходили ученые и специалисты? Главный резерв повышения производительности очистных бригад кроется в концентрации горных работ, увеличении нагрузки на выемочный блок и повышении коэффициента машинного времени забойного оборудования. Разработанная технологическая карта предусматривала рациональную прокладку водоводов необходимого диаметра, обеспечивающих для гидроотбойки нужное давление воды, способы и виды крепления выработок и сопряжений, порядок отработки заходок и резервирование очистных забоев.

Высокопроизводительная работа с соблюдением технологических режимов была организована по пласту мощностью 3,7 метра. Выемка угля велась гидромониторами ГМДЦ-3М, проходка выемочных штреков и подготовительных выработок для дальнейшего развития горных работ — комбайнами К-56МГ.

Результат оказался блестящим. Большие возможности новой технологии подтвердились и работой в первом квартале 1973 года. За три месяца бригада добыла 274 тысячи тонн топлива. Вот тогда-то и встал вопрос

о возможности добычи за год миллиона тонн угля. Позднее Геннадий Смирнов рассказывал:

— В бригаде впервые о миллионе заговорил не я, а Мусохранов и Ковалев. Я даже несколько сдерживал ребят. Подумайте сами: ведь и полмиллиона еще никогда не покорялось гидродобыче, а тут — миллион! Но когда за первый квартал добыли 274 тысячи тонн — тут и мне отступать стало некуда.

Именно в это время и появился «Договор о научно-производственном сотрудничестве бригады Г. Н. Смирнова и ИТР шахты «Юбилейная» с научными работниками лаборатории систем разработки пластов пологого падения, лаборатории отдела технолого-экономических исследований и пусконаладочного управления ВНИИгидроугля». Для решения конкретной задачи устанавливалась тесная связь науки с производством.

Что такое технологическая карта на миллион тонн годовой добычи? Если говорить кратко — это книга в двести страниц, «начиненная» формулами, диграммами и схемами; здесь все обоснованно — от раскройки отрабатываемого угольного пласта до культурных мероприятий. Целая программа конкретных действий.

Ныне хорошо известны итоги этого научно-практического эксперимента. Миллион тонн угля был добыт за неполных десять месяцев.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, поздравляя бригаду с этим выдающимся успехом, охарактеризовали его как пример для всех шахтеров страны в изыскании и использовании резервов производства. Сорок работников шестого участка шахты были награждены орденами и медалями, бригадир стал Героем Социалистического Труда.

Высокая оценка партии и правительства окрылила горняков. В трудовом рапорте ЦК КПСС и Совету Министров СССР бригада обязалась до конца года добыть еще не менее 150 000 тонн угля. Свое слово шахтеры сдержали с честью: за ноябрь и декабрь 1973 года они приплюсовали к миллиону 232 000 тонн.

В решающем году пятилетки бригада выдала на-гора 1 232 835 тонн угля, из них около 370 тысяч тонн сверх плана. Среднесуточная добыча составила 4042 тонны. При среднегодовой численности бригады в 77 человек среднемесячная производительность рабочего составила 1337 тонн, на выход — 68,3 тонны; фактическая себестоимость тонны угля — 49,4 копейки. К этим и без того красноречивым цифрам необходимо добавить: при рекордной месячной добыче в 245 000 тонн производительность рабочего по сравнению со среднегодовым показателем возрастала почти в 2 раза, суточный выход угля достигал девяти тысяч тонн, а консистенция пульпы — 1:1,5, т. е. на полторы тонны воды приходилась тонна угля. Последний показатель почти в 5 раз превышает проектный!

Но если на этом кратком описании существа научно-практического эксперимента и его итогах поставить точку — значит, почти ничего не сказать... «Не описывать надо... Осмысливать!»

...Как часто еще бывает, предлагают ученые ту или иную новинку, расписывают ее преимущества, приводят данные испытаний и говорят эксплуатационникам: «Берите, внедряйте у себя». А эксплуатационники отмахиваются: «Возиться надо с освоением технологии, заработок терять. А потом кто гарантирует, что эта новинка у нас пойдет?»

В бригаде Геннадия Смирнова научные рекомендации превращались в живое для всех дело.

В забои часто спускались ученые института, работали рука об руку с горняками.

— Мы все показывали на деле, — вспоминает начальник отдела технолого-экономических исследований института, кандидат технических наук С. Костовецкий. — Смотрите, убеждайтесь в преимуществах нового, берите его на вооружение. Модернизированный дистанционно управляемый комбайн К-56МГМ впервые пошел не у Смирнова, а на шахте «Заречной». Раза два-три машину заваливало. Горняки готовы были отказаться от нее. Перебросили на «Юбилейную». И здесь комбайн заваливало, но ведь не отказались от него в бригаде. Почему? Да потому что бригада к любому нашему предложению относилась доверчиво, заинтересованно, была психологически подготовлена к проведению эксперимента. Взять того же Смирнова. Ведь он за каждую нашу новинку хватается: не бросит и не отмахнется, пока дело до конца не доведет. Потому и с полным моральным правом может сказать каждому: «Работай, как я». Ведь он за комбайн встанет — любо-дорого посмотреть; а за гидромонитор — тот же класс!

На шахту как-то приехал крупный специалист-угольщик, встретился со Смирновым. О многом поговорили. Усомнился гость:

— Не верю, Геннадий Николаевич, что вы комбайном в месяц по четыре с лишним километра выработок проходите.

Спустились в забой. Смирнов надел на грудь пульт дистанционного управления, запустил комбайн.

— Время, пожалуйста, засеките. Минут пятнадцать. Потом остановите, — предложил гостю.

Через пятнадцать минут замерили выработку. Что-то около шести метров вышло.

Повезло институту с объектом своего эксперимента? Нет, здесь не просто везение. Был верно выбран адрес — в смысле горных и производственных возможностей, была глубокая заинтересованность руководителей предприятия, энтузиастов своего дела, активных поборников технического прогресса.

В институте ВНИИгидроуголь составлялись расчеты. Среднемесячная производительность рабочего по шахте, где работает бригада Геннадия Смирнова, в октябре 1973 года составила 323 тонны. Такой производительности не достигала еще ни одна шахта страны. По мнению ученых, если создать гидрошахту, на которой все очистные бригады будут работать по технологическим картам, использованным бригадой Смирнова (а это вполне реально), то производительность труда рабочего на таком предприятии составит 500—600 тонн угля в месяц. Причем расчет производительности ведется на ныне действующую технику с учетом ее модернизации. Но ведь будут создаваться и новые образцы... Поистине захватывающая перспектива!

Не случайно опытом работы бригады Смирнова заинтересовались такие страны с высоко развитой угольной отраслью, как ФРГ и США. Побывавший в июле 1974 года в Советском Союзе американский промышленник в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» говорил: «Нам есть чему поучиться друг у друга, например, в области добычи угля. В нашей стране разработаны перспективные методы технологии добычи угля открытым способом... Нас привлекает ваша технология добычи угля гидромониторным способом. Хочу отметить: она совершеннее, чем, например, в США и Японии».

Да, сегодня можно уверенно сказать: современная технология гидромониторной выемки угля, путевку в жизнь которой дала бригада Героя Социалистического Труда Геннадия Николаевича Смирнова, — самая совершенная и высокопроизводительная в мире.

Но кто же он такой, Геннадий Николаевич Смирнов? И что за люди в его бригаде?

Удивительно симпатичен и обаятелен этот парень. Открытое русское лицо, высокий чистый лоб, короткие, слегка вьющиеся темные волосы, широкоплечий, сильный.

— На работе справедливый и требовательный до мелочей. Порой на какое-то замечание Смирнова и обозлишься; потом подумаешь, а ведь прав бригадир, — говорит звеньевой Иван Петрович Недайвода.

— Смирнов все любит делать надежно, основательно, с чувством. Этого требует и от других. Для него что, думаете, главное в работе? План? Рекорд? Нет, это все потом. Главное — безопасность. — Таково мнение заместителя начальника участка Владимира Матвеевича Жердева. Через несколько дней я сам убедился в этом.

Если спуститься в шахту, то впечатление такое, что уголь идет сам: тускло мерцают арочные своды штреков (ни металла, ни дерева над голо-

вой, лишь мелькнет на сопряжениях схваченная анкером однорезка); не слышно лязга рештачных цепей (рештаков здесь вообще нет), не шагают по забоям, сверкая стальным блеском, гидрофицированные стойки. Здесь великий труженик — вода: она крушит угольную твердь, с реактивным гулом вырываясь из сопл гидромониторов; вода смывает уголь, отбитый проходческим комбайном; вода несет уголь по отполированной до блеска почве к углесосам; вода подает уголь на-гора и гонит его по трубам на обогатительную фабрику...

Наверное, вот эта универсальность работ, выполняемых в шахте обыкновенной водой, и создает иллюзию того, что брать здесь уголь легко.

Но это не так. С водой, как и с огнем, в шахте шутки плохи. Вырвавшись из-под контроля человека, она превращается в сокрушительную стихийную силу. Это в бригаде знают...

Никогда я не видел Смирнова таким возбужденным, разгневанным. Казалось, оставь его сейчас на участке один на один с этими людьми — машинистом комбайна и горным мастером, добра не жди. Первый из них вел проходку, презрев элементарную технику безопасности; второй — не посчитал за ЧП, что забутился штрек. Больше того, и тот, и другой, оправдываясь за свою халатность перед участковым начальством, кивали на Смирнова: бригадир, мол, в курсе. Кивок на бригадира был не случаен: авторитет у него большой, да и парень свойский, в обиду не даст. Вот тут-то и показал им Смирнов, какой он «свойский» парень: «Вы что ж, думаете, что мне все стало дозволено? И не оправдывайтесь — не первый день на шахте. Знаете, чем ваши фокусы пахнут...»

— Знающий, обо всем имеет собственное мнение. Но не упрямый. Докажи ему, что не прав он, — согласится и поблагодарит еще. — Это слова секретаря парткома шахты Бориса Григорьевича Огнева.

— Гена к нам часто забегает — что-то предложить, посоветоваться. С ним всегда интересно поговорить, с головой парень. Немало ценных мыслей и замечаний высказал он при составлении технологических карт. По-хозяйски смекалист этот человек. — Об этом упомянул в сугубо деловом разговоре директор ВНИИгидроуголь профессор Геннадий Иннокентьевич Разгильдеев.

За каждым из этих кратких высказываний — поступки и действия бригадира. По-рабочему беспокойный у него характер.

Ну что бы вы сказали, если, допустим, очистник пошел перенимать опыт в забой проходчика, или наоборот? По крайней мере посчитали бы его чудаком.

Кое-кто удивился, когда узнал, что изучать и перенимать опыт Смирнов ездил на шахту «Зыряновская» в бригаду Михаила Решетникова. Эта бригада добывает уголь с помощью современных гидрофицированных механизированных комплексов по общепринятой технологии всех «сухих» шахт. Бригада же Геннадия Смирнова добывает топливо гидромониторным способом.

— Так спрашиваете, зачем я к Решетникову ездил? — Смирнов на минуту задумался, а потом пояснил:

— Ведь прежде чем пласт отрабатывать, умные люди думали-гадали, как брать из него уголек: комплексом или монитором. Ну, а пока они спорили, я рассудил: решат гидроспособом — хорошо, это мне знакомо. А что если комплексом? Мы ведь на нем никогда не работали. Потому, не теряя времени, и поехал к Решетникову — смотреть, учиться...

...Лично я познакомился со Смирновым не совсем обычно. Только что поднявшись из шахты, он подошел ко мне и, подавая руку, выпалил:

— Откровенно говоря, замучил меня ваш брат... То кинохроника, то радио, то телевидение... Работать некогда.

Трудно было понять: то ли в шутку говорит это Смирнов, то ли действительно надоели ему посетители. Ясно было одно — разговора не будет.

Я пошел брать билет на электричку — нужно было возвращаться в город. Смирнов стоял на перроне, вроде бы дожидался. На морозе в тридцать с лишним. Молча сели в поезд, поехали. Вокруг Геннадия сразу же образовалась компания ребят с шахты.

...Дома в непринужденной обстановке Смирнов разговорился. За столом сидел скромный, уставший после рабочей смены человек и вел разговор о самых что ни на есть житейских делах.

Геннадий родился в предвоенный год в деревне Павлиха Ивановской области. Отца не помнит, он погиб в 1942-м. Все заботы о малышах — сыне и дочери — легли на плечи матери — Анны Александровны.

В 50-х годах семья переехала в город Осинники, что на юге Кузбасса. Шестнадцатилетний Геннадий пошел работать на мебельную фабрику. Был сначала помощником столяра, столяром. В 1957 году впервые спустился в шахту. На «Капитальной-2» проработал горнорабочим до 1961 года.

— Трудное это было время. Возьмешься, бывало, стойку крепить, — вспоминает Смирнов, — а она чуть не в два раза толще тебя. Начнет заваливаться — и ты вместе с ней.

Потом Геннадий переехал в Новокузнецк, устроился на шахту имени Орджоникидзе. Здесь прошел путь от горнорабочего до бригадира очистной бригады, работающей на узкозахватном комбайне «Родина». Тоже хлебнул лиха. Лава деревянная, в 250 метров и падением под 50 градусов. Из нее, казалось бы, качай да качай уголь. Пошел к директору шахты:

— Будет большая бригада — большой уголь пойдет.

— А ты на каком пласту работаешь, забыл?

— На «Зольном».

— Ну так кому твой большой зольный уголь нужен?

— Тогда расчет давайте, — заявил Смирнов.

Расчет он получил. И в том же 1967 году освоил новую для себя профессию проходчика гидрошахты. В бригаде В. Козлова был помощником машиниста комбайна. В марте 1968 года сам возглавил бригаду.

В канун XXIV съезда КПСС Геннадий Смирнов стал членом партии.

— 1973 год особенно памятен для бригады, — говорит секретарь парткома шахты Б. Г. Огнев. — И не только тем, что она установила всесоюзный рекорд добычи угля. В том году подали заявления о вступлении в партию сразу пять человек. Это звеньевой Иван Недайвода, горнорабочие Александр Гронков, Александр Павлов, Александр Абрамов, Александр Курушкин. Сейчас на участке уже треть рабочих — коммунисты.

Ударный, высокопроизводительный труд выявляет в человеке все доброе, что в нем заложено. В обмене опытом, в бескорыстной товарищеской взаимопомощи коллектив черпает новые силы и мастерство.

Бригада Г. Смирнова постоянно соревнуется с бригадой Героя Социалистического Труда В. Мурзенко с донецкой шахты «Красный партизан». В числе первых шахтеры Кузбасса поддержали инициативу коллективов бригад индустриальных предприятий Урала и Украины начать социалистическое соревнование за присвоение им почетного звания — имени XXV съезда КПСС.

Кузбасские горняки призвали все шахтерские бригады страны развернуть подготовку к XXV съезду партии под лозунгом «Каждой машине, каж-

дому забою — максимальную нагрузку».

Слова шахтеров не расходятся с делом. Только за первое полугодие 1975 года бригада Г. Н. Смирнова добыла 710,9 тыс. тонн угля. Такого результата не достигала еще ни одна бригада в стране!

* * *

Однажды я случайно проговорился, что составил для Смирнова анкету и когда-нибудь в удобный момент покажу ему.

— Давай, показывай сейчас, — потребовал Геннадий Николаевич. — Буду отвечать на любой вопрос.

1. Представьте, по каким-либо причинам Вы покинули шахту. На кого бы оставили бригаду?

— На Виктора Фролова, гидромониторщика. Надежный человек. Умеет и любит работать.

2. Что думаете об ученых, близко соприкоснувшись с ними?

— Это необходимые для нас люди, во многом помогают бригаде. Но ведь и ученым помогать надо...

Радость победы

3. Что больше всего запомнилось в детстве?

— Голод... Безотцовщина... Не хочется вспоминать. Тяжело.

4. Появлялась ли когда-нибудь мысль, что Ваш труд будет столь высоко оценен и Вы станете героем?

— Ну что вы?! Ведь мне всего тридцать с небольшим...

5. Юрий Константинович Жилин, прежний начальник участка, так неожиданно и случайно погибший... Какую роль сыграл он в Вашей жизни?

— Знаете, мы с ним чем-то родственны. У меня рано не стало отца, он — из детдома. В войну сыном полка был. Упорный и настойчивый человек — работал, учился. Институт закончил. На участке стал «гайки закручивать». Это мы не сразу поняли. Как-то набрался смелости, поговорил с ним по душам. И понял: не заносится человек, дело требует. На общую пользу. Потому и настоящая работа у нас пошла. Вот этому упорству, требовательности я не перестал бы учиться у него и сейчас.

6. Что больше всего уважаете в человеке?

— Добросовестность. Правда, когда это сочетается с обдуманностью в действиях, в работе. Другой раз наблюдаешь за человеком — всю-то смену он суетится, а работы не видно. Почему? Да потому, что он хозяин плохой: все у него не под рукой, каждую мелочь, тот же топор бегает ищет.

7. Ваша мечта?

— Учиться. В 1974 году поступил в горный техникум.

Многому приходится учиться Смирнову и в забое. Сама обстановка в шахте: частая смена рабочих мест (а отсюда перегоны комбайнов, демонтаж и монтаж водоводов), поступление нового оборудования — все это требует быстрой ориентации, способности мыслить и объемно, и в деталях, видеть перспективу и порой из множества вариантов в приемах работы выбрать самый простой и рациональный. Вот почему для бригадира рабочая смена часто не кончается в одно время с другими. Приходится подолгу задерживаться на участке, вместе с начальником Иваном Филипповичем Филиппи, механиком Василием Сергеевичем Амелиным, сидеть, склонившись над технологической картой и планом горных работ, думать.

Вопросы, предложения, споры... Нужно выбрать один — самый точный и верный вариант. У бригадира это время как бы вторая смена.

А потом — путь домой на последней электричке.

...Пустынная улица. Ночь. Мы идем со Смирновым по спящему Новокузнецку. Падает пушистый снег. Красота и тишина такая, что боишься спугнуть разговором. Уже прощаясь, я спросил:

— Завтра когда на смену, Геннадий?

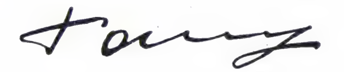
— В первую. В пять тридцать подъем.

Так живет и работает депутат Верховного Совета СССР, член Президиума Верховного Совета страны, Герой Социалистического Труда Геннадий Николаевич Смирнов.

Многоэтажные дома, заводы и электростанции, школы и больницы — все это создано руками строителей. Как же не гордиться мне своей профессией, если она так нужна людям!

НИКОЛАЙ УТКИН

УРОКИ МАСТЕРСТВА

Обсуждение итогов работы за месяц было недолгим. Все члены цехкома профсоюза стройучастка № 4 Управления строительства Кармановской ГРЭС единодушно сошлись на том, что победа бригады Гаязовой бесспорна.

— Поздравляю тебя, Гульслу. — Сидевшая рядом постоянная соперница по социалистическому соревнованию Расуля Базятовна Гариева незаметно пожала ей руку. — На этот раз ты обошла нас по всем статьям.

Эти слова, теплые и, как всегда, искренние, прибавили Гаязовой решимости.

— Нет, нет, подождите, — поспешно, будто боясь, что не успеет, выкрикнула она. — Я против... недостойны мы...

В комнате наступила тишина. И сразу стало слышно, как февральский ветер швыряет в окно снег вперемешку с песком.

— Недостойны мы первого места, — повторила Гульслу уже спокойней. — Прогул у нас есть...

Неделю назад, никого не предупредив, одна из девушек ее бригады уехала к родственникам в село и пробыла там два дня. Вернувшись, она как ни в чем не бывало приступила к работе, весело рассказывала девчатам о свадьбе, на которой ей довелось погулять.

Гульслу Халиловна пробовала беседовать с ней, но безуспешно.

— А что тут особенного, — ответила та, — у меня есть отгулы за две субботы, вот я и взяла их.

— У многих есть отгулы, — возразила бригадир. — Представь себе, что все сразу не выйдут в смену — что получится?

Разговор происходил не с глазу на глаз. Посматривая на остальных девушек, Гульслу чувствовала, что они не видят в поступке подруги ничего предосудительного. «Молодые, и все же нельзя допускать этого, — рассуждала про себя Гаязова. — Надо обязательно добиться, чтобы девушки поняли, как важна дисциплина на производстве, что на работе каждый ответствен за другого, тем более в одной бригаде».

В эти минуты Гульслу Халиловна в душе жалела, что согласилась оставить колерную, где она была, как говорится, на своем месте. Подбирая тона, оттенки красок для отделки объектов, Гаязова проявила себя настоящим художником. Участку поручили ремонтировать школу и детский сад. Из каждой бригады взяли по нескольку работниц, живущих в Нефтекамске, создали новую бригаду и предложили Гульслу Халиловне возглавить ее.

— Считайте это партийным поручением, — сказали ей.

Согласилась. Времени на раздумья не было. К осени школа и детский сад должны быть готовы принять ребят.

Распределила девушек на две группы. Объяснила, что и как. Сама стала работать на отделке детсада. И не ошиблась.

Побывал я позже в этом детсаде с поэтическим названием «Солнышко». Недаром считается он в Нефтекамске образцово-показательным. Расписали его гаязовцы так, что к оценке «5» можно плюс добавить.

— Музыкальный зал — голубой, — показывает заведующая. — Ясельный корпус — бледно-розовый, мягкий, ласкающий глаз. Вкус у Гульслу отличный. А уж о сроках и говорить нечего: поставлен своеобразный рекорд! За 16 дней бригада сделала то, на что у других уходят месяцы.

Школу тоже сдали досрочно. Настало время расставаться с девчатами из «ударной группы». Мечтала вернуться в свою колерную, а у руководства, оказывается, другие планы.

— В вас талант организатора зря пропадал, — сказали ей. — С колерной придется распрощаться навсегда. Принимайте новую бригаду.

Через несколько дней Гаязова увидела свою бригаду — три десятка выпускниц профессионально-технического училища, многим из них не было еще и восемнадцати. Теоретиче-

На высоте

ски они подготовлены неплохо, у каждой — среднее образование. А вот практики — почти никакой. Послала, к примеру, одну из девушек за шпаклевкой для стен. Пока та спустилась с 30-метровой высоты и поднялась обратно, прошло минут двадцать. Посмотрела Гульслу — не годится шпаклевка — через краскотерку не пропущена. Другая девушка вместо известкового колера стала делать алебастровый...

Шли месяцы, ученицы набирались опыта. О бригаде заговорили, ее стали ставить в пример другим. И вдруг этот прогул...

Гаязову беспокоило то, что даже члены бригады со стажем не высказали по поводу прогула своего мнения. Чем это объяснить? Нежеланием портить отношения или боязнью лишиться премиальных? Неужели — последним? В этом она убедилась на следующее утро после заседания профсоюзного комитета, который принял во внимание ее выступление и присудил первое место бригаде Гариевой.

На первый взгляд все шло своим чередом. Взаимные приветствия, короткая планерка. Но от внимания Гульслу не ускользнуло то, что девчата, здороваясь с ней, смотрят вниз или в сторону. Прошел час, другой, но ни одна из них не подошла к бригадиру, как это водилось прежде, не спросила, как лучше приготовить раствор или заполнить щель между панелями.

Гаязова надеялась, что работа отвлечет ее от невеселых мыслей, снимет тревогу. На какое-то время это удалось, однако только на время... «Нет, так дальше нельзя, — рассуждала она. — Видать, разговора по душам не миновать».

И он состоялся, этот разговор, сразу же после смены.

— Что сердитесь на меня — вижу, — начала Гаязова. — И переживаю. Не каменная. Хотя вины за собой не чувствую. Не могла я пойти на сделку с совестью. Понимаете, не могла. Прогул был, и никуда от этого не денешься...

Высказалась одним духом, и как-то легче стало на сердце. На то, что в настроении подруг сразу же после ее короткой «речи» все резко изменится, не надеялась. Верила в другое: сегодня в общежитии у девчат будут и споры о случившемся, и долгие раздумья наедине о честности и правдивости, которые возвышают человека, делают его лучше.

Этот поступок Г. Х. Гаязовой можно, наверное, назвать уроком справедливости...

* * *

Родители Гульслу — потомственные крестьяне — привили ей любовь к труду с самого детства. Учась в школе, девочка многое делала по хозяйству. В четырнадцать лет умела так мелко нарезать тукмач (так по-татарски называется лапша), что женщины завидовали ей. Одни односельчане советовали родителям отдать дочку в кулинарное училище, другие считали, что из нее выйдет хорошая доярка.

— А по-моему, — рассуждала одна из соседок, — такие добрые, заботливые люди, как Гульслу, должны идти в медицину.

Между тем Гуля мечтала о большой стройке и по совету родственника, жившего в Свердловской области, поехала строить Верхне-Тагильскую ГРЭС. Без специальности было нелегко. А тут еще плоховатое знание русского языка. Неизвестно, как сложилась бы судьба сельской девчонки, не обрати на нее внимание бригадир маляров-штукатуров А. И. Величко, украинка из-под Житомира.

— Хочешь, определю тебя на курсы маляров? — предложила она. Заметив нерешительность в глазах собе-

Еще одна новенькая

седницы, продолжала: — Три месяца поучишься, примем в бригаду. Специальность эта в почете. Что бы ни строили — завод или школу, больницу или жилой дом, — без маляров не обойтись. Мы создаем людям настроение. А уж хорошее оно будет или плохое, зависит от нашего уменья.

* * *

Двадцать два года прошло с тех пор. Многое забылось. А украинка Величко запомнилась на всю жизнь. Большой мастер своего дела, участница Великой Отечественной войны, она учила девушек не только тому, как наводить колер, но и многим премудростям, без которых трудно жить среди людей, строить с ними правильные отношения.

Пять лет работы на Верхне-Тагильской ГРЭС в коллективе, где были посланцы всех республик страны, стали для Гульслу настоящей школой жизни, школой совершенствования и характера, и профессионального мастерства. Именно там окрепло чувство интернационализма, стремление идти в первых рядах борцов за коммунизм. И не удивительно, что одной из первых она по призыву комсомола поехала строить Белоярскую атомную электростанцию.

Здесь и приметил ее молодой водитель самосвала Мунир Гаязов. Здесь появились на свет сыновья Ринат и Ильгизар. Благоустроенная квартира, уважение товарищей. Казалось бы, что еще надо?

— Постарели мы к тому времени, — шутит Гульслу Халиловна. — Потянуло к родным местам, в Башкирию. Да и повод был. Возле города Нефтекамска начинали строить Кармановскую ГРЭС, самую крупную на Урале. Одним словом, на семейном совете единогласно решили ехать туда.

И опять жизнь в теплушках, без которых не обходится почти ни одна важная стройка. И опять — для начала — бытовые трудности. И... радость пуска первого блока ГРЭС. Потом — второго, третьего... Шесть их было, этих пусков, и каждый раз — торжество, праздник чествования передовиков производства, в числе которых заслуженно называлась и фамилия Гаязовых.

Шесть механических сердец по 300 тысяч киловатт бьются ныне в огромном машинном зале. Они дают энергию многим экономическим районам нашей страны. Вместе с ГРЭС вырос благоустроенный жилой микрорайон со школами и детскими садами, пионерским лагерем и лечебным

профилакторием. Во все это внесла свой вклад и Гульслу Гаязова — бригадир по должности, мастер и воспитатель по призванию.

* * *

Впервые я встретился с Гульслу Гаязовой в главном корпусе, где действуют те самые шесть агрегатов, где разговаривать нормально нельзя — не услышишь, можно только кричать. Запрокинув голову, посмотрел вверх, куда указывал секретарь парткома, и увидел ее в подвесной «люльке» под самым потолком; как потом выяснилось, на 46-метровой высоте. Дух захватывает, а она работает. Потом сказал ей об этом. Она улыбнулась:

— Привыкла. Порой даже не замечаю. Вот девочки мои действительно достойны восхищения. За несколько месяцев настоящими верхолазами стали.

До приезда в Карманово я знал лишь, что в 1974 году Гаязовой присвоено звание Героя Социалистического Труда. Чем выделилась она из многотысячного отряда строителей? Почему именно она удостоена такой высокой чести? Хотелось получить на эти вопросы обстоятельные ответы.

Вначале — несколько цифр. Личную пятилетку Гаязова выполнила еще в августе 1974 года. Каждый год она перекрывала плановые задания на 25—30 процентов. При этом сэкономила около двух тонн краски, сотни килограммов других материалов.

— Любит она свое дело, — сказал секретарь парткома.

Хорошо, но ведь эта черта присуща многим, если не всем.

— Побольше бы таких бригадиров, — отозвалась о Гульслу мастер В. И. Цепкова. Опять же с настроением сказано, и опять — слишком общо.

Сама Гаязова на редкость неразговорчива.

«Незачем выделять меня»,— сказала она.

Что же делать?

— Посмотрите своими глазами на ее работу, — советовали мне.

Помог случай. Когда смена уже заканчивалась, стало известно, что вечером и ночью кран, мешавший отделке значительной части стены в главном корпусе, будет остановлен. Гульслу Халиловна, тут же собрав бригаду, спросила:

— Кто останется со мной? Нужны шесть человек, думаю, управимся.

Добровольцев вызвалось восемь. Работу закончили за несколько часов.

— Вот видите, — говорила мне мастер Цепкова, — сама Гульслу могла бы уехать домой. У нее семья, там она тоже нужна, а ведь осталась...

— Да как же это я девочек одних брошу на такой высоте? — удивилась бригадир, когда услышала об этом. — Всякое может случиться. Дома все равно переживала бы. Да и неудобно как-то самой уезжать, а других на вторую смену упрашивать. Семейные заботы? Сыновья выручат. Они привыкли. В комнатах уберутся, в магазин сходят. Иначе нельзя. Разве одной управиться? А так, когда вместе на домашнюю работу наваливаемся, еще и для культпохода в театр время выкраиваем, для чтения книг или просмотра передач по телевизору.

Валентина Ивановна Цепкова вспомнила и такой случай. Потребовалось заделать швы в потолках деаэраторного отделения. С обычных лесов не достать, надо наращивать, да и не везде их поставишь: оборудование мешает. И так подступались, и этак — не получалось. А Гаязова все же нашла выход из положения. Заказала столяру деревянную лопаточку, прикрепила ее к полутораметровой палке, и в течение нескольких часов бригада выполнила необходимую работу. Не придумай она этого приспособления, четырем плотникам пришлось бы два дня собирать леса только для одного пролета, а их тридцать! Значит, сэкономлено 240 человеко-дней. Вот вам и лопаточка!

На Кармановской ГРЭС хорошо знают, например, поточный метод малярных отделочных работ с применением средств малой механизации. Внедрен он по инициативе Гульслу Халиловны. Благодаря ему удалось сократить сроки на отделочных работах только в главном корпусе станции на два с половиной месяца и сэкономить около 30 тысяч рублей. Поточный метод освоен также на строительстве объектов социально-культурного назначения, что позволило дополнительно повысить производительность труда в целом по управлению на 6,2 процента.

Разумеется, не все Гаязова придумывает сама. Она умело заимствует производственные новинки из специальных журналов, из выступлений строителей в центральной и местной печати. Взять хотя бы эмульсию — заменитель олифы. На других стройках она применялась давно, а вот в Карманово при подготовке поверхностей к покраске, шпаклевок и замазок использовалось дорогостоящее масло.

Предложение Гульслу Халиловны встретили недоуменно: дескать, еще деды-прадеды так делали, перед покраской стены олифили.

— Деды пешком ходили, — ответила Гаязова — а мы сейчас на самолетах летаем. Что лучше?..

Технология приготовления эмульсии оказалась довольно простой. В определенной пропорции смешивают известковое молоко, купорос и мыло. Олифы теперь расходуется вдвое меньше, качество же работы осталось по-прежнему высоким.

В управлении привыкли к тому, что Гульслу постоянно что-то усовершенствует. То попросит изготовить ванны для лакокрасочного состава: «Зачем мелкие детали и решетки красить обычным способом? Проще опустить их в раствор». То предложит конкурс на лучшую отделочную операцию. Привыкли и к тому, что коммунист Гаязова щедро делится тем, что знает сама, с товарищами, выступает в школе передового опыта, на пленумах Башкирского областного Совета профсоюзов, членом которого она является.

За двадцать два года она обучила стольких начинающих свой трудовой путь, что и не упомнить. Только в 1974 году у нее было девять учеников, а сейчас уже тридцать. Каждой передала частицу своей души.

— Но были и такие, — вспоминает Гульслу Халиловна, — кто не выдерживал. Их можно понять. Профессия строителя — не из легких. Не каждый выстоит.

* * *

В 1975 г. Г. Х. Гаязова избрана депутатом, а на сессии — членом Президиума Верховного Совета Башкирской АССР. Пост депутата в нашей стране — высокий пост. Быть избранным в органы народной власти — это и большая честь, и огромное доверие коллектива. Заслужила Гаязова его своим ударным трудом, творческой инициативой, ответственным отношением к своим обязанностям, заботой о людях...

58-89 СВС

Жизнь станет прекрасней для тебя, если ты сумеешь обогатить ее полезными, добрыми делами.

МАРГАРИТА ЕРГИНА

ЧУДЕСНЫЙ СПЛАВ

Он высокого роста, худощав. Лицо простое, открытое. Когда после смены в строгом костюме выходит из проходной Уралмашзавода, не просто определить, кто же он на заводе: конструктор, технолог, экономист?

О его профессии, пожалуй, убедительнее всего говорят руки. Крупные. С несмываемыми вкрапинками металлической пыли руки рабочего.

Действительно, Алексей Алексеевич Дурнышев — знатный фрезеровщик Уральского завода тяжелого машиностроения имени С. Орджоникидзе. Когда смотришь, как он работает на своем станке, опять прежде всего обращаешь внимание на руки. Они движутся быстро и уверенно, словно летают. Жестко зажимают на планшайбе заготовку, нажимают на кнопки управления, бережно, нежно касаются блестящей, еще теплой поверхности готового изделия — будто проверяют на ощупь — не осталось ли на зеркальной глади какого-либо незаметного глазу изъяна?

Изъянов в работе у Дурнышева не бывает. Все детали получают путевку в жизнь. И живут в буровых установках, в экскаваторах, в прокатных станах с маркой Уралмашзавода, которые идут с Урала по всей нашей стране и за рубеж. Вероятно, поэтому каждый раз, когда он узнает об отгрузке с завода очередной партии буровых установок или экскаваторов, с оттенком гордости произносит:

— Хорошо! Долгой вам жизни!

...Алексей Алексеевич родился в рязанской деревне на грани двух эпох — в 1917 году.

— Мне явно повезло! — с улыбкой говорит он. — С детства приучался осознавать смысл слов: «Мы наш, мы новый мир построим».

Однако Дурнышев не только начал рано осознавать, но и активно участвовать в строительстве нового мира. Случилось так, что многодетная семья, жившая в одной из деревень под Рязанью, осталась без отца еще в начале тридцатых годов. Алексей, старший из пятерых братьев и сестер, взял заботу о них на себя — уехал на заработки в Свердловск, поступил на Уралмашзавод, только что отметивший свою первую годовщину после пуска. Самостоятельная жизнь его начиналась нелегко: из заработанных ученических часть отсылал в деревню. Но думал Алексей не о деньгах — никогда не считал их главным в жизни. Он сосредоточил все силы и волю на одном — поскорее научиться работать, стать хорошим специалистом в своем деле. А дело как-то сразу пришлось ему по душе.

Учил Алексея пожилой фрезеровщик Иван Карпов, из питерских рабочих. Замечательный специалист, увлеченный своим делом, он приехал в Свердловск, чтобы помочь уральцам освоить новый завод.

— Рабочее место — это наш с тобой государственный пост, — нередко говорил он своему ученику.

В задушевной беседе с Алексеем внушал:

— Считаю, что наша специальность лучше всех: тут думать надо, каждый раз искать новые решения. Сегодня ты так сделал деталь, а завтра ее нужно сделать по-другому. Разве не интересно? Металл любить и чувствовать надо.

И рассказывал ученику притчу о чудесном сплаве, дающем счастье людям.

— Этот сплав — для каждого свой, хотя формула у него одна, — говорил с хитринкой. — Не все ее знают. Но тебе я скажу. Сплав этот получается, когда долг сливается с внутренней потребностью человека. И с любовью к делу. Понял?

Братья и сестры Алексея тоже приехали в Свердловск и поступили на Уралмашзавод: Александр — зуборезчиком, Сергей — токарем, Антонина — технологом, Анна — энергетиком.

— Учитель у меня был мудрым человеком. Благодарен ему от всей души, — говорит сегодня Алексей Алексеевич. И добавляет с раздумьем: — Годы, конечно, многое стирают

в памяти. Но не всякое прошлое — прошло. Самое главное незабываемо.

Разве могут, например, забыть рабочие-ветераны те огневые годы, когда по стране, как могучие волны океана, разлилось стахановское движение? Комсомолец Алеша Дурнышев оказался в числе первых стахановцев Уралмашзавода. Он был полон энтузиазма. Радовался сообщениям в газетах о пуске новых заводов и домен, постройке плотин. «Где-то там «работают» и сделанные мною детали!» — думал он.

Он мечтал участвовать в создании новой техники — Уралмашзавод готовился к выпуску мощных экскаваторов и буровых установок. В письмах с Дальнего Востока, где он служил, Алексей заверял товарищей, оставшихся на заводе, что скоро вернется туда, надеялся, что расстался с ними ненадолго. Но... началась Великая Отечественная война.

Немало рапортов подал Алексей командованию с просьбой отправить его на фронт. А когда получил сообщение о гибели брата Сергея, что перед войной работал токарем на Уралмашзаводе, Алексей уже лично обратился к командиру части:

— Прошу отправить меня туда, где решается судьба Родины.

— Разрешения не дам, — словно отрезал командир. — Обстановка напряженная. Ослаблять восточную границу нельзя!

Алексей Алексеевич учился в Хабаровском военно-политическом училище. Закончил его. Был избран комсоргом батальона. Здесь его приняли в члены партии, назначили помощником командира. Здесь участвовал он в разгроме империалистической Японии.

...Вот и сбылась мечта — вернулся с победой домой.

Друзья с завода встретили радостно. После первых же приветствий сказали:

— Заждались! Нужен ты позарез. Есть тут одна деталька — ключ для сельскохозяйственных машин. Словно специально для тебя подготовлена. Времени уйму пожирает. Выручай!

В технологической карте Алексей Алексеевич прочитал: «фрезеровать по одному ключу». Вздохнул: «Да, темп — под стать черепахе. А время торопит...»

Алексей Алексеевич верит: неразрешимых технических проблем нет. И если какая-то деталь не дает ему покоя, это чувствуют даже его домашние. Жена Дурнышева Зоя Петровна — тоже уралмашевка, технический контролер. Интересов общих у нее с мужем немало, поговорить всегда есть о чем. Но когда муж поглощен своими мыслями и часами просиживает над чертежами, Зоя старается его не беспокоить и не отвлекать. И когда он задерживается в цехе, лишь улыбнется:

— Ну что, «колдун», снова над приспособлениями колдовал?

А к непокорной детали Дурнышев сумел все-таки подобрать свой «ключик». Как-то пришел к технологам уже с готовым приспособлением. Предложил обрабатывать деталь специальной фрезой, которую смастерил сам.

Идея рабочего понравилась технологам. И мысль и расчет были верными.

— Но как все это будет в деле? Покажите, Алексей Алексеевич.

Он поставил одновременно на станок не одну, а сразу пятнадцать деталей. И обработал все за несколько минут. Поставил вторую партию — тоже получилось. К концу смены было готово шестьсот штук!

Эту внушительную горку деталей увидел сменщик. Он знал, что Дурнышев делал приспособление. Значит, получилось!

— Рад за тебя, Алеша. Поздравляю.

— Не спеши с поздравлениями. Поздравлять нас будут обоих, когда все пятнадцать тысяч ключей выдадим. А пока принимай смену. Я покажу тебе, как надо действовать.

Через несколько дней фрезеровщики рапортовали:

— Заказ выполнен досрочно!

Это была победа.

На любом производстве порой возникают затруднительные ситуации. Чтобы их разрешить, нужны не только энергия, техническая смекалка, талант инженеров и рабочих, но подчас и особый характер мастера. О характере Алексея Алексеевича на заводе говорят с уважением.

— Знаю Алексея уже двадцать пять лет и не перестаю удивляться его полной самоотдаче в деле, — говорит о своем товарище тоже отличный рабочий Владимир Иванович Русаков.

А вот как отзывается о нем парторг цеха Александр Леонидович Константинов:

— Дурнышев в первую очередь думает, какую пользу его труд принесет обществу. Поэтому единственной своей рабочей привилегией он считает — быть там, где труднее всего, где требуется проявить высокое умение и добросовестность.

...После ташкентского землетрясения Алексей Алексеевич по командировке Уралмашзавода поехал на несколько месяцев в Узбекистан. Там, на заводе «Подъемник», заинтересовало его сложностью исполнения небольшое изделие — ползун к подъемным машинам. За смену местные рабочие в лучшем случае обрабатывали по полторы такие детали. Больше ни у кого не получалось. Вот и сложилось мнение, что это предел человеческих возможностей. Дурнышев для начала попросил, чтобы ему поручили фрезерную обработку ползунов. Однако первая рабочая смена не порадовала — сумел изготовить тоже лишь одну деталь.

В свободные часы он бродил среди еще не снесенных разрушенных домов и вокруг многочисленных строительных площадок. Мысль о трудном «орешке» — ползуне не покидала его. И однажды, наконец, вырисовалось в воображении несложное приспособление. Торопливо отыскал в тенистом сквере свободную скамейку, достал блокнот, набросал чертеж, сделал расчеты. Получалось, что приспособление даст эффект.

Делал его по вечерам, оставаясь в цехе после смены. И вот первое испытание. За смену Дурнышев выдал четыре детали. Небывалый случай! Но сам Алексей был огорчен: все еще мало.

Первый эксперимент подсказал направление дальнейшего поиска. Работая с приспособлением, Дурнышев «разгадал» его недостатки. И твердо уверовал, что сможет улучшить свое приспособление, а следовательно, и поднять выработку.

И вот, наконец, добился успеха: однажды обработал за смену не восемь, как намечал, а двенадцать ползунов. Причем качество изделий получилось отличное.

Начальник цеха удивился:

— Двенадцать? Не рассказывайте сказок. Это невозможно.

— Но ведь ползуны сделаны!

И начальник цеха поспешил к Дурнышеву. Долго стоял около станка, наблюдал за работой.

— Да вы настоящий виртуоз, — сказал, наконец, восхищенно. — Ну и быстрая же у вас фреза! Если бы не увидел своими глазами, ни за что бы не поверил.

А утром на следующий день привел ученика.

— Надо, чтобы ваш опыт, Алексей Алексеевич, остался жить в Ташкенте.

За три месяца обучения Дурнышев передал своему ученику все самое ценное из своих знаний и опыта, до

чего сам доходил трудной дорогой поиска.

...На молодых он смотрит с надеждой и интересом, словно спрашивает: «А что из вас получится, на что способны?»

Алексею Алексеевичу хочется стать для молодых рабочих таким же другом, каким был для него ленинградец Иван Карпов. Наказ этого человека быть щедрым в передаче знаний другим Дурнышев выполняет. Уже обучил своей профессии 25 человек.

— Хорошими фрезеровщиками стали. Любят то, что приказывают себе, — говорит он.

— Что значит — приказывают?

— Ну, берутся за трудное — и делают.

Ему по душе люди любознательные. Сейчас Алексей Алексеевич ждет одного паренька из подшефной школы. Они встретились недавно, когда группа учащихся проходила в цехе производственную практику.

— Совсем замучил меня тогда этот мальчишка, — улыбается Дурнышев, — с другого участка каждый день по нескольку раз прибегал к моему станку. То его интересует, почему шпиндели на разных фрезерных станках неодинаково поставлены, то — какие модели станков существуют. Признался, что закончит школу и придет в наш цех работать фрезеровщиком. Кто знает, может, это будет мой самый лучший ученик?!

Интерес к фрезерному делу, который проявил паренек, понятен Алексею Алексеевичу. Ведь это — его любимое дело. И сына своего Сергея обучил. Потом сын закончил техникум. Работает в другом цехе. Но опыт, полученный у станка, многое дал ему.

С особым желанием он учит тех, кто посвятил себя фрезерному делу навсегда. Старается поддерживать связь с родителями. А ученика иногда подзадоривает:

— Развивай руки, учись и меня обгонишь!

Желающих обогнать его, «сразиться» с самим Дурнышевым немало в цехе, где он работает, хотя шансов на победу у претендентов, конечно, маловато. Маловато потому, что Алексей Алексеевич среди мастеров своей профессии на заводе — первый. Таких успехов, как он, пока никто не смог достичь. Но он рад каждой возможности посостязаться.

Однажды Дурнышеву после субботника вручили красную ленту Почета за лучший результат труда за день. И тут кто-то из рабочих сказал:

— Алексей Алексеевич, учтите, в следующий раз я вас опережу и лента будет красоваться на моей груди.

Вспоминая об этом случае, Дурнышев улыбается, хорошо, доброжелательно:

— Не поверите, а мне тогда хотелось расцеловать того фрезеровщика, — говорит он, — такой задор в соревновании за лучшие результаты труда надо приветствовать и развивать. Соревнование — это всегда интересно. Это и вызов, и, непременно, почин. И опровержение достигнутого. И прорыв в будущее!

Социалистическое соревнование Дурнышев считает своим неиссякаемым резервом.

— Именно оно обеспечивает подъем в работе, рождает творчество, энтузиазм, остроумие, — говорит он. И добавляет: — Я знаю многие работы Владимира Ильича Ленина. Но особенно близка мне статья «Как организовать соревнование?». А близка и волнует меня она потому, что в ней высказана идея, ставшая делом миллионов людей, великой, созидательной творческой силой.

...И вот наступил день очередного субботника. Когда Дурнышев с товарищами шел на работу, на площади играла музыка. Настроение было по-праздничному приподнятое. Ровно с

«гудком» включил станок. И... не заметил, как пролетело время. Задание — он фрезеровал «стаканы» для буровых установок — выполнил на 300 процентов. Снова это был лучший результат труда.

Он и порадовал Алексея Алексеевича (есть, мол, еще порох в пороховницах), и огорчил — было жаль, что тот парень так и не сумел «обставить» его в работе. А ведь как было бы хорошо, если бы все фрезеровщики работали не хуже.

Среди тех, кто никак не может догнать Дурнышева по производительности труда, нет-нет да и найдется такой, кто задаст вопрос:

— Почему он может, а мы — нет?

На Уралмашзаводе в девятой пятилетке ввели с целью увеличения творческой активности рабочих производственные задания. Базой для таких заданий стал уровень, достигнутый каждым рабочим-сдельщиком к концу 1970 года.

У Алексея Алексеевича этот уровень равнялся двумстам процентам. При составлении задания на девятую пятилетку этот уровень был взят за сто процентов. И уже к нему задан рост производительности труда на 24 процента. Понятно, что каждый такой процент стал весомее, потребовал от рабочего бóльших усилий, чем раньше. Без настойчивого поиска резервов в этих условиях не обойтись, потому что прежние резервы уже исчерпаны. А новые надо искать.

Алексей Алексеевич завершил свое пятилетнее задание самым первым на Уралмашзаводе, досрочно — за три года девять месяцев и 24 дня. К тому же сумел повысить производительность труда на 52,5 процента — значительно перевыполнить задание и обязательство. Это выдающийся результат! И он высоко оценен партией и правительством.

На заводском митинге, где Уралмашзаводу вручалось Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС за успехи в третьем году девятой пятилетки, первый секретарь Свердловского обкома партии прикрепил на груди Алексея Алексеевича Дурнышева орден Ленина и Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

...Пожалуй, трудно передать словами чувство и настроение этого человека в тот памятный для него день. Сразу после митинга он поспешил в свой цех. Хотел показать Звезду товарищам, пожать им руки. Алексей Алексеевич считает: в том, что он достиг трудового успеха, который страна оценила так высоко, немалая заслуга этих людей.

Среди учеников

Трудная деталь

Откровенный разговор

Друзья поздравляли:

— Рады за тебя, Алеша. Свою Звезду ты заслужил. Но не забывай — с героев двойной спрос.

В тот же день министр тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения решил лично посмотреть, как работает герой. Вместе прошли по цеху. Около фрезерного станка остановились, долго беседовали. Дурнышев показал министру приспособление для центровки, с помощью которого совсем недавно вместо четырех деталей к прокатному оборудованию сделал за смену девять, и другое, которое позволило в десять раз увеличить производительность труда при фрезеровке «стаканов» к буровым установкам... Гость внимательно рассматривал их, расспрашивал, что к чему.

— Ну, теперь я понимаю, Алексей Алексеевич, что помогло вам дважды изменять свои обязательства на пятилетку, — сказал министр. — Говорят, что вы собираетесь еще раз их пересмотреть?

— Думаю, что «обгоню время» года на полтора.

Дурнышев был доволен разговором. Доволен потому, что еще раз убедился, как важен его труд, труд одного человека в огромной массе рабочих страны.

Ко дню открытия XXV съезда КПСС знатный фрезеровщик Уралмашзавода решил завершить производственное задание 1977 года.

* * *

У Алексея Алексеевича всегда много общественных обязанностей. Выполняет их с присущей ему ответственностью. Не раз он избирался членом Свердловского горкома партии, являлся депутатом городского Совета депутатов трудящихся, членом областного комитета народного контроля.

Успешно справляется он и с особо ответственными поручениями. В составе делегации Общества советско-чехословацкой дружбы он был в Чехословакии в один из самых трудных для нее периодов. В одном из клубов Дурнышева попросили рассказать о себе, своей семье, о работе, о жизни советских людей.

Алексей Алексеевич говорил, как трудно приходилось молодой Советской республике, всему народу в первые годы после Октября. Сколько было недругов. Как сильна была контрреволюция, в частности на Урале. Но все преодолел героический рабочий класс в союзе с крестьянством, руководимый партией Ленина.

...По случаю его возвращения домой Зоя Петровна приготовила праздничный ужин. Пришли друзья. Сидели допоздна. Всех увлек разговор о самом главном для них — работе.

— Какая сила в работе? Каким магнитом она притягивает? Правда, каким? — размышлял Дурнышев и, развивая свою мысль, продолжал:

— Что значит деталь, сделанная мною или Сидоровым, Петровым (какая разница?). Да очень многое. Из наших деталей собирают мощные буровые установки. Нефтяники бурят с их помощью скважины и добывают нефть... Цепочка от наших деталей тянется длинная-предлинная. И попадись на этом пути детальки похуже — заклинит всю цепочку. Доверие к нам большое, и ответственность у нас большая.

На собрании в цехе в мае 1975 года обсуждали итоги работы за четыре месяца, говорили о том, как выполнить план и обязательства. После доклада выступали рабочие, вносили свои предложения. Но почему-то отмалчивались руководители. Всего один мастер попросил слова. Тогда Дурнышев встал и, чуть заикаясь от волнения, сказал:

— Мне непонятна сегодня позиция нашего командного состава. Девять мастеров цеха не справились с планом. Это тревожный факт. Есть много трудностей, ослабла трудовая дисциплина. Так почему же вы молчите, товарищи мастера, не предлагаете мер?

После этого собрания партийная организация цеха несколько раз проводила оперативные совещания. Приняты были срочные меры. В цехе организовали проверку соблюдения трудовой дисциплины.

И успех пришел. Цех закончил май с отличными итогами. Все участки рапортовали о перевыполнении задания. Было ликвидировано отставание четырех предыдущих месяцев.

С приподнятым настроением возвратился в тот день Алексей Алексеевич Дурнышев домой. Радостно крикнул с порога:

— Жена, собери-ка что-нибудь вкусненькое в кошелку. А ты, Серега, готовь машину. Вечер сегодня замечательный. Завтра — выходной. Будем отдыхать. Поедем в лес, туда, где растет лесная клубника. Она, наверное, уже в цвету. А можно, если хотите, и к озеру, к нашему уральскому морю, Балтыму...

НАША
ЦЕЛЬ —
КОММУНИ

Проходчик — первооткрыватель подземных кладов. Сила, смелость и мастерство должны сочетаться у него с ясностью цели. Единство этих качеств — залог успеха.

А. Коркин

ВЛАДИМИР ПОПОВ

ПЯТЫЙ ГОРИЗОНТ

Рудник Второй Советский расположен в одном из самых живописных уголков Сихотэ-Алиня, в центре горняцкого поселка Дальнегорска. Стремительно бежит к недалекому морскому побережью, не замерзая даже в январскую

стужу, речка Рудная. По обе ее стороны — причудливые очертания островерхих сопок. Одна из них напоминает своими контурами голову великана-воина. Другая похожа на летящего дракона. Не случайно бытует здесь давняя легенда, будто подземные сокровища охраняет грозный дракон. И действительно — многие века природа как бы скрывала от человека таящееся здесь месторождение полиметаллов.

Геологи по праву называют Сихотэ-Алинь вторым Уралом. В недрах этого широко раскинувшегося горного края сосредоточена большая часть элементов периодической системы таблицы Менделеева — серебро, свинец, олово, цинк, медь, золото, висмут и многие другие ценные металлы. Еще в 1887 году русский геолог Масленников «застолбил» первый промышленный участок, назвав открытое месторождение Верхним. Старейший на Дальнем Востоке рудник и поныне дает на-гора немалое количество свинцово-цинковой руды. Вокруг Верхнего, в таежных распадках, встали многоэтажные микрорайоны Дальнегорска, открыты новые рудники, построены обогатительные фабрики, поднялись корпуса крупного горнорудного предприятия — ордена Октябрьской революции Дальневосточного горно-металлургического комбината имени В. И. Ленина.

В годы девятой пятилетки этот комбинат стал ведущим предприятием отрасли. Его многотысячный коллектив неоднократно занимал почетное место среди победителей Всесоюзного социалистического соревнования всех родственных предприятий Министерства цветной металлургии СССР.

Александр Васильевич Коркин — один из тех, кто своим трудом преображает некогда дикий край. На Второй Советский рудник, жемчужину комбината, Александр пришел после демобилизации из пограничных войск.

Подземная кладовая

На пограничную службу в Приморье Коркин пришел с берегов Волги. Рано оставшись без отца, он уже в 15 лет имел на ладонях трудовые мозоли. Проявил себя и безукоризненным воином. Срочную службу Александр закончил с медалью «За отличие в охране государственной границы СССР». Вместе с медалью грудь его гимнастерки украшали и другие знаки солдатской доблести: отличного пограничника, классного радиотелефониста, значки спортсмена-разрядника. За годы службы он успел полюбить и красочную природу советского Приморья, и людей романтических профессий — рыбаков, охотников, геологов, горняков, населяющих этот край. Со своей стороны горняки-дальневосточники издавна дружат с пограничниками. Не случайно Александра Коркина потянуло на рудник.

Рослый, широкоплечий богатырь, он словно создан был для работы в забое. Его направили в проходческую бригаду Николая Осипенко, и в первые же дни новичок удивил всех не только физической силой, но и сметливостью, цепкостью, умением быстро разобраться в сложных механизмах.

Каждый год, рассказывает бригадир Осипенко — первый наставник Коркина, к нам приходит немало молодых парней. Одни приступают к работе неуверенно, с оглядкой, другие — с показной удалью. Коркин же сразу без показной бравады, без робости взялся за перфораторный молоток, но с исключительной восприимчивостью к советам, с хорошим азартом в работе, а главное — со стремлением усвоить тонкости горняцкой профессии.

В первую же смену Александр стал самоотверженно бурить шпуры. Во второй день — научился управлять скреперной лебедкой. А на третий день постиг основы взрывного дела. Как-то довелось ему сесть в кабину электровоза — и Александр откатил состав руды так ловко и быстро, будто работал в забое уже не первый год.

Через две недели Коркин овладел несколькими горняцкими профессиями, а в конце месяца ему официально вручили удостоверение проходчика четвертого разряда. Коркин родился горняком, отзывался тогда о нем Николай Осипенко, на проходке он чувствует себя как дома.

В 1967 году Коркина направили в Казахстан на Миргалимсайский рудник комбината «Ачполиметалл», где была организована всесоюзная школа скоростной проходки. Месяц проработал Александр в бригаде Кулеша, в свое время установившей мировой рекорд проходки горизонтальных выработок.

Путевку к рекордсменам Коркин получил как лучший проходчик Второго Советского рудника. Но и здесь, среди признанных рекордсменов, забой он «обуривал» быстрее всех, а после «отпалки» казахские горняки видели безукоризненно гладкие стенки забоя — словно фрезой срезало. Вот это класс!

— Оставайся у нас, Саша, — предложил ему бригадир Кулеш, — бригаду дадим тебе, квартиру хорошую.

— Спасибо, — ответил Коркин, — лучше уж ты перебирайся к нам в Дальнегорск, дела и у нас хватит.

Из Казахстана приморские горняки привезли новейший по тем временам проходческий комплекс ПНБ-3к, металлические шпалы, быстроразъемные соединения, чертежи вагонов с донными конвейерами. И загорелся Александр Коркин желанием догнать бригаду Кулеша в проходке, внедрив при этом скоростные способы горизонтальных выработок в дальнегорских забоях.

— А перед этим мне надо съездить на бывшую мою погранзаставу, — сказал Александр Коркин начальнику рудника.

Как раз проводилась очередная демобилизация воинов, и Коркин привез с собой на рудник своих друзей-пограничников Перепелина, Шитова, Киселя, Малыша. Они и составили костяк новой бригады скоропроходчиков Александра Коркина.

Второй Советский рудник в те дни вскрыл сразу несколько подземных месторождений. Транспортировку руды сдерживала откаточная штольня. Было принято решение в самые кратчайшие сроки пробить новую штольню большего сечения. Эта задача и поставлена была перед людьми бригады Коркина. За месяц работы, освоив новый проходческий комплекс, они прошли 363 метра горных выработок и установили рекорд комбината. Восьмую пятилетку эта бригада завершила первой на руднике. Александр Васильевич вскоре получил свою первую трудовую награду — орден Трудового Красного Знамени.

За новую технику, примененную Коркиным, ему не раз говорили «спасибо» другие бригады Дальневосточного комбината. Бригада А. В. Мулахметова, научившись работать на проходческом комплексе в «связке» с вагонами ВПК, довела месячную проходку забоя до 750 метров и установила в годы девятой пятилетки три рекорда Сибири и Дальнего Востока. А. В. Мулахметов трудится сейчас на руднике Верхнем, где работает ныне вместе с прославленным приморским скоростником Ю. И. Рахмановым.

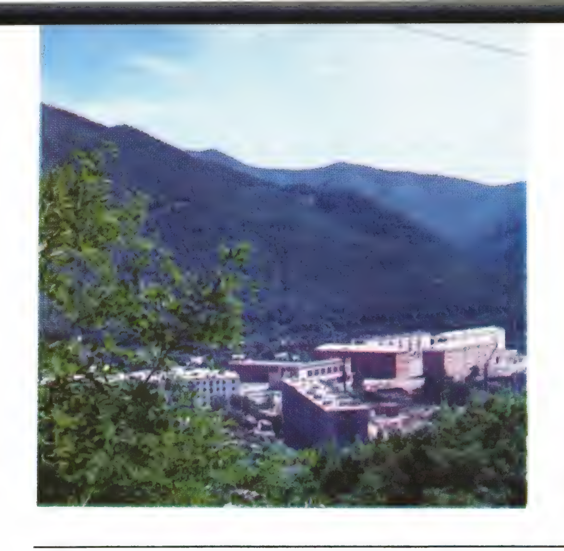
На Втором Советском руднике каждый метр горной выработки дается намного труднее в силу более трудных геологических условий. Если изучить схему Второго Советского рудника, выполненную в аксонометрической проекции, можно насчитать 55 рудных тел. Выраженные в самых причудливых формах, они невелики по размерам, зато обладают сложнейшей морфологией и структурой. Рудные тела тут расположены и наклонно, и вертикально, и зигзагообразно. Они похожи на кляксы, поставленные нерадивым учеником. Подземные клады такого характера обычно залегают в вязких слоистых породах. Здесь при неосторожной проходке в любую минуту может обрушиться «закол» — кусок скалы весом в несколько десятков килограммов. Пройти сотню метров штрека разведки, выдать на-гора руду — это на Втором Советском очень непросто.

Вот что случилось на пятом горизонте, когда бригада Александра Коркина заканчивала проходку штрека для подсечки скипового рудного тела. Работа на этом горизонте оказалась особенно сложной. С каждой новой атакой менялись породы: то серый известняк, то темные сланцы, то белесый мрамор с прожилками глины. Это затрудняло буровзрывные операции. Огромные глыбы отслаивались от кровли и в самое неожиданное время обрушивались вниз. И все же надо было пробивать штрек: впереди обильно пролегала галенито-свинцовая руда.

В кабинете начальника первого участка горячо обсуждалось создавшееся положение. Горняки бригады Коркина расспрашивали геологов, изучали маркшейдерскую карту. Наконец бригадир подал идею: покрыть сплошным бетоном борта и кровлю выработки. Скорость проходческих работ, конечно, понизится, но риск обрушивания будет устранен.

После крепления бортов штрека способом набрызгивания бетона вновь начали метр за метром продвигаться вперед. После очередного взрыва показались первые блестки галенита. Проходчики бросились в забой. Вот она — свинцовая руда! Но при следующей же отпалке радость горняков угасла: по всему забою вновь выступили смешанные породы.

Примерно через сутки к перфораторным молоткам встали Владимир

Городок в таежных распадках

Кузьмин, Евгений Попов и Виктор Косенок. Вдруг бур Кузьмина словно вонзился в пустоту. В то же мгновение из скважины ударил мощный фонтан воды. Сначала — из одной, а затем — из второй, третьей... Вода сплошным потоком неслась по забою. Вот она затопила шпалы, рельсы, углубки стволов. Насосы не успевали откачивать воду. Если зальет пятый горизонт, рудник на долгое время выйдет из строя. Это хорошо знал каждый, и в забое началась напряженная борьба людей с опасной стихией.

Изготовив деревянные пробки, проходчики Александра Коркина попытались заглушить фонтанирующие скважины. Но сделать это, стоя по пояс в ледяной воде, не так-то просто. На горизонт прибыла аварийная группа слесарей во главе с испытанными руководителями — механиком Климовым и горным мастером Кухаренко. Установили дополнительные насосы.

Ровно сутки продолжалась борьба за пятый горизонт. Проходчикам все-таки удалось вбить в скважины деревянные заглушки, после чего откачали из штрека воду. И словно в вознаграждение за мужество и стойкость горизонт подарил горнякам изумительное зрелище: после очередной отпалки через образовавшееся «окно» блеснуло подземное озеро. А над ним, в лучах горняцких фонарей, сиял радужный купол, по всему своду которого были рассыпаны причудливые друзы минералов — гроздья белоснежных кальцитов, зеленоватых флюоритов, иссиня-черные кубы и призмы сфалеритов, серебристо-светлые прожилки галенитов. Природа-ювелир придала минералам самые фантастические формы.

Подобные карстовые пещеры дальнегорские горняки называют «продушинами». На рудниках Дальневосточного комбината они встречаются довольно часто, но бригаде Александра Коркина довелось встретить самую крупную. После выяснилось, что у «берега» глубина озера была более 10 метров! Лучшие образцы минералов горняки отнесли в геологический музей комбината, пополнили ими свои домашние коллекции. Кстати, Александр Коркин — один из самых страстных коллекционеров. «Эти камни, — рассказывает он, — олицетворяют для меня не только богатства Сихотэ-Алиня, но и красоту труда моих товарищей».

Больше всего таких находок по совпадению пришлось на годы девятой пятилетки. Именно в эту пятилетку бригада Александра Коркина достиг-

Минералы коллекционируем всей семьей

ла своей зрелости, работала с особым подъемом и напряжением. По проведению горизонтальных выработок она стала лучшей на предприятии. Среднегодовой объем проходок в бригаде непрерывно возрастал. В 1971 году бригадой Александра Коркина пройден 1101 метр горизонтальных выработок. В 1972 — 1202 метра, в 1973 — 1510 метров, в 1974 — 1605 метров. При этом производительность труда составила в среднем 4,07 кубометра горной массы на каждого проходчика в смену, что почти в два раза больше, чем в среднем по комбинату. А в сложнейших горно-геологических условиях Второго Советского рудника достичь таких результатов — это уже подлинный трудовой подвиг. Но бригаде Александра Васильевича Коркина удалось сказать новое слово и в организации горно-проходческих работ. Тут Коркину помог опыт бригады проходчиков вертикальных выработок, руководит которой известный скоростник Юрий Иванович Рахманов, работающий со своими людьми на руднике Верхнем.

Содружество двух передовых бригадиров помогло общему делу. Рахманов охотно объяснял коллеге все тонкости проведения скоростных вертикальных выработок. Коркин расспрашивал дотошно. Юрий Иванович говорил, что его бригада работает по сетевому графику: пока в двух забоях идет бурение и зарядка скважин, в третьем — уже грохочет взрыв, в четвертом в это время наращивают монорельс, убирают отбитую горную массу. В результате — экономится от 10 до 30 минут на каждой промежуточной операции, а весь цикл от бурения до проветривания забоя продолжается не более 60 минут.

Осваивать проходку вертикальных выработок было поручено лучшему члену бригады, возглавляемой Виктором Ивановичем Тимошенко. Новое дело освоили быстро. Теперь каждый из проходчиков в совершенстве овладел всеми горняцкими профессиями. Люди научились по-скоростному проходить не только горизонтальные, но и вертикальные выработки.

Первый серьезный экзамен бригаде выпал при сдаче пятого горизонта. Находился этот горизонт на отметке плюсового пятого метра — вот горняки и назвали его «пятым». И Александр Коркин решил взять у рудника этот пятый горизонт «на откуп», приспособив для сдачи этого важного объекта подрядный метод знаменитой комплексной строительной бригады Николая Злобина. Идея была новой, смелой и перспективной. Руководители рудника помогли бriga-

диру разработать соответствующий график, организовали бесперебойное снабжение бригады всеми материалами и техникой.

На пятом горизонте закипела напряженная работа. Чтобы проложить к новым рудным пластам подземные магистрали, бригаде Коркина пришлось в 1973 году пройти 1070 метров горизонтальных квершлагов и штолен, две солидные вертикальные выработки, скреперный штрек, несколько ходков, рудо- и породоспусков, люков, десятки различных «дучек», «воронок», «сбоек», «камер». А у каждой из этих «мелких поделок» — своя длина, свое сечение, свой профиль. Раньше, чтобы справиться с таким объемом работ, надо было направить на горизонт три-четыре специализированные бригады. Одна из них прошла бы горизонтальные, другая — вертикальные выработки, третья, а то еще и четвертая — остальные подготовительные работы.

Бригада Коркина справилась с заданием без дополнительной помощи и добилась высшей на руднике производительности труда.

...29 декабря 1973 года кто-то из горняков Второго Советского рудника принес в забой небольшую елку. Проходчики, направляясь на смену, невольно замедляли шаги — уж очень необычно выглядело это пушистое зеленое чудо в полутемном штреке, среди потрескавшихся, выщербленных взрывами горных пород. Горняки улыбались, перебрасываясь шутками в адрес инженера по технике безопасности: он, дескать, и в этой елочке усмотрит какое-либо нарушение правил. Такая у него служба.

А появление елки объяснялось просто: за три дня до наступления нового, 1974 года бригада Александра Васильевича Коркина досрочно сдала в эксплуатацию пятый горизонт, большой подземный «этаж», богатый свинцово-цинковой рудой. Государственная комиссия приняла новый объект с первого же просмотра и дала оценку «хорошо».

Впереди новогодний праздник, и настроение у всех горняков было особо приподнятое.

Александру Васильевичу Коркину и его супруге пришлось в этот памятный новогодний вечер вносить в столовую дополнительный стол. Поздравить гостеприимного хозяина с присвоением звания Героя Социалистического Труда пришел чуть ли не весь рудник. Юрий Ильич Пойда, начальник рудника, прочитал поздравительную телеграмму Министерства цветной металлургии. В адрес героя было сказано еще немало заслуженных добрых слов. Но сколько ни пытались горняки добиться от прославленного бригадира ответной речи, он только рукой отмахивался. Александру Васильевичу, очень скромному, даже стеснительному человеку, казалось неуместным говорить самому о себе. Он никогда не стремился к славе. Но к настоящему рабочему, высоко ставящему свою трудовую честь, слава приходит сама.

В тесном строю со всем советским народом трудилась в 1974 году бригада Александра Коркина. В ней всего 15 проходчиков. Этот отряд тружеников, как уже говорилось, сумел полностью подготовить и досрочно сдать в эксплуатацию новый подземный, пятый горизонт. А в нем оказалось ни мало, ни много — четверть миллиона тонн богатейшей руды. Благодаря этому рудник намного раньше срока перекрыл проектную мощность.

За годы девятой пятилетки расширились и личные горизонты Александра Коркина. Он закончил горный техникум, стал дипломированным специалистом. Его дети — сын Олег и дочь Людмила — успешно преодолели очередные ступени учебы в средней школе. Семья Коркиных получила новую благоустроенную квартиру

из четырех комнат, приобрела легковую машину.

Немаловажные перемены к лучшему за пятилетку произошли в каждой горняцкой семье. В Дальнегорске построено 120 тысяч квадратных метров благоустроенного жилья — ключи от новых квартир получили сотни семей. Более трех тысяч горняков повысили рабочий разряд, около тысячи — закончили десятилетку, вечерний техникум, заочные институты.

В эти же годы вырос до начальника рудника Юрий Ильич Пойда. А Валентин Михайлович Чернышев — недавний секретарь парткома комбината — избран первым секретарем Дальнегорского райкома КПСС. А ведь начинал он на Втором Советском работать механиком, был активным участником первой скоростной проходки, когда горнякам рудника впервые удалось преодолеть рубеж в сто метров за месяц. Нынче же каждая бригада комбината может пройти по 300 и более метров. Заметен и культурный рост людей. На комбинате — свои кандидаты наук. Директор Дальневосточного комбината В. Д. Савин, главный инженер свинцового завода И. П. Бровин, главный механик рудника Верхнего В. А. Обухов и проходчик И. И. Коврига стали в годы девятой пятилетки лауреатами Государственной премии. Три проходчика из бригады Ю. И. Рахманова первыми в цветной металлургии страны удостоены ордена Трудовой Славы III степени.

А лидеры Всесоюзного социалистического соревнования — бригады скоростников Ю. И. Рахманова и А. В. Коркина продолжают увлекать коллектив к новым свершениям. 26 июня 1974 года рахмановцы доложили Центральному Комитету КПСС и лично Леониду Ильичу Брежневу о досрочном выполнении пятилетнего задания и социалистических обязательств. При задании на пять лет 5400 пройден 5421 метр. В конце августа этого же года о досрочном выполнении заданий и личных обязательств, принятых на девятую пятилетку, рапортовала бригада А. В. Коркина. Она прошла 5500 метров горных выработок.

Ко дню выборов в Верховный Совет РСФСР и местные Советы депутатов трудящихся около 600 горняков комбината выполнили свои личные пятилетние задания.

Проходческие бригады Коркина и Рахманова стали инициаторами нового движения. Готовясь достойно встретить XXV съезд КПСС, проходчики приняли новые смелые встречные планы. В завершающем году пятилетки бригада Рахманова обязалась пройти 2100 метров вертикальных выработок, а проходчики Коркина — соответственно 2200 метров горизонтальных выработок.

Эти встречные планы выполняются успешно.

Страна получит сотни тонн сверхплановых цветных металлов и новые рудные горизонты.

Любовь к плетению кружев с детских лет я сохранила до настоящего времени, и, думаю, нет лучше этой профессии.

Васильева

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

СНЕЖИНКА ЛЕТЯЩАЯ...

На большие расстояния Нина Ивановна ездила редко и потому очень боялась сейчас опоздать на поезд. Особенно не хотелось опаздывать в таком огромном городе, как Москва... Нет, уж, лучше явиться загодя, потом сидеть у

вагонного окошка, ожидая, когда поезд тронется...

Соседом по купе оказался мужчина лет тридцати, с полурасстегнутым воротом рубашки, явно навеселе. Определив в Нине Ивановне деревенскую «простушку», — она была одета в простенькое, далекое от современной моды пальто, которое еще не успела снять, к тому же беспокойно держалась в вагоне, все оглядывалась по сторонам — веселенький попутчик вдруг спросил: «Ну, как коровушки?..» Нина Ивановна не поняла. Мужчина уточнил: «Коровушки, говорю, как? Доятся?..» «Чьи?» «Ваши, разумеется, колхозные!» «А-а ... доятся помаленьку!..» — в тон балагуру ответила она, вдруг почувствовав к нему неприязнь. И добавила: «Вот только с козлов ныне настриг плохой!» — и не удержалась — хмыкнула про себя, подумала: «За доярку, небось, принял. Знаток нашелся! У доярки разве такие руки-то?» — и почему-то положила на колени руки, словно показывая их собеседнику, и одновременно оценивающе поглядела на них сама.

Замечание насчет козлов сосед пропустил мимо ушей, покровительственно посоветовал: «Устраивайся, мамаша! До Вологды-то не близко», «Да уж придется...» — ответила Нина Ивановна.

Вдруг, потеряв интерес к попутчице, балагур вышел из купе, разминая в пальцах сигарету.

Когда он вернулся, Нина Ивановна, уже без пальто, сидела у столика, с удовольствием потягивала горячий чай из стакана. На ее темном, ладно сидящем платье с кружевным воротником поблескивали два ордена Ленина и Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

Весельчак явно смутился и, сразу перейдя на «вы», спросил: «Простите за любопытство, за что же это Вам? За молоко? За хлеб? За мясо?».

Нина Ивановна отставила стакан, помедлила, словно раздумывая, говорить ли, и вполголоса, но с достоинством сказала: «За кружева!».

Да, именно за плетение кружев она получила эту высокую награду.

* * *

«...Милые женщины, уважаемые кудесницы-мастерицы! Пишет вам ваша поклонница из Омска — актриса С. К. К 100-летию нашего театра вы мне прислали кружевной жилет, и я на нашем юбилейном вечере сразила наповал как мужчин, так и женщин замечательным вашим нарядом! А теперь мне очень нужно фигаро с длинным рукавом...»

С. К., г. Омск

«Была на ВДНХ... Когда устроили показ моделей с вашими кружевами, мы все пришли в восторг! Удивительно изящно и нарядно! Таких прекрасных кружев я не видела, хотя много ездила, бывала за границей...»

Т. И., г. Москва

«Дорогие вологжанки! В этом году исполняется 30-летие Победы. Моя мама прошла всю войну, служила в авиаполку техником по вооружению. В этот знаменательный день мне хотелось бы сделать маме подарок. Она еще в войну мечтала иметь воротник и манжеты из вологодских кружев. Вышлите, пожалуйста! К моей просьбе присоединяется мой отец — Герой Советского Союза, с которым мама прошла всю войну... Хотела купить в Москве, но это совершенно невозможно, спрос на ваши изделия очень велик!»

Л. К., г. Коломна

«Будучи в служебной командировке в Москве, я зашел в ЦУМ. Там я увидел большую очередь, продавались кружевные галстуки производства вашего объединения «Снежинка». Они очень красивы, но были быстро распроданы. Увидел на ярлыке ваш адрес, и вот пишу. Пришлите, пожалуйста, мне пять галстуков — для меня и для моих товарищей».

Н. В., г. Черновцы

Подобных писем в архиве вологодского кружевного объединения «Сне-

Из молодых рук

жинка» скопилось уже целых три тома! И ни одно не оставлено без ответа...

С осени 1974 года поток писем обрушился и непосредственно на Нину Ивановну Васильеву. Именно в этом году она была удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда, и ее портреты, в том самом платье с кружевным воротником, появились в газетах и журналах. Нина Ивановна не оставляет без ответа ни одной просьбы, пусть даже самой наивной. Просят, например, прислать «сколки» кружев, коклюшки, альбом образцов... Просят научить заочно плетению... Улыбается Нина Ивановна, читая такие письма: даже не догадываются ее адресаты, сколько терпения и упорства, сколько знаний нужно человеку, чтобы научиться плетению кружев. Она-то с восьми лет увивалась возле матери да бабушки — потомственных кубеноозерских кружевниц, не переставая удивляться столь чудному и столь занятному для детского разума действу. Беспорядочное, на первый взгляд, перебирание коклюшек, оказывается, имело строго определенный порядок. Как, между прочим, и перемещение булавок... Этот порядок и творил на глазах то самое чудо, превращал нитки в кружево, затейливое по узору, похожее на рисунок, который создают на окнах первые заморозки. Чуть отвернутся, бывало, от пяльцев мама или бабушка, востроглазая Нинка уже тут как тут: вот, думала, сейчас сплету, как они... И сбивалась, запутывалась, и до слез сердилась на свое неумение... Бабушка поворчит незлобиво, распустит то, что «набродила, как ворона лапой» внучка, и скажет: «Вот как тут надо — гляди!».

Как пели коклюшки в бабушкиных и в маминых руках! Словно тоненькая-тоненькая струйка лесного ручейка, которая переливается через камушек или прутик. А как быстро перекатывались в пальцах коклюшки... Перекатывались — и не сбивались, не путали нитки. Мама с бабушкой успевали при этом еще и разговаривать, и смеяться, а когда к ним приходили подружки — тоже с пяльцами — даже и петь...

Подросла Нина — научилась плести и она; нельзя было не научиться, потому что по всему северо-западному берегу Кубенского озера, протянувшемуся на шестьдесят километров, во всех деревнях женщины испокон веков занимались плетением кружев. Почему именно здесь, в Кубеноозерье, привился кружевной промысел, уверенно сказать трудно. Но если вспомнить, что и село Кубенское, и село

Таким будет новый рисунок

Устье на другом берегу во все времена славились шумными ярмарками, на которые можно было попасть не только сухопутным, но и водным путем из Вологды и даже из Архангельска, то многое станет ясно: видимо, на этих ярмарках кружева были не последним товаром, может быть, даже для заморских купцов.

Плетение кружев постепенно стало здесь праздничной стороной быта, разумеется, в первую очередь для женщин.

«Чего же тут праздничного, — скажет иной, — сидеть часами и путать нитки?». Но в этом-то как раз и кроется, — отвечу я, — возможность превращения кропотливого, по своему характеру сугубо индивидуального труда в своего рода деревенскую «посиделку», с песнями, разговорами, шутками и смехом. «Ой, сколько песен, бывало, перепоем за вечер!» — вспоминая о том времени, однажды сказала мне Нина Ивановна. И добавила: — «Радио-то в ту пору в деревне еще не было!».

Бегала на «посиделки» кружевниц и Нина Васильева, и не было для нее в ту девическую пору занятия любимей, чем плетение. Придет из школы, сделает уроки — и за коклюшки. Так интересно собственными руками творить красоту!

Наверное, как и ее сверстницы, она стала бы вскоре доброй и расторопной женой рыбака, украсила бы своими кружевами подушки, полотенца и занавески, как велось в их округе, если бы не произошел в ее жизни крутой и неожиданный поворот. За полтора года до начала Великой Отечественной войны колхоз направил ее, 18-летнюю девушку, на курсы механизаторов в Великий Устюг. «Будешь учиться на шофера», — сказали ей. — «Что же, на шофера — так на шофера!» — подумала, соглашаясь, Нина. Через шесть месяцев она села за руль. Ее прилежность, природная смекалка, настойчивый характер сказались и тут. И за рулем Нина не терялась, и в знании машины не уступала мужчинам. Домой бы теперь — так соскучилась по кружевным «посиделкам», но нет, не отпустили: вернули на курсы — но уже не ученицей, а инструктором практической езды! Это ее-то, девчонку! Подчинилась — отказываться она не умела.

Вдруг пришла телеграмма: тяжело заболела мать. А было это уже в начале 1941 года. Вернулась домой, ухаживала за матерью, плела кружева — не могла сидеть без любимого дела. Матери, к счастью, скоро стало легче, и Нина начала работать в полевой бригаде.

Глаз не оторвать...

И тут грянула война. Мужчины ушли на фронт. Нина оказалась в Вологде, ее определили в «Заготлен» — была такая организация. Одна-единственная машина осталась в «Заготльне» — старенькая полуторка — и работать на ней назначили Нину. Сколько исколесила она тогда вологодских проселков! И в сугробах буксовала, и в грязи тонула. Не для женщины были эти дороги, да что поделаешь: шла война, легкой жизни искать не приходилось.

Огрубели, потемнели ее руки... А снились все коклюшки да белые-белые кружева. И так — всю войну. И после еще долго она «крутила баранку», правда, уже на легковой машине. А о кружевах нет-нет, да вспомнит, бывало, и вздохнет сокрушенно: надолго теперь, наверное, забудет народ о них... Ан нет!

Людям, набедовавшимся за войну, захотелось уюта. Поэтому вскоре всем, кто сберег коклюшки, представилась возможность вернуться к любимому делу.

И запели, снова заперекликались в деревнях да селах вокруг Вологды и Кубенского озера легкие, отполированные пальцами мастериц коклюшки.

Нина Ивановна к тому времени рассталась уже с профессией шофера — у нее росли дети: в войну она познакомилась с демобилизованным после ранения молодым механиком и связала с ним свою судьбу. Детишки требовали и внимания, и времени. Однако на досуге она продолжала плести кружева. Числилась в вологодской кружевной артели надомницей.

Только в 1955 году Нина Ивановна пришла в цех объединения «Снежинка». Здесь, как принято говорить, она и нашла себя, потому что получила, наконец, возможность полностью отдаться любимому делу.

* * *

Светлые, с большими окнами комнаты, в которых, как птицы в роще, тенькают коклюшки, в «Снежинке» называют цехами. Но как мало соответствует это слово тому, что в комнатах происходит!

Двадцать, а то и больше кружевниц сидят в каждой комнате рядами, в затылок друг другу. И перед каждой — пяльцы с белыми валиками «подушек», а на «подушках» бумажные «сколки», поверх них — кружева... Со стороны посмотришь — кажется: все одинаково проворно перебирают коклюшки, но нет... Некоторые делают это значительно быстрее. Это мастерицы — золотые руки. Их

не так уж и много, но давно известно: талант — редкость. А они — кружевницы — в своем деле именно талантливы! И Нина Ивановна Васильева — первая из них. Девятую пятилетку она завершила за 3 года и пять с половиной месяцев. На полтора года раньше срока! Ее подруга Софья Дмитриевна Панькова — тоже большая мастерица — выполнила задание пятилетки за 3 года и 9 месяцев... Приятно, что к ним — опытным искусницам приближается и кое-кто из молодых. Прежде других — Люся Опаницына, она еще недавно была прилежной ученицей Нины Ивановны. Впрочем, талант талантом, а без старания, усидчивости и навыков, которые тоже сами собою не приходят, не добьешься успехов. Вот и Люся Опаницына — чем взяла? Прилежанием, трудолюбием. Эти качества она приобрела с детства, в своей большой семье, где каждый приучался к труду с малых лет.

Именно трудолюбие и упорство помогли выдвинуться и Гале Обласовой — она теперь председатель цехового комитета, учится заочно в финансово-экономическом институте, и Людмиле Поповой — ныне мастеру цеха, в котором 90 кружевниц.

Для них и для многих других молодых кружевниц Нина Ивановна не просто наставница, но живой пример во всем. Особенно привлекает в характере Нины Ивановны ее доброжелательность, постоянная готовность к труду. Сама Нина Ивановна по этому поводу сказала так: «Не бывало случая, чтобы мне не хотелось на работу! Это потому, наверное, что люблю я свое дело. Очень!». Любит она его потому, что не бездумно выполняет ту или иную операцию, а творчески! Получив, к примеру, «сколок» нового изделия, она сперва посидит, подумает, откуда лучше начать, чтобы сподручней было плести, а уж потом возьмется за дело.

О творчестве в труде кружевниц следует сказать подробнее. Человек научил машину плести кружево. Но только так называемое «мерное», т. е. с повторяющимся шаблонным узором. Штучное же кружево, как, например, пелерина, жакет, палантин, различные воротники и косынки — может плести только кружевница. Ассортимент штучных изделий все время меняется, а рисунки (узоры) усложняются. Конечно, не сами кружевницы разрабатывают новые узоры. Этим занимается группа художников; но ни одно новое изделие не запускается в производство без одобрения кружевниц.

Вот тут-то и нужны одаренность и

Вологда — сегодня

опыт таких искусниц, как Н. И. Васильева. Хорошо понимая это, дирекция объединения создала так называемую творческую группу при художественном цехе, включив в нее, кроме художников, опытных мастериц, в том числе и Нину Ивановну. Для таких кружевниц, как Васильева, это доверие особенно дорого, ведь оно способствует развитию истинно творческого начала в их профессии.

И в том, что художники объединения «Снежинка» — В. Н. Ельфина (ныне старший художник), В. Д. Веселова, К. В. Исакова, Э. Я. Хумала в 1968 году были удостоены Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина, немалая заслуга кружевниц, членов творческой группы. Широкую известность на союзных и зарубежных выставках приобрели изделия вологодских кружевниц, такие, как скатерть «Снежинка» (рисунок В. Н. Ельфиной). Круглая, 3 метра в диаметре, эта скатерть очень понравилась посетителям выставок в Чехословакии, Канаде, Польше, Италии, Франции, Японии, ФРГ, Болгарии... На выставке в Пловдиве скатерть получила Золотую медаль.

Большой успех выпал также на долю скатерти «Цветы», целиком сплетенной Н. И. Васильевой. Скатерть, побывав на выставках в Монреале и в Марселе, сейчас украшает Вологодский краеведческий музей.

Нельзя пройти равнодушно и мимо таких кружевных панно, созданных вологодскими мастерицами, как «Ладья», «Птицы-небылицы», «Хоровод», «Веселая деревня», «Первый снег»... Автор этих строк видел и снимок с замечательного тематического панно «Лен-ленок», на обороте которого значилось: *«Нине Ивановне Васильевой с уважением и благодарностью за отлично выполненное панно «Лен-ленок» от автора рисунка К. Исаковой. 1974 год, август»*.

В дни, когда мне довелось бывать в «Снежинке», художники В. Н. Ельфина и Г. Н. Мамровская завершали «доводку» уже утвержденного художественными советами объединения и Главного управления народно-художественных промыслов РСФСР рисунка панно, подготовленного к 30-летию Победы.

В центре его — символическая фигура матери-Родины, выполненная в народном стиле. Вскинутыми над головой руками она поддерживает орден Победы. Вот этот самый орден — наиболее сложную деталь панно — поручено выполнить Нине Ивановне Васильевой. И я видел, как она сосредоточенно и даже, мне показалось, взволнованно приступала к делу: уж

очень непрост рисунок, а сделать надо безупречно...

...Вспоминается и такое: плели панно «Веселая деревня». Кому-то досталось парней с гармошкой плести, кому-то девиц, выглядывающих из окна, а Нине Ивановне — солнце. Художница сказала: «Надо сделать так, чтобы солнышко улыбалось». И кружевница добилась своего: солнышко ее и в самом деле улыбается...

Можно надеяться, что и орден Победы в ее исполнении засияет на панно, как яркое весеннее солнце!

Кружева... Казалось бы, что в них особенного, тем более — значительного, необходимого... Не хлеб, не сталь — без которых страна не может обойтись, всего лишь украшение к костюму или, реже, деталь того же украшения в квартире.

Но вот Агния Николаевна Петрова — директор объединения — повела меня в комнату (не хочется называть ее складом), в которой хранится и упаковывается готовая продукция «Снежинки».

До чего веселая эта комната! Кружевные изделия, еще не упакованные, лежат на столе, их можно взять в руки, полюбоваться ажурностью рисунка. Агния Николаевна прикидывает кружево к своей кофте — и любое изделие: воротник, пелерина, жакет, палантин — смотрится удивительно свежо, нарядно, благородно. Нет, не преувеличивала актриса Омского театра, когда писала, что «сразила наповал» и мужчин и женщин жакетом, выполненным руками вологодских кружевниц!

Несколькими днями раньше я спросил Агнию Николаевну — в прошлом тоже замечательную кружевницу — не отомрут ли, не станут ли легендой, только памятью кружева?

«Нет! — твердо сказала она. — Штучное кружево останется! И степень художественности его будет все возрастать!».

Помнится, скептически выслушал я тогда эти слова. Но теперь, разглядывая одно изделие за другим, понял, что Агния Николаевна была права. Не отомрет кружево, как не отмирает в нас чувство прекрасного. Как художники не бросили кисть с появлением цветной фотографии, так и кружевницы не бросят своих коклюшек, хотя и появились вязальные машины, синтетические ткани и прочие изобретения нашего века.

Кружево — согласитесь — тоже произведение искусства! Не случайно на равных правах с живописцами большинство художников «Снежинки» являются членами Союза художников, а В. Д. Веселова в 1972 году удостоена звания Заслуженного художника РСФСР!

И когда Агния Николаевна говорила о том, что уровень художественности кружев с годами все будет повышаться, она имела в виду как раз вот эту, новую силу в традиционном кружевоплетении — талант профессиональных мастеров-художников. Они создают уникальные произведения русского народного искусства, глубоко традиционные и созвучные красоте северной природы.

Заслуга художников «Снежинки» состоит в том, что они, глубоко изучив народный стиль, взяли из него самое устоявшееся, самое талантливое и в своих разработках неизменно опираются на него.

* * *

В мастерской рабочее место Нины Ивановны в последнем ряду: ее не видит никто из работающих мастериц, она видит всех. Такое место надо заслужить. Нина Ивановна и ее подруга Софья Дмитриевна Панькова, сидящая справа от нее, конечно же, его заслужили; они в цехе, пожалуй, самые старшие, и кому, как не им, присмотреть за молодежью, помочь при необходимости.

Нина Ивановна — наставник молодых и общественный контролер. Раз в неделю она подходит к каждой работающей в ее бригаде кружевнице и придирчиво проверяет ее кружево, еще на «подушке» пяльцев, еще незаконченное. И от ее глаза не ускользнет ни одна — даже самая малая — погрешность.

А еще Нина Ивановна возглавляет жилищную комиссию месткома. Мнением ее дорожат, потому что оно всегда объективно и справедливо.

Сама Нина Ивановна живет на тихой окраине Вологды. И название улицы деревенское: Ольховая... Когда они с мужем ставили здесь свой домик, ее, Ольховой, еще и не было. Шумели под ветерком заросли ольхи да ивы. А теперь тут настоящая улица, пусть не очень городская, но улица. И не желает Нина Ивановна уезжать с Ольховой, вернее, не хочет покидать этот рубленый, собственными руками обихоженный домик. И цветники, и ягодники вокруг домика — все родное. Расстанься с этой благодатью — и чего-то очень важного, необходимого в жизни ей будет не хватать. Тем более дети выросли, у них уже свои семьи.

Анатолий — сын — служит на Севере и летом приезжает к родителям со всей семьей. Приезжал и на вечер, посвященный чествованию матери — первого Героя Социалистического Труда среди кружевниц. И дочь приезжала. Сидела Нина Ивановна на сцене городского Дома культуры рядом с ними — так придумали устроители вечера, и до того сильно волновалась («Думала ли, гадала ли!..»), что и не слышала порой слов, которые о ней говорили. В голове у нее крутилась одна и та же мысль: «Счастливая я родилась... Счастливая...»

А сын все жал ей легонько руку — в тот вечер беспокойную и горячую.

Лес называют зеленым «океаном». Но черпать из него надо умеючи. Океан не беспределен. В лесу должны работать люди, по-настоящему любящие природу.

МИХАИЛ ИВКИН
КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВ

ЗЕЛЕНЫЙ КОНВЕЙЕР

У бригадира давно зрела эта мысль, но вот теперь, прочитав в отраслевой газете статью о почине тюменских лесорубов, понял: верная одолевала его забота, не он один тревожился о положении дел в небольших лесосечных

бригадах. Под силу ли пятерым — трактористу, вальщику, чокеровщику, сучкорубу и отгребщику снега — резко повысить производительность труда? Сколько раз случалось: заболел кто-то в бригаде, и нарушался рабочий ритм, простаивала техника, показатели ползли вниз.

«Значит, не я один так думаю, — рассуждал Никифор Никифорович Жуков, — коли тюменские лесорубы отказались от малых бригад». И прикидывал, как лучше применить хороший опыт в иркутских лесах. Он понимал, что укрупненная бригада Павла Васильевича Попова из Комсомольского леспромхоза Тюменской области работает в несколько других условиях. Но сама организация производства по-новому уж очень пришлась ему по душе.

Конечно, всему свое время. Раньше, когда в лесу не хватало техники, весь расчет был на выносливость и мастерство каждого рабочего. Теперь же пришли высокопроизводительные челюстные погрузчики, мощные трелевочные тракторы и лесовозные автомобили-тягачи. С ними полагаться только на мастерство кустарей-одиночек не приходится.

Жуков давно вынашивал идею организовать на лесной делянке производство, подобное заводскому конвейеру. Когда все должно быть под рукой, рабочие при необходимости подменяют друг друга, могут выполнять две-три операции, а если потребуется, отремонтировать на месте сломанный механизм. Но для этого нужно укрупнить бригаду, как это сделал тюменский лесоруб Попов. Тогда и работать можно в две-три смены.

И не только появление новой техники вызывало такие размышления у бригадира. Он знал — страна строится, потребность в строительных материалах растет с каждым годом. А в Иркутской области, как он слышал однажды от работников управления лесного хозяйства, запасы древесины составляют более восьми миллиардов кубометров. Знал он и то, что на базе этого богатства созданы крупнейшие в стране Братский и Усть-Илимский лесопромышленные комплексы, Байкальский целлюлозный завод, Чунский лесопильно-деревообрабатывающий комбинат. Догадывался, что значение иркутской тайги возрастет в связи со строительством Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Со своими мыслями пришел к руководителям Шиткинского леспромхоза. И не успел переступить порог, как с ним заговорили именно о том, о чем он продолжительное время размышлял сам, делился со своими товарищами.

Из конторы он вышел уже бригадиром укрупненной лесосечной бригады.

Кое-кто с недоверием отнесся к новшеству, не всем понравилось, что нужно учиться управлять еще одной машиной или владеть бензопилой. «Асов» лесосеки раздражало, что заработок каждого стал в значительной степени зависеть от результатов общего труда. Случалось, выслушивал бригадир и жалобы, что один сделал больше, а вот сосед его — меньше. Не сразу поняли лесорубы, что значит в их деле надежное плечо товарища.

Никифор Никифорович в те дни и сам порой задумывался: удастся ли бригаде преодолеть такой «психологический барьер»? Но другим вида не показывал, что одолевают сомнения, и продолжал упорно добиваться слаженности в работе бригады, четкости, высокой дисциплины.

Жуков быстро убедился, что выбрал правильный путь. В укрупненной бригаде росла производительность труда. Четче стал действовать в лесу «зеленый конвейер», почти совсем исчезли простои машин. Тяже-

лели хлысты древесины, которые с лесосеки вывозили тягачи.

О бригаде стали часто говорить на областных активах, ставить ее в пример другим.

И вот пришла победа. Одними из первых в стране они дали государству за год 100 тысяч кубометров древесины.

Если бы бригада продолжала работать по старинке, столько с трудом бы заготовили за пять лет.

Любой успех окрыляет, и люди, поверив в свои силы, организаторский талант своего бригадира, намечали для себя с каждым годом все более и более высокие рубежи.

...Когда Жуков предложил освоить профессию вальщика Максиму Фалюте, тот гордо отрезал:

— Я шофер, зачем мне это.

— Научим, пригодится.

И научили. Сейчас Фалюта управляется с бензопилой не хуже, чем с автомобилем, а при случае даже подменяет отсутствующего тракториста.

В сущности именно овладение смежными профессиями, наличие ре-

Комплексная укрупненная

зервного, четвертого по счету, трактора, которым можно в любую минуту заменить вышедший из строя, и позволило им добиться высокой выработки, стабильной производительности, изо дня в день выполнять и перевыполнять сменные нормы.

...Ожила тайга. Глухо взревели тракторы, в их рокочущий бас тут же влился стрекот бензопил. Из густого березняка вылетела кедровка, но, испугавшись шума, пропала в зеленой чаще. Потрещав сухостоем, показался на резервном тракторе Федор Никитин. Федор спрыгнул на землю, помог чокеровщику подцепить хлысты — и снова в кабину.

«Молодец! — мысленно похвалил его Жуков. — Ишь, как усердно помогает напарнику».

Никитин вместе с Виктором Кузнецовым числятся в бригаде слесарями-ремонтниками. Оба хорошо управляют трактором. Но Федор может еще валить лес и, если надо, работает сварщиком.

Бригаде это выгодно. Каждый раз при поломке вызывать «техпомощь» из леспромхоза накладно, времени много теряется. А тут свой специалист под рукой.

Вот видит Жуков — машет ему Никитин руками. Эх, неудача, посадил Федор свой трелевщик на пень. Никифор Никифорович развернул свой трактор, подъехал ближе и погрузочным щитком аккуратно подтолкнул никитинский трелевщик.

— Что ж ты так! — И смотрит на виновника сердито. А у Федора во все лицо улыбка. Жуков не выдержал, тоже улыбнулся.

— Ну, что?

— Знаешь, бригадир, о чем я подумал? Случись со мной такое в малой комплексной, куковал бы на пне до вечера, дожидаясь леспромхозовского бульдозера.

К концу горячего дня Жуков подвел итоги. Бригада стрелевала более четырехсот кубометров. Результат редкий.

— Если так пойдет дальше, — рассудил мастер верхнего склада Василий Татолин, — быть вам первыми по комбинату и во втором квартале. Обошли вы все укрупненные в «Тайшетлесе».

В Шиткинском леспромхозе до сих пор помнят, как соревновались малые комплексные бригады Жукова и Корнеева. Дружба у них давнишняя. В годы войны делились друг с другом последним куском хлеба, замешанного на отрубях и лебеде. Женились в одно время, теперь вот оба стали дедами. Им и ордена Трудового Красного Знамени за успехи в восьмой пятилетке вручали в один день. Вспоминает Жуков те дни, дивится: каким-то иным стал Николай. Вот сегодня обидел отставшего от него третьего тракториста Черепанова. А ведь не такой он.

Дня через три возвращались они домой тихой поселковой улицей.

— Не узнаю я тебя, Николай, — нарушил молчание Жуков. — Может, неприятности дома?

— Какие еще неприятности? Черепанова, поди, защищать будешь? Не хочет он работать лучше.

— Не получается у него пока лучше! А вспомни, как ты пришел ко мне в бригаду в шестьдесят первом. Дерева толком свалить не мог.

— Я мало до этого в лесу работал...

— А Черепанов много? Мы уже двенадцать лет, а он всего три года. Есть разница?

— Я пытался ему как-то подсказать. Вижу — не очень хочет.

— Гордый, значит, — вздохнул Жуков. — Сам желает до всего дойти. Вот посмотришь — догонит он нас с тобой. Что тогда скажешь?

Из других леспромхозов присаянской тайги ехали в Шитку делегации за опытом. Однако самих членов бригады Жукова это радовало мало:

За рулем — бригадир

Не просто положить такую сосну на волок

желанное первое место «уплыло» от них сначала во втором, потом и в третьем кварталах. Сказались большие потери времени в пору июньского половодья. Вперед вышла бригада Владимира Затрутина.

Еще и еще раз продумывал Жуков, как лучше организовать работу. Рассчитал, кого куда следует поставить. Провел рабочее собрание. Поделился своими сомнениями с товарищами:

— Не рано ли стали других учить? Может, самим еще стоит к соседям заехать?

А в конце ноября позвонил председатель объединенного профкома комбината, сдержанно сообщил: обошли лесорубы Жукова бригаду Затрутина. Правда, всего на полторы тысячи кубометров, но обошли.

Молодые ребята, влившиеся в коллектив летом и осенью, быстро набирались мастерства. Вслед за сыном мастера Василия Татолина Николаем пришел его младший брат — Саша. Жуков отправил Николая в звено Черепанова. Новичка взял себе, обучая его, как в свое время Николая, тонкостям профессии чокеровщика. И у Корнеева появился новый помощник — Герман Арбузов, парень не по годам хваткий, рассудительный. Из местных и тоже из династии лесорубов.

В первых числах декабря собрался на пенсию вальщик Василий Адамович. Нужно было готовить ему замену. Молодого парня Анатолия Анфилофьева взялся учить Алексей Фоменко. Вскоре Жуков зашел к ним на делянку.

Анатолий ходил с бензопилой от дерева к дереву, и все они ложились вершинами в одну сторону — на валок. Жуков невольно залюбовался. Он-то хорошо знал, как не просто добиться такой направленной валки. А тут лежат сосенки, точно по заказу. Обрубщикам сучьев легко работать, и чокеровщику, и трактористу. Да и молодые деревца сохраняются — лесоруб обязан беречь природу.

— В новом году можно ставить самостоятельно, — заключил Жуков. Фоменко, довольный, заулыбался.

Новый год принес радость: в соревновании с Затрутиным снова победила бригада Жукова. Она заготовила без малого сто девятнадцать тысяч кубометров — больше всех не только на комбинате, но и в области.

Вернув в четвертом квартале славу лидеров, шиткинские лесорубы завоевали право приобрести вне очереди два мотоцикла. Возвращаясь в стареньком автобусе с работы, решали, кому отдать предпочтение. Первым назвали вальщика Максима Фалюту,

давно мечтавшего о «трехколесном коне».

— Вторую машину пусть возьмет Петр Черепанов, — предложил Николай Корнеев.

Он сказал это таким тоном, словно и не ждал никаких возражений. Все-таки прав был бригадир, добился своего Петр, стал одним из лучших механизаторов.

— Верно говорит Николай, отдадим Черепанову, — подтвердил Никитин.

Жуков, покачиваясь на жестком сиденье, слушал. Наверное, это все же здорово, когда то, о чем хотел сказать, говорят товарищи.

В леспромхозе уже не удивлялись, когда выяснилось, что задание пятилетки коллектив Жукова выполнил за три с половиной года и по производительности труда она попала в число самых лучших десяти бригад отрасли.

А потом случилось такое, что взволновало весь поселок лесорубов.

— Никифор Никифорович!.. По радио... Только что... Указ о присвоении тебе звания Героя Социалистического Труда, — окружили его товарищи по бригаде.

Стоял в их кругу, не зная, что делать, как себя вести. Казалось ему, что в этот день и солнце ярче, и тайга наряднее.

Вечером калитка его дома почти не закрывалась. Шли друзья, знакомые. Жали руку, хлопали по плечу, поздравляли. Почтальон принес кипу телеграмм — среди них от министра, председателя ЦК профсоюза, секретаря обкома партии. Листки забелели в руках людей. Лесорубы от души радовались за своего бригадира.

— Он ведь как руководит? — делился со своими друзьями-шоферами вальщик Максим Фалюта. — Не приказывает, а больше убеждает. Смотрит на тебя в упор и говорит: сделай, дорогой, так-то и так-то. Отказать ему невозможно. Зато уж никого из бригады в обиду не даст, сам любит во всем разобраться...

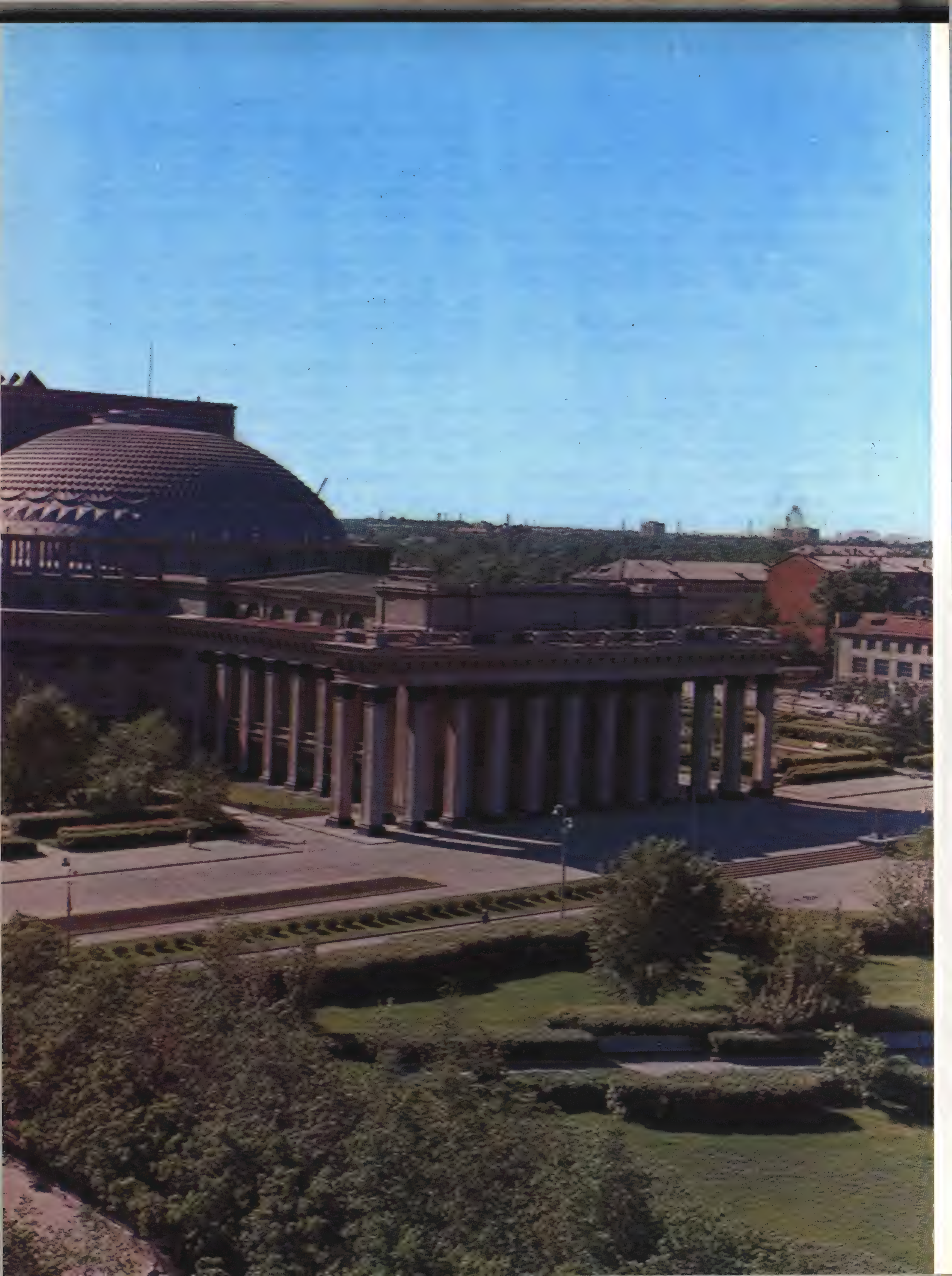
Спустя некоторое время еще одна радостная весть пришла в бригаду: за многолетний ударный труд орденом Ленина наградили Николая Корнеева.

Новость застала бригаду в лесу. Рабочие собрались у полевого вагончика, весело тормошили своего товарища. Жуков стоял, опершись плечом о дверной косяк, слушал, радуясь за своего товарища.

А когда в дни Первомая и 30-летия Победы над фашистской Германией его пригласили на праздники в Москву, во главе бригады остался Николай Корнеев. И в эти дни ребята выдавали по 400—500 кубометров древесины при задании 350 кубометров.

Обязательство 1974 года бригада перевыполнила — дала Родине 156 тысяч кубометров древесины, а в завершающем году девятой пятилетки, накануне открытия XXV съезда нашей партии, отправила со своего участка более 160 тысяч кубометров добротного сибирского леса.

Четко действует в лесу «зеленый конвейер» Жукова. Сегодня в комбинате «Тайшетлес» работают 66 укрупненных комплексных бригад, и дают они предприятию около семидесяти процентов всего объема лесозаготовок. Метод Жукова нашел применение и на нижних складах комбината — там создано пять таких коллективов. В Квитковском и Тангуйском леспромхозах недавно появились первые укрупненные экипажи лесовозных автомашин.

Нет плохих профессий, не бывает неинтересной работы. Я, например, бортмеханик самолетов Ту-104, и по мне — лучшего дела нет.

АБРАМ ГИЛЕНКО

НАДЕЖНАЯ СКОРОСТЬ

Нынче авиацией никого не удивишь. Девяносто миллионов пассажиров в год! Из конца в конец страны. От моря и до моря. В командировку, в отпуск, на работу — кому куда надо.

И хотя случается иным из нас поворчать, когда в набитом до отказа зале какого-нибудь аэропорта прозвучат слова: «...рейс задерживается до... часов», хотя возникают и другие недоразумения, все же восхищение нашей гражданской авиацией куда выше этих досадных и огорчительных частностей.

Вспомните любой свой полет. Вы заняли место в салоне ветерана реактивной пассажирской авиации Ту-104, пристегнулись ремнем и терпеливо ждете взлета. Откатили трап. Последним проходит через салон в пилотскую кабину бортмеханик.

...Сегодня бортмеханик Федор Иванович Тимофеев в салоне вместе с пассажирами. Несколько часов назад у него была встреча с курсантами Омского училища гражданской авиации. Училище особенное — готовит не только летчиков, но и специалистов различных служб: прибористов, электриков, радистов, локаторщиков...

Федор Иванович любит бывать среди молодежи, а в Омск отправляется всегда с особой охотой. На то есть у него свои причины: Толмачевское авиапредприятие, где трудится Федор Иванович, шефствует над Омским училищем. В этот приезд Федор Иванович снова встречался с курсантами. Шел разговор, что называется, по душам. И о том, что нет плохих профессий и что не бывает неинтересной работы...

— Я, например, бортмеханик самолета Ту-104, — говорил ребятам Федор Иванович, — и по мне — лучшего дела нет. Моя задача и забота — принять от технической бригады самолет в исправном состоянии и обеспечить его безупречную эксплуатацию в воздухе и на земле. Долгом своим как специалист, как коммунист считаю полную ликвидацию любых предпосылок к летным происшествиям. Этого стараюсь добиваться и от других бортмехаников, поскольку — инструктор. А безопасность и надежность полетов, как вы понимаете, позволяет быть уверенным в выполнении и перевыполнении государственных заданий, наших обязательств — перевозить больше пассажиров, грузов, почты, беречь честь и марку Аэрофлота.

Речь была не праздничная, не парадная. Говорил Федор Иванович с курсантами всерьез, как со своими товарищами по работе, а они вот-вот ими станут. И ребята хорошо это почувствовали. Федор Иванович специально подчеркнул: многие из них получат направление на Толмачевское авиапредприятие. Трудиться придется много, это уж точно. А еще предстоит учиться и переучиваться. Практика всегда предъявляет свои особые требования. А диплом — всего-навсего документ, дающий молодому специалисту право овладевать избранной профессией и совершенствовать ее всю жизнь. Именно так — всю жизнь, потому что сама жизнь тоже не стоит на месте.

Вот такой разговор был в Омске.

Федор Иванович летит в салоне вместе с пассажирами...

Непривычно.

Прошел мимо в кабину незнакомый бортмеханик. Сейчас доложит командиру о готовности к буксировке. Дали разрешение — самолет медленно тронулся со стоянки. Водило отцепили, тягач ушел... Подключили средства запуска. Добро. Двигатели работают нормально. Прогрели. Достаточно! Так. Пошли на старт... Порядок. По газам!..

Непривычно Федору Ивановичу воспринимать все это со стороны. Сознание автоматически фиксирует то, что происходит на борту.

«Нет, так летать неинтересно, — размышляет Федор Иванович. — Вот поездом — другое дело. За последние двадцать пять лет один раз только и пришлось. В марте семьдесят четвер-

того фирменным скорым — «Сибиряком» ехал. На Всероссийское совещание передовиков соцсоревнования. Двое суток до Москвы, столько же — обратно. Из окна вагона словно впервые увидел страну своими глазами. Совсем близко! А то все через просветы в облаках смотрел...»

* * *

Выбрать себе дело по душе, выбрать и не ошибиться — совсем не просто. Не у каждого к пятнадцати-шестнадцати годам определяются склонности и пристрастия. Но чем больше отдалять выбор, тем труднее. Сколько профессий! Всюду зовут. Каждую профессию хвалят. Объявления в газетах — на целую полосу, справочники «Куда пойти учиться?». Везде — требуются, требуются, требуются!.. Глаза разбегаются. А остановиться на чем-то надо. Но вот решение в конце концов принято. И хорошо, если сразу угадал. А ну как ошибешься? И казнись тогда. Можно, конечно, поправить дело, попробовать себя в чем-то другом, начать сначала, но — нелегко, да и не всегда такое возможно.

Боготольскую семилетку — это в Сибири же, под Ачинском — Федор Тимофеев окончил в сороковом году. У матери было девять детей, когда скончался отец. Федор поступил на курсы киномехаников в Красноярске и считал: повезло. Может, это и стало бы его профессией, его призванием, делом всей жизни. Ведь учился с охотой, с интересом. Осталось только сдать зачеты.

Двадцать второе июня...

Возраст еще непризывной. Как только началась война, он посчитал кино занятием несерьезным. Пошел в аэроклуб. Вот тогда и сделал окончательный выбор, безошибочный.

Не все, однако, получилось гладко.

В мае сорок второго призывная комиссия направила в летное училище, в Иркутск. Год проучился. Перевели в Омск. Еще три месяца занятий — и новый перевод, на этот раз в Сталинградское летное, эвакуированное в Сибирь.

А война шла, и Федору, как и другим курсантам, не терпелось принять в ней участие.

Человек пятнадцать их, курсантов, явились к начальнику училища.

— Отправьте на фронт! Согласны механиками.

Генерал Соколов внимательно выслушал парней и частично удовлетворил их просьбу — перевел в механики, но на фронт не послал, оставил в училище. Механики и тут нужны были позарез.

На этом летная карьера Федора Тимофеева кончилась. Летчика-истребителя из него не получилось. Зато авиационным механиком стал первоклассным.

После войны еще три года пробыл в Сталинградском училище старшина Тимофеев.

И так бывает: не человек находит дело по душе, а работа отыскивает его и увлекает настолько, что о другой он и не мыслит. Тут же — особый случай: взаимная любовь.

После демобилизации, даже не использовав положенного отпуска, перешел в гражданскую авиацию. Самолеты, что военные, что пассажирские — прежде всего самолеты. А без них Федор Иванович жизни уже не представлял.

Послужной список у Тимофеева солидный. Но в нем преимущественно перечисляются типы машин и срок службы на них. Должность неизменная — бортмеханик. И место работы начиная с сорок восьмого года практически одно и то же — Северный и Толмачевский аэропорты Новосибирска.

И еще строка из личного дела: восемнадцать тысяч часов в воздухе без аварий и происшествий.

* * *

Первым приходит к самолету перед рейсом бортмеханик. Еще до встречи с машиной знакомится с нею по документам. Какое она техобслуживание прошла, какие замечания у прежнего экипажа были и как устранены, какой ресурс у двигателей, в порядке ли паспорта на агрегаты... Глаз у Тимофеева наметанный — за считанные минуты получает о самолете исчерпывающее представление. Но документы документами, а технику надо непременно руками пощупать.

После доклада Федора Ивановича командиру корабля о готовности к полету можно не сомневаться: порядок полный. От его придирчивого взгляда ничто не укроется.

За плечами долгие годы работы, большой опыт. Из восемнадцати тысяч часов, проведенных в воздухе, почти половина падает на поршневые Ли-2, Ил-12, Ил-14. В свое время это были флагманы гражданской авиации, гордость Аэрофлота. Давно ли было-то! Радовались нескольким добавочным местам в пассажирском салоне, новому навигационному прибору, добавке скорости на два десятка километров в час... На таких «быстролетах» набрать миллион километров считалось почти что подвигом. «Миллионеров» по пальцам можно было пересчитать. В пятьдесят четвертом году, когда Тимофеева наградили орденом «Знак Почета», это обстоятельство учитывалось прежде всего, и это действительно был подлинный трудовой героизм.

Большим доверием и наградой считает Федор Иванович то, что его направили на реактивную технику. Формально, по жестким условиям, он еще не имел на это права. Командование подразделения специально оговорило в представлении, что Тимофеев, несмотря ни на что, может и должен работать на новой машине. И это было справедливо. А в Ту-104 Федор Иванович, без преувеличения, влюбился с первого взгляда. Почти в одно время стремительно ворвалась в гражданскую авиацию новая техника — Ил-18, Ту-104, Ту-114... Что ни самолет — диво дивное!

Федор Иванович и по сей день считает лучшим из всех «сто четвертый». Состарился он, конечно, в тираж выходит. На смену ему приходят более современные. Но помнить его все равно будут долго, потому что послужил Ту-104 на славу.

Первенец из семьи реактивных гигантов и сейчас работает безукоризненно. Те, кто летают на нем, согласны долго еще не расставаться с ним, верят в него, но всем понятно, что лучшее — враг хорошего.

Что же говорить о той, первой встрече с Ту!

Федор Иванович не прибегает к громким словам и эффектным сравнениям. Спокойный по характеру, он чужд пылких эмоций, но здесь он не в силах скрыть чувств: «Разве мог я его сравнить с самолетами предыдущих конструкций? Их же целая эпоха разделила! Двигатели... Что скажешь? Скорость — в три раза больше. Высота — одиннадцать километров! А приборы, радиоаппаратура, навигационное оборудование — на несколько классов выше. Я все понимаю: «сто пятьдесят четвертый» лучше. В полтора раза больше пассажиров берет. Комфорт. Электроника. А я скоро двадцать лет как со «сто четвертым» дружу и не нарадуюсь. Верите — каждый рейс удовольствие. На работу иду, как на праздник, с настроением.

Времени свободного, признаться, маловато. Из рейса вернулся — в подразделении дел хватает. Занятия провожу с механиками. Опять же — в парткоме большая нагрузка. Для меня, пожалуй, самая ответственная — народный контроль... Добились, например, строительства теплотрассы в

наш авиагородок. Но тянули, тянули с этой стройкой. А в квартирах холод — Сибирь же! — горячей воды нет. Пришлось вмешаться народному контролю. Моей заслуги в этом не так много. И другие нажимали. Главное — дело сделано, от этого и удовлетворение».

* * *

Человек непосвященный может поразиться необычайной педантичности летного состава. В экипаже — специалисты самой высокой квалификации, с многолетним опытом. За плечами каждого чуть не полжизни в воздухе, а то и больше. Все равно перед каждым полетом — до выруливания на старт и перед взлетом — экипаж совершает непременный обряд: все вслух читают «молитву», как шутливо именуют контрольную карту. Все известно наизусть. Тысячи раз повторено. Не имеет значения! Последовательность операций, исправность всех систем — только по контрольной карте, только вслух.

В эти считанные секунды все отзывается в памяти. Глаза как бы пробегают по сотням приборов, тумблеров, рычагов. Вся машина до винтика — под постоянным контролем.

Мелочей нет. Полетная инструкция — закон, выполняемый безоговорочно. Да, есть дублирующие системы. Да, степень надежности исключительно высокая. А пренебречь нельзя самым малым пустяком. Небрежность, невнимательность тут же скажется и отомстит. Непоправимо.

Мы привыкли к тому, что первой строкой любого обязательства, первой задачей любого коллектива является выполнение и перевыполнение производственного плана. В гражданской авиации планы и обязательства по ним, как ни важны они, уступают по значимости первое место безопасности и регулярности.

Десять лет Федор Иванович летал

с одним и тем же экипажем: командир корабля летчик первого класса Борис Дмитриевич Кулешов, второй пилот Валентин Иванович Пенкин (он сейчас перешел на Ту-154) и штурман Семен Иосифович Гильман, тоже недавно покинувший дружную семью.

С начала пятилетки план каждого года выполняли досрочно. По пассажирам, грузам, почте экономии горючего — по всем показателям. Гордились, конечно, этим. Но больше — безупречностью и точностью каждого рейса. Летали по всем маршрутам — в Москву и Ленинград, Владивосток и Одессу, зимой и летом, в любую погоду.

Командир корабля был уверен в своем механике, механик — в пилотах и штурмане, все вместе — в машине.

В шестьдесят третьем Тимофеев был удостоен высшей правительственной награды — ордена Ленина.

Свои обязанности механика Федор Иванович формулирует кратко:

— Моя задача, чтобы не было никаких предпосылок к летным происшествиям.

И уточняет:

— Вернее сказать, чтобы не было предпосылок к предпосылкам.

Первейшая заповедь Аэрофлота, строжайшее соблюдение которой сни-

скало ему репутацию лучшей авиакомпании мира, — безопасность, надежность.

Это, смело можно утверждать, дело рук механиков. Их стараниями достигается уверенность экипажей в успехе любого рейса, что ничуть не умаляет заслуг других участников полета, их мастерства, искусства, умения, добросовестности. И пилоты, и штурманы, и работники наземных служб — да все, кого ни возьми, причастны к обеспечению безопасности. Но начало и конец всему — исправность машины. Так что — механик всему голова.

В те давние годы, когда, скажем, Ли-2 был постоянно закреплен за экипажем, ответственность за техническое состояние самолета полностью лежала на совести механика. Кончался рейс, пилоты, штурман, бортрадист шли отдыхать, а механик оставался с машиной. В те годы Федор Иванович часами не отходил от самолета и на земле.

Тут, надо полагать, играла немаловажную роль военная школа. В военной авиации летчик — самолет — механик объединяются в одну систему, составляют нерасторжимое целое. Об авиационных техниках, особенно обслуживавших истребители и штурмовики (а Тимофеев как раз и имел дело с истребителями), слагались легенды. Их преданность делу, долгу ни с чем не сравнима. И эта школа — на всю жизнь.

В наши дни, в реактивный век авиации, сократилась чисто рабочая, физическая нагрузка механика. Громада сегодняшнего авиалайнера неподвластна одному человеку. Обслуживание многочисленных агрегатов, устройств самолета, надзор за ними требуют труда целого коллектива авиационно-технической базы порта. Тем, однако, больше забот у бортмеханика об исправности механизмов, точности режимов их работы, предупреждении, как сформулировал Федор Иванович, «предпосылок к предпосылкам».

Механик постоянно занят своим внешне неприметным, неощутимым, но важным делом — и до полета, и во время полета, и после него.

Не знаю, существует ли еще где-нибудь такая строгость и жесткость в систематической проверке знаний и квалификации, как в Аэрофлоте. Будь ты хоть самого наивысшего класса, но подошел срок — подтверди свои знания. Для одних — раз в год, для других — дважды, а для новичков — каждый квартал. Пришла пора — и поезжай на месяц в учебно-тренировочный отряд, освежи в памяти все, что знаешь и умеешь.

Как нигде, наверное, строга и система «доводки» молодых специалистов. С какими бы похвальными аттестациями и отличиями не закончил учебное заведение, не скоро обретешь ты право на самостоятельность в гражданской авиации.

До недавнего перехода на штатную должность инструктора Федор Иванович занимался подготовкой бортмехаников без отрыва от производства. Таким вот образом обучил и ввел в строй тридцать пять человек. Все они летают. Некоторые пошли сейчас на новые машины, на Ту-154, и в этом им немало помогла тимофеевская выучка.

Тридцать пять учеников — это много. С каждым надо основательно повозиться, прежде чем взять на себя ответственность за него и благословить:

— Летай, дружище!

Федор Иванович считает, что ему просто везло на учеников. Попадались, как на подбор, старательные, трудолюбивые. Может оно и так. Но не секрет, что все эти качества в той или иной степени будущие классные бортмеханики реактивных самолетов приобретали у своего наставника.

Тимофеев не шибко охоч на разговоры. Им он предпочитает дело. Исключение, пожалуй, бывает, когда речь заходит о самом деле, о долге. Тут он не скупится на слова.

— Молодежь? Молодежь стала грамотнее. В училище берут со средним образованием, да там еще добавляется. Знают-то они все, что положено, и сверх того, а вот умеют меньше. Умение приходит с опытом, но опыт не купишь. Его всю жизнь копить надо.

Добрый, мягкий, приветливый со всеми, Федор Иванович неуступчив, когда касается работы. Он и тут умеет всегда оставаться самим собой. Умеет, не повышая голоса, не распекая допустившего оплошку, усовестить его, дать ему понять, какой и почему промах допустил, запомнить эту промашку до конца дней своих.

Он не механически натаскивает своих учеников. Он помогает им самим разобраться, осознать свою личную ответственность. Вовремя, к месту помянутый случай из практики, чей-то печальный пример и — безо всякого стыда — собственный огрех запоминается лучше разгона.

Были ли у него казусы? Были, хотя и не по его вине. По счастью, обходилось благополучно, но считанные непредвиденные ситуации еще больше мобилизовали его внимательность, строгость к себе.

Один такой случай произошел в начале службы. В полете отказал двигатель... Что может быть хуже?

Командир корабля, старейший и опытнейший сибирский летчик, Николай Федорович Сентюрин и второй пилот Борис Александрович Афанасьев не растерялись, отлично посадили Ли-2 на промежуточном аэродроме. Оказалось, разошлись плохо соединенные трубки бензопровода.

А в другой раз, уже на Ту, в рейсе с Кулешовым, подвело колесо. Никаких сомнений по внешнему виду оно

не вызывало, а едва взлетели, с земли предупреждение: «Дымит правая тележка!» Глянул Тимофеев — от покрышки одни ошметки остались. Колесо юзом проехало по бетонке и — в клочья. Мастерство Бориса Дмитриевича позволило избежать неприятностей. Бросили парашют, притормозили, осторожненько сели...

И в том и в другом случае механик просто не мог предвидеть возможность таких отказов. Никто и не винил его в случившемся. Никто, кроме него самого. Что значит «не мог»? С его принципами, с его правилами, с его отношением к работе это не согласовывалось. И вывод для себя он сделал сам. Просто знал наверняка: никаких упущений быть не может.

* * *

В феврале 1973 года отмечалось пятидесятилетие Аэрофлота. В составе делегации Западно-Сибирского управления поехал в Москву на торжества и Федор Иванович. Представительная делегация — знаменитые люди, асы гражданской авиации: Купало, Макаров, Помелов, Дыдыкин...

Разместились в гостинице «Россия». Праздничное заседание проходило в Кремлевском Дворце съездов.

Утром десятого февраля начальник управления Иван Михайлович Осипов пригласил с собой в министерство Федора Ивановича. Пошли. Спустились в вестибюль гостиницы. Осипов прямым ходом к газетному киоску. Протягивает Федору Ивановичу «Правду».

На первой странице, внизу Указ Президиума Верховного Совета.

— Поздравляю! — улыбается Иван Михайлович. — Учти: я первый!

Глазам не поверил: «Тимофеев Федор Иванович... Герой Социалистического Труда».

Вечером домой позвонил. Поделился радостью.

В представлении к этой награде сказано: «Внес большой вклад в дело развития гражданской авиации».

Все верно. Но, по мнению скромного Федора Ивановича, ему всю жизнь везло. Везло в выборе призвания, в том, что для него создали замечательный самолет, в том, что всю жизнь жадно, с азартом, увлечением, интересом трудился. Везло, как он сам считает, на учеников.

Еще больше повезло Тимофееву с коллективом, с которым он не расстается вот уже четверть века. Одними из первых они стали осваивать реактивную технику и всегда были первыми или одними из первых на авиапредприятии, в управлении, Аэрофлоте. Одним из первых в гражданской авиации их коллектив стал коллективом коммунистического труда. Год за годом досрочно выполняет планы и обязательства. И сейчас — закономерно! — одним из первых переходит на новые машины.

Федору Ивановичу повезло с товарищами по работе. Со многими он начинал в одно время, и они продолжают трудиться вместе с ним, уважаемые, прославленные люди: Герой Советского Союза Михаил Афанасьевич Макаров, заслуженный пилот СССР Владимир Георгиевич Несмеянов, бывший командир Борис Дмитриевич Кулешов, заслуженный штурман СССР Николай Ефремович Арестов... А бессменный командир подразделения Виктор Маркович Купало! Рядом с ними, вместе с ними нельзя было работать хуже, чем они.

«Повезло» — слово легкое, приятное, но в произношении людей по-настоящему скромных. Следует понимать это слово как достигнуто: достигнуто трудолюбием, терпением, настойчивостью, высоким сознанием долга, личными способностями, умением ценить и уважать товарищей по работе. Наверно, можно бы прибавить и еще какие-то качества, благодаря которым многое достигается. А именно: достигается мастерство, накапливается опыт в совместных усилиях с коллективом патриотов, единомышленников, коммунистов.

Герой? Да, герой. И гордость, славу он по праву делит с друзьями своими.

Изменился ли он в новом своем качестве? Федор Иванович полагает, что работает, как работал, но взыскивает с себя вдвое, если не больше. Во всем остальном никаких перемен.

* * *

Рассказ свой Федор Иванович закончил кратким сообщением:

— Теперь из династии Тимофеевых в гражданской авиации, считая меня, работают четверо...

Он имел в виду троих своих сыновей-близнецов: Федора, дипломированного техника по наземной локации; Валентина, прибориста-электрика; Юрия, техника-радиста в Толмачевском аэропорту.

Но жизнь внесла поправку: сейчас в гражданской авиации уже пятеро Тимофеевых: жена Юрия, Валя Тимофеева, следуя семейной традиции, работает бортпроводницей.

Молодые горняки унаследовали богатырский дух Алексея Стаханова, Никиты Изотова и других инициаторов движения за досрочное выполнение пятилеток, за повышение производительности труда. Мы идем по этому пути.

ПЕТР СЕВЕРОВ

ГЛУБИНЫ И ВЫСОТЫ

В марте 1971 года в донбасской шахте «Красный партизан» бригада горнорабочих очистного забоя за месяц добыла 110 000 тонн антрацита. Рекорд! Словно из далекого, но памятного стахановского прошлого донеслось и в но-

вом качестве возродилось на шахте это высокое слово. Горняки научились осмотрительно обращаться с этим гордым словом, никоим образом не превращают его в самоцель. Трудовые подвиги Алексея Стаханова и Никиты Изотова остались в истории шахтерского Донбасса героической страницей, продиктованной самой жизнью.

Стахановские традиции надежно укоренились в Донбассе, в частности на шахте «Красный партизан», в бригаде Владимира Григорьевича Мурзенко. Замечательные достижения бригады Владимира Мурзенко расценили в Донбассе, да и во всей стране, как подвиг, подобный стахановскому, но совершенный в современных условиях, в период научно-технической революции.

Мурзенко и его товарищи — шахтеры «Красного партизана» вряд ли помышляли о славе, устанавливая свой трудовой рекорд. Их замечательное достижение было как бы «разведкой боем», экзаменом, в котором проверялись мастерство и знания всех горняков участка, степень овладения новой техникой, научной организацией труда. Истинная ценность рекорда в том и состоит, что его высокие показатели становятся нормами повседневной работы.

Вспоминая о ходе тех напряженных смен и отвечая на вопросы корреспондентов, Мурзенко, пожалуй, впервые за годы работы в шахте затруднялся назвать имена особенно старательных и умелых. Но кто все же в списке передовых, чей убедительный пример увлекал всю смену? Все единодушно называют рабочего очистного забоя, вожака коммунистов участка Петра Фомичева. Его отличает примечательная черта характера — ровная доброжелательность к товарищам по работе. Эта черта сочетается у него с требовательностью и принципиальностью в большом и малом. С Фомичевым легко работается, в бригаде укрепляется «чувство локтя», так необходимое в работе.

Сам Владимир Мурзенко поминает добрым словом и Алиханова, и Варюшкина, и Безручко, Коляду и Кукло — весь слаженный, дружный коллектив комплексной бригады. — Никакими словами не выразить, — говорит он, — тот мощный духовный «цемент», который соединяет усилия нашего коллектива, роднит людей, повышает их настроение.

Однако следует сказать об условиях, в которых развертывалась работа бригады.

Представьте себе довольно ограниченное пространство, которое именуется лавой. Высота ее соответствует мощности пласта, которая в данном случае равна 1,64 метра. Угол наклона пласта — 22 градуса, и, следовательно, весь цикл работ развертывается на покатой площади вдоль линии забоя длиною 200 метров.

Бригада хорошо освоила в лаве комплекс КМ-87ЭН, созданный нашими учеными для наклонных пластов и изготовленный Дружковским машиностроительным заводом имени 50-летия Советской Украины. Шахтеры не зря говорят: — «Спасибо дружкам дружковцам за стальную крышу. Эта стальная крыша — передвижная, гидрофицированная крепь. Двести металлических стоек выстроились строгой шеренгой вдоль лавы на расстоянии метра одна от другой, каждая способна выдержать нагрузку до 40 тонн! Все стойки укреплены на одном основании и соединены перекрытием. Конечно, даже в первозданном подземном мире глыбу камня весом в 40 тонн не назовешь песчинкой, но каждая секция крепи достаточно надежна.

Сердцевина комплекса — горный комбайн 2К-52, а его надежный механический помощник — скребковый конвейер. Плоский металлический

брус комбайна длиной 4,5 метра и весом в 5 тонн движется по «фронту» забоя со скоростью до шести метров в минуту, снимая «полоску» угля шириной до 630 миллиметров. Один «рейс» комбайна вдоль лавы — это 400 тонн угля.

В бригаде Мурзенко горный комбайн совершал в отдельные смены не менее пяти таких «рейсов». Будет нелишне напомнить, что еще не столь давно любой комплекс «Красного партизана» добывал за смену не более 400—600 тонн.

Что же именно переменилось? Комплекс — прежний, правда, немного модифицированный улучшенный. Пласт — тот же, сложного строения, разделенный прослойкой сланцеватого аргиллита. Уголь — исключительной крепости. И люди прежние, они здесь не первый год. Тем не менее, добыча неуклонно нарастает.

Когда же они начались, с чего и как пошли эти удивительные перемены на «Красном партизане»?

Говоря о новшествах в бригаде, о славных достижениях ее, Мурзенко невольно припоминал 1967—1968 годы... Каким далеким представлялся ему рубеж, выражавшийся цифрой 1000! Стать «тысячниками», то есть добывать бригадой в одной лаве в течение суток тысячу тонн угля, — это было внушительно. Потом, когда комплекс «пошел», был освоен, заветная цифра стала довольно будничной. А март 1969 года был отмечен взлетом — 75 тысяч тонн за месяц!

Тут было о чем подумать и активу бригады, и руководству шахты. Комплекс, как оказалось, таил неслыханные возможности! Единственно, чего он требовал — умелых рук, высокой технической подготовки шахтеров. Но это «единственное» потребовало от людей бригады мобилизации физических и моральных сил, выявления способностей каждого человека.

И вот результат: в семидесятом промелькнул, словно полустанок в дороге, рубеж 90-тысячный, а еще через год над зданием шахты вспыхнула сигнальная электронадпись: 110 тысяч тонн в месяц!

В биографии Владимира Мурзенко и его друзей по бригаде воспоминания о декабре 1972 года связаны с покорением еще одной вершины.

Не впервые Донбасс удивлял и даже (не побоимся громкого слова) поражал взлетами, но такого еще не бывало: бригада Владимира Мурзенко перекрыла все свои прежние рекорды и даже тот, казавшийся фантастическим, рубеж, который сама же намечала, — 160 тысяч тонн антрацита за месяц из одной лавы.

«В ноябре-декабре, за 31 рабочий день, бригадой добыто 173 180 тонн антрацита, что составляет 5586 тонн в среднем за сутки, производительность одного рабочего бригады за это время составила 3148 тонн. Такого высокого уровня добычи угля из одной лавы и производительности труда не знает практика угольной промышленности страны».

Слова эти взяты из поздравительной телеграммы ЦК КПСС и Совета Министров СССР бригадиру комплексной бригады В. Г. Мурзенко, звеньевым бригады И. И. Иванову, А. И. Варюшкину, Л. Н. Скумскому, А. И. Лобачеву, Ю. Г. Баннову, членам этой бригады, партийной, профсоюзной, комсомольской организациям, всему коллективу участка № 1 шахтоуправления «Красный партизан» Ворошиловградской области.

А 5 января 1973 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за достижение выдающихся результатов в работе и успешное выполнение социалистических обязательств, принятых в честь 50-летия образования СССР, Владимир Мурзенко и его товарищи были награждены орденами и медалями. Ордена Ленина удостои-

лись бригадир Владимир Григорьевич Мурзенко и парторг Петр Корнеевич Фомичев.

Шестого августа 1973 года звено Ивана Иванова из бригады Мурзенко, завершив третью смену, выдало последние тонны угля в счет нового рекорда бригады. В эти часы Мурзенко находился в лаве и, наблюдая за передвижкой секций крепи, все более проникался уверенностью, что предыдущее, декабрьское достижение бригады, которое называлось «головокружительным» и «невероятным», будет значительно превышено.

В течение месяца бригада в количестве 64 человек вела непрерывное наступление на пласт, доведя машинное время работы комбайна до 21 часа в сутки. Рекордная суточная добыча достигла 8200 тонн!

Если бы всего год назад любого шахтера — инженера или рабочего — спросили, возможно ли добыть 8200 тонн угля в сутки из одной лавы, то ответ, наверняка, был бы отрицательным: «Нет, немыслимо!»

Подчас и самому Мурзенко не совсем верилось, что эта цифра реальная: слишком уж высокой казалась! Конечно, он хорошо понимал, что если бы бригада работала изолированно, без инженерно-технической помощи и без поддержки общественности, таких результатов она не достигла бы. В том-то и дело, что в современной передовой шахте куда ни ступишь, на каждом шагу видишь помощь горной инженерии. Специалисты шахтоуправления, комбината, министерства угольной промышленности в нужное время вооружали бригаду и дельным советом и точным расчетом: решали проблемы научной организации труда, увязывали деятельность всех смежных звеньев, подсказывали способы экономии рабочего времени. Партийный комитет шахтоуправления вместе с активом бригады оперативно рассматривал и обсуждал все эти предложения, способствовал смелому осуществлению их. Широко применялась в самом процессе труда и рабочая смекалка.

В дни подготовки к новому рекорду бригада особенно тщательно пересмотрела все техническое хозяйство лавы: тщательно отрегулировали весь комплекс; изношенные ленты на транспортерах заменили более надежными; проверили от забоя и до поверхности оборудование; заранее подготовили запасные части и резервный инструмент.

Еще раз спасибо инженерам: это их стараниями на откаточном штреке, где еще недавно гремели вагонетки, от лавы и до скипового ствола пролег отличный конвейер. Спасибо и комбайнерам — Евгению Гачку, Дмитрию Куле, Виктору Крышмарю, Николаю Колесникову: каждый из них внес в общее дело бригады свой рационализаторский вклад, пусть и небольшой, но в сумме получалось нечто значительное, ценное.

Кого еще поблагодарить в заключительный час длительной подготовки к смелому и трудному наступлению? Конечно, неустанного Фомичева, конечно, Алиханова — вдумчивого знающего горняка, человека искреннего и простого; и непременно — всегда активных Варюшкина, Зиньковского, Петрова, Скумского и, уж конечно, командира звена Ивана Иванова!

В тот праздничный, торжественный день, когда рекорд был осуществлен, будь возможность, бригадир Владимир Мурзенко громко провозгласил бы имена всех шестидесяти четырех участников бригады, выносливых, терпеливых, сноровистых, проворных и умелых.

Горячее солнце Донбасса сияло над бронзовой августовской степью, над селами, дорогами, перелесками, садами, над небольшим, ладным шахтерским городом, над копрами и строениями шахты «Красный партизан»,

Трогательное приветствие пионеров

над площадью, сплошь заполненной народом.

Через всю праздничную площадь, обрамленную молодыми акациями и топольками, от здания административно-бытового комбината шахты до невысокой свежеокрашенной трибуны раскинута алая ковровая дорожка — в знак уважения к тем, кому надлежало пройти к трибуне.

Почти все население городка и окрестных рабочих поселков, железнодорожных станций и сел — поистине и стар, и млад — спешило на необычайный праздник. Шли солидные седовласые шахтеры — ветераны с орденами и медалями. Шли многочисленные семьи ветеранов — жены, дочери, зятья, сыновья, невестки и шустрые внуки. Было шумно и весело, играл духовой оркестр.

Но вот подали знак с трибуны. В толпе произошло движение, потом все затихло. Сотни, а может и тысячи глаз устремились к пожилому рослому человеку, который остановился перед ковровой дорожкой, как бы не решаясь ступить на нее. И конечно же, все узнали: Алексей Стаханов.

Ему улыбались, аплодировали, приветственно махали руками, фуражками, косынками. Приветствовали и Константина Григорьевича Петрова, в прошлом парторга ЦК ВКП(б) шахты «Центральная-Ирмино», что в Кадиевке, тоже приглашенного на праздник.

Ни Стаханов, ни Петров не ожидали, что встретятся в этот день на «Красном партизане», и оба удивились и обрадовались, дружески обнялись.

Стаханов и Петров в сопровождении парторга Петра Фомичева, секретаря горкома партии Юрия Рокачева и группы активистов бригады Мурзенко направились к шахтному стволу.

Духовой оркестр грянул раскатистый марш «Шахтер» — марш, который, как помнят старые шахтеры — любители музыки, когда-то называли «Триумф».

Подходя к шахтному стволу, Стаханов, Петров и все сопровождавшие замедлили шаг. Они знали — наступает торжественная минута. Стволовой широким жестом пригласил их пройти еще немного.

Они сделали еще несколько шагов, потом все остановились полукругом под гулким перекрытием возле шахтного ствола.

Минута, другая молчаливого ожидания. Черно сверкая и змеясь, канат бесшумно убегал ввысь. И вот из глубины ствола, блеснув влажным железом, клеть мягко взлетела, на мгновенье зависла в воздухе и осторожно опустилась на подставки.

Владимир Мурзенко первый вышел из клети. И навстречу ему, будто из другого августа далекого 1935 года, шагнул тот легендарный человек, о котором Мурзенко много слышал, знал еще с детства в подробностях простую его биографию, имена и дела его соратников и выдающихся последователей, а самого Алексея Григорьевича Стаханова вот сейчас увидел впервые.

Какие-то мгновения Стаханов разглядывал Владимира Мурзенко, потом с улыбкой подал руку, легонько обнял:

— Вот каков ты, паренек железный... если не по виду — по духу богатырь! Мне, знаешь ли, с первых твоих рекордов хотелось побывать у вас на «Красном партизане», познакомиться и, конечно, поздравить от души.

Стаханов оглянулся на окружающих, удивленно развел руками:

— И ведь снова все это в августе, в месяце урожая!

— Есть, однако, и разница, — тоже здороваясь с Мурзенко, заметил Петров. — И, право, не ошибусь, — продолжал он, — если назову эту раз-

Продвигайся забоем вперед!

ницу существенной. У Алеши Стаханова за смену было, как все вы, конечно, помните, 102 тонны. Если прикинуть на месяц, это три тысячи с хвостиком. А у бригады Мурзенко за месяц — двести семь тысяч... почти двести восемь! Разница, позвольте сказать, заметная...

— Мы очень старательно готовили комплекс, — негромко проговорил Мурзенко. — И комплекс отблагодарил нас. — Помолчав, добавил: — Конечно, и сами старались.

В этот сдержанный деловой разговор ворвался веселый детский возглас, и маленькая девочка с голубым бантом, с охапкой цветов в ручонках, бросилась к Мурзенко... Он подхватил ее и высоко поднял, словно невесомую. Она была лучшим цветком жизни его, маленькая Лариска, дочь.

...Шахтеры передового звена Ивана Иванова под грохот оваций широким шагом следовали за бригадиром Владимиром Мурзенко, направляясь по алой дорожке Почета к трибуне. И пока они шли, к ногам их падали и падали цветы, все мощнее гремела музыка, и усач-барабанщик, вскидывая медную тарелку, расплескивал над толпой отражение августовского солнца.

Начался митинг. Ораторы говорили с трибуны о подвиге бригады Владимира Мурзенко. А сам он не выступал. Слушал и думал, чем же он отзовется сейчас на это всенародное признание, на щедрую ласку людей?

Нет, он не будет откладывать своего ответа на завтра или на какой-то другой день. Он сейчас скажет своим землякам и всем своим геройским звеньевым, комбайнерам, горным мастерам, рабочим очистного забоя, всем присутствующим на празднике, скажет им, что и завтра, как привыкли, нужно встать пораньше, чтобы шагнуть подальше.

Это вполне реально — шагнуть еще дальше вперед. Закрепить достигнутый рубеж. И сделать чудо рекорда нормой. Для того он и добывается, рекорд. И снова искать, всегда искать, открывать новые ценности в каменных глубинах, в труде, в людях.

* * *

Декабрь 1973 года в Донбассе был переменчив: то ровный северный ветер со снежной искрой, то дружная ростепель... Завершая рабочую смену подъемом на поверхность, шахтеры шутливо гадали вслух:

— Ну, что там под небесами, зимушка-зима или весна-красна?

Угадать, действительно, было трудно. А тут еще и стволовой нахмурен-

но разыгрывал, пока люди входили в клеть: дескать, в городе крутит ужасная метель. А на самом-то деле вверху — синее небо и яркое солнце.

Ближе к Новому году все чаще выдавались погожие, прокованные морозцем дни и ясные, спокойные, полные звезд ночи. Притихшей улицей города возвращаясь с шахты под утро домой, Владимир нередко мысленно сравнивал два своих разных мира — подземный и подзвездный. Человеку немного нужно: какие-то часы разлуки, чтобы соскучиться по этому доброму синему небу, чтобы опять, как в далеком детстве, остро и отчетливо ощутить: а ведь свежий снег на ветвях деревьев и впрямь пахнет яблоками, а звезды в небе не только светят, но и улыбаются.

В том подземном мире шахтеров не бывает перемен погоды, нет ни весны, ни лета, ни осени, ни зимы. И все же мир этот волнующе интересен и совсем не сумрачен, не угрюм. Все это, в конечном счете, зависит от привычного восприятия, от разума. Он нужен, дорог людям, этот глубинный рукотворный мир, потому что делает более уютной, теплой, удобной жизнь на земле, потому что дает людям камень, хранящий в себе огонь.

При постоянстве климата на подземных территориях все же случаются ненастья. Вдруг прорвется «сыпучка», и нету с ней сладу, потерян для звена целый час бесценного времени! Или неожиданно просядет кровля, да так, что сдвинет и перекосит могучую гидрокрепь. А то ни с того ни с сего вспучит почву — не теряйся, не медли, продвигайся забоем вперед! Казалось бы, все учтено, проверено, и — на тебе! — громыхает завал...

Что ж, осмотрись, примерься, и стиснув зубы, — в атаку! У камня одно стремление — падать. Человек должен подчинить его, неподвижный ли, падающий ли, своему расчету. Вот где необходимо самообладание, устойчивый психологический климат без резких колебаний даже в самых напряженных ситуациях.

Владимир знал, что это серьезное понятие — «психологический климат» — в любых случаях в очень значительной мере зависит от бригадира. Применительно к работе он усвоил давно железное правило: не расслабляться, не допускать самоуспокоенности и самодовольства. Чем выше успехи — тем тверже должна быть дисциплина. И наоборот: чем крепче дисциплина в труде — тем обеспеченнее успех. Так он и ведет свою бригаду, похожую внутренней спайкой на большую, сильную семью: закрепившись на очередной рекордной высоте, эта семья сразу же начинает готовиться к новому рывку на следующую, еще никем не достигнутую вершину.

Сколько их, вершин, осталось позади! А ведь каждая сначала казалась недоступной. И теперь, в самом конце 1973-го, поистине грандиозными рисовались контуры, намеченные самой бригадой на год 1974-й: 1 250 000 тонн угля из одной лавы!

Такого еще не бывало. Чтобы добыть такое количество угля, нужно линию очистного забоя продвинуть вперед более чем на 600 метров! Как же ее взять, эту громадину подземного клада? Быть может, ускорить дви-

Наследники А. Стаханова

жение комбайна? Однако славные машинисты комбайна бригады Мурзенко — Поликарп Коняшкин, Валерий Федоров, Николай Колесников — уже стали водить машину намного быстрее прежнего. Значит, решение задачи не столько в повышении скорости агрегата, сколько в увеличении продолжительности его работы, в продлении так называемого машинного времени.

Машинисты комбайна и в прошлом уверенно обеспечивали новаторские дела бригады: совершенствуя свое мастерство, они продлевали машинное время комбайна до четырнадцати, пятнадцати, семнадцати с половиной часов в сутки и даже до двадцати одного часа! Им предстояло, как и всей бригаде, добиваться новых и новых результатов в работе.

Вспоминая события, оставившие в жизни бригады глубокий след, Владимир Мурзенко не мог не отметить, как животворно проявляло себя каждый раз социалистическое соревнование. Это было зримой, предметной силой. Помнится, выдало звено Алексея Варюшкина за смену две тысячи тонн антрацита — и тут же редакция выпустила «Молнию»: куда ни глянешь, огромные буквы и цифры на стенах и витринах сообщают об этом событии, собирая группы людей. За спиной у Владимира кто-то негромко, но со значением заметил:

— А ведь гордо они докладывают о себе!

— Кому, собственно, докладывают-то? — как бы сомневаясь, спросил звеньевой Иван Иванов.

— Это как сигнал по радио: «Всем, всем, всем!» — ответил тот же голос.

— Вот и ошибаешься: это они в наш адрес. Ведь мы подсменные...

В тот же день звено Иванова заявило:

— И мы не из робких! Обязуемся дать две двести!

Мурзенко не утерпел — еще раз в тот день спустился в шахту. Как она увлекала, захватывала бригадира — эта четкая, быстрая работа воодушевленных людей. Мурзенко сразу поверил: «Они поднимутся наверх с победой!»

И они действительно вернулись с победой!

Нет, не случайно партийный вожак бригады — Петр Корнеевич Фомичев не раз повторял, что далеко не все слагаемые успеха поддаются математическому учету и что если бы удалось высчитать ту прибавку к добыче, какую дает социалистическое соревнование шахтеров, получилась бы цифра-громадина!

В первые месяцы 1974 года бригада трудилась ровно, размеренно, без перебоев, используя до разумных пределов механизмы, строго соблюдая график планово-предупредительных осмотров и ремонтов, сохраняя тот дух привычной сплоченности, с каким она смело и единодушно приняла грандиозный план 1974 года — один миллион двести пятьдесят тысяч тонн угля!

Но за этим внешним спокойствием, будничной деловитостью наметанный глаз бригадира примечал еще невиданное упорство своих людей в работе. Да, за месяцы и годы он как бы научился читать в мыслях и сердцах своих верных товарищей. И они привыкли с полуслова понимать его. Знали — слава не вскружила ему голову, хотя портреты их бригадира то и дело смотрят с газетных полос. Он все тот же, их надежный вожак, окрепший и закаленный в суровом шахтерском труде, неиссякаемы у него потребность поиска и страсть к новаторству.

В поздний, вернее в близкий к рассвету, час он возвращается с шахты. В окошке его квартиры, в комнате, что рядом с детской, светится огонек. Все же, почему бы Валентине в такую позднюю пору не уснуть?

Когда она распахнула дверь навстречу мужу, первые слова ее были:

— Я так тебя ждала! — Теплая и легкая рука Валентины легла на его плечо.

— Да разве это впервые — ночная смена? — ответил он.

— Знаю... Но я минуты считала... Так волнуюсь...

— Ну, говори же, что случилось?

— Только что позвонили из горкома партии. Спросили тебя, сказала, что ты в шахте. Тогда дежурный говорит: «Поздравляю! Ваш муж — Герой Социалистического Труда! Подробности прочтете утром в газетах».

Владимир не сразу понял. Чуть улыбнулся, сжал руку ее.

— Спасибо. Ты ведь не раз героем называла меня.

— Володя, — уже серьезно, почти строго сказала она. — Ведь мне официально передавали. Это же Указ о твоем награждении.

Теперь он понял. Уже без улыбки, с чувством повторил вполголоса:

— Спасибо.

И снова привычное чередование рабочих смен, четкий ритм труда на участке, и бригадир Владимир Мурзенко неотлучно на своем посту, в любое время суток его можно встретить в шахте.

Он мог бы, пожалуй, и не так часто наведываться в лаву: его испытанные звеньевые — Иван Иванов, Алексей Павлов, Василий Павлюченко, Леонид Скумский — замечательные мастера шахтерского дела, на них вполне можно положиться. Его машинисты комбайна — Виктор Кришмар, Поликарп Коняшкин, Валерий Федоров, Николай Колесников — механизаторы высшего класса. Но не столько привычка, сколько неусыпный, кровный интерес к делу зовет его в забой, к конвейерам, снова и снова приводит в лаву, и получается, что бригадир приходит именно в те минуты, когда он очень нужен.

Итак, в бригаде Мурзенко никаких особенных событий за последнее время не происходило. Все было в той норме, к которой уже привыкли. Добыча — согласно графику, но (и это непременно) всегда выше задания. Пусть на десять тонн, а все же выше. Работа — ритмичная, в том темпе, что был взят сразу же, как только приняли новое обязательство. А в результате — к 19 июля 1974 года сложилась внушительная цифра, небывалая для прошлых времен: бригада Героя Социалистического Труда Владимира Григорьевича Мурзенко добыла 3 миллиона 439,5 тысячи тонн антрацита, выполнив свою девятую пятилетку за неполных три с половиной года!

Бригада Владимира Мурзенко соревнуется с горняками очистной комплексной бригады Героя Социалистического Труда Геннадия Смирнова из шахты «Юбилейная» на Кузбассе. Это соревнование идет под лозунгом: «Добиться присвоения бригаде почетного звания имени XXV съезда КПСС».

В социалистическом соревновании основной упор сделан на дальнейший рост эффективности производства, на обеспечение каждой машине, каждому забою максимальной нагрузки.

На предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев высоко оценил труд шахтеров бригады Смирнова в Кузбассе, Мурзенко, Чиха и Таценко в Донбассе, которые добыли за год более чем по миллиону тонн угля. Л. И. Брежнев отметил, что «инициатива передовиков подхвачена во всех угольных бассейнах страны. Свыше четырехсот бригад — участниц этой новой формы соревнования дали в прошлом году народному хозяйству более четверти всей подземной добычи угля и сланцев. И число таких бригад растет, движение ширится все больше и больше».

В ответ на высокую оценку труда шахтеров бригадиры горнорабочих очистного забоя Г. Смирнов, В. Мурзенко, М. Чих и А. Таценко обратились ко всем шахтерам с призывом еще шире развернуть социалистическое соревнование за увеличение числа коллективов бригад и участников, добывающих ежесуточно не менее 1000 тонн угля из очистного забоя, за право подписать трудовой рапорт «тысячников» XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Недавно автор этих строк спросил у Владимира Мурзенко:

— Все же Вы видите, Владимир Григорьевич, предел в работе своей бригады, или, как еще называют, границу возможного?

Он ненадолго задумался:

— Конечно.

И взглянул на свои натруженные руки:

— Мы всегда учитывали наши реальные возможности и никогда не ставили перед собой фантастических заданий... Что ж, всему есть предел, добыче угля из одной лавы — тоже. Но... — Он вдруг встал из-за стола, быстрый, словно заторопился куда. — Но следует осмотреться, все учесть и проверить...

— А тогда?..

Он тряхнул головой, рассмеялся:

— А тогда — шагнуть через предел!

...Нет сомнения, он шагнет со своей героической бригадой и за предел, ибо недра расступаются перед умелыми, отважными, сильными, а он и его испытанные сотоварищи обладают этими качествами.

Работа обновляет и облагораживает человека. Но особо влияние любимой работы, которую знаешь в совершенстве и выполняешь с радостью, сообща с товарищами, для всего народа.

ГАЛИНА КУЛИКОВСКАЯ

ОРЛИНЫЙ ПОЛЕТ

Не один месяц и даже не один год прошел с момента моего знакомства с Героем Социалистического Труда Владимиром Александровичем Орловым. Много раз беседовали мы с ним. Но тот день, когда впервые увидела его,

запомнился особенно отчетливо. Еще когда летела тем январским утром в Запорожье, думала: хорошо бы встретиться с ним сначала дома. В семейном кругу человек смотрится иначе — глубже, будто бы освещенный светом изнутри. Даже если он и не разговорчив, то сама обстановка, предметы, среди которых он находится, расскажут о нем. Так и получилось: в день моего приезда у Орлова был как раз выходной.

Живет он на главной улице города — проспекте Ленина, совсем близко от плотины. Отсюда очень хорошо виден памятник Ильичу. «Когда строился Днепрогэс, — подумалось мне, пока подымалась на третий этаж, — Орлова и на свете не было...»

* * *

Дверь открыл статный человек средних лет, очень приятной внешности. Красивое, с правильными чертами лицо. Изучающие, серые с голубизной глаза, тщательно зачесанные на пробор русые волосы с легким инеем на висках и обаятельнейшая, располагающая улыбка. М-да, не лишены основания рекомендации, преподанные мне: «Вы видели нашего Орлова? Каков, а? А как держится, как говорит?..» Держится он действительно непринужденно, уверенно и с достоинством, разговаривает свободно на далекие, казалось бы, темы. Ну, например, об искусстве.

Речь об этом зашла, помнится, потому, что в книжном стенном шкафу, — кстати, как потом выяснилось, сделанном самим хозяином, — я обратила внимание на книгу с латинскими буквами в великолепном переплете.

— «Итальянская живопись», купил, когда был в Риме. Больше всего поразил меня, однако, Микеланджело, его Давид, какие рабочие руки у него! — и фрески в Сикстинской капелле.

Интересуюсь, какие музеи он посетил еще.

— Из крупных, — Эрмитаж, Русский, Третьяковку, Лувр.

— Значит, во Францию ездили?

— Не только во Францию. В тот раз был еще на Кипре, в Ливане, Египте, Мальте, Турции... Круиз по Средиземному морю. Завод предоставил льготную путевку. Мне нравится путешествовать.

— А что читаете?

— Да разное: современный роман, приключения, исторические повести. Недавно прочел «И это называется будни». Интересно пишет Попов о металлургах. Но особенно близок мне Макаренко, близок и нужен. Нечто вроде настольной книги, часто обращаюсь к нему за советами... Периодику выписываю. Вы не будете возражать, если я закурю? Нет? Вот и хорошо.

Орлов достал сигареты, придвинул пепельницу из чешского стекла:

— Память о Кошице.

— Долго были в Чехословакии?

— Я ездил туда три раза: в шестьдесят пятом, шестьдесят девятом и семидесятом годах. Первый раз жил в Кошице долго — три месяца. Вместе с нашим оператором Лысенко участвовал в пуске стана «1700» горячего проката на металлургическом комбинате. Подружился со Штефаном Смолецом, он работает на этом стане вальцовщиком. Мы с ним примерно одного возраста. Но познакомился я со Штефаном раньше, когда он приезжал к нам на стажировку. Нашей дружбе уже восемь лет. За это время в нашей семье появилась вторая дочь Юлька, а у Смолецов — Штефан, по-русски Степа. Наши жены в постоянной переписке.

В тот день я познакомилась и с Тамарой Ивановной, женой Орлова. Она — инженер, работает в центральной заводской лаборатории. Пока Владимира Александровича одолева-

ли репортеры местных газет — только что ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, — Тамара Ивановна увела меня в другую комнату и рассказывала о себе и о муже, и о том, как они учились вместе в техникуме, как она ждала его, пока он служил в армии, как поженились, и каким он стал отцом: «заботливый, всегда навезет нам подарков, а себе — ничего».

— Самое же главное в его жизни — работа, он весь в работе, — повторила Тамара Ивановна. — Если он приходит домой в мрачном настроении, лицо как туча, потухший взгляд, тусклый голос, плохой аппетит, то мне ясно: что-то не ладилось сегодня. В такой день лучше к нему не приставать с расспросами и разговорами. Это и девочки наши знают: изучили его характер. Так было первого января. Бригада собиралась выдать новогодний подарок — прокат сверх плана. Но случилось так, что простояли два часа. Представляете, он даже к праздничному пирогу не притронулся, а я знаю, что это значит для него: он же сладкоежка у нас. Я уж молчу, сидим у телевизора, не тревожим его.

...Потом у меня было еще много встреч с Владимиром Александровичем. И в каждый свой приезд в этот металлургический город на Днепре я все глубже узнавала Орлова, открывала что-то для себя в нем новое. Прямой, открытый человек, богат его духовный мир, обширен круг его интересов и ненасытно постоянное стремление к знанию!

* * *

«Запорожсталь». Жемчужина черной металлургии на юге страны. Тонколистовой цех. Я поднимаюсь на мостик возле нагревательных печей, здесь начинается стан «1680», самый почтенный из всех советских широкополосных станов, словом, — ветеран. Без малого ровесник Владимиру Александровичу — ему тоже под сорок. В начале войны стан разобрали и привезли на Урал, но там так и не смонтировали. «1680»-й вернулся домой и ожил лишь в сорок седьмом году. Разве не чудо, что именно на этом старом, если не устаревшем, довоенного выпуска стане, много раз подвергавшемся реконструкции, прокатчики одержали победу над временем, добились наивысших по всей стране показателей?

С мостика хорошо все видно. Метрах в двухстах голубеют экраны светового табло. Там стоит человек в каске, и каска на нем, как капитанская фуражка. Там рабочее место Орлова. Он то постоит, то пройдется возле чистовых клетей, то подаст руками какие-то знаки операторам. Вроде бы ничего особенного и не делает. Но как издали обманчиво это кажущееся бездействие! «Наша работа такая напряженная, что на взводе каждый мускул, каждая клеточка: мы ловим не минуты — секунды. Темп, темп, темп! Тридцать, сорок перестроек за смену, — говорил мне Орлов. — И это в наших условиях, при таких высоких скоростях проката: в секунду девять метров. Паузы между «штуками» сокращают до двух-трех секунд».

Спускаюсь по лесенке, иду вдоль стана. Мимо проносятся в клубах пара по рольгангам широкими ярко-оранжевыми молниями плоские раскаты металла. Один за другим, один за другим. Чем ближе к выходу, тем стремительнее их движение, бег, и это уже не бег, а полет, и тем тоньше, длиннее становится полоса. Иногда полосы так близко подступают друг к другу, что кажется, между ними совсем нет пустого пространства. Нетрудно представить, что произойдет, если одна «молния» налетит на другую — нечто похожее на столкновение курьерских поездов.

Всеми этими сложными процессами изменения скоростей, толщины и ширины листа, чтобы лист соответствовал на выходе заказу — один для автомобилей, другой для тракторов, третий для станков — управляют вальцовщики и операторы. Все они подчиняются специалисту наивысшей квалификации, виртуозу прокатного дела, старшему вальцовщику — его здесь называют уважительно «старшим» бригадиром — Орлову. Старшой должен все рассчитать, все учесть, все предвидеть, он должен знать, что делается на стане — на всем его пятисотметровом протяжении он задает ритм всему стану.

Мне хочется расспросить людей о том, что же произошло в первый день того Нового года, так несчастливо начавшегося для бригады, так выведшего из равновесия ее бригадира. Иду к Ивану Ивановичу Прокопову, партгрупоргу. Прокопов давал рекомендацию Орлову в партию.

— Про первое января? — Прокопов задумывается. — У меня как раз на второй клети все и случилось. Попалась плена — дефект мартеновского производства, вроде здоровой занозы, в поперечнике с полметра. Плена поддела проводку, образовалась щель между проводкой и валками, и раскат угодил в эту щель, под стан, в канаву. Клеть остановили, вынули валки, искореженный металл надо было извлечь из канавы, а он еще красный, температура за тысячу будет. Но ждать нельзя! Никак нельзя! Орлов сам полез в канаву. У нас он такой. Газорезчик Николай Кияшко автогеном резал раскат на части, а его жена, машинист электромостового крана Женя Кияшко, вытаскивала куски. Орлов показывал, как лучше резать раскат и как его стропить.

Прокопов отдал распоряжение своему помощнику и продолжал:

— Вина была не наша, но оттого нам не легче. Простояли два часа пятнадцать минут, недодали тысячу триста тонн металла. Металлурги суеверны, как моряки. Ну и начало Нового года! Но мы сумели мобилизоваться и такой задали стану темп, что в первую же неделю вышли из прорыва, не только покрыли свой долг, но и прокатали сотни тонн металла сверх плана. Вырвались вперед! К счастью, все тогда обошлось. А то ведь бывает...

— Что вы имеете в виду?

По цеху поплыл низкий гудок. Ночная кончилась. К Прокопову подошел сменщик.

— Так что бывает? — повторила я свой вопрос, когда Иван Иванович освободился.

— Так уж и быть, скажу. Обратили внимание на то, что у Орлова зубы золотые? Года два назад это произошло. На выходе со стана, возле холодильника, застряла уже готовая полоса. Почти готовый лист. Его надо было заправить, как говорят у нас, задать на седьмую моталку перед правильной машиной. Полосу приподняли краном, чтобы облегчить эту операцию. Орлов, конечно, находился тут. Как всегда, не стоял сложа руки, а помогал, надев рукавицы, заправлял полосу. И вдруг полоса сорвалась с захватывающего приспособления, на котором держал ее кран. Не успели мы и глазом моргнуть, полоса концом своим швырнула, придавила нашего старшо́го к рольгангу. Лицом вперед. Мы ринулись к полосе, оттащили конец, Левченко, оператор, рванул ручку на пульте, остановил заправку. Я побежал на медпункт... Конечно, бюллетенил бригадир. Да вот еще зубы пострадали. Хорошо, что был в каске, ограничился ожогом. Полоса-то была еще горячая, градусов триста-четыреста.

— Главное качество коммуниста Орлова, драгоценная черта его, — дополнял Прокопова начальник цеха Виктор Петрович Богатырь, — это са-

моотверженность. Идет ради дела в огонь и в воду. Не боится горячего металла, готов не щадить себя. Неполадки сам ликвидирует, не ждет, пока остынет металл, бережет он людей, экономит время. Да, самоотверженность, беспредельная преданность своему делу — вот что характеризует его, — повторил начальник цеха, — не говоря уже о других необходимых качествах. Кстати, и об этих качествах. По своим знаниям, опыту наш Орлов как бы даже перерос свое дело, поднялся над ним. Отсюда внешнее спокойствие, уверенная неторопливость.

Потом говорили об объективных обстоятельствах, способствовавших в своем роде тому чуду, что именно на этом, пущенном еще во второй пятилетке стане, в наши дни удалось достичь наивысшей в стране производительности труда. Речь зашла о модернизации, об автоматических системах регулирования и коррекции толщины проката «САРТ» и «САКТ», разработанных Киевским институтом автоматики и инженерами «Запорожстали». Системы эти, смонтированные также

Драгоценные секунды...

на металлургическом заводе в Галаце, в Румынии, стали объектом паломничества специалистов различных европейских стран. Запорожцы могут гордиться тем, что они пионеры освоения этой сложной автоматики, непосредственно причастны к ее разработке, она-то и позволила им перейти на так называемые минусовые допуски.

Здесь прокат металла считают не на тонны, а на километры. Разница в этом большая. Было время, когда работа прокатчика определялась весом рулона, теперь она измеряется длиной листа. Предположим, что для комбайна нужен лист толщиной в шесть миллиметров. Допуск плюс-минус полмиллиметра. Годится и то и другое. С «плюсом» катать легче. Получится рулон листа длиной в сто пятьдесят метров. Но если катать «с минусом», то из той же самой заготовки выйдет рулон на тридцать метров длиннее. Колоссальная экономия! Огромная выгода для государства! Пятая часть металла прибудет как бы из ничего! Какой «привесок» народному хозяйству! Однако работать на минусовых допусках гораздо сложнее. Надо непрерывно следить за показаниями приборов, должна быть полная слаженность всех агрегатов.

Я спросила:

— На стане четыре сменных бригады. Что же, одной только бригаде Орлова удается работать на минусовых допусках?

— Отнюдь! — Виктор Петрович подчеркнул красным карандашом на цеховом графике нужную в нашем разговоре итоговую цифру. — Только за один год цех по прокату сэкономил восемь с половиной тысяч тонн металла. Таков вклад всех четырех бригад. Но бригада Орлова раньше всех, первой начала осваивать «САРТ». Операторы Бейлинов и Шинкаренко составили проиллюстрированное фотографиями практическое пособие — как надо работать по-новому. Оно помогло многим операторам из других бригад, в том числе и тем, из стран — членов СЭВ, которые проходили у нас практику. Важно и другое. В бригаде Орлова все кадровые рабочие могут заменить друг друга на разных операциях. Конечно, очень многое зависит и от начальника смены, и от самого бригадира, его организаторских способностей, от его умения сплотить коллектив. Как видите, все это помогло первой бригаде Орлова еще на третьем году девятой пятилетки достичь небывалого рубежа. Ее обязательством было прокатать в том, семьдесят третьем году, сверх плана десять тысяч тонн высококачественного листа.

5 января 1974 года старший вальцовщик Орлов, вальцовщик Заплавный, старший вальцовщик черновой группы Прокопов, операторы Левченко, Хохлов, начальник смены Василевич рапортовали ЦК КПСС и Совету Министров СССР: «Рады доложить... что эти обязательства успешно выполнены... выпущено сверх плана 13,5 тысячи тонн стального листа... сэкономлено 3200 тонн металла...»

Поистине орлиный полет!

Страна высоко оценила самоотверженный труд: почти половина состава первой бригады были награждены орденами и медалями!

Признание Родины вдохновило, придало новые силы прокатчикам. В четвертом году девятой пятилетки они также взяли высокие обязательства. Это был тот самый год, первый день которого начался для них столь неудачно — пришлось останавливать стан. Как теперь известно, несмотря на плохое «предзнаменование», прокатчики успешно выполнили и это обязательство.

— Как, Иван Иванович, выходит, не подтвердились приметы некоторых суеверов? — обратилась я к Прокопову после смены.

Что ты читаешь, папа?

Он добродушно усмехнулся.

— Одно могу сказать, год был у нас неровный, напряженный. Может, слишком много похвал посыпалось в наш адрес и кое-кому это вскружило голову? А тут еще начальник смены наш уехал, пришел новый. Не сразу освоился. Орлов переживал больше всех, но виду не подавал, держался, как положено коммунисту, твердо, да еще подбадривал людей.

— Говорят, Иван Иванович, славу трудно завоевать, но еще труднее ее удержать...

— Вот именно! Насчет того, чтоб удержать, — не мне судить, со стороны виднее. Но обязательства свои на четвертый год пятилетки мы выполнили, несмотря ни на что! Еще осенью наверстали упущенное.

— Какие же планы на семьдесят пятый, завершающий год пятилетки?

Прокопов не успел ответить, в красный уголок, где мы с ним разговаривали, вошел освеженный душем в белоснежной рубашке Владимир Александрович Орлов:

— Думаем прокатать не менее двенадцати тысяч тонн сверх плана, — ответил он. — Хотя и план у нас повыше, чем в прошлом году, напряженный, и профиль металла пошел посложнее, вообще металл «трудный» — даже нержавеющую сталь катаем. Очень дорогая, высококачественная сталь. Уже к апрелю мы выдали свыше семи тысяч тонн стального листа дополнительно к заданию.

— И так, на семьдесят третий Вы брали десять тысяч, на семьдесят четвертый — одиннадцать, на семьдесят пятый — двенадцать... По закону возрастающей арифметической прогрессии! Хороший закон! Сколько же намереваетесь сэкономить металла на минусовых допусках?

— Четыре тысячи тонн сэкономим! Я сравниваю: два года назад было три тысячи.

— Настроение у всех самое боевое: идем навстречу XXV съезду КПСС.

Спрашиваю, что вообще нового в бригаде.

— Почти каждый день новости, — говорит Орлов. — Недавно ветеранов труда торжественно проводили на отдых, вечер был по этому поводу, очень хороший вечер. На смену ветеранам пришли молодые ребята, учим их. Вот — Домбровский Сережа, его мать машинистом крана на заводе работает. Такая любознательность у него, такая жадность к делу! И этому ему хочется научиться, и то знать. Все спрашивает, до всего докапывается. Люблю таких ребят! Я его с линейкой поставил на стан, чтоб заме-

рял ширину листа, а сам хожу следом за ним, проверяю. Пока получится из него толк, много походить так придется. Но вдвойне будет приятно наблюдать за ним, когда пойдет он самостоятельно. Такого, как Сергей, сдерживать надо. Но бывает наоборот — застенчивые, тихони даже. Не люблю тихонь. Сам мямлей не был никогда, и в других этого не понимаю. Вот есть у нас один парень, после техникума пришел. Готовлю его на старшего вальцовщика. Сколько в нем трудолюбия и добросовестности! Хватило бы на двоих! Но робок, застенчив. Никогда «не покажет зубы». Не решается подсказать рядом стоящему, если видит у него непорядок. А меня это злит. Как так можно? Идет вот, например, полоса. Подхожу, спрашиваю, парня:

— Как дела?

— Толщина в норме, проверил, — отвечает.

Но вижу, начинается на полосе волнистость — это плохо. Нетоварный вид у листа.

— А волнистость? — еле сдерживая себя, опять спрашиваю.

А он по-прежнему спокойненько:

— Ага, ничего, исправим...

— Слушай, Витя, — говорю я, — ты в войну играл когда-нибудь? В солдатики? «Ура» когда-нибудь кричал? Есть у тебя голос?.. — Считаю, должна быть у нас рабочая злость! С нее начинается настоящий рабочий характер, когда человек действительно болеет за дело. Надо уметь требовать.

«Рабочая гордость должна быть у каждого, — не раз повторял Орлов в разговорах со мной. — Тихоней был вначале Кузьминов, друг мой. А теперь, что называется, соперник, соревнуемся. Слово у него невозможно было выдавить. Посмотрели бы вы на него сейчас — орел! Возглавляет бригаду в другой смене».

«Человеку со спокойным характером в таком горячем деле, как наше, работать нельзя. Если сам он вспыхнет, то и других зажжет. И вся бригада идет за ним!..» Это слова парт-групорга Ивана Ивановича Прокопова. Снова о нем. О коммунисте Орлове.

* * *

Владимир Александрович Орлов вырос в наше, социалистическое время, воспитан ленинской партией коммунистов. Он уже двенадцать лет коммунист. Долго был секретарем первичной парторганизации. Коммунисты цеха выдвигали его в партком завода. Сейчас он член Запорожского обкома компартии Украины.

А. А. Герасименко, секретарь парткома «Запорожстали», рассказывал мне о том большом впечатлении, которое произвело выступление Орлова на пленуме обкома партии: «В перерыве ко мне подходили и спрашивали: «Кем твой Орлов работает? Вальцовщик? Рабочий? Очень хорошо говорил, свободно, легко, как докладчик-профессионал. Да и голос у него сильный, звучный, словом, оратор!»

Меня заинтересовала «лаборатория» того выступления. Как к нему готовился Орлов? Не может же быть, чтобы не готовился. Трибуна была ответственная. Впоследствии Владимир Александрович показал мне наброски своей речи — да, на сей раз он тезисы подготовил, потому что волновался. На полях много пометок и добавлений. Кстати, каждое свое выступление он вынашивает заранее, занимается этим увлеченно.

Что же касается темы, то она органически близка ему, если так можно выразиться, любимая Орловым тема. Вопрос стоял об идейно-политическом воспитании и творческом росте молодых рабочих и специалистов. Источники, которые ее питают, неисчерпаемы: сама жизнь бригады Орлова, да и соседних бригад, жизнь смены и всего цеха.

К моменту нашего знакомства Орлов еще не был депутатом Верховного Совета СССР. Это знаменательное в его жизни событие произошло летом 1974 года. В Париже, куда он был делегирован на VII конференцию Международного объединения профсоюза металлистов, у него спросили: «Как Вы, рабочий, совмещаете деятельность члена парламента с работой на заводе? У нас, во Франции, например, так не бывает...»

«Совмещать» Орлову действительно не просто, и особенно потому, что всякому порученному делу он отдается честно, всем сердцем. У депутата же много дел, и характер их предусмотреть невозможно. Одни избиратели обратились к нему по поводу расширения моста на Днепровской плотине; другие — в связи с тем, что несколько детских садов оказались в зоне дымов асфальтового завода, и этот завод надо бы срочно перенести в другое место. Проблемы? Безусловно, проблемы! И их надо решать, не откладывая. Депутат пишет письма в соответствующие организации и учреждения, например министру энергетики и электрификации СССР, предлагает, ведет переговоры, беспокоится. Добивается, чтоб и мост был расширен и чтоб цех не чадил, был остановлен, пока его не переведут в другое место. Кстати, «асфальтовым» вопросом, как выяснилось, горсовет уже занимался. Пришлось депутату уделить много времени и внимания детской музыкальной школе, которая оказалась без «жилплощади» — нет у нее своего помещения.

Вот так Владимир Александрович и «совмещает» свои депутатские обязанности с работой у стана.

Собственно, читателю уже почти все известно о жизни Орлова в цехе и за пределами завода. Дополню рассказ о нем лишь такой справкой: он член Всесоюзного общества «Знание». Начитанность, широкий кругозор позволяет ему бывать и делиться рабочим и жизненным опытом в самой разнообразной аудитории: встречаться с рабочими на агитплощадках и в красных уголках, с творческой интеллигенцией в клубах и лекториях, выступать по радио и телевидению.

В качестве эпиграфа к этому очерку уместно было бы привести высказывание Менделеева: «Человек тем более совершенен, чем более он полезен для широкого круга интересов общественных...»

Разумеется, Менделеев вряд ли имел в виду рабочего, трудящегося человека своего времени. Примечательно, что слова великого ученого как нельзя более соответствуют яркому облику рабочего наших дней, перешагнувшего грань между физическим и умственным трудом.

Об Иване Бабушкине, герое первой русской революции, Владимир Ильич Ленин говорил: «рабочий-передовик». Люди, подобные ему, вырабатывали из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». Семьдесят лет назад таких рабочих было очень немного. Сегодня интеллигентных рабочих миллионы. Такие люди есть на всех советских заводах. Далеко видел Ильич!

...Нельзя позволять человеку, особенно молодому, работать механически, бездумно. Время сейчас такое, что техника день ото дня становится сложнее, и учиться нужно все время, в том числе и тем, кто уже проработал на производстве 15—20 лет.

МАРК ШЕВЕЛЕВ

ЗАКОН ДОБРОТЫ

Спустя много лет корреспондентские пути-дороги снова привели меня к знакомой проходной завода «Азовкабель». Многое здесь изменилось с тех пор. Уже не пыльный проселок, а широкая лента автострады вела к заводу. Па-

раллельно автостраде — подъездные железнодорожные пути. У заводоуправления не стоят, как бывало, колонны пыльных грузовиков, на которых со всех концов страны съезжались «просители» кабеля. Теперь подкатывают «Волги» и «Жигули», а иногда поблескивающие широкими стеклами «Икарусы». В этих комфортабельных машинах приезжают не вездесущие «толкачи». Не случайно на знамени «Азовкабеля» красуется орден Ленина: все заказы страны выполняются здесь своевременно. Отчего же людской поток у ворот завода не ослабевает?

Теперь сюда приезжают, чтобы перенять опыт, и видные инженеры, и мастера, и директора других предприятий. Именно здесь можно воочию убедиться, что дает эффективное использование последних новинок науки и техники, как безотказно управляет производством автоматизированная система. Наконец, именно здесь можно встретить передовых рабочих, которые в наши дни известны всем. И среди них — Анну Прокофьевну Дойнову. Это она первая в электротехнической промышленности за четыре с половиной года выполнила два пятилетних задания. Ее бригаду справедливо называют «школой Дойновой». За последние 25 лет в этой «школе» выросло не одно поколение умелых работниц. Теперь у многих из них уже солидный производственный стаж.

А пришла Анна Прокофьевна на завод, когда самой ей едва минуло шестнадцать лет. Звали ее тогда в родном селе Луначарском, что расположено неподалеку от Бердянска, просто Аней. Когда она училась в семилетке, о заводе и не думала. Мать ее, Екатерина Васильевна, работала на колхозной ферме дояркой, слыла мастерицей своего дела, а помощницей у нее, конечно же, была Аня — старшая дочь. К шестнадцати годам Аня, когда нужно было подменять мать, уже самостоятельно справлялась с работой на ферме.

Но случилось так, что неподалеку от села, в степи, стали появляться словно белые корабли в море светлые многоэтажные корпуса строящегося завода.

В Луначарское приехали ребята из райкома комсомола, созвали молодежь в клуб и предложили желающим поступить на завод учиться. Конечно, явились в клуб и колхозники старшего возраста, среди них — родители сельских парней и девушек. Анина мать — Екатерина Васильевна тоже пришла. И взрослые и молодежь спрашивали приехавших гостей, чему, собственно, будут обучать на новом заводе. Оказалось — разным заводским специальностям. И уже слышались голоса со всех сторон: «Меня примите!» «Я хочу учиться!». Спросили Аню, может и она запишется?

Но поднялась с места заведующая колхозной фермой — энергичная женщина, громко заговорила, размахивая руками:

— Я против! Категорически против! Она же доярка! Без пяти минут передовик!

Колхозницы поддержали заведующую фермой. А сама Аня молчала.

Тогда слово попросила ее мать.

В зале притихли.

— Да, — не без гордости заговорила Екатерина Васильевна, — из дочери моей хорошая доярка может получиться. Руки у нее сызмальства к работе приучены. Не будь Ани, разве я, вдовая солдатка, сумела бы поставить на ноги меньших детишек? Ни за что! И на ферме трудновато будет без Ани... Да только должны мы по-хозяйски в будущее смотреть и подсказывать молодежи, как надо своей судьбой распоряжаться. Одним словом, отпускаю я Аню. Пусть учится заводской специальности. Теперь не так долго ждать — будет ме-

ханизирована наша ферма. Зачем же полсела девчат держать. Впрочем, кто хочет, пусть остается в колхозе.

С того дня решилась судьба Ани. Вместе с другими стала она ездить на завод. Для начала новички проходили азбуку труда на подсобных строительных работах. Возвращаясь вечером домой, Аня боялась руки матери показать — были они в мозолях и ссадинах от лопаты и кирки. Екатерина Васильевна молча наливала теплой воды в таз и садилась рядом. Аня погружала в воду ладони и подолгу сидела так, устало уткнувшись лицом в плечо матери.

— Видишь, мама, как работаем.

— Вижу, дочка. Потерпи, наука не дается даром. И когда на машину поставят тебя, не думай, что она сама по себе работать будет.

...Много изолировочных машин привезли в контейнерах на платформах. Они были красивы и заманчиво привлекательны — эти новенькие машины. А когда их установили в цехе кабелей связи, девчатам-ученицам показались они сверхзагадочными существами. Тогда-то и приехала с ленинградского завода «Севкабель» Лидия Павловна Цуканова, давно уже познавшая все тайны этих машин. Сперва она обучала девчат работать на одном ходу, с одной только жилкой. В перерывах, на пятиминутках Цуканова подробно объясняла, в чем бывают ошибки девчат, и частенько советовала брать пример с Ани.

— Смотрите, — говорила она, — Аня уже пробует два хода, она не ждет отрыва жилы, на ходу поправляет ее, смазывает узлы, внимательно следит за скоростью, за плавным ее переключением.

Это подбадривало девушку. Даже дома она не могла удержаться от разговоров о своей машине.

— Мамуль, знаешь, как интересно! Теперь мы делаем настоящий кабель.

— Да ну? — улыбалась мать.

Глаза Ани разгорались, она, торопясь, рассказывала, как берет тонюсенькую медную проволочку, зачищает ее, обматывает специальной ниточкой — корделем, потом изоляционной бумагой — получается жилка, а дальше свивает четыре жилки в «косички», потом четыре «косички» в одну... Рассказывая, Аня чувствовала себя какой-то значительной, гордой, счастливой. Ей вдруг открывался секрет созидания. И она хотела, чтобы мать также почувствовала важность и какую-то особенность ее дела.

— А зачем так много проводков? — спрашивала мать.

— Ну, мамуль, — укоризненно качала головой Аня, — это же — телефонный кабель! Один такой проложить к нашему селу, и в каждой хате можно устанавливать телефон.

— Скажешь — в каждой хате, — недоверчиво качала головой Екатерина Васильевна, — сейчас в правлении колхоза всего-то один.

— Потому что кабеля еще не хватает, — с той же значительностью объясняла Аня. — У нас, изолировщиц, еще никто нормы не может выполнить. Надо 360 метров жилы за смену сделать, а делают не больше ста.

— А что ж так медленно? — удивлялась мать.

— Неполадок много случается. То проволока порвется, то бумага, — с огорчением объясняла Аня. — Знаешь, как ломается эта изолировочная бумага! Узенькая, хрупкая, сухая...

— А может, смачивать ее надо, доченька? — осторожно посоветовала мать. — Поставь рядом кружку с водой и смачивай. Мокрая-то, наверное, рваться меньше будет.

— Сообразительная ты у меня! — похвалила Екатерину Васильевну дочь и чмокнула в щеку. — И впрямь надо попробовать.

По этим жилкам побегут человеческие голоса, далекое приблизится...

— Вот и попробуй, — добродушно ответила мать. — Глядишь, как ты говорила, и у нас когда-нибудь телефон поставят.

— Обязательно, — уверенно сказала Аня. — Когда-то и электролампочка в селе диковинкой считалась, а теперь — в порядке вещей. Вот так и с телефоном будет.

...Шли дни, месяцы, годы. И прежние заманчиво привлекательные и одновременно загадочные машины стали теперь для Анны Прокофьевны как бы живыми послушными существами, правда, у каждой свой характер, свои капризы. И ежедневно во время работы Анна Прокофьевна подбирает ключи, чтобы смирить норов сложных механизмов.

* * *

Из открытого в сад окошка высунулся Сергей и крикнул:

— Мама, к телефону!

Было воскресенье. Анна Прокофьевна подрезала сухие ветки у яблонь. Неподалеку окапывал деревья муж — Степан.

— Мама, что сказать? — не унимался сын.

Мать подошла к окну, взяла трубку. Звонила Надя Еремина из ее бригады. Прямо из аэропорта звонила. Не утерпела. Еще бы! Вернулась из Берлина с фестиваля молодежи. Всего двое делегатов от области было послано: Надя и сталевар Геннадий Горлов из Запорожья. Анна Прокофьевна улыбалась, слушая надину скороговорку.

— Очень много интересного могу рассказать! — кричала в трубку Еремина.

Анна Прокофьевна слушала, молча кивала головой, радовалась за свою ученицу.

А на следующий день собрались в Красном уголке рабочие, чтобы послушать Еремину. Дойнова несколько задержалась, а когда вошла в переполненное помещение, Надя продолжала.

— Еще рассказала я о нашей бригаде, о таких людях, как Анна Прокофьевна Дойнова. Говорю, из крестьянских девушек она вышла, уже двадцать пять лет работает на заводе, норму свою во много раз перевыполняет, да еще девчат обучает своему мастерству. Не знаю уж, насколько это понятно получилось у меня...

В зале одобрительно улыбались, аплодировали. Каждый из слушателей хорошо знал, как Анна Дойнова в свое время первая освоила на заводе английскую машину — четырехходов-

ку, как на этой машине она пятнадцать раз перекрывала сменную выработку, сама подсказывала нормировщикам, где и на каких операциях можно сэкономить рабочее время, даже рекомендовала новые нормы испытывать и проверять на ее рабочем месте.

Анна Прокофьевна первая на заводе успешно освоила и более сложную шестиходовую машину, научила работать на ней восемь своих подружек по участку, в том числе и Надю Еремину, а они, в свою очередь, распространяли этот опыт среди других работниц.

Когда Анну Дойнову назначили бригадиром, она как бы почувствовала еще большую ответственность перед коллективом, с новым рвением взялась за работу. Не всегда ладилось дело на изолировочной машине: бумагообмотчик был далеко не совершенным — лента часто скручивалась, рвалась, на ее заправку уходили десятки минут драгоценного рабочего времени. Бригадир поняла, что требуется другой, усовершенствованный зажим, пусть даже кустарного изготовления. Она представляла конструкцию этого зажима. Но чтобы сделать его и приладить, требовалась мужская помощь. Анна Прокофьевна привлекла к делу мужа. Он работал прессовщиком в том же цехе. Человек смекалистый, Степан быстро понял, что требуется от него. Как-то в перерыв подошел к изолировочной машине старший мастер Цыба. Видит — муж и жена Дойновы хлопочут у агрегата. Еще понаблюдал — оказывается, прилаживают новый зажим.

— Молодцы, что додумались! — похвалил он супругов. — Надо это приспособить и к другим изолировочным машинам.

— Погоди, — ответила Анна Прокофьевна, — сначала испробую на своей. Не подведет — тогда, пожалуйста, внедряйте.

Зажим вполне оправдал себя. Его стали изготовлять и устанавливать на новых машинах цеха. Сбереженные минуты человеческого труда ежегодно давали заводу тысячи рублей экономии.

А у Дойновой возникали новые и новые рационализаторские замыслы. Хорошо бы вдоль рабочих мест поставить конвейер для подачи барабанов с медной проволокой, неплохо бы механизировать смену барабанов да заменить быстроизнашивающиеся части машин более долговечными.

Планов зарождалось все больше, а знаний у бригадира явно не хватало: за плечами всего лишь семь классов. И Дойнова выкроила время для учебы в вечерней школе. Только она знала, как трудно ей приходилось, как тяжело давались отдельные предметы, особенно же умение разбираться в чертежах. Но чего не преодолеет настойчивый, трудолюбивый человек, к тому же наделенный способностями!

Конечно, потребовалось немало времени. Но теперь Анна Дойнова может технически вполне грамотно изложить свои замыслы на бумаге, в том числе и в чертежах. Что бы ни придумала она для своего рабочего места, через несколько дней новшество становится достоянием всех работниц цеха.

Уже давно Анна Прокофьевна решила для себя: каждый год, в течение двух недель (эти недели стали называться на заводе «школой Дойновой») поочередно работать на всех машинах участка, открывать молодым девушкам секреты своего мастерства. И что ни год — после прохождения этой школы выработка у девушек значительно поднимается. Если в начале девятой пятилетки считалось почти невероятным покрыть изоляцией 15—17 километров жилы за смену, то теперь это стало нормой. Да и эту норму ученицы Дойновой пере-

крывают в полтора-два раза. А сама Анна Прокофьевна за смену выпускает 55—57 километров изолированной жилы. Как-то на заводе подсчитали, что ка́беля, изготовленного Дойновой, вполне хватило бы, чтобы десяток раз опоясать нашу планету по экватору.

* * *

После того как Анне Прокофьевне присвоили звание Героя Социалистического Труда и ее портреты появились на страницах центральных газет и журналов, работы в небольшом почтовом отделении связи села Луначарского заметно прибавилось. Освобождая свои пухлые сумки у калитки дойновского дома, почтальоны шутят с хозяйкой:

— Гляди, Прокофьевна, как бы тебе не пришлось доплачивать нам за перегрузку.

Пишут Дойновой разные люди, по различным поводам: одни, чтобы узнать тонкости ее мастерства; другие просят совета, как разумнее построить свою жизнь; школьники, студенты, солдаты приглашают к себе на праздничные вечера.

Некоторые письма приходят прямо на завод, секретарь директора на таких пишет: «Цех № 10». Поступают письма с кратким адресом, просто: «Бердянск. Герою Социалистического Труда А. Дойновой».

...Из вчерашней почты Анна Прокофьевна перед отъездом в город отобрала несколько конвертов. В некоторых обратных адресах значились совсем незнакомые ей названия дальних городов и поселков. Ей почему-то казалось, что чем дальше от нее человек, приславший весточку, тем нужнее ему помощь.

Недавно Дойновы купили легковой автомобиль, и Степан в свободное время иногда подвозит Анну в город по делам: то ей на пленум горкома партии, то в исполком на комиссию по делам несовершеннолетних, то в школу на встречу с ребятами.

Машина въехала в город и мчалась теперь по ровному, как стрела, Мелитопольскому шоссе.

— У тебя программа большая? — кивнул Степан на письма, которые жена прятала в сумочку.

— Да так, разное, — ответила она, — один старик вспоминает дореволюционный Бердянск, его письмо, наверное, в музей отдам. Наш однофамилец Дойнов из Чимкента ищет родных, он — бывший детдомовец. Какой-то фронтовик просит проведать однополчанина, сам приехать не может, болен. Высади меня, зайду к нему.

Здесь выпускают продукцию только высокого качества

Ее маршрут лежал в нижнюю, приморскую часть города. Там находился и музей, там, судя по письму, жил чей-то фронтовой товарищ, там располагалось и адресное бюро, где следовало навести справки о родственниках однофамильца.

...Возвращалась домой в автобусе. Анна Прокофьевна хотела было присесть, но вдруг на передней площадке мелькнуло знакомое лицо: «Неужто Раечка Тетерева? — осенила догадка. — Но ведь все новенькие работают в первой смене. Чего же она?..»

Прошла вперед по салону автобуса.

— Здравствуй, Рая, — тихо сказала она девушке.

— Здравствуйте, тетя Аня, — ответила та еще тише, отводя в сторону глаза и краснея.

Автобус остановился, створки дверей распахнулись, и Рая вдруг сказала:

— Выхожу я...

Вышли вместе. Анна Прокофьевна пристально смотрела в лицо девушки. Что с ней? Видно, что здорова. Просто прогуливает? Но почему? Что с ней стряслось? Боится даже глаза поднять.

— Ну, что ты, Рая? Что с тобой? — Анна Прокофьевна положила руку на плечо девушки.

— Не могу я, тетя Аня, трудно мне на работе, — едва сдерживаясь, чтобы не всхлипнуть, объясняла девушка, — даже возле машины стоять стыдно. Полнормы не вытягиваю. Никакого от меня толку.

— Ты только не волнуйся, Раечка, — пыталась успокоить ее Анна Прокофьевна. — Давай-ка присядем, отдохнем, подумаем вместе.

Они зашли в сквер, присели на скамейке.

— Это все от того, милая, что ты, наверное, не любишь машину, — заговорила Анна Прокофьевна. — А ведь нынче без машины нигде работы нет. Не найдешь такой ни на трикотажной, ни на обувной фабрике, ни на заводе стекловолокна — всюду машины. А они внимание любят, как и живые существа. Я в селе дояркой была, коровы мои тоже не сразу ко мне привыкли. Другая даст молока четверть ведра, а иная — ни капли. А мать от той же коровы целое ведро приносила...

— Так то же коровы, — возражала Рая, — их погладить, приласкать можно, а что машина понимает?

— Выходи сегодня во вторую смену, я тебе покажу, как машина тоже ласку любит.

Девушка удивленно подняла глаза.

— Серьезно говорю, — добавила Анна Прокофьевна. — В три часа бу-

ду ждать тебя в проходной. Договорились?..

Она потрепала Раю по плечу, улыбнулась по-матерински, встала, кивнула на прощанье, оставив девушку в задумчивой растерянности.

* * *

В коридоре старого одноэтажного дома, куда вошла Анна Прокофьевна, пахло застоявшимся табачным дымом. Анна Прокофьевна ступила в полумрак.

— Есть кто дома? — громко спросила она.

— Входите! — послышался из глубины комнаты густой мужской голос.

— Кто вы и зачем пришли? — спросил он.

— Моя фамилия Дойнова. Я — рабочая завода «Азовкабель». Пришла поглядеть, как живете.

— А-а, Дойнова, — протянул хозяин. — Не ожидал. Слыхал о тебе по радио. А кто ж направил Героиню Труда в мою тихую обитель?

— Об этом потом, Семен Данилович. Лучше расскажите, как живется Вам? Пишут ли фронтовики-друзья?

— Живу я, милая моя, тихо, — уже мягче заговорил он. — Нужды ни в чем нет, пенсия хорошая, через месяц в новую квартиру переезжаю. Проведывают меня школьники. А писем мне фронтовые друзья не пишут... поскольку сгорели они в танке. Весь экипаж... А я вот — живой.

Он схватил одну из множества рассыпанных на столе папирос, чиркнул спичкой. Вспышка на мгновение выхватила из полумрака его крупное лицо со следами старых ожогов, высокий лоб с черной наглазной повязкой. «Так вот почему, — догадалась Анна, — ему все равно, открыты ставни окон или закрыты».

— Семен Данилович, — обратилась Анна, — я Вас понимаю... у меня отец погиб на Первом Белорусском фронте. Мне тогда семь лет было...

— А у меня, — ответил хозяин, — дочь была...

Он оборвал себя на полуслове. Папироса погасла, хозяин опять зажег спичку и поморщился от поднесенного к лицу пламени. Анне Прокофьевне показалось, что зрачок правого незавязанного глаза его едва заметно дрогнул.

— Вы хоть чуть-чуть видите? — спросила она робко. — Вам кто-нибудь читает?

— Сделал тут один «кудесник» мне микроскоп...

Анна Прокофьевна вынула из сумочки письмо однополчанина и развернула его на столе. Хозяин за эту минуту водрузил на переносицу странный аппарат, напоминавший фотообъектив.

— Открой-ка, пожалуйста, ставни, — попросил хозяин.

Яркое солнце влилось через окно. Семен Данилович стоял возле стола. Анна Прокофьевна подождала несколько минут. Мужчина не оборачивался и не заговаривал с ней. Он стоял, обратив к солнцу свое покрытое шрамами лицо.

Анна Прокофьевна взяла свою сумочку со стола и тихо направилась к двери.

— Спасибо тебе за письмо, — услыхала она за спиной. — Один из нашего экипажа жив... Нынче у меня праздник. И спасибо, что окно открыла... Солнце чувствую, тепло...

* * *

До начала смены оставалось немного времени. Управившись с письмами, Анна Прокофьевна села в автобус, который направлялся к заводу.

Слева, за бухтой, поднимались из-за зелени деревьев новые — розовые и белые — кварталы жилых домов.

А справа, за портальными кранами, сияло, переливалось море.

У Анны Прокофьевны было хорошо на душе. Сегодня она успела сделать несколько, пусть маленьких, но добрых дел. С таким настроением она любила приходить на работу.

Анна Прокофьевна вышла из автобуса и присоединилась к потоку людей, который двигался по широкой аллее к проходной завода. Со всех сторон ее приветствовали знакомые.

Сквозь толпу рабочих пробиралась худенькая девушка.

— Тетя Аня! Тетя Аня! — кричала она и махала рукой.

Наконец, Дойнова увидела Раечку Тетереву, направилась к ней, крепко взяла за руку и они пошли рядом.

— Сама бы ни за что не пошла, — сбивчиво говорила Раечка. — А Вы, тетя Аня... такая, Вы такая...

— Какая? — рассмеялась Анна Прокофьевна.

— Надежная! — выпалила девушка, восторженно глядя на свою наставницу и не выпуская крепкую ее ладонь.

Очень приятно сознавать, что и твой труд вложен, скажем, вот в эту могучую домну или в прокатный стан-гигант. Они — твоя визитная карточка в будущее.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛЕНКО

ГЛАВНАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЗАБОТА

Чем силен этот человек, о котором пойдет речь в очерке? Если сказать очень коротко, то ответ будет таков: сила его — в деле. Деловых, знающих, способных людей вокруг нас много. Мы наслышаны о них, встречаем их имена

в печати и нередко воочию видим. И все же — берусь утверждать: Михаил Степанович Бодашевский деловит по-особенному.

Одна из главных забот Михаила Степановича Бодашевского состоит в том, чтобы без опозданий, в точно намеченный срок «выходить на нулевую отметку» стройки, то есть завершить в котловане кладку прочного, надежного фундамента, основания под будущие жилые здания или различные производственные сооружения. В большинстве случаев фундаменты и подземные коммуникации закладываются на многометровой глубине, потом, как правило, идут «под засыпку». Была сделана очень важная работа — и вдруг ничего не видно, все «ушло под землю». Впоследствии мы любуемся ажурными сплетениями металлоконструкций нового цеха, восхищаемся могуществом агрегатов и далеко не всегда вспоминаем, на чем же они держатся, кто сделал основу, кто первым пришел на стройку.

Однако в наше время заслуженная слава не обходит тружеников, если они вложат в работу не только умение, добросовестность, но и любовь к избранной профессии. А любовь к профессии у Михаила Степановича Бодашевского — это прежде всего сознание долга, постоянная забота и беспокойство о деле, я бы сказал неукротимая самоотверженность. И еще — непрерывные поиски все лучших и лучших решений поставленных задач. Не будет преувеличением сказать, что и личную жизнь и окружающий мир он воспринимает и расценивает через призму своего участия в активном и успешном труде. Для него содержание каждой вещи — это прежде всего труд, вложенный в нее. В труде он видит решающий смысл своего существования.

Очень интересно и прежде всегоапоучительно наблюдать, как ведет себя Михаил Степанович в своей родной производственной стихии. Вот огромный котлован, где закладывается основание под будущее миксерное отделение кислородно-конверторного цеха. «Холодильники наоборот», так шутливо говорят о миксерах металлурги. В миксеры сливают огненно-жидкий чугун и здесь он ожидает своего часа, чтобы попасть в конвертор и стать благородной сталью. Чугуну тепло, хорошо в миксерах, и здесь не теряется температура — важное обстоятельство в смысле экономии топлива.

Только все это впереди. Сейчас же на этом месте лишь «пропасть» пятнадцатиметровой глубины, на несколько сот метров в длину и в ширину. «Пропасть» копали несколько экскаваторов, а грунт увозили целые вереницы МАЗов и КрАЗов. На дне котлована — сполохи электросварки, глухое шипение вытекающего из бункера бетона, непрерывно подаваемого бессменными кранами, грохот мощных механизмов, тяжелое уханье трамбовщика. Бригада Бодашевского, управляя множеством механизмов, постепенно «выходит на нулевую отметку».

Среди работающих, наконец, встречаю и самого бригадира. Сухощавый и чрезвычайно подвижный, невелик ростом, одет в видавшую виды спецовку, обут в рабочие ботинки, пропитанные цементом. На голове — коричневая защитная каска. С первого взгляда не отличишь от десятков других строителей. Но, присмотревшись внимательно, определишь: не кто-то другой, а именно он управляет здесь очень сложным производственным процессом. Он успевает побывать всюду, ко всем и ко всему одинаково внимателен; его кипучая энергия тратится не вразброс, а всегда сконцентрирована на главном, что далеко не просто в этом движущемся потоке людей, машин, в нагромождении всевозможных материалов и конструкций.

Быстрый, стремительный, он подошел к арматурщице, ведущей укладку стальных прутьев в замысловатый каркас. Несколько мгновений наблюдал, как она тщетно пытается освободить запутавшийся длинный и гибкий железный прут.

— Обожди минутку! — кричит он арматурщице и уже бежит по зыбкому металлическому кружеву каркаса. Ловкими движениями вызволяет прут, прилаживает к месту. — Подай немного в сторону! Вот так! Хорошо! Теперь крепи!

И пока она накладывает электросваркой короткие швы на металлических пересечениях, Бодашевский успевает побывать возле пачек арматуры, сложенных у бетонных колонн. Бригадир недоволен. И ясно чем: «Опять эта россыпь!» Арматура должна поступать в готовых каркасах, но этого сплошь и рядом не делают. Сколько было разговоров, споров, докладных — и все же шлют снова «россыпь». Как тут не подосадуешь и даже не рассердишься?

И снова он возле арматурщицы.

— Этот и вот этот каркас сегодня нужно уложить.

— Да ты что, Степаныч! — озадаченно отвечает арматурщица бригадиру. — Здесь на целых два дня работы!

— Так уже и на два! — несколько мягче говорит Бодашевский. — Ну, ладно. Сейчас пришлю Марию на подмогу. Но, чур, вечером сдать. Представляешь, мы же сможем влить сюда кубов сто бетона. Нужно торопиться, пока нет с ним задержек.

А сам уже направился к огромному фундаменту, который высится посредине котлована. Несколько часов назад его «раздели», сняли опалубку. Теперь Бодашевский пустит в ход свой «рентген», как привыкли здесь говорить. Осмотр будет производиться с величайшей тщательностью. Поверхностный осмотр здесь недопустим. Именно на этом фундаменте будет стоять миксер. Давление достигает нескольких тысяч тонн. Так что держи ухо востро, бригадир. В случае чего — ответишь за недосмотр. Да и не в ответе дело. Просто Бодашевский не может допустить, чтобы у него да недосмотр.

Не меньше, чем через полчаса он снова вынырнул откуда-то из бетонного лабиринта. Осмотр удовлетворил. А через минуту он уже в другом конце котлована — помогает монтажникам устанавливать металлическую опалубку. То и дело к нему обращаются с вопросами, он терпеливо дает объяснения, сам о чем-то спрашивает.

Таким вот увидел я Михаила Степановича Бодашевского в одну из очередных наших встреч, и таким я знаю его уже давно. Но здесь, переходя от производства к общественной деятельности Бодашевского, уместно будет рассказать об одном эпизоде, очень характерном для такой кипучей деятельной натуры, как Михаил Степанович.

Из Донбасса в ГДР уходил «поезд Дружбы». Шахтеры, металлурги, строители индустриального края давно дружат с немецкими трудящимися. Рабочие различных профессий и специальностей Магдебурга, Карл-Маркс-штадта и других городов неоднократно приезжали в Донецк, Жданов (где трудится Бодашевский), Горловку, Краматорск. Донбассовцы тоже ездили в ГДР.

И вот новая поездка. Отправился в путешествие и Михаил Степанович. Одел парадный костюм с Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, приготовился смотреть, как живет и работает народ дружественной социалистической страны.

Интересного было много. Группа строителей осматривала Берлин, выезжала в различные места на встречи с коллегами, посещала музеи, любовалась памятниками старины. А в

Магдебурге случилось с Бодашевским приключение, которого руководитель делегации не может забыть и по сей день, так и не решив, заслуживает ли виновник порицания или, наоборот, похвалы.

Гостеприимные магдебургцы показывали донбассовцам достопримечательности своего города. Расписание для участников поездки было составлено жесткое, на учете, что называется, каждая минутка, а обозреть надо бы многое. К намеченному пункту каждый раз подъезжали на автобусе, выходили, слушали экскурсовода, фотографировались, подмечали все нужное, ценное. Строитель всегда остается строителем — он и в таких торжественных случаях непреминет запомнить что-либо полезное для своей работы. В точно указанное время все снова собирались у автобуса, отправлялись дальше. Но на одной из остановок вдруг случилась довольно длительная задержка.

Куда-то исчез Бодашевский. Его искали в потоке прохожих, заходили даже во дворы — тщетно. Поиски были безрезультатными, пока кто-то не предложил хорошенько обследовать ближайшую стройплощадку, на которой возводился многоэтажный дом. Поднялись на восьмой этаж и облегченно вздохнули (а кое-кто и ахнул): Михаил Степанович был там. Но что это? Его парадный пиджак подвешен на какую-то стойку, а сам он... ведет монтаж стенных блоков. Правая рука — на взлете, привычно подает команды крановщику: «Майна!.. Еще чуть!.. Еще... Стоп! Готово!» Блок — стена будущей квартиры — на месте. Тем временем крановщику — новая команда: подать следующий блок!

Вокруг стояли немецкие монтажники, внимательно и придирчиво наблюдали за происходящим, перебрасывались замечаниями. То и дело слышались приглушенные возгласы: «О гут, гезетцт арбайтр! (О хорошо, солидный работник!)». А гость и в самом деле показывал невиданный здесь образец: первый же блок установил за 15 минут вместо 30—40, которые тратили для этого хозяева стройки. Второй — еще быстрее — за 9, а третий и вовсе за 7 минут. Когда закрепил последний блок, пригласил всех к осмотру. Магдебургцы измеряли вертикальность, пробовали закрепление на прочность, но все было «в ажуре».

Строители провожали гостя, как старые друзья, — оживленно, всей бригадой. Один рабочий помог Михаилу Степановичу надеть пиджак, заботливо стряхнул с него пыль, а потом многозначительно и осторожно потрогал Звезду Героя. Сейчас этот золотой знак отличия и для него, и для его товарищей приобрел новое значение. Перед ним стоял мастер высокого класса. Лучшей отметки в шкале трудовых похвал не существует.

А Михаил Бодашевский лишь смущенно улыбался, говорил своим спутникам:

— Тряхнул малость стариной. В свое время приходилось монтировать и дома. Но главная моя забота все-таки фундаменты. Больше всего копаемся «ниже нуля»...

Этот эпизод, пожалуй, лучше всего свидетельствует, каков он есть — знаменитый строитель. Чего бы проще: приехал в гости — ходи туристом, смотри на окружающую действительность, отдыхай. А ведь получилось нечто противоположное. Он даже здесь находит дело, блестяще его исполняет, припадает к тому живительному источнику труда, из которого пьют чистую воду неподдельного вдохновения. Не зря потом почтальоны в Жданове и Магдебурге носили письма по указанным адресам. В письмах шла речь все о том же: о деле, о профессиональных «секретах», содержались многочисленные «как» и «почему».

Гости хотят почерпнуть опыт

И если сейчас начать перечислять, что бригадой и лично самим бригадиром сделано за многие годы (а итог неминуемо выразится во внушительных цифрах), то все это вряд ли уже будет неожиданностью. Сам Михаил Степанович сообщает об этом чрезвычайно лаконично. Как-то поздно вечером мы сидели с ним в чистом бригадном вагончике-бытовке, и он, положив натруженные руки на стол, застеленный красной тканью, припоминал:

— Откровенно говоря, о строительстве зданий раньше и не мечтал. Я ведь изначально — судостроитель. В Киеве первые послевоенные годы был слесарем на верфях. Но вот прошел слух: по комсомольским путевкам направляют молодежь в Донбасс на строительство шахт. Решил поехать и я. На время... Шахту построили. На ней остался работать: был бутчиком, потом посадчиком. Знаешь, что такое посадчик? Ну, занятие это для непривычных рискованное. Отработанную лаву, из которой уголь уже забрали, нужно завалить, «посадить», как говорят шахтеры. Выбиваешь крепь, шаг за шагом пятишься к груди забоя. А вслед за тобой постепенно начинает рушиться земная твердь. Поначалу жутковато, а потом ничего — привыкаешь.

Он на минуту умолкает, видимо, мысленно представляя подробности прошлого. А затем как-то порывисто и сухо перечисляет:

— В Жданов приехал снова по комсомольской путевке. Строил доменную печь на «Азовстали». На заводе имени Ильича — мартеновский цех, прокатные станы. Ездил в Енакиево, там ставили кислородно-конверторный цех. Потом снова в Жданове — много разной работы было. Но самая крупная — сооружение прокатного стана «3600». Сейчас вот строим снова кислородно-конверторный цех, здесь дела не меньше...

Следует хотя бы вкратце досказать то, о чем сам Бодашевский сообщает очень скупо. Возьмем для примера стан «3600». Что это была за стройка? Ее площадь занимала 25 гектаров. Здесь вынули и переместили 16 миллионов кубометров грунта, уложили 700 тысяч кубометров бетона, смонтировали 520 километров труб, свыше 70 тысяч тонн современнейшего оборудования. Богатая история отечественного строительства металлургических объектов еще не знала подобного размаха и сложности работ.

Если говорить иными словами, то 25-гектарная площадь в самом начале представляла собой сплошной котлован глубиной до 20 метров. И вот он постепенно стал наполняться громадьем фундаментов, бесконечными бетонными тоннелями и переходами, в нем устраивался целый подземный поселок. Каждый кубометр пространства наполнялся механизмами, различными устройствами, линиями электропередач. Это действительно был блестящий взлет нашей строительной практики. Итог же усилий не менее поразительный. Только первая очередь нового стана обладает огромной мощностью — дает в год 1 миллион 350 тысяч тонн высококачественного стального листа.

На сооружении металлургического агрегата работали тысячи строителей, монтажников, механизаторов. И одной бригаде было совершенно немудрено затеряться в этом многолюдье. Но бодашевцы не только не затерялись. Бригада все время была своеобразным знаменем стройки, маяком, по которому равнялись.

Именно здесь бригада начала соревнование за досрочное завершение заданий пятилетки. Цель определили так: пятилетнее задание — выполнить за три года и восемь месяцев. Забегая вперед, следует сказать, что и это напряженное обязательство бы-

*Бригадир
всегда рядом*

ло перевыполнено: установленного рубежа достигли на два месяца раньше намеченного срока.

Участники строительства еще и сегодня вспоминают о другой инициативе Михаила Степановича: начать соревнование за право вручать металлургам символический ключ от нового цеха. Профсоюзный штаб стройки тогда разработал условия определения победителя. Выполнить их было нелегко. Однако в соревнование включились десятки бригад. А победителем оказался Михаил Степанович Бодашевский со своими испытанными товарищами.

У меня хранится листовка-плакат тех времен. Думается, здесь нелишне будет привести отрывок из текста, так как он в известной мере раскрывает ключевые моменты строительного опыта бригады. Вот эти выдержки из листовки.

«На строительстве комплекса стана «3600» бригада Михаила Степановича Бодашевского ведет монтаж металлоконструкций и сборного железобетона, устанавливает арматурные каркасы и анкерные болты. Большинство работ выполняется досрочно и, как правило, с оценкой «хорошо» и «отлично». За время своего существования бригада ни разу не допустила брака в работе. Все это достигается за счет правильного ведения работ и хорошей организации труда в бригаде...»

Дальше приводятся весьма поучительные примеры правильного ведения работ и хорошей организации труда, заслуживающие самого широкого применения.

Даже из этого суховатого инженерного описания напрашивается единственный вывод: в бригаде действительно царит атмосфера творческого поиска, вдумчивого подхода к делу в сочетании с трезвым расчетом и стремлением выполнить работу по возможности быстрее и с меньшими затратами труда, но не в ущерб качеству. Подход, как видим, весьма современный, характерный для рабочих нынешнего дня. И в этом — главные черты бригадира Бодашевского как строителя, отличного мастера своего дела.

За последнее время Михаил Степанович начал внедрять в своей бригаде известный опыт Николая Злобина, сущность которого сводится, как известно, к бригадному подряду на работы. Опыт не так уж и нов, для многих стал нормой. В чем тут новинка для бригады Бодашевского? Необходимо учесть одну немаловажную деталь — бригадный подряд чрезвычайно трудно применять на промышленных стройках, подобных стану «3600». Вся сложность в том, что здесь одновременно работает множество бригад самой различной специализации. Бетонщики ведут укладку фундаментов в одно время с монтажниками металлоконструкций. Тут же трудятся механомонтажники, рядом идет прокладка электрокабелей, трубопроводов, выполняется множество других работ.

Если учесть возможности «сбоев» проектировщиков, сложность возникающих снабженческих и транспортных проблем, — даже неискушенному человеку станет ясно, что бригадный подряд на большой стройке внедрять очень трудно.

Заслуга Бодашевского в том и состоит, что он сумел развязать этот многократно запутанный узел. Перейдя работать на сооружение конверторного цеха, начал именно с бригадного подряда. Первый такой подряд на сумму 393 тысячи рублей строительных работ уже выполнен. В отделе труда и зарплаты треста «Азовстальстрой» мне показывали сложные расчеты, договора, графики. Нет необходимости характеризовать их, важно отметить другое: прославленная бригада и здесь осталась верна своим традициям. Сроки работ на соору-

жение фундаментов отделения непрерывной разливки стали опережены, достигнута экономия средств, качество работ, как всегда, высокое.

Понятно, опыт бодашевцев послужит уроком для других. Уже и сейчас его тщательно изучают не только местные бригадиры, но приезжают представители из разных городов страны. И неудивительно. Ведь бригадный подряд — будущее наших строек. Сам же Михаил Степанович по этому поводу высказывается так:

«Кто хотя бы раз попробовал работать по злобинскому методу, к старому не захочет возвратиться».

* * *

Сложна, ответственна, требует большого умственного и физического напряжения работа строителя. Иной раз кажется, что человеку здесь не до того, чтобы раздумывать над другими вопросами. Но Михаил Степанович Бодашевский на практике убедительно опровергает подобное мнение.

Не так давно он выступил в Ждановской городской газете со статьей. Многие жители этого города хорошо знают имя прославленного бригадира, поэтому, развернув газету, ожидали, что разговор в статье пойдет о строительстве. Но Михаил Степанович повел речь о другом. Он призывал кадровых рабочих любой профессии и специальности больше заботиться о воспитании своей смены. Сам он делает многое в этом направлении. Как ни занят на работе, всегда найдет время, чтобы побывать в гостях у питомцев профтехучилищ. Каждое такое посещение превращается для ребят в своеобразный увлекательный семинар.

— Все вы еще очень молоды, только нащупываете свою дорожку в жизни, — начал Михаил Степанович одну из своих бесед с притихшими в зале учениками. — И вот мне хочется сказать вам. У нас на стройке висит лозунг, начертанный огромными буквами: «В труде, и только в труде, велик человек». Запомните, что люди вас будут ценить прежде всего не за то, что вы хорошо говорите или умеете красиво одеваться, а за то, что́ и как вы сделаете. Когда подрастете, то и сами научитесь оценивать себя только по этой мерке. Конечно, одеваться, к примеру, тоже нужно со вкусом, неприятно смотреть на неряшливого человека. И все-таки главное — труд...

Позже директор училища — довольно опытный педагог и человек уже в летах — рассказывал о выступлении Бодашевского:

— Понимаете, у него врожденный педагогический дар. Речь проста, доходчива, непринужденная. Примеры из жизни очень убедительные. Само собой — на ребят производила впечатление и Звезда Героя. Но главное было в его мыслях. Слушали его с огромным вниманием.

Но среди других профтехучилищ есть училище № 74, где готовятся рабочие строительных специальностей. И связи бригады с этим училищем носят более постоянный характер. Сюда часто приходят члены бригады Бодашевского для делового разговора. Бригада и училище заключили договор на социалистическое соревнование. Среди прочих пунктов в нем, в частности, записано: лучшие учащиеся будут направляться для прохождения производственной практики к бодашевцам.

Это, как видно, почитается у ребят за большую честь. Недавно по предложению Михаила Степановича записали еще один пункт: несколько лучших выпускников училища будут зачислены на постоянную работу в бригаду.

И как много усилий теперь прилагают будущие выпускники к тому, чтобы удостоиться такой чести.

Но знатный строитель стремится к большему. Он держит связь со средними школами, ходит на ученические собрания, выступает перед школьниками.

Однажды присутствовал на проверке выполнения социалистических обязательств учениками. Потом рассказал ребятам, как работает возглавляемая им бригада. Остался послушать и школьный концерт. А когда закончилась музыкальная программа, обратился к оркестрантам:

— Ребята, играете вы замечательно! Просто молодцы! Спасибо! Так приятно вас слушать, что хочется обязательно чем-нибудь отблагодарить.

Немного помолчав, спросил:

— Не найдется у вас случайно баяна?

Ребята кинулись в поиски. Через несколько минут баян был в руках Михаила Степановича. Улыбающийся, он вышел на сцену, и в зал полились задушевные мелодии знакомых песен. И все это было так преисполнено теплом, искренностью, что ребята потом долго говорили об этом в школе. Растрогала встреча и Бодашевского.

— У нас замечательные дети! — говорил мне после Михаил Степанович. — Умные, чуткие, развитые. А музыка... Да, моя слабость, люблю музыку, люблю играть. Баян освоил, немного играю на скрипке, люблю посещать концерты.

Таков один из тех, кто посвятил себя, пожалуй, одной из самых распространенных профессий нашего времени. И когда задумываешься над биографией Михаила Бодашевского, приходишь к выводу: люди именно такого склада и определяют нашу эпоху. И отрадно, что наше время порождает превосходных мастеров самых разнообразных, сложных и высоких профессий, мастеров, убежденных в общественной значимости своего дела.

Работать можно по-разному... Один просто делает — и делает, а второй думает: чего бы еще такое найти, чтобы за тот же промежуток времени сделать больше, чем делал? Ищет — и находит!

Д. Червяков

ТОКАРЬ, ОН ЖЕ — СОЛДАТ

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

(Штрихи к портрету)

Биографии этого человека, расскажи он ее подробно сам, всю от начала и до конца, хватило бы на целую книгу. А то, что я расскажу о нем, только пунктир биографии, только штрихи к портрету.

Недолгое знакомство не дает мне право на большее.

Дмитрий Иванович Червяков — человек невысокого роста, коренастый. Он не из тех, чье физическое здоровье сразу бросается в глаза, про кого спешат сказать «здоровяк» или «крепыш», но чувствуется в нем какая-то внутренняя, сдержанная, уверенная в себе сила, идущая не от избытка здоровья, а от привычки и умения много работать.

На первый взгляд кажется, что Дмитрию Ивановичу меньше, чем ему на самом деле, — не пятьдесят три, а между сорока и пятьюдесятью, но когда посидишь с ним подольше и вглядишься в черты его лица, то заметишь, что все пережитое не миновало его, оставило свой след. Это бывает так, что люди твердые, собранные кажутся по первому впечатлению моложе своих лет.

Когда Дмитрий Иванович не при параде, то военная косточка в нем не просматривается — штатский человек и штатский человек. Как-то даже и не приходит в голову, что этот штатский человек провел под пулями целых восемь лет, двойную норму. А когда Дмитрий Иванович при параде, как это было, когда он пришел приветствовать у себя в Минске съехавшихся на совещание военных писателей, то вся его солдатская дорога как на ладони: и медаль «За отвагу», и орден Славы, и партизанская медаль, и польский и чехословацкий военные кресты, и первый орден Ленина, полученный еще не за послевоенные труды, а за войну, за дерзость в бою.

С 1974 года Дмитрий Иванович Червяков — Герой Социалистического Труда. А еще раньше, за год до этого, был удостоен звания лучшего токаря отрасли.

Профессия токаря и любимая, и единственная, одна на всю жизнь у Дмитрия Ивановича. За вычетом восьми лет службы в армии. Но даже и при таком долгом вычете — все равно — сперва учеником токаря, потом токарем, он успел проработать тридцать лет из пятидесяти трех, — четыре года дс войны и двадцать шесть лет — после демобилизации. И все эти последние двадцать шесть лет — в одном и том же электроремонтном цехе Минского производственного объединения имени В. И. Ленина.

Токарное дело, в какой-то мере, знакомо мне самому по годам моей юности, да и, как выяснилось, Дмитрий Иванович приобретал опыт в токарной профессии там же, где и я, в городе моей юности — Саратове, только несколькими годами позже и на другом заводе, чем я, — на комбайновом.

Расхрабрившись от этого совпадения, я некоторое время расспрашивал Дмитрия Ивановича о подробностях и особенностях его работы в цехе, принесших ему и звание лучшего токаря, и звание Героя Социалистического Труда. Но сейчас, перечитав сделанные тогда, во время беседы с ним, записи, вижу, что для штрихов к портрету, который я пытаюсь набросать, записи слишком подробны, а для популярной книжки о профессиональном опыте этого мастера своего дела, наоборот, недостаточны.

Такую книжку должен писать не я, а другой человек, на протяжении длительного времени и во всех деталях изучивший то дело, о котором он пишет.

А я, проглядывая свои записи, хочу сказать о другом, имеющем касательство не только к профессии токаря, — об отношении Дмитрия Ивановича к труду — к своему и к чужому, о его взгляде на долг и призвание рабочего человека. В конце концов именно это и есть та черта его личности, которая поучительна не в смысле прямого производственного опыта, а

в смысле более широком, нравственном.

О том, как это все было, когда ему присвоили звание Героя Социалистического Труда, Дмитрий Иванович рассказал коротко и просто. Улыбнувшись, заметил, что это, как говорится, в воздухе плавало еще несколькими днями раньше, когда цех их, и без того в общем-то чистый, в еще более божеский вид прибрали. И тут вскоре вечером — телеграмма! А утром, перед началом работы, прямо в цехе — митинг.

— Я, конечно, был немножко растерян, — сказал Дмитрий Иванович, — в ответ на все хорошие слова не смог так хорошо ответить, как бы хотелось, недоволен был собой, что слов не нашел. А не нашел потому, что разволновался. А разволновался потому, что честь большая, и потом все это в том самом цехе, где двадцать пять лет проработал!

— Ну, а как Вы сейчас, уже почти год спустя, сами на это смотрите? За что пришла Вам такая награда? В чем особенность Вашей работы?

— Работать можно по-разному. Вот, скажем, мы с Вами, два человека, выполняем одну и ту же работу. Один просто делает — и делает, а второй думает: чего бы еще такое найти, чтобы за тот же промежуток времени сделать больше, чем делал? Ищет — и находит. Иногда просто какую-то мелочь находит, какой-то свой прежний просчет обнаруживает, а иногда придумывает что-то наново, какое-нибудь приспособление изобретает. Я, например, перед тем как делать что-то новое для себя — пускай потеряю час времени, пускай больше, — но я должен обдумать свою будущую работу, должен создать себе о ней представление — собственное, свое! И о том — что это за работа? И о том — нельзя ли ее сделать быстрее и лучше, чем это может на первый взгляд показаться? У нас в электроремонтном цехе нет таких масштабов, чтобы речь шла о десятках тысяч тонн угля на-гора́ или о тысячах тонн выплавленной стали, — масштабов таких не дашь, работа у нас точная и мелкосерийная. Часто приходится настраиваться на новое, думать по-новому — в этом и трудность, и интерес. Тем более, что хороших токарей у нас немало и среди них — молодые ребята. И бывает так, что мой ум вроде бы и хорош, а когда посмотришь соседу за забор, увидишь там что-то для себя новое. Значит, приходится не только своим умом жить, но и у других учиться!

Сказав все это, Дмитрий Иванович не забыл назвать имена товарищей по заводу, с которыми он соревнуется, и особенно похвалил токаря Уткина, сказав про него, что он: «Токарь замечательный, у него голова работает. Я думаю, что он еще покажет о себе многое». Потом добавил, что Уткин моложе его на целых двадцать лет. И в этой фразе была какая-то нотка грусти.

И вдруг из последовавшего за этим разговора передо мной открылась та сторона жизни Дмитрия Ивановича, о которой я поначалу не подумал: открылась вся нелегкость того пути, который привел его и к нынешнему высокому званию, и к высокому мастерству лучшего токаря в целой отрасли промышленности.

Путь к этому мастерству был трудным не только потому, что его перерубила война, а на войне, как известно, убивают; трудность состояла еще в том, что Дмитрий Иванович ушел на войну с пятиклассным образованием и с этим же самым пятиклассным образованием через восемь лет, взрослым, семейным человеком, в 1949 году вернулся на завод начинать с того самого, на чем остановился 21 июня 1941 года.

— Пришел я на завод. Подумал — надо как-то свою квалификацию по-

вышать. Взял учебники, а там — формулы! Гляжу на них — и до слез мне обидно, что не умею их читать! Просто до слез, без преувеличения. Чтоб конус рассчитать, чтоб станок на любую резьбу настроить — нужна формула, а я в ней не разбираюсь. В это время пришел к нам в цех учеником электрика Мироненко Володя — молодой хлопец лет шестнадцати; подходит как-то ко мне и говорит: «Дмитрий Иванович, идите учиться! Я Вам книг, — говорит, — принесу. Я закончил семилетку, теперь в техникум вечерний пойду. У меня для Вас все книги готовые есть!» И знаете, сагитировал он меня, и сам привел после работы к директору школы. От души советовал мне соврать, что я в шестом классе учился. Но я соврать не смог. Сказал директору все, как было, и пошел учиться начиная с пятого класса. Первые полгода и Мироненко, и другой Володя — Новиков — чуть не каждый день после работы со мной оставались, натаскивали меня — уж очень я отстал, и очень у меня была горькая обида на самого себя, что я так мало знаю. Раньше вроде бы я и не замечал, как неграмотно пишу, а тут стал замечать свою малограмотность, стесняться ее.

Из дальнейшего разговора с Дмитрием Ивановичем выяснилось, что учеба далась ему нелегко, где-то посредине был снова большой перерыв, он серьезно болел и не мог учиться. А все-таки довел дело до конца. В 1961 году, уже немолодым, сорокалетним человеком, закончил десятилетку. Закончил не один, а вдвоем с женой одновременно. Жена к войне имела восемь классов, а теперь, после войны, когда Дмитрий Иванович дошел до девятого, тоже пошла в вечернюю школу. Так муж и жена, двое фронтовиков, двое разведчиков-партизан, один — минер, командир группы, другая — радистка, на пороге своего сорокалетия закончили полное среднее образование, продолжая при этом работать и воспитывать двух дочерей, из которых старшая переходила в восьмой класс в то самое время, когда ее родители переходили в десятый.

Не правда ли, есть что-то непобедимое и в этих характерах, и в этой семейной судьбе? Есть что-то, чему вроде бы и завидовать не приходится,— чего уж тут завидовать, если люди только к сорока годам кончают десятилетку, — и не завидовать нельзя: попробуй-ка прояви такое житейское упорство, такую непобедимую волю!

О юности своей Дмитрий Иванович вспоминает, как о времени трудном, но в конце концов поставившем его с помощью добрых людей на ноги и определившем его жизнь. Добавлю от себя, что добрые люди были, но был вдобавок к ним собственный твердый, с детства складывавшийся характер.

Дмитрий Иванович родился в крестьянской семье, в Сердобском уезде Саратовской тогдашней губернии. И одиннадцати лет отроду в голодном в тех краях 33-м году потерял отца. У матери остались на руках пятеро, и Диму пристроили к родственникам.

— А тут я еще заболел, живя у них, — рассказывал он мне, — у них своя семья большая была. И почувствовал я, что недовольство из-за моей жизни у них выходит, и решил уйти. Пришел на станцию, хотел было домой ехать, а потом сам с собой подумал: куда же мне теперь ехать, опять матери на шею? Сидел на станции, думал, как поступить, голодный. Тут меня — сперва накормили, а потом и с собой прихватили беспризорники, постарше меня. И два года я с ними туда-сюда ездил: и в Ташкент, и в Самару, и в Саратов.

Отъездив два года с беспризорными, Дмитрий Иванович в тридцать

Погожий день

пятом попал в Саратове в детдом. Потом из детдома его направили учеником в мастерские при МТС, а из мастерских — в школу механизаторов, в Автосельхозуч учиться токарному делу. Там же в тридцать шестом году он вступил в комсомол.

Когда Дмитрий Иванович рассказывал мне об этом переломном времени в своей жизни, меня даже поразило, с какой остротой и горячностью чувств, несмотря на давность событий, он вспоминал сейчас людей, которые помогли ему тогда, в тридцатые годы.

Про Ершова, комсорга, который дал ему, вчерашнему беспризорнику, поручение заведовать красным уголком и беречь все находившееся там имущество, Дмитрий Иванович сейчас, спустя почти сорок лет, выразился так: «Он же совсем молодой парень был, а вот — до сих пор как отец мне остался!» А о токаре Тищенко, у которого был учеником, сказал: «Он на всю жизнь у меня в памяти, потому что он меня учил. Говорил мне: делай свою работу так точно и чисто, чтобы сам ею мог полюбоваться. И вообще старался привлекать меня к себе, не щадил для меня своего времени, проводил его вместе со мной».

Так вспоминал Дмитрий Иванович о своих наставниках и о том, как — принятый в комсомол — шел в марте месяце за тридцать километров в непогоду, в метель в райком за билетом.

Говоря мне потом о войне, спокойно, мимоходом упоминал о многом рискованном и трудном. А тут, об этом дне своей юности, об этой дороге сквозь метель, когда чуть не заблудился, а все же дошел, рассказал с волнением.

Война застала Дмитрия Ивановича токарем на Саратовском заводе комбайнов. Ему еще не было девятнадцати, и его тогда, в первые месяцы войны, возможно, еще не взяли бы по возрасту в армию, но помогло обстоятельство, которое потом сыграло большую роль в его судьбе. Вместе с другими рабочими ребятами с комбайнового и других саратовских заводов он занимался парашютным спортом, и к началу войны у него было уже на счету тринадцать прыжков. Ребята написали коллективное заявление Ворошилову, чтобы их как парашютистов, всех вместе безотлагательно взяли в армию. Ходатайство, по военному времени, сразу удовлетворили, и через два дня, получив расчет на своих заводах, двадцать пять рабочих ребят-парашютистов ехали уже одним вагоном в Москву, в какую-то, еще неизвестную им тогда, специальную

часть, в которой нужны были парашютисты.

В этой части началась военная служба Дмитрия Ивановича, о которой у меня — по моему особому интересу к событиям войны — записано с его слов несколько десятков страниц. Рассказанного — а за ним стояло еще больше нерассказанного, — наверное, хватило бы на целую повесть о человеческой жизни, прожитой на войне от звонка и до звонка.

В первую половину войны Дмитрию Ивановичу довелось участвовать в операциях и под Москвой, и под Тулой, и под Харьковом, а вся вторая половина прошла в тылу у врага.

Как выбросились на парашютах в августе сорок третьего года между Мозырем и Овручем, так до весны сорок пятого уже и не видели Большой земли. Шли по немецким тылам, воевали на Украине, воевали в Польше, воевали в Словакии, и немало пережили, и немало сделали, и всеми видами трофейного оружия владели, вплоть до пушек, и многие тонны взрывчатки на диверсии израсходовали, и голодали, и холодали, и ходили по краю смерти, и товарищей теряли в боях — все было.

Когда я слушал про все это, мне вдруг пришло в голову: а не кажется ли иногда странным командиру группы минеров, сержанту Червякову Дмитрию Ивановичу, или, как его тогда звали товарищи — Димке, что он уже двадцать шесть лет работает в одном и том же цехе, и что дочки у него — одна химик, другая — экономист, и что он — дед, а жена его Алла, радистка, — бабушка, и что уже тридцать лет как нет войны...

— Выходит, что Вам туда, во вражеский тыл, и жену сбросили? — не удержавшись от улыбки, сказал я, узнав от Дмитрия Ивановича, что его женой стала радистка их партизанского соединения.

— Выходит, что так, — ответно улыбнулся он. — Но это позже, в сорок четвертом, когда мы в Чехословакии были.

И, посерьезнев, объяснил, что было это в горах, и сброшенная к ним с парашютом радистка приземлилась неудачно, ударилась боком о камень, еле поднялась и уже вытащила пистолет — не узнала приближавшихся своих, подумала, что немцы.

— Правда, потом поправилась, и работы ей хватало, — сказал Дмитрий Иванович. — Там такие события развивались, что стучала целыми сутками, радиограмма за радиограммой шла!

Кстати, если уж о радиограммах, то нужно добавить и такую подробность, что именно от своей будущей жены Аллы Дмитрий Иванович от первой узнал там, в тылу, про радиограмму, что он за боевые действия награжден орденом Ленина. Орден получал много позже, весной сорок пятого, в Москве. А радиограмма пришла туда, в тыл.

Когда слушаешь человека, рассказывающего о войне, человека, много сражавшегося и много пережившего, среди событий его жизни невольно мысленно отбираешь то, в чем проявились не только его храбрость или воинское умение, а еще и его характер, проявилось что-то такое, что присуще именно ему, этому, а не другому человеку.

Среди всего, рассказанного о войне Дмитрием Ивановичем, мне больше всего запали в душу две подробности.

В те мартовские дни сорок третьего года, когда мы сначала освободили Харьков, а потом не удержали, и в него опять, до лета, вошли немцы, — в эти короткие дни Дмитрий Иванович входил в специальную группу, проверявшую заминированные немцами здания. В числе других зданий был не то театр, не то Дворец культуры, в котором они обезвредили две

пятисоткилограммовые бомбы. И так пришлось, что именно в этом здании, почти сразу после освобождения, происходило собрание, посвященное Женскому дню.

— Мы в общем там все добросовестно сделали, все проверили, — сказал Дмитрий Иванович, — были уверены в этом. Но раз женское собрание — мы, минеры, пришли на это собрание и сидели там на виду все время, чтоб женщины про нас знали и спокойно себя чувствовали, — что здесь действительно все в порядке!

Этот простой рассказ о минерах, сидевших на виду у женщин в женский праздник в только что разминированном здании, почему-то запал мне в душу.

И еще рассказ об одном из трудных боев с немцами, в глубоком тылу у них, в сорок четвертом году. В этом бою было много эпизодов, на первый взгляд, пожалуй, более героических, но в рассказе Дмитрия Ивановича мне особенно запомнилось вот что: он командовал группой, в которой, считая его самого, было двенадцать человек. Надо было как можно дольше задержать наступавших через речку немцев и при этом в последний момент успеть отойти к своим. Держать под обстрелом пришлось большое пространство. Это заставило действовать вразброс один от другого, и Дмитрий Иванович перед началом боя приказал ребятам: все боеприпасы расстрелять по немцам, но не расходовать последний диск и с ним отходить!

Так и было сделано. Немцев задержали надолго. Потом, когда боеприпасов осталось в обрез, начали по одному отходить и благополучно собрались в условленном месте. Одиннадцать человек собрались, а двенадцатого — Суханова — не оказалось.

И тут командир группы, сержант Червяков Дмитрий Иванович, не захотел с этим примириться, остальным велел ждать, а сам отправился обратно — искать Суханова, — может быть, не убит, всего-навсего ранен?

И пошел. И разыскал. И Суханов оказался вовсе даже и не ранен, а просто, только что перед этим переболев тифом, потерял слух и не услышал, как слева и справа от него, израсходовав боеприпасы, отошли товарищи. А он оказался запасливее всех, и, кроме трех дисков, имел при себе еще несколько пачек патронов. Рассовал их всюду, куда можно, и лежал себе и продолжал вести — один — огонь по немцам. И только когда сержант вернулся за ним, отошел со своей позиции. А раньше не отходил, потому что до последнего диска у него еще дело не дошло.

Так рассказал мне об этом случае Дмитрий Иванович. Рассказал опять-таки просто, мимоходом, как про Женский день в Харькове. И мне снова запало это в душу. Наверное, потому, что и в том, и в другом рассказе обнаружил себя характер человека — отзывчивый, цельный и твердый.

Я спросил Дмитрия Ивановича — как это вышло, что он, уехав на войну из Саратова, вернулся после армии в Минск?

Оказалось, что первопричина — в жене: после войны она так и осталась военной радисткой, а местом службы ее был Минск, там и растила родившуюся у них в сорок шестом году дочку.

А Дмитрий Иванович после войны продолжал еще четыре года воевать. Я не оговорился, сказав это. Еще четыре года после войны Дмитрий Иванович служил в частях, ликвидировавших фашистские банды. Год воевал с фашистским охвостьем в Прибалтике, а потом еще три года с бендеровскими бандами и остатками этих банд в Западной Украине. Шла война не видная, но жестокая, в которой очень с руки оказались все партизанские навыки.

Война давно кончилась. В Минске росла дочка, а ее отец год за годом, месяц за месяцем все еще не расставался с оружием, и за это время, еще несколько раз снова, как на войне, прошел по самому краешку смерти.

Приказ о демобилизации пришел только в марте сорок девятого года.

— Оставляли меня служить сверхсрочную, — вспомнил об этом времени Дмитрий Иванович, — но я подумал: еще год-два, и совсем забуду свою мирную специальность. Да и как-никак — дочка! Ей уже три года, а я ее не видел. Отпусков не было, все по лесам ходили.

Так, двадцать седьмого мая 1949 года, после восьмилетнего перерыва, Дмитрий Иванович снова стал за токарный станок, но уже не в Саратове, а в Минске. Здесь же на заводе в июне месяце стал членом партии.

— Рекомендации о переводе из кандидатов в члены были еще армейские, взял их с собой, когда демобилизовался.

Я спросил Дмитрия Ивановича — а не было у него при возвращении к своей мирной профессии боязни, что позабыл ее?

Он ответил, что была боязнь.

— Было такое впечатление, что не смогу сразу работать так, как работал раньше. Вот завтра дадут мне станок — а смогу ли? Была такая боязнь. Но первые два дня простоял за станком — и эта боязнь прошла, почувствовал — могу!

— А после всего пережитого не показалась скучной прежняя работа? — спросил я.

— Нет, наоборот, — сказал Дмитрий Иванович. — Какая могла быть скука! Наоборот, какое-то вдохновение у меня появилось от того, что столько лет прошло, а оказывается — нисколько не забыл я своего токарного дела! Как-то заново полюбил эту работу. И желание к ней было, и силу в себе для нее чувствовал. С детьми, правда, было трудновато. В пятидесятом году у нас вторая дочка родилась. Жена работала, я работал. Сначала приехала мать жены, помогала нам с детьми, а потом ее удар хватил, рука и нога отнялись. Тут моя мать приехала. Ей уже не только за детьми, но и за больной пришлось ходить. Потом мать жены умерла, моя мать уехала, детских садов на всех не хватало. Что делать? Уйдем оба на работу, закроем их дома, — старшая дочка уже подросла, шестой год шел, она за старшую оставалась, хозяйничала там дома без нас...

Так складывались в те годы житейские дела Дмитрия Ивановича. А на работе, на заводе все понемногу менялось к лучшему. До войны, по его выражению, заводишко был маленький, в прошлом — мебельный. Во время войны немцы ремонтировали на этом заводе свою поврежденную в боях военную радиоаппаратуру. Привезли для этого даже несколько станков из Германии, а точнее — шесть станков. На одном из этих шести станков и начал в сорок девятом году работать Дмитрий Иванович. Завод после ухода немцев лежал в развалинах, но шесть станков остались целыми. На них-то и начали выпускать первую продукцию.

Дмитрий Иванович не стал перечислять всего, что делал в то время завод, сказал коротко:

— С тех пор как пришел на завод — и завод неузнаваемый, и культура производства совершенно другая. Был маленький — стал большой, был захламленный, в грязи, в развалинах, а сейчас как лаборатория. В цехах чистота, цветы, приятно работать.

Когда мы уже заканчивали наш продолжавшийся несколько часов разговор с Дмитрием Ивановичем, я задал ему вопрос, который, при всей его деликатности, все же нелишне задавать таким людям: как обстоит де-

ло с его многочисленными общественными обязанностями? Как отражаются они на работе?

— На работе не отражаются, — сказал Дмитрий Иванович, — работаю, как работал, хуже работать, чем раньше, было бы неловко и перед собой, и перед людьми, наоборот — есть желание работать лучше, чем раньше. А на жизни, конечно, отражаются. Свободного времени, по правде говоря, маловато.

И я, услышав это, подумал о том, что и сегодня он разговаривает со мной, тратя свой выходной день. И разговор этот для него тоже в сущности частица его общественных обязанностей. Лично сам он рассказывать о себе никому не стремился. Вчера попросили встретиться с пионерами, рассказать им о том, как воевал в немецком тылу, а сегодня сказали, что как одному из передовых рабочих Белоруссии надо бы, для пользы дела, рассказать о своем жизненном опыте корреспонденту. А корреспондент, в моем лице, оказался дотошным: полвыходного дня забрал...

Дмитрий Иванович уже семнадцать лет подряд секретарь партийной организации своего цеха. В прошлом году его выбрали членом обкома партии, а в этом году он стал членом Совета народного контроля республики. Об этой новой общественной обязанности зашла речь, когда мы уже прощались.

— Это только начало, — сказал Дмитрий Иванович. — Что поручения там, конечно, будут — это я понял с первого заседания. Работы там хватит, потому что есть у нас еще много неувязок: есть неготовые объекты, которые раньше времени стараются оформить как законченные; есть люди, которые сводки дают, что к весне уже все отремонтировано, а на самом деле — нет, выполнили план ремонта на 70, а врут, что на 100. От этого государству легче не будет, будет легче только тому человеку, который наврал, да и то временно. Кое-кто уже поплатился за это, и хорошо, и правильно! Я еще поручений по линии народного контроля не имел, но будут — выполню с охотой. Эта работа мне по душе. Я всю жизнь боролся за справедливость и хочу, чтобы все было так, как оно и должно в нашей жизни быть, по-честному. А люди, которые не хотят по-честному, которые любят за счет кого-нибудь еще пожить, у нас еще есть, и я думаю, что с такими, как они, борьба у нас еще будет долгая...

Вот этим последним штрихом к портрету Дмитрия Ивановича Червякова мне и хочется закончить очерк о нем.

Мы простились, и он ушел. Но та последняя, непримиримая нота в его голосе, на которой кончился наш разговор, еще долго стояла у меня в ушах. Наверное, без этой ноты непримиримости к злу моим представлениям об этом человеке не хватало бы чего-то важного, а быть может — самого важного.

Я — машинист экскаватора, всегда чувствую себя причастным к тому праздничному дню, когда в стены новостройки кладут последние кирпичи.

Богданчук

АЛЕКСАНДР МИРОНОВ

РАДОСТЬ НАША — ЛУКОМЛЬ

Сегодня Евгений Михайлович Богданчук — прославленный экскаваторщик, кавалер ордена Октябрьской Революции, Герой Социалистического Труда, строитель Лукомльской ГРЭС имени 50-летия СССР, одной из крупнейших

в Европе. Наша долгая беседа уже подходила к концу, когда я спросил:

— А если бы не последние десять лет на Лукомльской, кем бы Вы были и что бы делали сейчас?

Задумчивое, худощавое лицо Евгения Михайловича озарилось мягкой улыбкой:

— Позвольте расширить рамки вопроса?

— Пожалуйста...

— Кем бы я был и что бы делал, если бы не Советская власть? — И, уловив вопрос в моих глазах, Богданчук добавил:

— Хотя я и родился в 1927 году, жить начал только двенадцать лет спустя.

— А до этого?

— До этого...

...Маленькая деревенька Чемеры в в нынешней Гродненской области на белорусских землях, насильственно отторгнутых тогда пилсудчиками. Семья — семь человек: отец, мать, трое сыновей и две дочери. И на всех — четыре гектара истощенных песчаных «угодий», ведь настоящие угодья принадлежали панам помещикам, да панам осадникам — белопольскому кулачью.

Вот так. Нечем кормить детей? Иди батрачить в «майонтек». Кончился хлеб? Выпроси, вымоли у пана осадника под будущую кабальную отработку. Хочешь научить ребятишек грамоте? Учи, но только в польской школе, и на родном языке разговаривать не смей: белорусский язык — холопский! И жаловаться, протестовать не пытайся: в тюрьмах для всех непокорных место в любую минуту найдется!

— Наша Лукомльская, — говорит Евгений Михайлович, — дает два миллиона четыреста тысяч киловатт-часов электроэнергии в год. А тогда, в Чемерах, да и во всей округе мы и в глаза не видели электрической лампочки.

Тьма беспросветная? Нет: ярче тысячи солнц светила с востока, звала на борьбу не утренняя заря, а заря Великого Октября. Люди верили: она придет. И боролись, чтобы пришла скорее. Отец Евгения, Михаил Маркович, возглавлял группу деревенских подпольщиков, действовавших под руководством коммунистов. Во многих селах и хуторах были такие группы. Подпольщиков беспощадно преследовали, гноили в тюрмах, убивали.

Но освобождение пришло.

В сентябре 1939 года в Слоним, за семь километров от дома, встречать Красную Армию-освободительницу бегала вся деревенская и хуторская детвора.

Вот когда, наконец, началась жизнь!

Школа, теперь уже своя, белорусская... Первый колхоз на вчерашней помещичьей, а теперь своей земле... У двенадцатилетнего мальчишки первые новые ботинки и купленные в магазине, а не из домотканины брюки...

Светлые брови Евгения Михайловича хмурятся, гладкий лоб перечеркивает глубокая морщина:

— Двух лет не прошло после этого — немцы...

Михаила Марковича Богданчука вместе с шестнадцатью односельчанами-подпольщиками гитлеровцы сожгли в печах крематория, в Освенциме. Мать, Мария Семеновна, увела детей в лес, под защиту партизан, и только этим спасла их и себя от неминуемой расправы карателей. Сам Евгений был сначала партизанским связным, позднее — разведчиком и бойцом отряда имени Калинина, действовавшего в Лепечанской пуще. А когда Советская Армия выбила гитлеровскую нечисть вон с белорусской земли, стал — в неполных семнадцать лет — бойцом истребительного отряда по борьбе с бандитами, недобитыми полицаями и прочей пре-

дательской мразью, укрывавшейся от возмездия в лесных чащобах Слонимщины.

Можно было бы написать отдельную книгу, как Богданчук по заданию внедрился в одну из банд, выдав себя за полицая, как целый месяц пробыл в ней, ежеминутно рискуя быть разоблаченным, как постепенно таяла банда, при каждом выходе из лесного логова натыкавшаяся на засады истребителей, милиционеров и чекистов, и как, наконец, вернувшись в отряд, сам он, Евгений Богданчук, с группой из десяти человек взял бандитов, ночевавших на одном из хуторов...

— Вот вам, пожалуй, и ответ, — улыбается Евгений Михайлович, — кем бы я был и что бы я делал, если бы не Советская власть. Нам, бывшим бесправным, обездоленным «западникам», она принесла самое священное право: право быть свободным человеком. А за такое право, за такую власть и жизнь отдать не жаль.

И, чуть подумав, добавил:

— Но лучше жить. Жить и работать, зная, что все вокруг — наше, значит, и мое.

Мое — это служба в рядах Советской Армии с сорок седьмого до октября пятьдесят первого года...

Мое — это работа на мостопоезде № 811 слесарем, компрессорщиком, наконец, машинистом экскаватора...

Мое — это подготовка котлованов под производственные корпуса картонной фабрики «Альбертин» в своем Слонимском районе, за ней — на стройке Березовской ГРЭС...

А с 1965 года и поныне — Лукомль...

...Десять лет назад тут было только древнее озеро да две небольшие деревни, Калиновка и Пырковщина. В весеннюю и осеннюю распутицу не то что грузовики — гусеничные тракторы едва могли «плавать» по раскисшим грунтовым дорогам.

Хмурились строители, приезжавшие из ближних и дальних уголков страны: уж очень тяжелыми были условия. Не всем верилось, что близко время, когда там, где только торчали из земли разметочные колышки, будут стоять огромные производственные корпуса, многоэтажные жилые дома, школы, магазины, протянутся асфальтированные дороги — слишком велика была разница между тем, что пока есть, и тем, что когда-то еще будет. Кто послабее духом и упорством, уходил: вся советская земля в новостройках, есть где приложить руки. Но Евгений Михайлович Богданчук и его жена Мария Михайловна не ушли, осели прочно: двое маленьких сыновей растут...

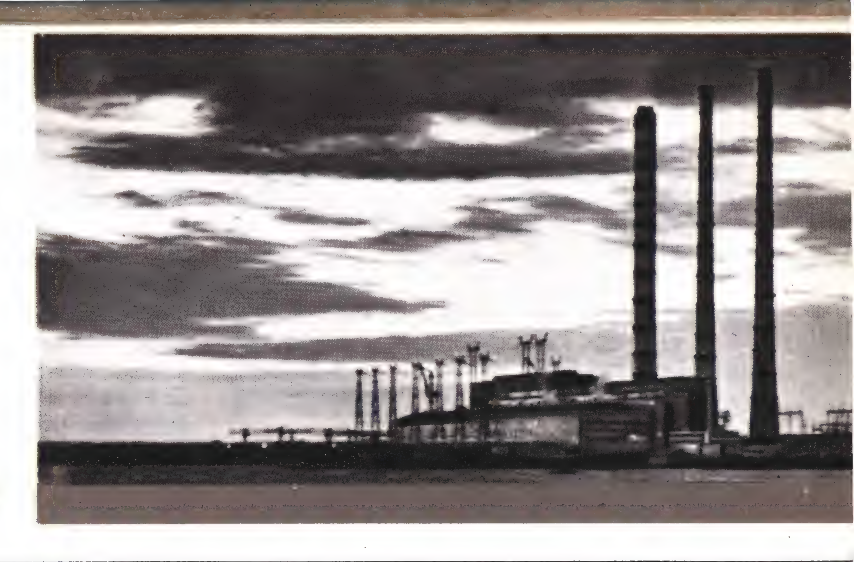
К началу нового, 1966 года вступили в строй два первых многоэтажных жилых дома. И в одном из них справила новоселье в двухкомнатной квартире семья ударника коммунистического труда машиниста экскаватора Евгения Богданчука.

А еще через два года дал промышленный ток первый блок будущего гиганта белорусской энергетики! Как первопроходец, Богданчук на своем экскаваторе подготавливал котлованы для строительства ГРЭС.

Впрочем, только ли эти котлованы... Ведь сейчас на берегу Лукомльского озера сверкает россыпями электрических огней молодой современный город Новолукомль, насчитывающий почти пятнадцать тысяч жителей. В их пользовании — более 120 тысяч квадратных метров жилой площади, две средние школы, профессионально-техническое училище, четыре детских дошкольных учреждения, столовые, магазины, поликлиника, больница, кинотеатр. И самое главное: уже работают все восемь блоков ГРЭС, по экономичности производства и уровню автоматизации технологических процессов являющейся одной из лучших блочных

Первый ковш грунта —
и начинается стройка

Панорама Лукомльской ГРЭС

станций Советского Союза. Ведь на выработку одного киловатт-часа электроэнергии тут затрачивается всего лишь 328 граммов топлива. А это меньше проектной величины, определенной на конец девятой пятилетки!

Позади — десять лет напряженного, поистине самоотверженного труда многотысячного коллектива проектировщиков, строителей, монтажников, эксплуатационников. Все восемь энергоблоков ГРЭС введены в действие и освоены досрочно. И при этом сэкономлено против сметной стоимости более девятнадцати миллионов рублей.

История создания Лукомльской ГРЭС является великолепным примером тесного трудового, творческого содружества проектных, строительно-монтажных организаций и эксплуатационников. Именно благодаря такому творческому содружеству они сумели за счет досрочного ввода энергоблоков выработать дополнительно 3 миллиарда 200 миллионов киловатт-часов электроэнергии, сэкономив при этом 143 тысячи тонн условного топлива (в денежном выражении более двух миллионов рублей). И когда слышишь об этих цифрах, когда задумываешься о громадном народнохозяйственном значении их, мысль невольно обращается к истокам столь знаменательных успехов и трудовых достижений.

Только ли в трудовом энтузиазме проектировщиков, строителей, монтажников и эксплуатационников эти истоки?

— Нам одним с такими задачами ни за что бы не справиться, — говорит Евгений Михайлович. — Возьмите мою семью: я — белорус, жена — русская из Курска, дежурный машинист на водозаборе, питающем город чистой водой. Так и на всей нашей стройке: вместе с нами, с белорусами, рука об руку трудились представители двадцати семи национальностей Советского Союза. А техника, оборудование, материалы? Их поставляли Москва, Ленинград и многие другие города России, предприятия Украины, Грузии, Татарии, Латвии, Армении. Буквально все республики помогали строить Новолукомль и нашу красавицу ГРЭС — вот почему и символизирует она вечную дружбу, нерасторжимое братство советских народов, их нерушимое трудовое и морально-политическое единство.

За высокий трудовой подвиг 100 передовиков, наиболее отличившихся в строительстве, досрочном вводе в действие и освоении проектной мощности электростанции, награждены орденами и медалями Советского Сою-

за, 150 человек — почетными грамотами и грамотами Верховного Совета БССР, а машинисту экскаватора Лукомльского участка треста «Белэнергострой» Евгению Михайловичу Богданчуку и бригадиру слесарей Лукомльского монтажного участка треста «Центроэнергомонтаж» Владимиру Кирилловичу Марущаку присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

...Радостным, солнечным был у Евгения Михайловича зимний февральский день 1974 года, когда председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР торжественно вручил ему высокую правительственную награду. Дома первой поздравила Мария Михайловна, жена. По-мужски крепко пожал руку старший сын, Валерий, уже отслуживший действительную службу в армии, работающий тоже на Лукомльской ГРЭС и готовящийся в недалеком будущем стать энергетиком. На миг прижался к груди младший, Миша, заканчивающий десятилетку, которую, как и все в Новолукомле, строил его отец. А когда наступил вечер и улеглось волнение, нахлынули воспоминания, и раздумья не давали уснуть.

Кем бы ты был, Евгений Михайлович Богданчук, если бы не Советская власть? Кем без нее стали бы твои сыновья?

А Советская власть — это прежде всего люди, воспитанные и закаленные партией.

Бывший парторг стройки, ныне заместитель директора электростанции Павел Митрофанович Абраменков... На всю жизнь запомнилась первая встреча с ним. Только приехал молодой коммунист Богданчук из обжитой Березовки в здешнюю пустошь, только успел оглядеться, а через час, не больше, парторг и с жильем помог устроиться, и с новыми товарищами познакомил — экскаваторщиками, шоферами, бульдозеристами.

Нынешний главный инженер треста «Белэнергострой» Владимир Николаевич Бобров в самую трудную пору был начальником Лукомльской стройки. В ту пору, когда на него и на парторга Абраменкова буквально лавиной обрушивались тысячи неотложных, а часто и неожиданных вопросов и дел. Но ни Евгений Михайлович Богданчук, ни другие ветераны строительства не помнят случая, чтобы когда-нибудь кто-нибудь из строителей и монтажников обиделся на Владимира Николаевича за невнимательность, за нечуткость. С горем, с нуждой шли к Боброву. Выслушает, обязательно поймет. Если в его силах и возможностях — поможет.

Стройка — не только напряженнейший труд многотысячного коллектива строителей, монтажников. Любая стройка — это школа жизни, закалки характера и воспитания моральной стойкости сотен и тысяч людей.

Вот почему и не остывает в душе Евгения Михайловича Богданчука тепло благодарности к Владимиру Николаевичу и Павлу Митрофановичу: по его собственному признанию, начальник строительства Бобров и парторг Абраменков во многом помогли ему стать тем, кем он является сегодня.

Впрочем, не только ему. Есть у Богданчука напарник, машинист экскаватора Евгений Егорович Ласкин, одновременно с Евгением Михайловичем награжденный орденом Трудовой Славы третьей степени. Их так и называют: «Два Евгения». Работают они на своей машине посменно. И большой авторитет у обоих: Евгений Богданчук — член партбюро участка, Евгений Ласкин — депутат местного Совета. Вся разница, что один из них на несколько лет моложе другого. Но такая «разбежка» в возрасте — не помеха для истинной и искренней дружбы. А дружба эта уже проверена годами совместной работы.

Случалось, особенно в начальный период стройки, что экскаватор нельзя было останавливать круглые сутки, самосвалов — вволю, погода — как по заказу, черпай и черпай грунт. Но человек не машина, усталость и двужильного свалит в конце концов. Значит, что же, две смены — шестнадцать часов — и все?

Нет: работали круглые сутки. Один три часа за рычагами, второй в это время отдыхает. Прошло три часа — меняются. И так иной раз не сутки, а несколько суток подряд!

Да только ли это...

Бывало, пора идти в отпуск, а где взять замену отпускнику? Два Евгения не хотели, не могли допустить простоя машины — каждый час дорог, стройка не ждет.

— Давай так, — предложит отпускник, — отгуляю три дня, управлюсь с накопившимися дома делами и назад. Осилишь двухсменку?

— Раз надо, какой разговор!

Осиливали. Оба. На то и дружба, в которой все пополам.

Работает экскаватор. Отлично работает. На нем еще в июле 1974 года друзья блестяще выполнили свое пятилетнее задание — при норме в 470 тысяч кубометров грунта фактически выбрали 523 тысячи кубометров!

Машинисту экскаватора полагается помощник. Были помощники и у Богданчука с Ласкиным: молодые парни Петр Колесень, Михаил Черкас, позднее Сергей Храмченко. Два Евгения не просто учили их, а воспитывали, прививали любовь к труду, делились опытом. Нередко Евгений Михайлович позовет ребят домой, раскроет дверцы большущего шкафа с книгами и, выбрав нужную, строговато скажет:

— Пока не проштудируете от корки до корки, на глаза не попадайтесь. Что не поймете, объясню.

А книги эти — технические справочники, пособия по механике и механизации — Богданчук собирает не первый год. Их и заставлял ребят Евгений Михайлович не просто читать, а изучать.

Сейчас это уже в прошлом: Петр Колесень и Михаил Черкас давно стали машинистами экскаватора. Сергей Храмченко на действительной в армии. Недавно письмо прислал: «Жди, дядя Женя, отслужу и вернусь. Спасибо, что сделал меня специалистом».

Растет, хорошеет молодая столица белорусских энергетиков — Новолукомль. Набирается сил крупнейшая в нашей стране Лукомльская ГРЭС: впереди строительство еще четырех блоков, в дополнение к восьми, действующим ныне.

Большая работа впереди у Евгения Михайловича Богданчука.

Пожелаем ему новых успехов!

Люблю наш комбинат, люблю свою профессию, своих товарищей...

ИВАН НАУМЕНКО

РАССКАЗ О ВАГРАНЩИКЕ

Когда Николай Карпович Ильин, сорокачетырехлетний вагранщик Минского комбината строительных материалов, Герой Социалистического Труда, известный в республике человек, окидывает мысленным взором прожитую

жизнь, он неизменно переносится памятью в свои опаленные войной детские годы.

На Витебщине, в краю лесов, бесчисленных озер и малых речек, есть деревня Ляховик. Деревня, как и большинство здесь: приземистые хатки, скрипучие журавли над колодцами, за околицей — речушка с нависшими над ней ольхами и лозинами, озерцо. Но для Николая Карповича Ильина дороже места на свете нет — здесь он услышал первое материнское слово, узнал и радость, и горе.

Десять лет исполнилось Коле, когда началась война. Отец в сорок первом ушел на фронт, у матери на руках остались четверо: он, два младших брата, сестра.

Вблизи деревни пролегало шоссе из Витебска на Смоленск, и уже в первый месяц войны видел паренек, как ползли на восток немецкие танки с крестами на броне. Казалось, конца им не будет. Деревня стояла при самом шоссе. Одиночные машины и целые колонны сворачивали в Ляховик. Ободрали оставшихся жителей как липку. «Матка, яйки, млеко!» — выкрики эти врезались в память на всю жизнь.

Никогда не забыть ему ужасов фашистской оккупации — десятилетний ребенок все понимал и все видел: как грабили и мучили оккупанты мирное население, вешали и расстреливали ни в чем не повинных людей.

Иногда по ночам в Ляховик заходили партизаны. Как радостно было видеть этих мужественных людей, пожилых и молодых, бросивших дерзкий вызов врагу. Партизаны действовали отчаянно: на шоссе подрывались фашистские грузовики, подпиленные невидимыми руками падали опоры и исчезали в одну ночь километры телеграфных линий. Далеко разнеслась весть о «Витебских воротах» — пробитой партизанами и Красной Армией огромной бреши в полосе вражеской обороны. Через эти ворота на захваченную фашистами территорию переправлялось оружие для партизанских отрядов, советские газеты, листовки, а на «Большую землю» шли обозы с хлебом, картошкой, колонны добровольцев, которые вливались затем в действующую армию. Мальчику тоже хотелось на фронт, он надеялся встретить там отца, но десятилетних мальчишек, конечно, не брали.

Осенью сорок третьего года деревня Ляховик была освобождена советскими войсками. И фронт надолго застыл у ее околиц. Ни отца, ни даже знакомого облика родного селения Николаю Ильину так и не суждено было увидеть: когда вернулись домой, нашли перепаханную снарядами, воронками от бомб землю, закопченные остовы печек на пожарищах да одинокие пики журавлей над срубами кое-где уцелевших колодцев. Население эвакуировали в соседние деревни.

Но надо было жить. Восемь подростков впрягались в веревочное ярмо и с трудом волокли плуг, по очереди запахивая огороды, на которых во что бы то ни стало надо было посадить картошку, в ней была жизнь, спасение. На себе же возили из леса на самодельной тележке бревна для первых землянок.

Об отце пришло коротенькое сообщение — пропал без вести...

Летом сорок четвертого года, еще пахнувшим пороховым дымом, деревня Ляховик начала возрождаться к жизни. Из только что созданной Лиозненской МТС на колхозное поле пришел трактор, воинские части выделили несколько коней, из восточных районов страны пригнали стадо коров.

Начальную школу Ильин окончил в родном селе. Затем до восьмого класса ежедневно бегал в деревню Уно, за четыре километра, и еще пять месяцев уже подальше — в район-

ный центр Лиозно на вечерние курсы трактористов. Все эти годы он работал в колхозе: надо было помогать матери поднимать малышей.

Когда исполнилось восемнадцать, Николай Ильин сел на трактор. Незабываемое это было время! Он любил свой старенький колесный ХТЗ, который от натуги дрожал всем железным телом и грохотал так, что уши закладывало. Случалось, он пахал землю своего колхоза. Тогда мать приносила в поле обед: завернутый в старую фуфайку чугунок с теплой картошкой. А после работы односельчане, встретив на улице или в правлении, уважительно здоровались с ним за руку, называя по имени-отчеству. За трактором Николай ухаживал старательно, изучил его досконально, научился превозмогать усталость, бороться с маленькими искушениями, которые потом могут обернуться ленью. И очень рано понял, что праздники в жизни случаются не так уж часто, чаще будни с их трудом, заботами, а радость приносит хорошо выполненное дело.

То, что Ильин любил, понимал технику, определило его судьбу: в армии окончил школу младших авиационных специалистов, служил мотористом, мастером авиавооружения. Он был общительным, сердечным парнем, и несколько лет подряд его избирали секретарем комсомольской организации.

Собираясь на «гражданку», он не особенно задумывался над тем, где будет работать. Знал — рабочие руки нужны всюду. Белоруссия поднималась из руин, и недавних солдат настойчиво звали на предприятия и стройки. Ильин приехал в Минск, поступил на комбинат строительных материалов, где уже работала его старшая сестра.

Директором комбината был тогда Иван Филиппович Ловец, добрый и умный человек.

— Если любишь технику, иди в вагранщики, — сказал он. — Профессия ведущая, но трудная. У нас от нее пока бегут. Если приживешься, станешь специалистом — помяни мое слово, не раскаешься.

Уже тогда, в 1956 году, Минский комбинат занимал первое место в стране среди предприятий Министерства строительных материалов. Но цех минеральной ваты, куда пришел работать Ильин, был в то время отнюдь не лучшим. Стояли две маленькие вагранки, которые обслуживались немногочисленным персоналом.

Учителем у Ильина стал Иван Гаврилович Грищенков. Едва взглянув на крепкого парня, он спросил:

— Хочешь быстрее на пенсию?

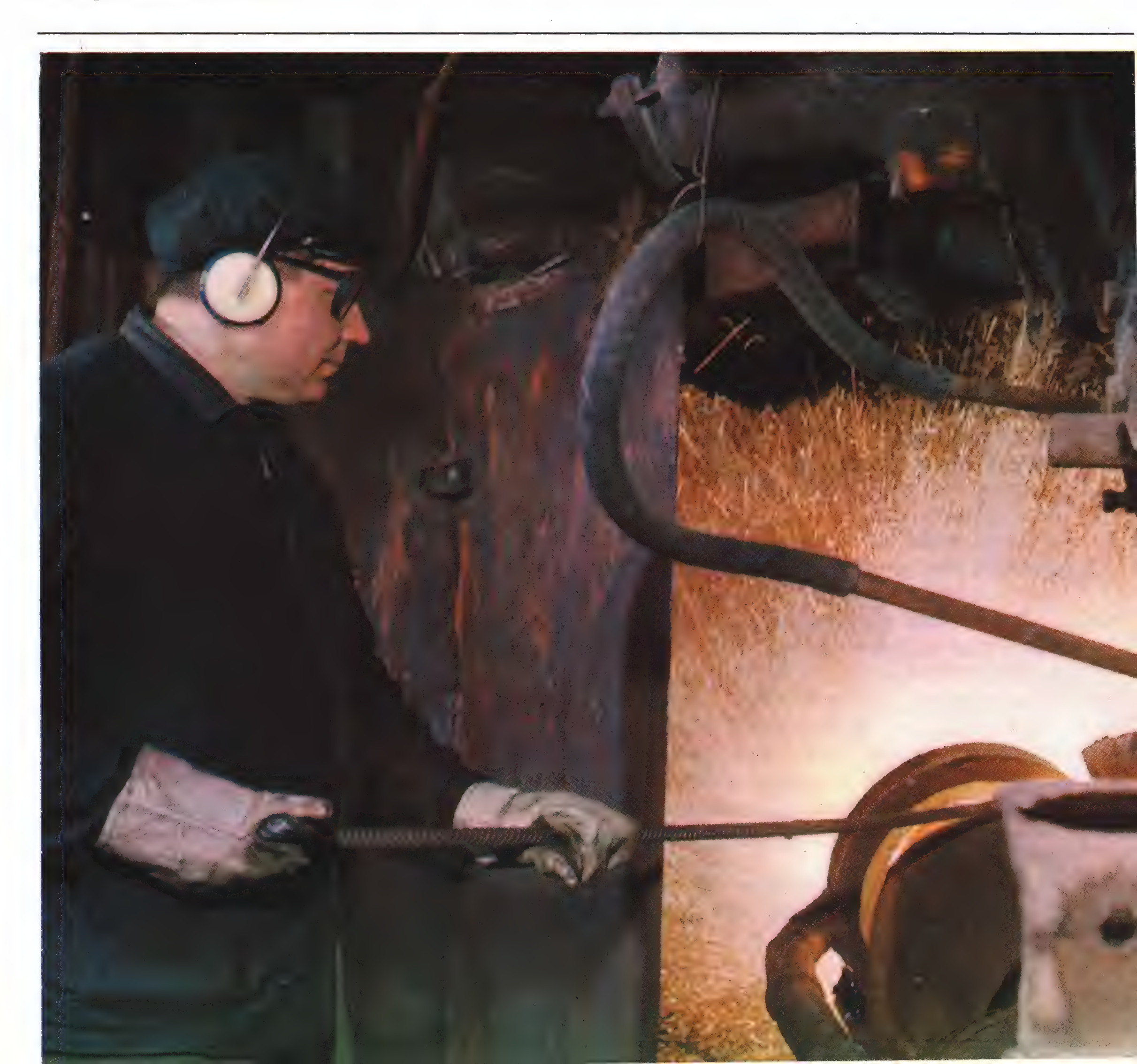
— Почему быстрее?

— Разве закона не знаешь? Кто простоит у вагранки десять лет, имеет право идти на покой в пятьдесят. Только что-то охотников на мою должность маловато.

Новичку было не до шуток — надо присматриваться да перенимать. Поначалу работа не очень понравилась ему: жара — не продохнуть, почти все подготовительные операции выполняются вручную, грохот, вагранка требует напряженного внимания, но Ильин решил: «Выдержу». К шуму он уже привык: грохочет и трактор, и авиамотор, когда его запускают, а вот к жаре, к перепадам температуры было трудно привыкнуть. Разогреешься у вагранки, потом выскочишь на свежий воздух — и вот простуда. Но он ни разу не болел потому, что имел закалку.

Технику, рабочий процесс Николай Ильин усвоил довольно скоро, где не хватало опыта, чутьем разбирался. Что здесь главное? Шлак в плавильную печь загружается поочередно с коксом: слой кокса, слой шлака, затем опять кокс... Фурмы нагнетают воздух, происходит горение, расплав шихты. Внутри печь выложена огне-

У вагранки —
мастер «огненного дела»

Профессия требует напряженного внимания

упорным кирпичом, между ее двойными металлическими стенками циркулирует вода. Принцип водяного охлаждения, пожалуй, тот же, что на тракторе и в автомобиле. Главное — соблюдать режим: прекратится подача воды — может произойти взрыв, не подавать регулярно воздух — замедлится горение и процесс расплава.

Вагранщик на технологической линии — главная фигура. Он фактически бригадир, задает тон и ритм смене. Его правая рука — шихтовщица, всегда рядом с ним; его помощники — две-три съемщицы продукции да два сортировщика. Особенность работы в ее непрерывности. Когда печь разжигают, она действует без перерыва несколько суток. Одна смена передает ее другой. «Все нормально?» — вот первый вопрос, который задает заступающий на смену сдающему. И в ответ слышится: «Норма». Но случаются и неполадки, и их нельзя скрывать. Без взаимного рабочего доверия, товарищеской выручки нельзя работать в коллективе, а у вагранки тем более.

Николай принял этот порядок всем сердцем. А вскоре учитель остановил ученика в проходной:

— Я гляжу, сноровистый ты парень. Считаю, можешь становиться на смену...

Слова наставника были для Ильина высшей похвалой и наградой.

* * *

Есть люди, в биографии которых встречаются резкие изломы, необычные повороты. Ничего этого, если не считать трудного военного детства, у Николая Ильина не было. Он не рвался на дальние стройки, не стремился к частым переменам впечатлений. Хотел прижиться основательно на одном месте, да так, чтобы каждый день проводить в труде, доставляющем удовлетворение. Может показаться странным (ведь поначалу работа у вагранки не очень-то понравилась Николаю), но именно «к огненному делу» он привязался накрепко. Самой натуре этого коренастого, с открытым улыбчивым лицом человека было присуще постоянство и преданность однажды избранному занятию. Таким был его отец, погибший в войну, такими стали подросшие братья, оставшиеся в родном селе, и сам Николай сохранил эти фамильные черты.

* * *

На глазах Ильина предприятие год от года становилось все более современным. Здесь работали пытливые,

ищущие люди, которые всерьез думали над тем, как ускорить технический прогресс, облегчить труд, сделать его более производительным и содержательным.

Во всех цехах комбината происходили перемены, дошла очередь и до вагранщиков.

К тому времени Ильин уж знал, что появление шлаковаты (так иногда называют минеральную вату, потому что исходным сырьем для нее служат шлаки металлургического производства) было революцией в строительстве. Применение шлаковаты дало возможность перевести строительство на индустриальные рельсы, позволило сэкономить огромное количество стеновых материалов. И вот почему. Пока у нас не было хороших теплоизоляционных материалов, стены жилых домов и производственных зданий возводились более чем полуметровой толщины из кирпича или крупных силикатных блоков. Это делалось для того, чтобы не допустить промерзания стен и сохранить тепло в помещениях. Теперь же 25-сантиметровой толщины стены современных домов благодаря минераловатной прослойке, спрессованной в плиты, обладают высокими звуко- и теплоизоляционными свойствами. Пришло время крупнопанельного домостроения.

Минский комбинат строительных материалов получил задание организовать производство минераловатных плит. Цех, в котором работал Ильин, должен был решить довольно сложную техническую задачу. Для выработки сырой ваты, которую производили прежде, кроме вагранки и камеры осаждения, не требовалось никакого иного оборудования. Теперь же предстояло включить в технологический процесс еще один этап: переработку ваты в полужесткие плиты. Встал вопрос о монтаже двух более совершенных вагранок, новой технологической линии, камеры осаждения, камеры полимеризации и сушки для тепловой обработки ватного ковра. Все это было быстро сделано. Новую продукцию вместе с другими вагранщиками осваивал Николай Карпович Ильин. Как и в предыдущие годы, они ежеквартально наращивали производственные мощности, стараясь давать продукцию высокого качества.

Поскольку комбинат стал пионером в производстве минераловатных плит, в Минске летом 1960 года состоялось Всесоюзное совещание по крупнопанельному домостроению. Был на нем и Ильин, радовался, что их плиты хвалили.

А в 1962 году образцы новой продукции цеха экспонировались на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Группа наиболее отличившихся новаторов была награждена золотыми, серебряными и бронзовыми медалями. Среди награжденных — вагранщик Николай Карпович Ильин.

Через год в цехе две вагранки были заменены новыми, более мощными. И опять осваивать одну из них поручили Ильину.

Работа по совершенствованию производства не прекращалась. В 1964 году в цехе на вагранках № 3 и 4 был внедрен центробежно-пародутьевой способ раздува расплава. При новом способе струя расплавленного шлака падает сначала на стремительно вращающийся диск центрифуги, разбивается на мелкие капли и уже затем силой пара вытягивается в длинные тонкие волокна. Применение этого метода позволило почти вдвое повысить производительность линии и получить вату высокого качества.

В цехе постепенно исчезал ручной труд. Его заменила механизированная установка по приему, переработке и доставке в цех сырья и топлива.

Все это радовало Ильина, потому что он был лично причастен к боль-

шим делам, которые начал комбинат. Хотя вагранщику и теперь приходилось нелегко — печь требовала не меньшего труда и внимания, чем прежде, — продукции Ильин стал давать больше и работать было интереснее.

В 1966 году в знак признания трудовой доблести вагранщика, его безупречного служения производству правительство наградило Николая Карповича Ильина орденом Ленина.

* * *

Вот и прошли десять трудовых лет у вагранки. Вспомнился тот давний разговор с наставником: «Хочешь быстрее на пенсию?..» Так что же — уходить? Покинуть цех, с которым так много связано? Распрощаться с коллективом, с привычным рабочим местом? Нет, нет, это немыслимо! Он только еще вошел в курс дела, накопил опыт — теперь бы только и поработать, поучить молодых.

Он не ушел от своей вагранки. Работал так, что на него равнялись другие. За время, прошедшее с тех пор, Ильин обучил своей специальности шестьдесят человек, которые трудятся теперь по всей стране. Он учил их не просто копировать свои методы, подражать ему, а думать, искать, стремиться к новому. Опытный вагранщик сам в числе рационализаторов. Вместе со своим бывшим учеником Леонидом Лукьянчиком Ильин додумался, как избавиться от «корольков» — остатков расплава, которые, отталкиваясь от центрифуги, рассеиваются вокруг рабочего места, грозя ожогами. Для удаления их были приспособлены скребковые транспортеры. Но не все «корольки» на них попадали. Практическая сметка подсказала — площадки, на которые падают остатки расплава, надо сделать наклонными. И дело пошло.

Рассказ о вагранщике будет неполным, если умолчать о его обществен-

Задушевная беседа

ной работе. То, что Ильин трудится с полной отдачей, к товарищам относится дружелюбно и они отвечают ему тем же, на комбинате было давно замечено. Уходить от вагранки даже и на повышение Ильин не хотел, хотя не раз предлагали, а вот от общественной работы никогда не отказывался. Используя свой армейский опыт комсорга, Ильин возглавлял комсомольскую организацию комбината, несколько раз избирался депутатом районного Совета депутатов трудящихся, теперь он заместитель секретаря цеховой партийной организации.

Ильин считает: до всего есть дело рабочему человеку. Он в ответе за все. Главное — в ответе за труд, за его качество, производительность. И такая позиция подтверждается делом: строго соблюдая установленные нормативы, Николай Карпович систематически выполняет сменные задания на 115—118 процентов.

Личный план девятой пятилетки Ильин решил завершить за четыре года и пять месяцев. Свои социалистические обязательства в третьем, решающем году девятой пятилетки он выполнил досрочно, 27 октября: выпущено 4,1 тысячи кубических метров минераловатных изделий сверх плана, сэкономлено 260 тонн шлака и 32 тонны кокса. За выдающиеся успехи в выполнении и перевыполнении плана 1973 года и принятых социалистических обязательств Президиум Верховного Совета СССР Указом от 8 января 1974 года присвоил Ильину Николаю Карповичу звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Примечательная дата 8 января в жизни Николая Карповича. В этот день он восемнадцать лет назад впервые переступил порог цеха. Теперь день 8 января принес ему высшую трудовую награду: звание Героя Социалистического Труда.

* * *

...В обширном дворе Минского комбината строительных материалов разбит сквер. Лучшая его аллея украшена портретами передовых, заслуженных людей предприятия, которыми гордится весь коллектив. Здесь портреты слесаря-ремонтника цеха облицовочных плиток Ивана Моисеевича Потеряйченко и обжигальщицы огнеупорного припаса Анны Эдуардовны Валевской — оба они награждены орденом Ленина. Далее в два ряда портреты кавалеров ордена Трудового Красного Знамени: токаря Станислава Иосифовича Кунцевича, приготовителя глиномассы Марии Ивановны Бохан, аппаратчицы Софьи Андреевны Марковской, мастера участка Кузьмы Павловича Соколова.

И открывает аллею передовиков портрет Героя Социалистического Труда Николая Карповича Ильина.

Сложные условия работы на руднике сплачивают и смолоду закаляют людей. Чувствуя рядом плечо опытных и верных коллективному долгу товарищей, я успешнее осваивал свою нелегкую профессию.

БОРИС ПАРМУЗИН

ЧИСТЫЙ РОДНИК

Алмалык начал расти стремительно. Но трудные послевоенные годы давали о себе знать. Вдруг возникали перебои: то не хватало строительных материалов, то техники, то квалифицированных специалистов.

...Как обо всем этом рассказать ребятам? Да еще за одну встречу. Летопись Алмалыка, по существу, хоть и не длинная, но насыщена бурными событиями.

О сказочных богатствах этого края люди узнали значительно раньше. На первой странице летописи Алмалыка стоит дата: 1930. Тогда на склонах и перевалах Кураминского хребта группа геологов обнаружила в районе Кальмакыра одно из крупнейших в то время месторождений медной руды.

Однако только после войны, да и то далеко не сразу вступили в строй и широко известный теперь Алтынтопканский рудник и свинцово-цинковая обогатительная фабрика, и положено начало строительству Калмакырского рудника с открытой добычей медной руды.

Это время очень хорошо знакомо Вениамину Родионовичу Подвигину, это уже часть его биографии. Он приехал в эти края в 1956 году.

...Обо всем этом тоже должны знать школьники. Но разве успеешь за какой-нибудь час рассказать о множестве красочных фактов, привести колонки цифр, назвать десятки фамилий прославленных тружеников. Ребята не сумеют сразу усвоить поток сведений. Встреча может превратиться в «парадный визит знатного человека». Многие ученики мечтают о космических полетах, дальних плаваниях, небывалых открытиях... А сколько тайн и сокровищ хранят соседние горы!

С младенческих лет алмалыкские ребята привыкли видеть своих отцов и старших братьев в рабочей одежде горняков, привыкли и к машинам, и к корпусам комбината... Почему бы не пробудить у ребят мечту о замечательной рабочей профессии? Они должны по-настоящему глубоко полюбить свой город Алмалык.

Так думал прославленный экскаваторщик Вениамин Родионович Подвигин — и эти думы все больше окрыляли его. «Конечно, — рассуждал он, — я не педагог, но разве не моя обязанность заботиться о молодой рабочей смене».

В тот же день в беседе с секретарем горкома партии Подвигин сказал:

— Знаете что, мне недостаточно одной встречи с учениками.

— Почему? — во взгляде секретаря было и недоумение и любопытство. — Сколько же встреч понадобится Вам?

— Мне хочется многое рассказать ребятам, — заторопился Подвигин. — Возможно, они полюбят мою профессию... Как Вы на это смотрите?.. Что, если я возьму рабочее шефство над одним из классов? Буду регулярно встречаться с учениками...

— Что ж... — помолчав, сказал секретарь, — можно только приветствовать... Надеюсь, Вам не в тягость будет? — Что-то вроде настороженности послышалось в его голосе.

— Понимаю... — улыбнулся Вениамин Родионович. — Для ребят у меня время найдется. И работе моей это не помешает.

Улыбнулся и секретарь горкома.

— Нет. Вы не совсем правильно поняли меня... Вы ведь знаете наших ребят. Они и на рудник к Вам запросятся и чтобы Вы их в горы повели...

— Горы наши богатые! — подхватил Вениамин Родионович. — Запасов меди хватит и на правнуков. Так что пусть готовятся...

— Весь класс в горняки?

— Разумеется, нет... Будут и летчики, и моряки...

— От души желаю Вам успеха, дорогой Вениамин Родионович!

Возвращаясь из горкома партии, Вениамин Родионович думал о мечтах школьников. Некоторые из них непременно захотят работать на экскаваторе после встреч и бесед с ним,

с Подвигиным. Нельзя остаться равнодушным к такой машине... Он, конечно, расскажет ребятам о своих задумках на будущее.

* * *

Вениамин Подвигин сызмальства мечтал о том, чтобы управлять сложными машинами. В 1954 году он впервые ознакомился с экскаватором. Этот механизм юноша воспринял как великое чудо техники.

Есть в Башкирии угольный разрез Кумертау. Вернувшись из армии, Вениамин Подвигин успешно закончил там учебу в учебно-курсовом комбинате.

— Теперь ты помощник машиниста, сведущий в теории и практике. Квалифицированный рабочий человек, специалист. Получай свидетельство и трудись. Желаем больших успехов.

Короткая напутственная речь руководителя группы была простой. Но сколько в ней было смысла для Вениамина: «квалифицированный специалист...».

«Желаем успехов...» Но успехов нужно добиваться трудом. А трудиться можно по-разному.

Велики трудности для новичка, особенно нелегко зимой. Да еще бывает, что и экскаватор «барахлит»: тут подтяни, там подвинти, подправь.

На руднике стало известно о большой стройке недалеко от Ташкента. Новое интересное дело было начато в Кураминских горах.

Подвигин набрался смелости, повел прямой разговор с инженером:

— Понимаете, новый город строится, Алмалык... Медные рудники там... Нет, я не бегу отсюда. Но хочется испробовать настоящую работу...

— Что ж, езжай... — И предупредил: — Там тоже нелегко будет вначале.

Опытный инженер оказался прав.

На Алтынтопканском руднике могли успешно работать только самые опытные машинисты.

— У нас порода серьезная... — говорили Подвигину бывалые экскаваторщики. — Скала, что твой кремень. Научишься брать скалу, считай себя настоящим машинистом. И заработок тебе и почет. Сдрейфишь — пеняй на себя.

Вениамин Подвигин, не спуская глаз, следил за работой машинистов. Они начинали работу осторожно, словно примеривались. После взрыва подойдут, осмотрят. Лежат перед ними большие «негабаритные» куски. Как подступишься?

Получалось так, что надо Вениамину учиться заново. Скала... Капризная, твердая. Надо приспосабливаться. Пенять не на кого. Сам выбрал новую работу.

— Ты с угольного, что ли, пришел сюда? — полюбопытствовал один из новых друзей.

— А что? — насторожился Вениамин.

— Заметно. У нас по-другому забой ведут.

Хотелось спросить: как? Мешало самолюбие. Да и много ли на словах можно объяснить! Одно оставалось: еще и еще присматриваться, перенимать!

Вениамин Подвигин и к забою приноравливался, и новую технику осваивал. Он даже удивлялся, сколько терпения и упорства обнаружил в себе.

— На этой чертовой породе любой металл зубы поломает. — Даже бывалые экскаваторщики ругали породу, но ругали беззлобно, порядка ради. А вообще-то «скалу» уважали: достойный противник. С ней можно померяться силами. Благо — техника здесь была надежная.

Учитывая сложность работы, нормы на Алтынтопкане считались сравнительно небольшими.

Но однажды сменщик Подвигина порадовался вслух.

— Мы сегодня погрузили тысяча пятьсот кубометров.

Машинист был очень доволен. Сверкал улыбкой и его помощник. Оба считались лучшими экскаваторщиками на руднике.

Подвигин поздравил товарищей с успехом. Они покровительственно похлопали его по плечу:

— Ничего, парень, ты еще молодой машинист, у тебя все впереди.

Очень растяжимое понятие «все впереди». У иного работника это «впереди» так и оставалось недостижимым. Конечно, многое зависит от воли человека, его характера и умения.

Пока самая высокая выработка для Вениамина при всем его старании — тысяча триста кубометров. Эту цифру считали на руднике хорошей, или, как принято было говорить здесь, «приличной». Считали, что он «близок к передовикам».

Это было очень лестно. Но оказалось — на такой же машине, в тех же условиях можно добиться значительно большей выработки.

Тысяча пятьсот кубометров! Об этом стоило задуматься. Что это — редкая удача или продуманность, тщательная выверенность в работе? Вениамин заранее осматривал забой, в котором предстояло работать; мысленно по минутам выверял каждое движение ковша. А вообще — не жалел времени для работы.

— Ты что — или не устал? — както спросил у Подвигина тот удачливый сменщик, что погрузил за день тысяча пятьсот кубометров. — Ведь из твоей смены все уже ушли.

— Хочу посмотреть на твою работу, вот и остался, — признался Вениамин.

— Ну смотри... — польщенно улыбнулся машинист. — У меня, брат, все на ладони. Секретов от друзей нет.

Но секреты мастерства все же были.

— «Скалу» понять трудно... — говорил за работой машинист. — После взрыва к ней надо правильно подойти.

Вот и все объяснение.

Подвигин смотрел, старался запомнить правильный подход. Но это было невозможно: каждый забой требовал «своего» подхода.

И все же настал тот день, когда Вениамин погрузил тысяча пятьсот с лишним кубометров.

Радоваться бы этому! Потирать бы ладони от удовольствия. Но радость омрачило осуждающее замечание сменщика.

— Что же ты, брат, ведь после тебя не подойти к забою.

Пришлось прикусить губу от досады. Все как будто правильно шло. Но остались завалы. Этого нельзя отрицать. Все на виду. И сменщику, прежде чем начать основную работу, пришлось изрядно потрудиться, чтобы зачистить огрехи своих друзей.

— Мы же один коллектив, — укоризненно сказал сменщик. И добавил — Вениамин Подвигин на всю жизнь запомнил эту простую, но непререкаемую мудрость экскаваторщиков:

— Наша работа должна быть чистой. Во всех смыслах чистой.

Вот, оказывается, какая она — эта коллективная работа.

* * *

Накануне XXII съезда КПСС, 6 октября 1962 года, вступила в строй первая секция Алмалыкской медно-обогатительной фабрики.

Параллельно велось строительство медеплавильного завода, который дал продукцию позже — через год и три месяца.

Держал в руках Вениамин Подвигин Памятную медаль. Многое значили для него слова, отлитые на медали: «Первая узбекская медь. 31 декабря 1963 г. Алмалык».

С Алтынтопканского на Кальмакырский рудник он пришел одним из первых, как только там развернулся широкий фронт работ. Потребовались опытные экскаваторщики. Теперь Вениамин Подвигин был уже бригадиром. С ним перешел весь экипаж машины, который он хорошо знал.

Сперва бодрились люди:

— После алтынтопканской «скалы» нам сам черт не страшен!

Но порода на Кальмакырском руднике оказалась ничуть не лучше. Руда плохо дробилась, трудно взрывалась. «Тугая» руда при взрыве — давний, наболевший вопрос, о котором много говорят, который и до сих пор тщательно изучают.

Однако пока вопрос не решен, надо искать свои способы увеличения производительности труда, применять свои методы работы. Правда, на технику не пожалуешься. Все новенькое. Особенно хороши экскаваторы.

Начальство распорядилось:

— Будете сами монтировать машину. Вам на ней работать...

Это и задание, и доверие — как хочешь, так и понимай. Но в распоряжении есть свой резон: когда как не во время монтажа изучать технику, ее детали и особенности.

ЭКГ-8 — последняя, совершенная модель отечественного экскаватора.

Машина словно специально создана для работы в сложных условиях. Но Вениамин Родионович уже знал, что все зависит от самого человека. При желании можно «выжать» из техники, даже не очень совершенной, высокие результаты. И наоборот: в плохих руках самая замечательная машина не даст того, что может.

Монтаж экскаватора был своеобразной школой. Экипаж досконально изучил каждую деталь.

Очень радовала новая машина. Хотя сомнения и шевелились в душе: вдруг обнаружатся какие-то глубоко скрытые изъяны или экипаж не сразу освоится с новинкой.

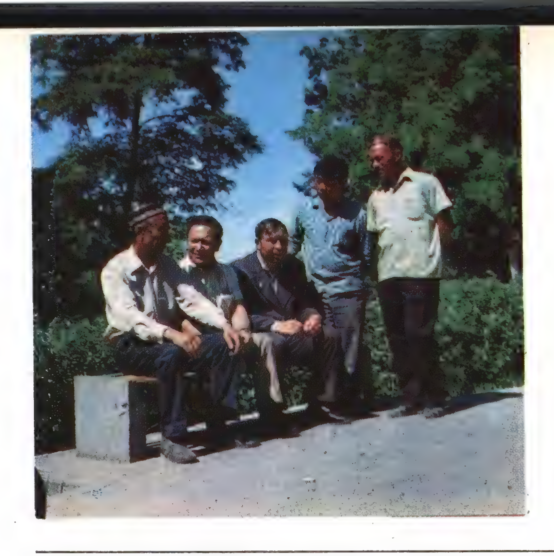
Экскаваторщики с благодарностью вспоминают Алтынтопкан. Тяжелая была школа, но именно там закалялся рабочий характер, проверялись силы и знания техники.

При монтаже экскаватора вспоминали, подробно говорили о неудачах и радостях, пережитых на Алтынтопканском руднике. До тонкостей разбирали причины того и другого.

Вдруг пришла в голову бригадира мысль: «А ведь вот так, вместе, мы и редко и совершенно случайно собираемся, чтобы потолковать о нашей работе... Что если — не случайно да почаще?.. Ну, хотя бы раз в месяц. Назначить определенный день, собраться, обсудить итоги того или иного периода работы, о будущем поговорить. Бывает, у нас нарушается ритм работы. Вот пусть нарушитель и держит ответ перед товарищами...»

Впоследствии эти своеобразные производственные совещания экипажа машины стали в бригаде Подвигина традицией. Именно на одном из таких совещаний, помнится, и обсуждался очень важный, можно сказать, генеральный вопрос.

— А что, ребята, — начал Вениамин Родионович, — наша выработка

Нередко и в выходной собираемся потолковать

крутится где-то не так далеко от миллиона. Не пора ли набраться смелости и подойти к миллиону?

Действительно, смело сказано! Машина пока еще осваивается. Все, как и сам машинист, хорошо понимают, что дело не в рывке, не в рекорде. Нужно пересмотреть все свои графики, нормы. Нагрузку равномерно распределять среди экипажа. Каждый будет нести полную ответственность за результаты своей работы.

— На слабых породах, на отвалах, пожалуй, осилим миллион, — не совсем уверенно подал голос один из помощников.

— Откуда мы будем знать заранее, какая порода нас ждет в очередную смену?

— А это уж обязанность машиниста, — сказал Подвигин. — Я выйду на смену пораньше, осмотрю забой. Покажу вам — где, что...

Сомнения постепенно рассеивались. В конечном счете экипаж поддержал своего бригадира: будем бороться за миллион.

Борьба была упорной. Тут рывки, штурмовщина неуместны. Только выдержка, система в работе, учет часов и минут, глубокое знание «характера» машины, умелый «подход» к природе в сумме помогли экипажу идти шаг за шагом вперед.

И вот настал декабрь 1971 года, когда экскаватор № 24 вошел в летопись истории Алмалыка. Экипаж, возглавляемый Вениамином Родионовичем, первым на руднике Кальмакыр стал миллионером.

О бригаде, о Вениамине Подвигине говорили на собраниях, писали в газетах. Трудовая слава, конечно, приятна, но она не вскружила головы людям. На руднике широко развертывалось социалистическое соревнование. Но экипаж экскаватора № 24 не уступал первенства. Подсчитали трудовые результаты очередного года: бригада Подвигина погрузила полтора миллиона кубометров горной массы.

Вскоре экипаж Вениамина Подвигина получил новый экскаватор: ЭКГ-8И. Умная, мощная машина. Но ведь сразу не освоить ее после привычного ЭКГ-8. Все же мастерство не изменило Вениамину Родионовичу. Правда, экипажу не сразу удалось повторить последнюю рекордную годовую выработку в полтора миллиона кубометров. Дали миллион четыреста тысяч.

Но в ближайшем будущем прежний рубеж будет достигнут и, следует надеяться, превзойден.

Новая машина «привыкает» к экипажу, уже чувствует руку опытного хозяина.

Хорошо работают и помощники машинистов в смене Вениамина Подвигина. Высшей похвалой для них является отзыв: «В любое время, в любой обстановке могут заменить машиниста».

* * *

Бригада Вениамина Родионовича Подвигина поставила себе целью добыть более 1,8 миллиона кубометров горной массы в год. Следует пожелать ей полного успеха. Самого бригадира ко многому обязывает звание Героя Социалистического Труда, присвоенное Указом Президиума Верховного Совета СССР в декабре 1973 года. Этого высокого звания бригадир Подвигин удостоен за проявленную трудовую доблесть и достижение выдающихся успехов в выполнении социалистических обязательств, принятых в 1973 году.

Это было радостным событием не только для самого Подвигина, но и для членов его экипажа — крепкого, дружного коллектива, для рабочих Алмалыка.

Много телеграмм и писем поступило в те дни на имя Вениамина Родионовича Подвигина...

На столе у Вениамина Родионовича лежит грамота «За успешное проведение трудовой вахты, посвященной встрече победителей Всесоюзного социалистического соревнования 1974 года». И памятные подарки, и медаль «Ветерану труда», и яркая лента, которой был увенчан победитель соревнования.

— Ленту я завтра отнесу ребятам подшефного класса, — говорит Вениамин Родионович. — У нас уже создан уголок рабочей славы.

— Когда это успели школьники?

— А что тут трудного? Разве о рабочих нечего сказать?

Вениамин Родионович прав — многое можно сказать о рабочей славе.

Сам Подвигин живой свидетель этого. Сверх всего он принял шефство над «трудным» классом. Преподаватели говорили год тому назад: «Ребята этого класса мало интересуются учебой, частенько отлынивают от уроков».

Сейчас не слышно этих жалоб.

На склонах Кураминского хребта весна. Ребята вместе со своим наставником — Вениамином Родионовичем поднимаются высоко в горы, чтобы еще раз увидеть, как красив и богат родной край.

لمن الملک الیوم لله الواحد القهار
ارک عالی

Я — рабочий. Считаю свое звание почетным и ко многому обязывающим. Счастлив тем, что могу приносить пользу своей Родине, советскому народу.

РАИМ ФАРХАДИ

РУКИ ЧЕЛОВЕКА — ЦВЕТЫ

В жизни каждого человека бывают события, которые оставляют неизгладимый след в памяти, заставляют как бы со стороны посмотреть на себя, глубже понять свое предназначение, цель жизни. Бывали они и у бригадира фор-

прессового цеха Кокандского масложирового комбината коммуниста Эрмата Нурчаева. Ему за сорок. Кадровый рабочий, герой девятой пятилетки, признанный мастер своего дела. И конечно, все наиболее значительное в его судьбе неразрывно связано с родным комбинатом.

Поэтому хочется начать рассказ о Нурчаеве и его товарищах с торжественного, праздничного события, которое произошло на Кокандском комбинате совсем недавно.

Трудящиеся Коканда собрались на митинг, посвященный открытию мемориальной доски в честь посещения Председателем ВЦИК М. И. Калининым маслозавода «Красный Октябрь». Полвека назад, 9 февраля 1925 г., Михаил Иванович, ознакомившись с предприятием, задушевно беседовал с рабочими, а затем выступил перед коллективом. Обращаясь к представителям молодого революционного пролетариата Средней Азии, он сказал: «Разрешите мне приветствовать вас, маленькую группу рабочих, заброшенных в море крестьян, и разрешите передать от вас рабочим России, что, где бы рабочие ни были, они держат высоко Красное знамя труда».

Какими прозорливыми оказались эти слова! Они подтверждены всем ходом истории, героическим трудом рабочих Коканда. Память о пребывании Председателя ВЦИКа на заводе бережно хранится и передается из поколения в поколение.

Открыть мемориальную доску коллектив доверил Эрмату Нурчаеву. И, может быть, в те минуты, когда его руки снимали с доски покрывало, Нурчаев подумал о том, как оправдать это доверие.

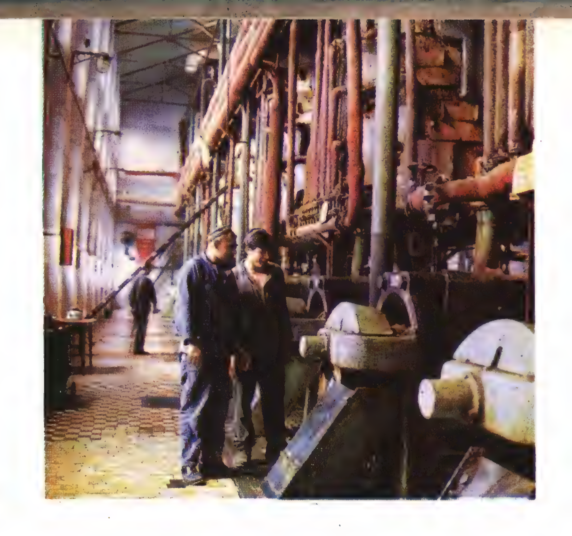
В тот же день коллективу Кокандского масложирового комбината было вручено переходящее Красное знамя за победу в социалистическом соревновании. Широко развернутое алое полотнище как бы воплощало то немеркнущее Знамя труда, о котором говорил М. И. Калинин.

С Эрматом Нурчаевым я познакомился вначале заочно. В центре Коканда, в тенистом зеленом сквере, я обратил внимание на доску Почета. В красивых рамках — фотографии знатных кокандцев: педагога Ю. Усманова, инструктора-машиниста локомотивного депо А. Норматова, бригадира экскаваторщиков М. Рахимкулова, командира авиаотряда З. Расулова. А вот и Нурчаев. У него волевое, мужественное лицо, проницательный взгляд. Под фотографией надпись: за ударный труд в девятой пятилетке Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 января 1974 г. рабочему Эрмату Нурчаеву присвоено звание Героя Социалистического Труда.

А до этого в утренний час я беседовал с первым секретарем Кокандского горкома партии. Он рассказал:

— В «Полном географическом описании России», составленном в 1913 г., есть такие сведения о Коканде: в городе четыре маслобойни, 20 мелких хлопкоочистительных заводов, на которых работают около тысячи человек. Сегодня почти столько же рабочих трудятся на одном масложировом комбинате. А всего в городе более 30 крупных, оснащенных по последнему слову техники предприятий. Хлопкоочистительные заводы, чулочно-прядильный комбинат, кожевенный завод, вошедший в строй в девятой пятилетке, несколько машиностроительных заводов, суперфосфатный завод, швейная фабрика имени Юлдаша Ахунбабаева, которая первая в Коканде стала выпускать продукцию со Знаком качества.

Среди передовых коллективов секретарь горкома назвал и Кокандский масложировой комбинат — одно из старейших и наиболее крупных предприятий пищевой промышленности

В форпрессовом цехе

Узбекистана. Своими успехами комбинат в первую очередь обязан замечательным людям. Здесь трудятся представители различных национальностей — русские, узбеки, таджики, украинцы, татары, всех их объединяют, вдохновляют на новые трудовые свершения великая дружба и братство народов СССР, общие цели, радости и трудности, надежды и мечты.

Коллектив комбината установил своеобразный рекорд: переходящее Красное знамя Министерства пищевой промышленности СССР и ЦК профсоюза рабочих пищевой промышленности вручалось ему шестнадцать раз подряд!

Каждый год, каждый месяц текущей пятилетки плановое задание и высокие социалистические обязательства выполнялись досрочно.

— В чем же главный секрет успехов? — спросил я директора комбината, заслуженного рационализатора Узбекской ССР Юсупджана Раимджановича Якубова.

— В умении беречь каждую минуту рабочего времени, — ответил он. Для нашего предприятия с непрерывным поточным производством это особенно важно. На любом рабочем месте — на загрузке хлопковых семян, у жаровень или у масличного пресса — ответственность работников велика. Остановка, сбой на одном агрегате немедленно сказывается на последующих этапах производства. Поэтому правило «один за всех, все за одного» — для нас закон.

— Конечно, главная наша гордость — кадровые рабочие, такие, как жаровщица Наталья Шкаина, которая уже четверть века работает на комбинате, бригадир электросварщиков Саид Меджитов: в победном 1945 г. он, окончив ФЗУ, пришел на завод и без перерыва трудится на нем до сих пор. Экстракторщик А. Умаров, слесарь Г. Майданский, фильтровщица Х. Адылова, рафинеры Л. Клочанова, М. Михеева — все они мастера своего дела, работают честно, добросовестно, самоотверженно.

О многих делах комбината услышал я в кабинете директора: скоро вступит в строй цех по производству косточковых масел — абрикосового, помидорного, виноградного; в живописном урочище под Шахимарданом построен дом отдыха предприятия; построена теплица площадью 1 тыс. *кв. м*, и теперь рабочие круглый год получают свежие овощи; выделяются квартиры молодоженам, провожают на заслуженный отдых ветеранов труда.

...Сегодня по моей просьбе Эрмат Нурчаев приехал на работу пораньше.

Поставил на стоянке велосипед: велосипед в Коканде — один из самых популярных видов транспорта. Махалля (квартал), где живет Нурчаев и многие его товарищи по работе, расположена в 10 минутах езды от комбината. Нурчаев улыбается:

— Ездить на велосипеде удобно и надежно. Велосипедистами стали и молодые, и даже убеленные сединами аксакалы.

Нурчаев немногословен. На вопросы отвечает скупо, кратко:

— Меня спрашивают, как я стал героем? А я понимаю так: у нас комбинат — герой. Стараются все.

При разговоре Нурчаев прищуривается. Это профессиональная привычка: прежде на маслозаводе хлопковая пыль столбом стояла. Сейчас чище стало: механизация. В форпрессовом цехе, где он работает, уютно, светло, блестят кафельные полы. Правда, летом бывает жара под пятьдесят градусов.

Иду с Нурчаевым по цехам предприятия. Он часто прерывает свой рассказ, здороваясь с товарищами.

«Здравствуйте, Григорий Владимирович!», «Салам, Эрматджан». «Познакомьтесь, главный технолог комбината Розенштейн Григорий Владимирович. Мой наставник».

Эрмату Нурчаеву вспоминается давнее. Лицо его сосредоточенно и серьезно, глаза прищуриваются еще больше.

Двадцать лет работает он на комбинате. Его труд отмечен высокими наградами Родины: орденом Трудового Красного Знамени, орденом Ленина и наконец — званием Героя Социалистического Труда. Но славу свою Нурчаев делит поровну со своими товарищами, учителями, потому что многим обязан коллективу.

Он один из сотен рабочих, которые с полным правом могут сказать: меня воспитал завод.

В самом начале 50-х годов, совсем

еще молодым, познав горечь раннего сиротства, изведав немало лиха послевоенной поры, он в первый раз вошел в проходную завода.

В юности он научился многим ремеслам: мог обтесывать доски, столярничать, формовать кирпичи. Все это пригодилось молодому рабочему.

В то время Григорий Владимирович был начальником гидропрессового цеха. К нему и пришел Эрмат. И во многом помог ему тогда старший товарищ — добрый, отзывчивый человек. Направлял, советовал, тактично указывал на ошибки. Эрмат поначалу был грузчиком, учился в вечерней школе. Потом съездил в Фергану на курсы повышения квалификации, освоил специальность прессовщика.

У Григория Владимировича, участника Отечественной войны, Эрмат учился выдержке, настойчивости, профессиональному мастерству. Умение приходило не сразу.

Теперь Нурчаев мастер на все руки: и жаровщик, и вальцовщик, и у весов может постоять, и за электрика, и за слесаря управится. Его бригаду называют только так: нурчаевцы. И нурчаевцы не подводят коллектив.

В красном уголке форпрессового цеха висят плакаты, диаграммы, показывающие достижения бригады Эрмата Нурчаева. Ежегодно она дает

сверх плана до 500 *т* растительного масла, оборудование цеха содержит в отличном состоянии. За годы пятилетки бригада сэкономила сотни метров дорогостоящих фильтротканей, тысячи килловат-часов электроэнергии, тонны бензина. Уже в середине 1975 г. нурчаевцы выполнили задание пятилетнего плана.

В бригаде 26 человек; здесь и опытные рабочие — жаровщик Аббас Ахмедов, электрик Зинаида Бескрылова, слесарь Николай Максимов, фильтровщица Айшахон Хамдамова, и молодые прессовщики Каххар Якубов, Урунбай Назаров. Они, как и бригадир, были вначале подсобными рабочими. У них еще не всегда работа идет как по маслу, бывают и «накладки». Вот в агрегате вал не вращается, теперь нужно разбирать его по частям. А надо было жару сбавить, влаги дать побольше. Нурчаев увлеченно показывает молодым рабочим, как это делается.

Несколько месяцев назад Эрмат Нурчаев дал лучшему своему ученику, комсомольцу Каххару Якубову, рекомендацию в партию.

Еще одна встреча на комбинате. Нурчаев знакомит меня с Мархамат Мирхамзаевой, молодой стройной женщиной в цветастом платье, сшитом из маргиланского шелка — ханатласа. Она недавно окончила Ташкентский политехнический институт, теперь старший мастер цеха комплексной обработки масла и мисцеллы. Мархамат — член партбюро комбината, отвечает за работу среди женщин, пропаганду новых обрядов.

Как говорится, важен личный пример. Мархамат полюбила слесаря-электрика Мухаммеджана Ахмеджанова. И состоялась на комбинате веселая комсомольская свадьба. Так трудовой коллектив становится родным домом.

Нурчаев продолжает:

— Года четыре тому назад узнали мы о почине делегата XXIV съезда КПСС машиниста локомотивного депо, нашего земляка, Валерия Григорьевича Чикова — экономить топливо в каждом рейсе. Обсудили мы это начинание и решили, что и у нас в цехе есть немало резервов экономии. Бывало, работает агрегат вхолостую, машина изнашивается, тратится электроэнергия, а рабочему и горя мало — обсуждает с приятелем какие-то домашние дела. Получалось, как в узбекской поговорке: ленивый делает двойную работу и в конце ее кусает пальцы. От нерадивости одного страдала вся бригада, срывался план. Тогда на собрании бригады мы решили работать на совесть.

В коллективе у нас немало рабочих с многолетним стажем. Прикрепили каждого к начинающему, получился хороший сплав опыта и молодости. В совершенстве изучили технику, каждый мотор слушали, как свое сердце.

Технология отжима масла вроде бы проста, но требует постоянного внимания: нужен глаз да глаз. В работе мы строго распределили обязанности между членами бригады. Одни наблюдают за правильностью вальцевания ядра в подготовительном отделении, другие следят за равномерным поступлением сырья на жаровни и прессы. Широко распространено в бригаде и совмещение профессий: жаровщик в любую минуту может заменить прессовщика или вальцовщика. Умелое распределение массы между жаровнями, строгий контроль за поступлением пара также немаловажны для бесперебойной работы оборудования.

Кончилась рабочая смена. Нурчаев приглашает меня в гости, к себе домой.

— Посмотрите на мою внучку. Я ведь дедушкой успел стать! — озорно улыбается Эрмат-ака.

Мы идем по улицам Коканда, одного из древнейших городов Средней Азии. За вековыми чинарами прячутся узорные стены и расписные порталы дворца последнего кокандского хана. Теперь здесь городской краеведческий музей.

Коканд — родина выдающихся узбекских поэтов Фурката, Мукими. Неподалеку от масложирового комбината — литературный музей имени Гафура Гуляма. Эрмат Нурчаев любит и знает родной город, многое может о нем рассказать.

— Вот в этой школе учился известный писатель Абдулла Каххар, а здание, которое сейчас реставрируется, — драматический театр. В нем работал, ставил революционные пьесы поэт-большевик Хамза Хаким-заде Ниязи.

По воскресеньям на улочках старого города шумной, многоголосой рекой растекается пестрый восточный базар. Только тюбетеечный ряд растягивается на два-три километра, а дальше ряды медников, сапожников, гончаров.

Издревле Коканд славился народными умельцами. Медные и серебряные кувшины с тончайшей резьбой; звонкие мотыги-кетмени; плоские серпы-ураки, лезвия которых искрятся на солнце; скрипучие арбы; огромные сундуки, обитые цветной жестью; сиреневые халаты из бекасама, переливчато-голосистые дойры — все это испокон веков создавал народ Коканда, трудолюбивый, искусный, мятежный, не раз восстававший против засилия баев и ханов.

В начале нынешнего века Коканд был грязным, душным и тесным городом, о котором выдающийся узбекский поэт-демократ Мукими писал в своих стихах:

Я — в синяках: трясет твоя арба,
Я глохну: слух дерет твоя арба.
Зачем — глупец — я не пошел пешком?
Как сатана, поет твоя арба.
Едва лишь повернется колесо,
Под небеса швырнет твоя арба.

(Перевод **Николая Ушакова**)

За годы Советской власти Коканд неузнаваемо преобразился: ровные, асфальтированные улицы, чистота, зелень садов, скверов и парков. На окраинах встают кварталы многоэтажных домов. Город ширится, растет, но не теряет своего неповторимого лица.

Удачно вписывается в городской пейзаж чайхана-столовая «Мархабо», построенная в национальном стиле. Возведено здание широкоформатного кинотеатра. В недалеком будущем в городе построят большой универмаг, театр на 800 мест.

Вам, слово, товарищ Нурчаев

Коканд — город архитектурных памятников и современных зданий, музеев и заводов, улиц, по которым давно не грохочут арбы, а мчатся велосипеды и автомобили.

...Эрмат-ака привык вставать на рассвете, даже если работать предстоит в вечернюю смену. Он любит посадовничать в своем дворике, послушать голоса птиц, звонко встречающих первые лучи щедрого южного солнца.

Жена хлопочет у очага. Чайник вскипел. Рабияхон-апа заваривает крепкий зеленый чай. Ей пора на работу. Десять с лишним лет трудится она на Кокандском чулочно-прядильном комбинате съемщицей прядильного цеха.

Семья Нурчаева большая, дружная: три дочери и три сына. Растут дети. И что прекрасно — тоже верны рабочему делу.

Старший сын Негмат — токарь, работает в арматурном цехе завода «Большевик»; средний, Шермат — слесарь, трудится вместе с отцом на комбинате, а младший — Бурхан служит сейчас в Советской Армии. Вернется, тоже пойдет на комбинат.

Дочери Муаззамхон, Рафоат, Рисолат — школьницы. Одна поет и танцует, другая спортом увлекается — бегом, волейболом, а пятнадцатилетняя Муаззамхон любит книги, хочет поступить учиться в Кокандский пединститут, мечтает стать учительницей узбекского и русского языка.

По соседству с их домом — дом родителей Рабияхон-апы. Старики давно на пенсии, а тоже долгие годы проработали на маслозаводе.

Эрмат-ака рассказывает мне:

— Я член махаллинского комитета, и скажу, что в нашей махалле живет много рабочих из нашего комбината, с хлопкозавода, из локомотивного депо. Всех не перечесть. Видите сами, дома со всеми удобствами, красивые, светлые, на крышах телеантенны. Строились мы дружно, помогали друг другу, как у нас говорят, сходясь на хашар. И государство нам помогало ссудой, стройматериалами.

Нурчаев добавляет:

— А весной нынешнего года в чайхане за красиво накрытыми столами встречали мы все вместе Навроз-байрам — праздник вешнего цветения.

Приветливая улица, где люди хорошо знают друг друга, где царит дух доброго соседства. Я бы назвал ее улицей Рабочего братства. Поглядишь, и кажется — вьется по шпалерам виноград из дворика в дворик. Живучая виноградная лоза как бы олицетворяет это единство.

Проходя по этой счастливой улице, вспоминаешь слова Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, сказанные в заключительной речи на XXIV съезде КПСС: «...людям легко дышится, хорошо работается, спокойно живется». Нам, советским людям.

В любом человеке всегда есть что-то запоминающееся: взгляд, походка, улыбка, манера говорить. Я запомнил руки Нурчаева. Смуглые, мозолистые руки.

Видел я, как сноровисто они управляют сложной техникой в цехе, как уверенно держат рычаги подачи пара в жаровни или берут, словно пробуя на вес, массу из-под пресса. Умелые руки эти могут делать и слесарную, и столярную работу.

Видел я, как на досуге эти руки сжимали садовые ножницы. Эрмат Нурчаев подрезал виноградные лозы. А виноградник у него отменный. Лозы гибкие, ухоженные.

Виноградник только-только выбросил завязи, а уже и по ним заметно: гроздья будут тяжелые, налитые. Тут и розовый «Хусайны», и фиолетовый «Чарас», и «Кишмиш» белый без косточек, словом, те сорта винограда, которыми славится Ферганская долина.

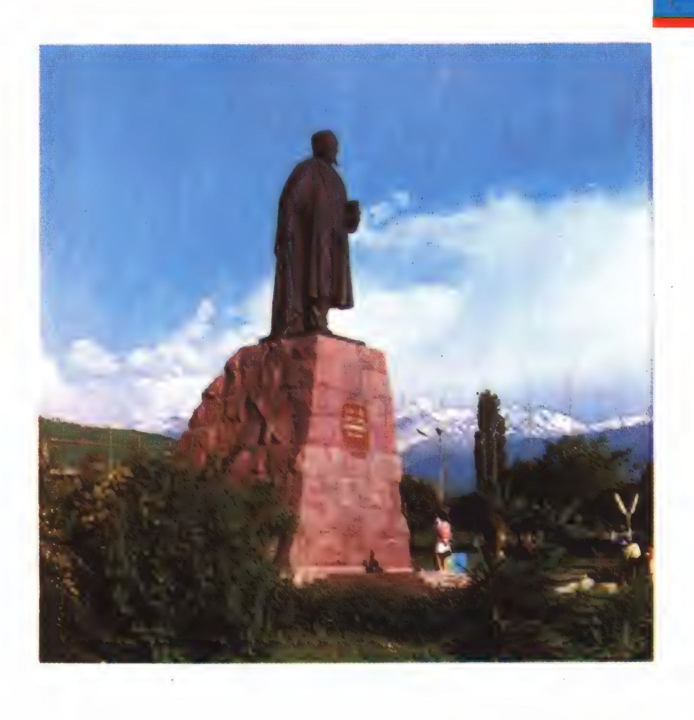
Подрезать виноградник — настоящее искусство. Иной садовод, хотя и оставит на нем при подрезке все крупные гроздья, а виноград получается к осени худосочный, кислый. Надо выбирать гроздья так, чтобы всем им и света, и соков было вдосталь.

Руки Эрмата Нурчаева умеют подрезать и виноградник, и кусты роз, обильно цветущие в его дворике, и деревья.

Видел я, как его мозолистые крепкие руки бережно и ласково поднимали первую внучку. Видел их в движении, в порыве.

И вспомнилось мне тогда мудрое народное изречение, рожденное, быть может, здесь, на древней и прекрасной кокандской земле: «Инсон к, ули — гул», что означает: «Руки человека — цветы».

Понимание задачи, долга. Добросовестное отношение к труду. Дисциплина, взаимопонимание. Вот главное, что характеризует шахтера, да и не только шахтера, но и каждого настоящего человека на его трудовом посту.

ИГОРЬ КАЗАНЦЕВ

СМОТРИ ЗА ГОРИЗОНТ

Смотреть за горизонт — значит видеть завтрашний день, почувствовать себя в нем, определить свое место. Умение заглянуть за горизонт, устремленность вперед, пожалуй, главная черта в характере этого человека.

За горизонт устремлены проходчики. Если называют шахтеров гвардией рабочего класса, то авангард этой гвардии — проходчики, а точнее — первопроходчики, потому что они всегда в первой шеренге.

К этому славному авангарду и принадлежит уже более четверти века Алексей Кубайчук. С шахтой связана вся его жизнь. Если поставить перед собой задачу дотошно подсчитать все трудоемкие метры, которые прошел он с товарищами за эти годы, то наверняка получится подземный тоннель в сотни километров.

Алексей Алексеевич немногословен, мысли выражает четко, коротко и ясно. Сформулирует свою мысль, мягко улыбнется, а глаза будто спрашивают: «Не правда ли, все понятно, зачем лишние слова?» Высокий, широкоплечий. Даже непродолжительное общение с ним убеждает, что в этом человеке сосредоточена большая энергия — «ходят силушки по жилушкам». Черночубый, с широкими бровями, чуточку лукавыми глазами, он в свои сорок шесть лет все еще напоминает того украинского парубка, о котором много песен спето и не меньше того хороших слов сказано.

Кто бы ни говорил о нем, в основном все сходятся на одном и том же: отзывчивый, чуткий, но очень требовательный, любит порядок, дисциплину, и сам умеет показать пример дисциплинированности. Он — это его бригада, крепкий шахтерский коллектив, широко известный его именем. Он неразделим со своей бригадой, больше того — он неразделим и с историей шахты. Кубайчук — воспитанник «Майкудукской», ее передовой работник, он ее слава. Еще когда гремело по стране имя Петра Акулова, Героя Социалистического Труда, Кубайчук уже был частицей этой доблести. Алексей Алексеевич был любимым и надежным учеником знатного карагандинского проходчика.

Проходчики

Алексей Кубайчук не очень-то любит говорить о себе, сразу же найдет повод перевести разговор на своих товарищей. Тут он говорит, хотя и не пространно, но охотно и увлеченно, всячески старается подчеркнуть роль коллектива и значение в нем каждого человека, его способности и особенности...

Впервые спустился Алексей под землю в 1948 году, после окончания школы ФЗО. Первые впечатления, как известно, самые яркие, острые, запоминающиеся. Именно тогда он понял, что шахта не любит замкнутых одиночек, как и незнаек, верхоглядов и разгильдяев. Хозяин здесь — коллектив, спаянный железной дисциплиной, сознанием высокого товарищеского долга. Принцип — один за всех, все за одного — в шахте имеет силу закона.

И еще Кубайчук твердо усвоил: шахта требует знаний. Уже в школе ФЗО он отличался способностями и влечением к технике. Это отмечали учителя. И с первых же дней работы на шахте Алексей Кубайчук с особым рвением взялся за освоение техники и технологии проходки горных выработок.

Первым его бригадиром был старый, опытный горняк Иван Макарович Корсун.

— Привели нас на шахту, — вспоминает Кубайчук, — в нарядной сидит пожилой грузный человек. Это и был Иван Макарович. «Вон того мальчишку давай мне», — указал он на меня. Показалось, что случайно выбрал.

Уже позже узнал Алексей: не случайно взял его в свою бригаду старый шахтер, внимательно следил он за учениками. С тех пор часто в самый трудный момент оказывался бригадир рядом с новичком — советовал, показывал, как надо действовать инструментом, мягко и тактично формировал шахтерский характер. Два года работал Алексей под неустанным наблюдением доброго, умного и взыскательного наставника. Ушел Корсун с шахты и оставил за себя бригадиром Кубайчука, коротко сказав начальству: «Из этого парня добрый шахтер получится и командир добрый будет».

— Не лежала душа к бригадирству, — откровенно вспоминает Кубайчук. — Всех моложе был в бригаде — и командовать, требовать как-то неловко было.

Полгода бригадирствовал Кубайчук бок о бок с прославленным бригадиром Героем Социалистического Труда Петром Филимоновичем Акуловым. Алексей видел, как много ему еще надо учиться, и мечтал поработать под началом Акулова. И добился своего. Перевели его все-таки в акуловскую бригаду.

Петр Филимонович был крутого нрава человек, не терпел ни малейшего отклонения от правил, требовал дисциплины до придирчивости. Технику знал безупречно.

— Работал Петр Филимонович завидно красиво, быстро, ловко, — характеризует своего учителя Кубайчук, — огонь имел к работе. Я старался, чтобы его рабочая хватка и мне привилась.

Старательного и способного паренька бригадир послал на курсы электрослесарей по обслуживанию проходческой техники. Закончив курсы, вернулся Кубайчук в бригаду. Пришли как раз угольные комбайны в шахту. Еще раз поступает Кубайчук на курсы и становится машинистом-механиком.

Практически Алексей Кубайчук освоил все профессии на проходке и мог выполнять с успехом любую работу на любом участке. К этому времени, к 1960 году, когда луганские проходчики выступили инициаторами массовой организации скоростных проходок, бригада Петра Акулова уже была признанным «подземным скороходом». В этом же году был установлен первый республиканский рекорд:

за 24 рабочих дня бригада из 33 человек прошла буровзрывным способом 311,5 метра откаточного штрека сечением 10,8 квадратного метра. Душой и организатором рекорда был Кубайчук.

— Сейчас для нас это пройденный этап, — поясняет Алексей Алексеевич, — но по тому времени было здорово, и себе и другим открыли путь к новым достижениям.

Характерной особенностью скоростной проходки было то, что впервые в Карагандинском бассейне в состав комплексной бригады по предложению Кубайчука Петр Акулов включил взрывников и электрослесарей, но только таких, которые могли выполнять и другие проходческие операции. Появилась возможность совмещения во времени различных процессов, таких, скажем, как бурение шпуров с креплением, настилка путей с переносом накладных разминовок, и других. В этих условиях овладение смежными профессиями стало необходимостью.

Опыт организации работы в укрупненной бригаде Петра Акулова быстро распространялся на других участках. Шахта «Майкудукская» стала в Карагандинском бассейне инициатором массового скоростного ведения горных выработок.

В 1963 году партийный комитет шахты поддержал предложение комитета комсомола о создании комсомольско-молодежной проходческой бригады. Своим бригадиром вновь сформированная комсомольско-молодежная избрала Кубайчука. Это было и назначением, и партийным поручением.

Вот тут-то и пригодились добрые советы первых учителей-наставников, учеба на курсах, знание техники и пусть пока небольшой опыт организации труда. Ребята в бригаде собрались молодые, без солидного стажа, но настойчивые, упорные. Они все начинали с азов — и учебу, и освоение новейших приемов в работе.

Алексей часто вспоминал, сколько настойчивости проявлял старый его наставник Корсун, как он умел убедить, научить людей, какой творческий азарт в соревновании был у требовательного к себе Акулова. У каждого из них была своя командирская школа. И в Кубайчуке, дополняя и совершенствуя друг друга, ужились два метода, два характера, две школы.

— Я жил в бригаде, как в своей семье, относился к ребятам, как к самым близким, — с пониманием и заботой, — рассказывает Алексей Алексеевич. — Помню, в первый месяц прошли мы всего 60 метров откаточного штрека, но зато сделали все добротно, не смог бы ни к чему придраться даже ювелирный мастер проходки Акулов.

Потом всей бригадой все проанализировали. Не один вечер провели вместе за расчетами и чертежами. В следующий месяц дали 70 метров, затем еще приплюсовали 10. Так и шли: ровно, уверенно, без срывов. Набирались мастерства, учились. В основе организации оставался акуловский принцип — укрупненные звенья проходчиков, а к ним звено ремонтников. Кубайчук сразу поставил задачу: всем членам бригады овладеть смежными профессиями, никакая неожиданность не должна выбить из ритма. Один за другим почти все в бригаде прошли те или иные курсы, потом, закрепляя знания, подменяли в работе друг друга.

Быстро развивающаяся промышленность требовала все больше угля. Из года в год росла добыча в Карагандинском бассейне, наращивала темпы передовая «Майкудукская» шахта. Ее успехи зависели в первую очередь от своевременной подготовки очистной линии забоя. Ту или иную задачу в целом можно было решить только лишь организацией скоростных проходок.

В бригаде Кубайчука накапливался опыт, а с ним и уверенность. Захотелось испытать силы и умение в проходке на скорость. И в 1964 году, обсудив с ребятами возможности, Кубайчук объявил о намерении организовать скоростную проходку. Изучили во всех деталях технологическую схему проходки штрека, составили график работы. Тщательно была продумана расстановка людей в забое, совмещение операций в проходческом цикле. Заблаговременно завезли все необходимое оборудование и материалы, запасные части.

Проходка штрека велась буровзрывным способом с погрузкой отбитой массы в вагонетки машиной УП-3. Бригада работала четырьмя звеньями в четыре шестичасовые смены, выполняя в смену два проходческих цикла.

За ходом работ следила не только шахта, но и весь горняцкий бассейн. И комсомольско-молодежная начала вскрывать все новые и новые резервы. Средние темпы проходки в аналогичных выработках составляли в то время по бассейну 90—120 погонных метров. Сколько же даст бригада Кубайчука?

В конце октября 1964 года проходчиков по доброй горняцкой традиции встречали на поверхности цветами — 365 метров вентиляционного штрека за 27 рабочих дней по смешанному забою — отличный результат.

«Это станет нашей нормой», — спокойно сказал тогда Кубайчук.

Чрезмерной самоуверенностью, переоценкой сил могло показаться такое заявление. Но жизнь подтвердила реальность обязательств Кубайчука. Подобные выработки сейчас — нормальный ритм труда бывшей комсомольско-молодежной бригады.

Бывшей. Время неумолимо. Члены бригады вышли из комсомольского возраста. Многие стали коммунистами. Состав же бригады почти не изменился...

Алексея Алексеевича не так просто застать в нарядной. Сейчас его бригада работает тремя звеньями. При них одно ремонтное звено. А бригадиру надо в каждом звене побывать. И прежде чем увидеться с Кубайчуком, мне удалось поговорить о нем со многими людьми на шахте. Секретарь парткома шахты Уканов Шайхат Уканович даже удивился, когда я спросил его:

— Где сейчас Кубайчук?

— Где? В бригаде, конечно.

— Смена же кончилась.

— Все равно в бригаде.

Секретарь взял телефонную трубку.

— Где Кубайчук? А, понятно, значит в больницу ушел.

— С утренним звеном ушел Кубайчук товарища проведать в больницу, — пояснил он. — Грипп одолел человека. Когда вернется из больницы, спрашиваете. Вечером с ремонтниками пойдет Кубайчук в шахту.

Он всегда на шахте. Обязанностей у него много. Несколько раз его избирали членом партбюро участка, четыре созыва он является депутатом городского и областного Советов депутатов трудящихся. Его часто приглашают пионеры в школу. На базе его бригады создана школа передового опыта. Надо и к семинару готовиться. Приходится удивляться, как он все успевает делать.

Однажды рассказывал о Кубайчуке секретарь партбюро участка Залевский Виктор Францевич:

— У Алексея особые отношения с людьми. От него не уходят. Не помню такого случая, чтобы кто-то из бригады уволился или перевелся по собственному настоянию. Правда, завелся, было, один... Где только ни пристраивался, всюду не по нем, нигде не уживался. Однажды при Алексее спрашиваю этого бедолагу: «Пойдешь к Кубайчуку?» Подчеркиваю, спросил при Алексее. Летун даже удивился, смотрит с недоверием. «Кто, — го-

ворит, — не пойдет к нему. У Кубайчука всегда план. Заработки. Каждому захочется».

Я сказал просто так, для будущего разговора с людьми на воспитательную тему. И не думал, что Кубайчук примет это всерьез. А он подошел к парню, посмотрел пристально. Только и сказал: «Иди работай. Только, чтоб рукава в порядке были». — «Какие рукава?» — недоуменно спросил парень. — «Засучи рукава, говорю...»

Позднее я напомнил Алексею Алексеевичу об этом парне.

«Нет того человека», — серьезно сказал он. — «Что, убежал?» — «Нет, работает. Только не тот теперь человек. Фамилия прежняя осталась, а человека не узнать. Стыдно ему вспоминать старое. И мы не напоминаем».

«Повозиться пришлось?», — спрашиваю. — «А чего особенно возиться? Пришел на работу — работай. Все работают, а когда все — никому исключения нет, да и возможности отлынивать нет в нашей бригаде...»

— Конечно, люди разные, — продолжал Алексей Алексеевич, — иной бывает сорвется. Конь о четырех ногах, и то спотыкается, как говорили раньше. И он напомнил строки из известного стихотворения Расула Гамзатова: «Не вини коня — вини дорогу...».

Я невольно подумал, когда же этот чрезвычайно занятый работой на шахте и общественными делами человек успевает читать стихи. Уже потом, когда побывал дома у Кубайчуков, убедился, что все в семье любят стихи, любят песни. В доме часто читают вслух современных поэтов.

Заместитель начальника участка Анатолий Дмитриевич Михайлов тоже охотно говорил о Кубайчуке. Подчеркивал умение его работать с людьми. В бригаде строгий порядок во всем. Если авария — все до одного берутся исправлять. Чего греха таить, случается еще в других бригадах, если нет работы по проходке, — простаивают люди. У Кубайчука всегда и всем дело найдется. Он в добавление к общему наряду еще свой наряд дает каждому звену, все предусмотрит, уточнит. Смену сам проводит в шахту, расставит людей. В забой бригада с пустыми руками не ходит: кто захватит рештак запасной, кто — деталь какую-нибудь. И всегда у них есть запас материалов. Сам Кубайчук заботливый хозяин, и других тому учит.

Легких путей Алексей не ищет. Попадается тяжелый пласт, начальство — к Кубайчуку:

«Надо, Алексей, выручай».

«Надо, значит надо». — И мобилизует людей. Хоть и трудно приходится, но из ритма бригада не выйдет...

Только однажды вышли из установившегося ритма.

Было это в 1967 году. Укрупненная комсомольско-молодежная бригада Алексея Кубайчука уже приобрела опыт скоростных проходок буровзрывным способом. Устойчиво проходила из месяца в месяц 300—350 погонных метров выработок. А в 1967 году шахта впервые получила проходческий комбайн 3М. Сложную машину единодушно решили доверить бригаде Кубайчука. С энтузиазмом взялись молодые шахтеры за ее изучение в деталях уже в процессе монтажа. И в первый же месяц, к всеобщему удивлению, превзошли все свои прежние рекордные выработки, дали 380 погонных метров.

От таких нарушений ритма никто не откажется.

К этому времени Алексей Алексеевич Кубайчук был уже членом Коммунистической партии. Шахта готовила XXIV съезду КПСС свой трудовой подарок — досрочное завершение плана восьмой пятилетки по добыче угля и по всем другим технико-экономическим показателям. Коллектив шахты «Майкудукская» в социали-

За разработкой плана

стическом соревновании «тысячников» добился хороших показателей: все очистные участки достигли 1000-тонной суточной нагрузки на забой. Поток угля увеличивался. Но, чтобы справиться с планами предстоящей очередной пятилетки, о которой уже думали коммунисты, требовалось иметь по меньшей мере двухгодичный запас угля, подготовленного к выемке. А для этого нужно было среднемесячные темпы проходки подготовительных выработок увеличить в 2—2,5 раза.

Коммунист Кубайчук прекрасно понимал, какую роль и на этот раз может сыграть его бригада при ее опыте ведения скоростных выработок.

На одном из занятий школы передового опыта Алексей Алексеевич говорил слушателям о том, что комбайн ЗМ высокопроизводительная машина и при четкой организации труда, при умелом управлении механизмом может дать выработку против нормативной в 2 и даже в 3 раза выше. Вскоре, посоветовавшись с бригадой, решил доказать это на деле. И бригада дружно пошла за своим вожаком на новый рекорд.

Были учтены все возможности, все по-кубайчуковски предусмотрено. Не из честолюбия пошли люди на трудовой подвиг: требовалось поднять занавес над еще нетронутыми залежами резервов. И в октябре 1967 года дружный коллектив шахтеров за 31 рабочий день комбайном ЗМ прошел 1063 метра штрека. Это был республиканский рекорд.

В девятую пятилетку бригада Кубайчука вступила уже как коллектив коммунистического труда. Это высокое звание было присвоено ей за постоянный ударный труд, за четкую научную его организацию, за то, что сложились в коллективе отношения дружбы, товарищества, установилась привычка во всем подавать передовой пример.

Каждый член бригады — рационализатор, каждый обязательно выполняет общественное поручение. Все учатся.

Часто эта большая трудовая семья проводит свободное время вместе: выезжают за город, бывают в театрах, а потом обсуждают спектакль или кинофильм.

Кубайчук убежден, что человек постоянно должен расти, развиваться и в труде, и в овладении культурными ценностями. Все взаимосвязано. Если человек не запасается знаниями, он обедняет себя и в другом: непременно начинает отставать в труде.

Особенно высоких и устойчивых результатов шахта «Майкудукская» добивается в девятой пятилетке. Все годы шахтеры, как принято выражаться здесь, «плюсовали», то есть выдавали на-гора сверхплановый уголь. За первые четыре года стране дано сверх плана около 300 тысяч тонн топлива. И огромная заслуга в этом проходчиков, которые всегда с опережением графиков готовили фронт работ добычным участкам. За те же четыре года разведчики недр прошли сверх задания 3647 метров горных выработок и почти половину из них — бригада Кубайчука.

Всего за эти четыре года проходчики Кубайчука, прокладывая подземные тоннели, прошли шестнадцать с половиной километров.

В третьем, решающем году девятой пятилетки Кубайчук и его товарищи работали особенно производительно. Среднемесячные темпы проходки составили 406 погонных метров при средних показателях по бассейну 150—170 метров. Коэффициент использования времени работы комбайна был доведен до 0,5 при среднем по бассейну 0,22.

Бригада вышла абсолютным передовиком, своего рода чемпионом республики по скорости проходки. Больше того, намного были перекрыты ее

же собственные показатели. Новые обязательства были приняты при довольно необычных обстоятельствах. В Караганде проводилось городское собрание передовиков производства, обсуждался смелый почин передовых проходчиков Карагандинского угольного бассейна товарищей П. Г. Ошкина и В. П. Зименка. Они обязались ежемесячно проходить одним забоем 350 погонных метров и призывали последовать их примеру. Немного нашлось смельчаков взять подобное обязательство. Но бригада Кубайчука еще задолго до собрания обсудила и взвесила все свои возможности. Бригадиру было поручено принять вызов. Сначала доложили руководству шахты: вызов принимаем.

Алексей Алексеевич обсудил с секретарем парткома шахты Ш. Укановым свое выступление на предстоящем собрании.

И вот Кубайчук поднялся на трибуну. Сообщил, что его бригада поддерживает почин товарищей Ошкина и Зименка. Тут Алексей Алексеевич выдержал паузу, поискал глазами Зименка, лукаво улыбнулся ему (этот всегда серьезный человек все же склоняется порой к украинскому юморку), чуть повысил голос и сказал:

— Замечательный почин, товарищи, ничего не скажешь. Мы поддерживаем призыв передовых бригад бассейна. Вызов принимаем. Но ребята просили меня передать, что цифру надо поправить. Мы, например, ежемесячно будем проходить 380 погонных метров.

Шахтеры в зале переглянулись. Уканов покачал головой, зашептался с членами президиума. Тут было чему удивиться. Кубайчук, обсуждая свое выступление с секретарем парткома, ничего не сказал ему о том, что бригада намерена «подправить» цифру, объявленную Ошкиным и Зименком.

Когда на собрании был объявлен перерыв, Уканов спросил:

— И как ты, Алексей, решился на это?

— Да вот поговорили мы с ребятами, подсчитали и решили добавить, — спокойно ответил Кубайчук. И объяснил:

— В нашей среднемесячной проходке уже 375. Надо же брать выше достигнутого рубежа — так партия учит. Вот мы и добавили.

В конце года подсчитали выработку бригады Кубайчука. Получилось 406 метров.

По итогам года бригада Кубайчука вышла победителем. Это совпало с присвоением бригадиру звания Героя Социалистического Труда.

Принимая награду, Алексей Алексеевич горячо благодарил партию и правительство за такое внимание к рабочему человеку.

— Я благодарен членам бригады, которые своим самоотверженным трудом заслужили эту нашу общую награду...

Горжусь тем, что труд мой нужен советским людям.

С. Джалгаспаев

НИКОЛАЙ ДЫШЛОВОЙ

ОПЕРАТОР ДЖАЛГАСПАЕВ

Кто летел из Алма-Аты в Шевченко, тот мог из окна самолета наблюдать удивительную картину. Вскоре за Нукусом взору открывается первозданная пустыня, где достаточно и «кратеров» лунного типа, и «каналов», похожих

на марсианские. Но это обманчивое впечатление. Стоит только побывать в самой пустыне, быстро убедишься, что она полна жизни.

Пустыню преображают отважные, бесстрашные люди. Об одном из них — Смагуле Джалгаспаеве, Герое Социалистического Труда, старшем операторе нефтегазодобывающего управления «Узеннефть» производственного объединения «Мангышлакнефть», что в Казахстане, и пойдет рассказ.

* * *

Передо мной обычный человек, может быть, даже чуть ниже среднего роста. Казалось бы, ничего в нем нет особенного. И только внимательный, с прищуром взгляд, добрейшая улыбка да неторопливая речь свидетельствуют о его житейской мудрости, щедрости души.

— Вы спрашиваете, как я, человек степи, стал нефтяником? — Он отпил глоток чая из пиалы, а затем, будто взвешивая каждое слово, продолжил:

— Видите ли, я действительно степняк, но профессию нефтяника унаследовал от своего отца. Так что профессия эта в роду Джалгаспаевых наследственная. Об этом я позже подробнее расскажу. А сейчас хотите послушать нашу степную мангышлакскую легенду? Собственно, это — скорее быль, ставшая легендой.

...Тихо гудит самовар, спокоен голос хозяина. И вот — снова пауза.

В эту минуту я вспомнил слова секретаря парткома нефтегазодобывающего управления «Узеннефть», сказанные о Джалгаспаеве: «Этот человек знает о нефти все, или почти все». И естественно, что упоминание Смагула о легенде заинтересовало меня. Тем более что степные легенды, как я уже не раз убеждался, содержат порой ценнейшую информацию.

— Рассказывают так, — продолжал мой собеседник, — отец мой, по крайней мере, так говорил, а он слышал от знающих людей. Лютой зимой 1920 года, когда не было горючего и в стране стояли фабрики и заводы, не отапливались квартиры и замерли на приколе пароходы, по указанию Владимира Ильича Ленина из Астрахани на Эмбу вслед за кавалерийскими эскадронами была послана рабочая дружина. Дело в том, что на Эмбе в это время хранилось более двух миллионов пудов уже добытой нефти, но ее некому да и не на чем было отправить в промышленные центры. Кроме того, простаивали из-за отсутствия рабочих нефтяные скважины. И вот, чтобы поставить все это богатство на службу Республике Советов, вышла из Астрахани по зову Ильича рабочая дружина.

В. И. Ленин в 1919 и 1920 годах, когда Баку захватили англичане, постоянно интересовался эмбенской нефтью. Вот некоторые документы.

24 апреля 1919 года В. И. Ленин телеграфирует Астраханскому реввоенсовету: «...нельзя ли завоевать устье Урала и Гурьева для взятия оттуда нефти, нужда в нефти отчаянная...»

В начале 1920 года В. И. Ленин беседует с членом коллегии Главнефти И. М. Губкиным о возможностях транспортирования нефти из Эмбенского района.

13 января 1920 года В. И. Ленин председательствует на заседании Совнаркома, который в числе других разбирал и вопрос об организации гужевого транспорта для отправки нефти из Эмбенского района.

24 февраля того же года на заседании Совнаркома под председательством В. И. Ленина обсуждается вопрос о ходе строительства железнодорожной линии Александров-Гай — Эмба, а также проект декрета о мобилизации специалистов нефтяного дела...

— Северный берег Каспия, сами знаете, зимой — не лучшее место под солнцем. Вьюги, пурга, морозы. Но рабочая дружина — а она двигалась с обозом, винтовками и пулеметами — пришла на Эмбу благополучно, и Москва через некоторое время получила нефть. Нефть — кровь земли — была отдана на службу революции...

И опять — добрейшая улыбка:

— Вот тогда-то многие из эмбенских казахов, те, конечно, которые победнее, и задумались: «А зачем нам пасти байских овец и лошадей? Не лучше ли своим трудом крепить нашу родную Советскую власть?» Среди них был и пастух Юкаспай Джалгаспаев, отец мой. Он один из первых вступил в рабочую дружину, пришедшую из Астрахани, и стал нефтяником.

Когда страна переходила на рельсы индустриализации, потребность в нефти возросла. Выполняя ленинский завет, нефтяники открывали все новые и новые промыслы. Только в районе Эмбы выросли Байчунас, Кульсары, Сагиз, Искине, а потом Каратон, Прорва...

* * *

— Отец мой, — неторопливо говорит Смагул, — работал буровым мастером, ну и я возле него. С детства каждое лето — на буровой. Привык к нефтяному делу, поступил в Доссоре в ФЗУ. Но учиться почти не пришлось: началась Великая Отечественная война, мужчины ушли на фронт, а нас, юнцов, послали дежурными операторами на промыслы. Хотел быть буровиком, но там нужна сила, и тогда отец, уходя на войну, сказал: «Я бурил эти скважины, а ты из них добывай нефть. Старайся. Подрастешь, окрепнешь, буровиком станешь».

— Трудное было время, зато героическое. Я очень гордился своей работой. Мне достались богатейшие скважины. Одна из скважин давала в сутки 150 тонн горючего, вторая — до 200 тонн, а дебит третьей доходил до 250 тонн. Я был оператором, дежурил по 12 часов в сутки, без выходных, знал нрав и характер каждой скважины, мог отличить «голос» каждой из них, своевременно услышать их «жалобы» и «просьбы». И нефть шла на разгром врага, на победу.

Горжусь профессией оператора и сейчас. Даже в бригаду буровиков не пошел. А моя жена Рахат начинала на буровой, в Кульсарах. Ой, как трудно ей было, да и всем нефтяникам тогда доставалось. Это сейчас мощные вездеходы перетаскивают вышки и буровые станки. Погрузил, перевез — и делу конец. Раньше же демонтаж и монтаж вышек велся примитивным способом. А перетаскивали их месяцами. Катки, ролики, ворот — вот и все приспособления.

После войны, когда надо было восстанавливать разрушенное хозяйство, потребность в нефти резко увеличилась. Велись поиски «черного золота» на Волге, в Сибири. Достоверно знали, что есть нефть и на Мангышлаке.

* * *

«Полуостров сокровищ», как зовут казахи Мангышлак, долго не хотел раскрывать своих тайн. Путь к большой нефти был необычайно труден. Структурно-поисковое бурение в самых, казалось бы, перспективных районах — на Тюбеджике и Кызане — не дало ожидаемых результатов. Бурение велось годами в пустыне, где тогда не было дорог, не хватало воды. Шли прямо через пустыню — на Узень и Жетыбай. И вдруг здесь, где, казалось бы, и перспектив было меньше, в начале 1961 года ударил фонтан газа, а в конце года в Узене получена нефть. Так был открыт один из нефтеносных районов.

И началось его покорение. Прокладывали железную дорогу и асфальтированную магистраль к Узеню — городу нефтяников, велось обустройство месторождений и головных сооружений, горячего нефтепровода Узень — Шевченко. Оборудовали наливные причалы в морском порту Актау; тянули мощную электролинию. Да мало ли было и других первоочередных работ. А главное — бурили новые и новые скважины.

На это ушло еще почти четыре года. И только 10 июля 1965 года на Гурьевский нефтеперерабатывающий завод пошел первый эшелон «черного золота», добытого из недр «полуострова сокровищ». К концу года было добыто почти 335 тысяч тонн. Сейчас же только ежедневная добыча составляет 56 тысяч тонн, а всего за 1974 год ее получено в Узене почти 15 миллионов тонн.

Узень занимает по добыче третье место после Самотлора и Ромашкино. Но запасы на Мангышлаке разведаны еще далеко не полностью. В прошлом году на полуострове Бузачах открыто месторождение Каражанбас, показалась нефть на Западном Устюрте, а на мысе Северный Ракушечный ударил фонтан белой нефти! Белая нефть редко встречается в мире.

— Мудрый ленинский совет идти за нефтью на Эмбу и дальше помог нашему народу открыть богатейшие залежи очень ценной нефти, — говорит Джалгаспаев. — Ведь Мангышлак — это продолжение Эмбенского нефтяного района. На Мангышлаке, мне так кажется, бури в любом месте, и получишь керн[1], пахнущий нефтью. Видимо, раньше мы не умели как следует искать подземные кладовые. «Полуостров сокровищ» оправдывает свое название.

Хорошо трудятся мангышлакские нефтяники. Объединение «Мангышлакнефть» по итогам 1974 года получило Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. А день 30-летия Победы над немецким фашизмом нефтяники отметили добычей стомиллионной тонны «черного золота».

* * *

Однако мангышлакская нефть до сих пор дается с трудом. Дело в том, что в ней высокое содержание парафина. Если в обычной нефти парафин не превышает двух процентов, то на мангышлакских месторождениях содержание его вместе со смолами достигает 30—40 процентов. Они кристаллизуются при 60 градусах, а нефть застывает при 30—32 градусах тепла. Поэтому мангышлакцам наряду с применением опыта других нефтяных районов приходится искать свои методы эксплуатации скважин. А разработка новых специфических приемов требует в данном случае особо прочного союза научно-инженерной мысли и практического опыта передовых рабочих.

Армия патриотов мангышлакской нефти богата талантливыми людьми. Здесь нельзя не назвать потомственного нефтяника Рахмета Утесинова, отец которого в числе первых казахов вместе с отцом Смагула и другими сподвижниками начинал добычу природных сокровищ из недр казахской земли. Это — замечательный инженер, первый начальник «Узеннефти», человек трудной судьбы. С Рахметом Утесиновым и сейчас советуются нефтяники, его имя произносят с уважением. А он, больной, прикованный к постели, продолжает мужественно бороться за нефть. Одна за другой выходят его книги — «Ожившая река», «Сбор и транспортировка парафинистой нефти», «Использова-

---

[1] Керн — порода, выносимая из глубин земли при бурении скважин.

Давление в норме

ние газа в нефтедобыче», получившие высокую оценку специалистов.

У Рахмета Утесинова немало заслуженных соратников. Это и нынешний генеральный директор производственного объединения В. С. Тимонин, и главный инженер объединения Кабын Оржанов, и главный инженер «Узеннефти» Утепкали Тажигалиев, каждый из которых многое сделал для того, чтобы не затухали нефтяные фонтаны на Мангышлаке.

Но их инженерную мысль питал опыт таких видных производственников, как операторы Смагул Джалгаспаев, Николай Жуков, Анес Айтниязов. Они по зову партии, продолжая указанный В. И. Лениным маршрут, приехали на Мангышлак и стали у истоков растущей нефтяной реки. Но опыт им дался нелегко.

Высокооктановая, с малым содержанием серы, что очень ценно, но пересыщенная парафином мангышлакская нефть с наступлением похолоданий застывает прямо в устье скважины, не доходит до нефтесборников, забивает и рвет трубы — так называемые выкидные линии. Вот тут-то мангышлакцам и пришлось отрабатывать режимы специальных устьевых печей для подогрева, утеплять трубопроводы.

Конструировали печи инженеры, но опробовали их и давали советы по усовершенствованию такие операторы, как Смагул Джалгаспаев.

Подогрев некоторое время спасал положение — нефть фонтанировала. А затем фонтаны начали затухать, терять силу. Пробовали промывать трубы горячими растворами, думали, что на стенках осел парафин, но и это не помогло. Стало ясно: давление в пластах упало. Упустили какой-то момент, произошло самое неприятное — разрыв между извлеченной нефтью и закачкой воды в пласт.

Первые два года пятилетки промысел не выполнял плана. Тревоги, частые совместные совещания инженеров, ученых, передовых рабочих. В результате форсировали строительство блочных установок по закачке в скважины воды. Чтобы получить 55—56 тысяч тонн нефти в сутки, в скважины подают 140—150 тысяч кубометров воды. Положение начало исправляться.

Но — опять ненадолго. Оператор Смагул Джалгаспаев первый забил тревогу: давление в пластах снова упало, надо принимать какие-то дополнительные меры. И опять поиски... К тому же выяснилось: большое количество холодной морской воды, поступающей в скважины, понижало температуру в пластах, нефть опять начала кристаллизоваться, забивать трубы. Чтобы исправить положение, нужно было закачивать в скважины горячую воду. Но не так-то легко нагреть огромное количество морской воды. Мангышлакцы построили опытную установку нагрева морской воды, действующую по принципу опреснителя. Создали и успешно эксплуатируют и установку погружного горения, которая также разогревает нефть. Почти половину скважин перевели из фонтанирующих на механизированную добычу, так называемый газлифт. В каждом из этих новшеств, созданных большим коллективом «Узеннефть», есть доля труда и пытливой мысли Смагула Джалгаспаева, старшего оператора номер один, как зовут его на промысле. Он обрел здесь добрую славу. Испытывал печи, давал советы по их усовершенствованию. Он делал много других важных дел, не ставил это в заслугу только себе:

— Это достижения всего коллектива, — говорит он.

* * *

— Иди, Смагул, не жалей ног, — «приказывает» себе оператор, когда на дежурстве обходит скважины, —

Сегодня праздник

ведь каждый твой шаг — это дополнительная нефть. Иди...

Месторождение — 30 километров длиной и 8 километров шириной — разбито на пять районных инженерно-технологических служб. Каждая из них имеет по нескольку десятков групповых установок, объединяет в единый узел по два-три десятка скважин.

Смагул отвечает за работу групповой установки № 43, в которой 21 скважина. В центре групповой установки служебное здание — просторный дом из ракушечника. Он связан с районной службой телефоном, различными датчиками. Вся эта система в свою очередь подключена к специально смонтированной установке «Спутник». На отдельном щите размещены приборы, вокруг — печи для подогрева газа и нефти, газлифтное хозяйство. Хозяйство групповой установки напоминает большой заводской цех. «Спутник» соединен со всеми скважинами, с помощью средств автоматики и телемеханики передает на пульт районной диспетчерской инженерно-технологической службы данные режимов работы каждой из них. Старший оператор может в любую минуту задать интересующий его вопрос диспетчеру и получить квалифицированную консультацию.

— Но этого мало, — это не исчерпывает мои обязанности, — рассказывает Смагул. — Скважина — действующее предприятие, она «живет», «дышит», у нее бьется «пульс». А оператор — тот же врач скорой помощи. Он должен как можно чаще слушать ее «пульс», ее «голос». Где-то отошла гайка — подтяни ее своевременно. На другой качалке узел износился, дай сигнал, чтобы его заменили сразу, иначе скважина «захлебнется», выйдет из строя на несколько дней. А в другой скважине забиты выкидные линии, нефть прорвала их, и образовалось уже целое озеро «черного золота». Потери! Да плюс три-четыре дня простоя скважины, но это, хоть и тоже чувствительные, но мелочи. А есть и более сложные случаи, когда выйдет из строя глубинный насос или упадет давление, а в скважину не закачают своевременно воду. Бывает, что скважина перестает фонтанировать, ее надо перевести на механизированный способ добычи, не сделаешь этого, не доберешь нефти. Или взять газлифтное хозяйство. Если давление газа из-за недосмотра оператора упадет в батареях, его поступление на скважину уменьшится, и нельзя будет извлечь нефть из глубин, и поток ее сократится. Но все это оператор может выяснить только побы-

вав возле скважин, прослушав их «голос», сверив режим их работы по приборам. Иной оператор выйдет на работу и отсиживается на групповой. Такого нефть «не любит». Не ленись, иди от скважины к скважине...

Более трети века несет Смагул Джалгаспаев свою нелегкую трудовую вахту. Несет в зной, когда в тени за сорок,— а где она есть, тень в пустыне? — на солнце, значит, все шестьдесят. Несет вахту в сорокаградусные морозы зимой, в обжигающие пыльные бури и злую пургу. Вот он подошел к скважине, прислушался и... предложил поставить сюда муфту с увеличенным диаметром. В знак «благодарности» скважина увеличила суточную выдачу на 20 тонн.

Смагул Джалгаспаев — признанный старейшина нефтедобытчиков на Узене. Он обучил мастерству оператора многих нефтяников. Ученики его работают самостоятельно и добиваются хороших показателей. Сам потомственный нефтяник, он сейчас является главой целой династии. Выучил мастерству оператора свою жену Рахат, жену своего сына Исхака Аманбибе (к слову сказать, они втроем и обслуживают сложное «хозяйство» групповой № 43, которую так и называют: джалгаспаевская. Сын работает слесарем по ремонту аппаратуры и механизмов).

На промысле внедрена новая форма обмена передовым опытом — занятия-собеседования периодически проводятся непосредственно на рабочих местах оператора. На первом же таком занятии в январе этого года с интересной и поучительной беседой выступал Смагул. Он говорил о качестве и бережливости, дисциплине труда, к его голосу прислушиваются. Одно время серьезно поговаривали, чтобы операторы приобрели вторую специальность — научились водить трактор. Ежедневно обходить все скважины — дело трудное, тем более с инструментом в пустыне по бездорожью. К сожалению, операторов не снабжают никакими видами транспорта, вот тогда кто-то из них и предложил: «Дайте на каждую групповую установку хотя бы небольшой трактор, а водить мы его научимся». Улыбнулся Смагул своей доброй, всеподкупающей улыбкой и сказал: «Посчитайте, сколько десятков у нас групповых установок. Слишком много тракторов в пустыне бегать будет. Нефть подорожает».

Предложил Смагул другое: «Советовались мы с Анесом Айтниязовым и пришли к выводу: вторая специальность оператору нужна. Мы должны знать автоматику и телемеханику хотя бы на уровне слесаря средней квалификации. А то что получается? Выйдет из строя какой-либо датчик, и зови аварийную службу». Это предложение было принято, и сейчас не только старшие операторы, но и дежурные осваивают вторую специальность.

По инициативе Джалгаспаева, члена бюро цеховой парторганизации, в управлении «Узеннефть» развернулось движение под лозунгом: «Беречь каждый грамм «черного золота». И исчезли с поверхности «нефтяные озера», образуемые при разрыве труб из-за недосмотра, перекрыли и другие каналы утечки сырья, повысился коэффициент отдачи каждой скважины, сократился межремонтный срок их работы.

По итогам восьмой пятилетки Смагул Джалгаспаев награжден орденом Ленина. А пять лет назад его небольшой бригаде присвоено звание коллектива коммунистического труда. Но особых успехов он добился в 1973 году: увеличил со 104 до 200 рабочих дней межремонтный срок работы скважин, а коэффициент их эксплуатации довел до 0,975, тогда как по промыслу он равен 0,953. За счет чего? Сказался тщательный уход за техникой, регулярные профилактические ремон-

ты, промывка горячей нефтью и горячим конденсатом, каждодневное строгое наблюдение за режимом работы скважин и устьевых печей, газлифтных батарей и выкидных линий. Одним словом, нефть «любит» трудолюбивых. Вот за это Родина и назвала Смагула Джалгаспаева Героем Социалистического Труда.

* * *

— Мангышлак, — говорит Смагул, когда мы продолжали беседу в его гостеприимном доме, — справедливо называют полуостровом сокровищ. В его недрах есть и запасы нефти, и различные руды, и уголь. Но самое большое сокровище его — это люди. Ныне здесь трудятся представители более пятидесяти национальностей.

Дружной трудовой семьей живут здесь люди. Я смело могу назвать Мангышлак полуостровом Дружбы.

Неузнаваемо преобразилась сама пустыня. Каких-то полтора-два десятка лет назад на огромном пространстве от Форт-Шевченко на севере до Красноводска на юге и до Арала на востоке не было ни одного поселка. Только изредка встречались одинокие юрты кочевников-скотоводов. А теперь посмотрите!.. Узень — город нефтяников. Почти триста тысяч квадратных метров жилой площади, благоустроенные квартиры, электричество, центры бытового и торгового обслуживания, детские сады и ясли, школы, больницы. В Узене есть все, что создал человеческий ум и труд: железная дорога, мощные водопроводы, нефтепроводы, газопроводы, газоперерабатывающий завод, асфальтированные дороги, зеленые насаждения...

Короче говоря, пустыня покорилась советскому человеку, а природа отдает ему свои бесценные дары.

Запомнились мне слова Смагула, сказанные на прощание:

— Горжусь и радуюсь тому, что живу для людей, чувствую, что труд мой и сам я нужен детям и внукам моим, всем советским людям. Горжусь тем, что вместе с народом иду маршрутом, который указал Ильич.

И думалось: вот руками таких простых, но настойчивых людей, как Смагул Джалгаспаев, покоряются пустыни и возводятся города, создается богатство, крепится могущество нашей Отчизны. Мудрость жизни в непрестанном творении, а труд человеческий — высший смысл ее. Это и познал Смагул Джалгаспаев, мангышлакский нефтяник, хозяин земли своей...

* * *

Весь дом спал, когда мы со Смагулом вышли на веранду. Ночь была озарена электричеством, горела сполохами звезд. Здесь, на юге, они крупные и яркие — хорошо освещают людям путь.

В одиночку много не сделаешь... Только с людьми, опираясь на них... Иначе нельзя...

ОЛЕГ МАЦКЕВИЧ

ПРИЗВАНИЕ

Есина я отыскал не сразу. Его бригада строила одновременно учебный корпус техникума, общежитие, несколько двухквартирных домов. Мы долго колесили по раскисшей под весенним солнцем степи, пока наконец не

попали на одну из строек. Несколько парней в ватниках и кирзовых сапогах, заляпанных раствором, выкладывали стену. Не очень-то надеясь на удачу, я спросил, где найти Есина.

— Да вот он, рядом с вами стоит, — кивнул один из парней, не отрываясь от работы.

Сознаюсь, не таким представлял я себе Героя Социалистического Труда, заслуженного строителя республики, о производственных достижениях которого слышал еще в Алма-Ате. Говорили, что характер у Есина твердый, что до самого министра он дойдет, когда надо это для общего дела. В комплексной бригаде крепкая дисциплина, все с полуслова понимают его распоряжения...

Вот так и сложились в моем представлении некоторые черты портрета знаменитого бригадира — человека, должно быть, могучего телосложения, с решительными жестами и волевым лицом. Голос у него, конечно, зычный, походка — твердая и размашистая.

Оказалось, что Есин невысок, круглолиц, с забавным русым хохолком, торчащим из-под шапки-ушанки, сдвинутой на затылок. Глаза за толстыми стеклами круглых очков смотрели чуть прищурясь, вопросительно.

На просьбу о встрече завтра, в субботний день, для более обстоятельного разговора Есин вежливо, но твердо ответил:

— Завтра никак не смогу. Занят.

Стоило ли, просидев всю ночь в аэропорту из-за непогоды, добираться полдня до Павлодара и колесить по степи, чтобы затем получить отказ о встрече. А тут еще сырой ветер, пропитанный запахами талого снега, дующий с Иртыша. Он покалывал тонкими иголками лицо, рвал полы легкого не по сезону пальто.

— Может быть, вы отложите субботние дела на другой день? — нерешительно попросил я.

— Никак нельзя! — коротко сказал Есин и, повернувшись спиной к ветру, полез в карман ватника. — Ребятишки просят, а им ведь не откажешь и не докажешь, что обстоятельства не позволяют... — Он разгладил на ладони небольшой листок из школьной тетради в линейку и протянул мне: — Прочтите-ка...

Я пробежал глазами строки, написанные старательной рукой красным и зеленым карандашами. Кажется, действительно у Германа Федоровича завтра неотложное дело. Пионеры двадцать восьмой школы приглашают его на классный час, посвященный теме «Кем быть?», просят рассказать о профессии строителя. «Должно быть, в этой школе учатся и дети Германа Федоровича?» — подумал я. Оказывается, нет. Он еще толком и не знает, на какой улице находится двадцать восьмая школа. Да разве это важно — его дети будут слушать беседу или не его. Главное — интерес ребят к профессии строителя. Потому-то, несмотря на занятость, он охотно откликается на приглашения в школы, в профтехучилища города. Такие выступления, по мнению Германа Федоровича, служат воспитанию молодого поколения, и он относится к этому как к партийному поручению.

Мы договорились с ним, что все-таки встретимся завтра в школе. Простившись, Есин тут же отошел к работающим и, взяв мастерок, встал в ряд с ними.

* * *

В школу я приехал минут за десять до окончания уроков. В коридорах было пусто и тихо. Без особого труда отыскал я актовый зал и, присев на дальней скамейке, стал рассматривать стены, увешанные детскими рисунками и Почетными грамотами.

Вскоре по зданию прокатилась длинная трель звонка. Звонок еще не смолк, когда с шумом распахнулась

Источник знаний

дверь, и в актовый зал, размахивая портфелями, вбежали мальчишки и девчонки. А потом в дверях рядом с молоденькой учительницей, а может быть пионервожатой, появился и Герман Федорович Есин. Темный, хорошо сшитый костюм, рубашка ослепительной белизны — все это придавало ему праздничный вид. Теплый лучик солнца упал через окно на золотую звездочку Героя Социалистического Труда, и звездочка загорелась живым огоньком, притягивая к себе, как магнит, восхищенные взоры ребят.

Герман Федорович степенно подошел к столу, поднял голову, улыбнулся в примолкший зал — широко и открыто.

— Мой прадед, дед и отец были строителями. Хорошая, очень нужная людям профессия стала в нашем роду фамильной. Я тоже строитель и с гордостью говорю сейчас вам об этом, мои дорогие друзья...

Последующий рассказ Есина, обращенный к школьникам, нельзя назвать докладом или речью. Нет. Это была в своем роде вдохновенная импровизация о Человеке-Строителе, преображающем своими умелыми, трудолюбивыми руками города и села нашей страны. Обстоятельно рассказал Есин о ветеране труда Иване Петровиче Фомочкине — заслуженном строителе Казахской республики, кавалере ордена Ленина, отдавшем любимому делу сорок три года жизни. Фомочкин возводил стены самых крупных, самых красивых зданий на улицах родного города: школ и жилых домов, гостиниц и детских садов, кинотеатров и лечебных учреждений...

В 1974 году бригада проводила старейшего каменщика на пенсию. Оказывается, Иван Петрович Фомочкин любит на досуге поохотиться — и товарищи преподнесли ему подарок по душе: охотничье ружье, да еще и телевизор. Только разве может такой человек усидеть дома без работы? Сейчас Иван Петрович попрежнему учит молодых мастерству каменщика.

Рассказал Герман Федорович ребятам и о судьбе казахского паренька Елюбая Кунадилова. Он приехал на стройку летом шестьдесят третьего года. Худенький, узкоплечий, слегка прихрамывающий, семнадцатилетний Елюбай побаивался, что не примут его на работу и поэтому решился прибавить себе один год. Так в первое время и сошел за восемнадцатилетнего.

Есину понравился упрямый парнишка. Он определил его учеником к

Ивану Петровичу Фомочкину. Поначалу трудно пришлось Елюбаю. Попробуй-ка без сноровки, даже при крепком здоровье, переложить за восемь часов до четырех тонн кирпича и раствора. При этом нужны и меткий глаз, и уменье, чтобы кирпич к кирпичу лег впритирку и чтобы стена встала по линеечке.

По собственному опыту бригадир знал, что в первые дни каменщику не разогнуть спины, руки и ноги у него гудят. Герман Федорович в душе жалел новичка, вместе с Фомочкиным помогал ему. Но Елюбай и без того держался молодцом, ни словом, ни видом не показывал, как трудно без привычки. Он внимательно прислушивался к советам старших, приглядывался, как легко и споро работают опытные каменщики.

Атмосфера трудового коллектива, где каждый чувствует плечо товарища, помогла Елюбаю стать хорошим строителем. Не сразу, конечно. Уже работая в бригаде, он окончил одиннадцать классов вечерней школы. После ухода на пенсию Ивана Петровича Фомочкина звено его возглавил Елюбай. Теперь он готовится поступать заочно в строительный институт...

Тут рассказ Есина неожиданно прервал звонкий девичий голос:

— А по окончании института он уйдет со стройки?

— Нет, — твердо ответил Герман Федорович. — Елюбай не уйдет. Он, как говорится, навсегда прикипел сердцем к профессии строителя и останется верен ей. Став инженером, Елюбай все равно не забудет первый кирпич, самостоятельно уложенный им в стену будущего дома. Начинаем мы, ребята, кладку, как у нас говорят, от нулевого цикла, с фундамента, потом этаж за этажом идем все выше. Сначала видишь соседний дом, улицу. Проходит несколько рабочих дней — и вот уже перед вами открывается весь город, дымятся заводские трубы, сверкает на солнце Иртыш. А впереди — новые горизонты. И в труде, и в жизни. Вместе со стенами дома растет и сам строитель.

Последним вопросом, который задали школьники Герману Федоровичу на классном часе, было:

— Всякий желающий сможет стать строителем?

— Стать хорошим строителем нелегко, — с улыбкой ответил Есин. — Но вполне возможно. Было бы у человека настоящее желание. Пример Елюбая говорит об этом...

Герман Федорович Есин не мыслит себя вне коллектива. Это у него в крови от отца — сельского плотника и столяра первой руки. Перед уходом на фронт Федор Ефимович, бережно уложив в ящик рубанки, дюжину стамесок и долот, ножовки с фигурными ручками и другой столярный инструмент, наказал Герману:

— Сохрани, сынок, до моего возвращения. Ну, а если люди попросят помочь в чем-либо, не отказывай, сделай, что умеешь.

Помня об отцовском наказе, четырнадцатилетний Герман латал прохудившиеся крыши на избах у солдаток, заделывал щели в стенах колхозного коровника, а в свободное время любил мастерить игрушки деревенским ребятишкам.

Жилось, как и всем тогда, голодно. Дядя, работавший главным бухгалтером в одном из городских учреждений, помог парню определиться на курсы счетоводов: профессия чистая, спокойная, да и заработок неплохой. Кончил Герман курсы, но счетоводом так и не стал. Какой из него счетовод? Плотник он, мастеровой. И немного по кирпичному делу стал смыслить, у того же колхозного коровника фундамент подправил. Не напрасно отец надеялся на него, инструмент свой доверил. Думал ли Федор Ефимович тогда, что слава о его

Этаж за этажом —
идем все выше

сыне как об искусном строителе далеко будет слышна?

Отец вернулся домой в конце войны с тремя боевыми медалями и двумя желтыми нашивками за тяжелые ранения. Сдержанно, по-мужски похвалил сына за то, что сберег инструмент, а главное — остался верен фамильной профессии.

Талант природного умельца очень пригодился Герману Есину в Казахстане. В апреле 1955 года Саранский горком ВЛКСМ вручил ему путевку на целину. Эту красную книжечку с золотым тиснением на обложке бережно хранит Герман Федорович вместе с Грамотой Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему высокого звания Героя Социалистического Труда. Комсомольская путевка на целину открыла молодому строителю новые горизонты в жизни.

* * *

Широки степи Прииртышья. В начале апреля здесь еще нет-нет да завьюжит снежный буран. Но вдруг из разрыва облаков выглянет яркое солнце — и засверкает, заискрится бескрайняя снежная равнина.

Прежде чем смогли зарокотать в степи мощные тракторы и лемеха плугов проложить в вековой залежи первые глубокие борозды, надо было приготовить покорителям целины жилье. Конечно, не обошлось без того, что многим энтузиастам-новоселам пришлось временно жить в брезентовых палатках, саманных избенках и вагончиках.

В ту памятную первую весну, а потом и на протяжении двух-трех последующих лет целинный край превратился в огромную строительную площадку. Сооружались промышленные предприятия, громадные элеваторы, прокладывались новые железные и автомобильные дороги, закладывались совхозные городки. Менялся и облик старого Павлодара. На месте купеческих лабазов и бревенчатых домишек под тесовыми почерневшими крышами поднимались ввысь современные многоэтажные здания.

Вот где по-настоящему пригодились умелые руки Германа Есина. Он брался за любое строительное дело — и все у него получалось складно, добротно. Очень приглянулся ему город на Иртыше, по существу возникавший заново. И решили супруги Есины прочно обосноваться здесь. Восточная поговорка гласит: «Человек, выкопавший колодец и посадивший хотя бы одно дерево, — достоин всяческого уважения». Есины урывками, целый год строили свой дом. Ко-

Совет

нечно, и колодец выкопали, и не одно дерево посадили, а небольшой сад разбили, где каждое лето теперь плодоносят яблони. Даже мебель в доме сделал своими руками.

Строительство в Казахстане набирало такие темпы, что дух захватывало. Было где развернуться умелым мастерам. Но людей не хватало. Вот тут и загорелся Герман Есин смелой мыслью: «А почему бы не созвать сюда друзей и родичей из далекого Саранска? Простора-то сколько и всякого дела не переделать. И заработки хорошие».

В ближайший же отпуск поехал Есин на родину. Вернулся в Павлодар уже не один — с двумя зятьями — Виктором Куликовым и Сашей Алексеевым.

Так сплотилась вокруг Есина бригада строителей, в которой были и его земляки. Хорошую школу прошли они на целине. Что ни мастер — то золотые, все умеющие руки. Виктор Куликов — он и плотник, и столяр, и монтажник, и сварщик, и, конечно, каменщик. Под стать ему и Саша Алексеев. Всеми строительными профессиями практически владеет сам Герман Федорович.

В комплексной бригаде, возглавляемой им, дружный коллектив, что называется, универсалов. Широко используя взаимозаменяемость, есинцы (так они себя называют) в случае необходимости могут выполнять и отделочные работы внутри зданий. С учетом этого Есин и его помощники готовят молодую смену.

Вот что рассказывает бригадир:

— Мы сами отбираем и принимаем ребят в бригаду, готовим из них строителей. Заведено правило — каждый член бригады обязан научиться двум-трем смежным специальностям. Иначе нельзя, ведь бригада комплексная, каждый при случае должен заменить товарища, переключиться на другую операцию. Это помогает избегать простоев и сооружать объекты без вынужденных «перекуров».

За последние годы бригада воспитала много квалифицированных строителей-универсалов. Некоторые из них, работая, учились, заканчивали техникум или институт. Потом они уходили на самостоятельную работу — кто мастером, кто прорабом. Особенно мы гордимся нашими воспитанниками — коммунистами Юрием Кузьминым и Павлом Медведевым. Оба они стали лучшими бригадирами треста «Павлодарсельстрой» № 19. В управлении нам говорят: «Ваша бригада, как живой родник, питает трест опытными специалистами и сама пополняется молодыми силами». Конечно, воспи-

тывать, обучать всем тонкостям профессии — дело хлопотное. Оно требует от воспитателей терпения, такта, чуткости, опыта, времени. Короче говоря, нам нужны, особенно бригадиру, педагогические способности. А иначе как можно считать себя настоящим воспитателем молодежи? Плечом к плечу у нас трудятся и русский, и казах, и украинец, убеленный сединами ветеран и безусый паренек. И всех объединяет одно общее стремление — работать на совесть.

Великое это дело: умение не только разбираться в людях, но и сплотить их так, чтобы один за всех и все за одного. Вот в этом, пожалуй, и следует прежде всего искать ключ к «секретам» успехов комплексной бригады Германа Есина. Ну, а главный резерв ее — рост производительности труда за счет внедрения в строительное производство достижений научно-технического прогресса, передовых приемов и методов. Четыре года назад первой в тресте «Павлодарсельстрой» № 19 и в Павлодарской области она применила метод бригадного подряда Николая Злобина. Почин инициаторов нашел широкий отклик. В 1975 году в тресте уже было свыше тридцати комплексных бригад и почти сто — в области. Первыми среди строителей Казахстана задания девятой пятилетки Есин и его товарищи выполнили за три года и четыре месяца. Вот несколько цифр.

В семьдесят третьем году при плане выработки на одного члена бригады в 14 771 рубль получено почти 19 тысяч рублей.

В семьдесят четвертом — при плане 18 тысяч рублей получено 22 тысячи.

А планом на семьдесят пятый год выработка в денежном выражении определена в 24 тысячи рублей на каждого члена бригады.

Хорошее правило утвердилось в бригаде: сдавать объекты не меньше чем на двадцать дней раньше срока.

И опять-таки первым в тресте коллектив Германа Есина начал строить дома из более дешевых, но прочных материалов — газобетонных блоков. Они имеют высокие теплоизоляционные качества, почти вдвое легче дерева, хорошо обрабатываются. Благодаря этому экономится древесина и сокращаются сроки строительства примерно с трех месяцев до пятнадцати дней, особенно двухквартирных домов.

Главное, считает Есин, — быть хозяином на строительной площадке, не подчиняться капризам погоды даже зимой. Морозными ночами, когда, сгибаясь под тяжестью снега, ветки заледеневшего клена стучат в окно, бригадир иногда долго не может заснуть. Беспокойно ворочаясь с боку на бок, думает, какой еще сюрприз строителям принесет разыгравшийся буран. В минувшую зиму сугробы поднимались выше окон первого этажа, подходы к строительной площадке расчищали бульдозеры. А как-то выдалась такая снежная зима, что пришлось неделю откапывать накануне заложенный фундамент — и это при сорокаградусном морозе!

В такую стужу раньше даже плотники не всегда работали.

Есин заметил, что снежные бураны в павлодарском Прииртышье обычно начинают свирепствовать со второй декады января. Значит, надо заранее подготовить фронт работ, чтобы зимой не нарушался четкий ритм стройки. Трудоемкие земляные работы стали вести главным образом летом и ранней осенью, когда почва еще не промерзла. Обычно на подготовку траншеи под двухквартирный дом затрачивалось пять человеко-дней, теперь же экскаватор за одну смену готовит котлованы для четырех домов.

Давно уже комплексная бригада Есина не прекращает работ ни в сильные морозы, ни в буран, даже когда останавливаются краны. В такие дни

монтируются межоконные простенки на внутренних площадках, там же крепятся и монтажные петли. Остается, как только стихнет непогода, подать простенки на этажи. Казалось бы, не столь уж хитрый прием, а работа быстрее продвигается вперед.

Заботит Есина и то, как строить: не только быстро и прочно, но дешево и красиво. Он внес, например, рационализаторское предложение: фронтоны одноэтажных домов выполнять из шифера. Этот материал дешевле дерева, удобен в работе, да и красив в отделке.

В последнее время о бригаде есинцев много пишут и говорят. Может быть, условия тут какие-то особые: с материалами легче, технику им подбрасывают в первую очередь? Нет. Вот что говорил Герман Федорович на областном совещании передовиков производства в январе 1974 года:

«Нас очень волнует качество поставляемых изделий. Возьмем, например, газоблоки комбината железобетонных изделий № 4. На вид они вроде бы и неплохие. Когда начинаешь укладывать их, оказывается, есть разные по толщине, длине и ширине. На укладку таких блоков раствора не напасешься, да и медленнее работается. В каждом случае мы сигнализируем комбинату об изъянах в его изделиях».

А вот что сказал Есин в этом же выступлении о техническом оснащении строительных работ: «Известно, какую роль играет техника в повышении производительности труда. У нас достаточно и кранов, и бульдозеров, и других механизмов. Но иной раз не хватает средств малой механизации, приспособлений. Ждать нам некогда. И мы порой сами изготовляем такой инструмент».

Заметим: Есин не жалуется, не требует чего-то невозможного. Он по-партийному ставит проблемы, от которых зависит и качество строительных работ, и повышение производительности труда. Находит время побывать на том же комбинате железобетонных изделий, выпускающем блоки, поговорить там с рабочими — смотришь, сообща разберутся люди в причинах брака.

Настоящие деловые отношения сложились у бригадира Есина с директором местного совхоза-техникума имени 50-летия СССР Кемером Ашимбетовым. Кемера Ашимбетова нередко можно видеть на очередной строительной площадке, а Есина — в кабинете у директора. Так, внимательно изучая проект нового жилого дома, Ашимбетов заметил:

— Слушай, Герман Федорович, вот тут, в чертеже, все выглядит удобно. Жаль, одного не учел архитектор. В доме будут жить наши аксакалы. И очень нравится старикам собираться вместе. Нельзя ли предусмотреть в проекте дома что-то вроде общей гостиной, хотя бы за счет некоторого уменьшения площади подсобных помещений? Как думаешь, бригадир, нельзя ли уважить стариков?

— Думаю, что следует уважить, — ответил Герман Есин. — Надо похлопотать.

Вдвоем директор и бригадир побывали в проектном институте. Их предложения были учтены. В проект внесены соответствующие изменения.

...И еще несколько штрихов к портретам прославленного строителя и членов его бригады.

Есинцы шефствуют над совхозной средней школой. Они часто встречаются с ребятами, бывают на уроках, помогают изготовлять наглядные пособия.

В бригаде действует школа коммунистического труда. Своим опытом на занятиях делится бригадир Есин, звеньевой каменщиков Елюбай Кунадилов, мастер на все руки Виктор Куликов. Занятия нравятся молодым рабочим, приносят им большую пользу.

По вечерам, в субботу и воскресенье, есинцев можно увидеть на концерте в местной филармонии, на театральной премьере или в кинотеатре. Добрая, хорошая традиция у коллектива — поздравлять и вручать подарок в день рождения кого-либо из членов бригады. Чаще всего это книги для домашней библиотеки.

Сын бригадира Владимир — продолжатель семейной династии строителей Есиных. После окончания техникума он работал вместе с отцом. Теперь Владимир служит в Советской Армии. Когда Герману Федоровичу присвоили высокое звание Героя Социалистического Труда, командование части предоставило Владимиру краткосрочный отпуск для поездки домой. Есин был рад встрече с сыном, но сказал ему так: «Считай, дорогой сын, этот отпуск авансом за хорошую службу в армии...»

Мне довелось провести несколько дней в бригаде Героя Социалистического Труда Германа Федоровича Есина, видеть его людей и за работой и в часы досуга. Как-то я спросил бригадира:

— Герман Федорович, ведь, кроме производства, у Вас немало времени занимает общественная работа, не трудно ли Вам?

— Не трудно, — ответил Есин, — когда рядом люди. В одиночку много не сделаешь... Только с людьми, опираясь на них... И делу надо отдаваться, конечно, всей душой. Иначе нельзя...

Забота родной партии о благосостоянии трудового народа, укреплении могущества социалистической Родины обязывает каждого из нас всю энергию без остатка отдавать претворению в жизнь ее идеалов.

СОЛОМОН ДЕМУРХАНАШВИЛИ

В ПОИСКАХ ДОБРОГО ИМЕНИ

«...Человека, ищущего доброе имя, сочту бессмертным. Мертв тот, кто не снискал себе доброе имя». Так писал триста лет назад известный грузинский поэт Сулхан-Саба Орбелиани.

Путь к заслуженной славе, к признанию, ко всеобщему уважению открыт у нас перед каждым, будь то пастух, художник, токарь, чаевод, солдат, если он утвердил в обществе свое доброе имя.

Человек, о котором я поведу речь, сейчас хорошо известен не только в Грузии, но и во всей нашей стране. Зовут его Георгий Николаевич Куртанидзе. Указом Президиума Верховного Совета СССР в январе 1974 года ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда за успешное выполнение трудовых заданий третьего года девятой пятилетки. Ныне он депутат Верховного Совета Грузинской ССР.

Славные дела Георгия Куртанидзе и его бригады заслуживают подробного рассказа.

В Тбилиси немало различных промышленных предприятий. На западной окраине столицы Грузии расположен сталелитейный завод «Центролит». Здесь и работает со своими товарищами Георгий Куртанидзе.

...Я поднялся на третий этаж дома, нашел нужную квартиру, нажал кнопку звонка. Дверь отворил мужчина средних лет, с открытым приветливым лицом, уже знакомым мне по фотографиям в газетах.

— Заходите, пожалуйста.

Просто, но красиво обставленная трехкомнатная квартира. Здесь не было режущего глаз нагромождения лишних вещей, но и недостатка в необходимом не чувствовалось.

Как выяснилось с первых же слов, Георгий Николаевич был не совсем здоров, однако от разговора не отказался.

Погода стояла жаркая, щедро светило майское солнце. Мы устроились на затененном балконе, который буквально нависал над территорией «Центролита». Если бы взгляд мог охватить более обширное пространство, то к западу от завода мы увидели бы горы, среди которых расположено село Гореша, где прошло детство Георгия. Впрочем рано кончилось это детство...

В ходе нашей беседы хозяин показывал и на заводские цехи, и на далекие горы, с теми и другими у него так много связано в жизни.

...Георгий был первенцем в семье Николоза Куртанидзе. В ту пору (шел 1929 год) в Грузии организовывались первые коллективные хозяйства. Николоз без колебаний вступил в колхоз и вскоре стал одним из активных колхозников. Влюбленный в землю, он подавал пример старательного и честного труда. С годами увеличивалась семья Куртанидзе, но и улучшалось ее благосостояние. Старшие ребята уже начали помогать по хозяйству.

В жизни каждого человека бывают рубежи — радостные или горькие, — остающиеся навсегда в памяти. Таким горьким рубежом явился для тринадцатилетнего Георгия один из военных дней 1942 года. На железнодорожной станции Харагаули колхозного труженика Николоза Куртанидзе провожали на фронт. Георгий оставался за старшего мужчину в семье, за хозяина. Он не сразу понял весь драматизм происходящих событий. На вокзале было многолюдно, играла музыка, люди пели патриотические песни, а иные плакали. Мальчик гордился тем, что отец его уходит сражаться с фашистами и, конечно, будет героем. Жаль только, что его, Георгия, не берут на войну.

Отец словно угадал его мысли, погладил по голове.

— Ты уже взрослый, оставляю на тебя семью. Помогай матери, береги младших. Могу я надеяться на тебя?

— Можешь!

Горький ком подкатился к горлу, и, кажется, впервые мальчик осознал, что ждет его впереди.

Заботы по домашнему хозяйству, пахота на колхозном поле, поездки в

Решение неотложно

лес за дровами, на мельницу, чтобы смолоть мешок зерна, пастбище — все это легло на плечи подростка. Немудрено, что за войну Георгий пропустил два учебных года.

И все же семье Куртанидзе повезло: отец благополучно вернулся домой.

Значительно позже, когда Георгий Куртанидзе уже работал на «Центролите» и стал прославленным бригадиром стерженщиков, он по-особому воздал должное памяти павших защитников Родины: 1 января 1975 года предложил своим ребятам включить в бригаду Николая Гастелло и выполнять за него норму. Члены бригады с энтузиазмом приняли это предложение. Гастелло как бы ожил среди живых. Только за первые три месяца 1975 года бригада от имени Гастелло перечислила в фонд Мира 804 рубля.

Стерженщики понимали значение своего патриотического почина. Им хотелось поделиться с партией этим искренним, идущим от глубины сердца поступком. Коллектив бригады, руководимый Георгием Куртанидзе, направил письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу. Рабочие писали, что ежедневно, приходя на работу, они склоняют головы перед обелиском, воздвигнутым на территории завода в память рабочих «Центролита», которые не вернулись с войны. Но лучшим памятником павшим в боях на фронтах Отечественной войны они считают честный труд, творческую, самоотверженную работу на благо советской Родины. Именно это послужило причиной решения коллектива бригады о зачислении в ее состав Героя Советского Союза легендарного Николая Гастелло. «Мы решили трудиться и за погибшего на войне белорусского юношу — летчика Гастелло, чье геройство будет прославлено в веках и кого мы называем седьмым членом нашей бригады.

Теперь Николай Гастелло в одном рабочем строю всегда с нами», — писали рабочие.

Благородный почин бригады Куртанидзе сразу же подхватили еще три бригады литейщиков «Центролита», включившие в свой состав Героев Советского Союза, отдавших жизнь за счастье и свободу Родины, — Зою Космодемьянскую, Шота Гамцемлидзе, Зою Рухадзе. А через некоторое время этот замечательный почин стал достоянием не только передовых рабочих Тбилиси, но и всей Грузии.

24 апреля 1975 года было опубликовано письмо Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

«Коллективу бригады стерженщиков тбилисского завода «Центролит», возглавляемой Героем Социалистического Труда тов. КУРТАНИДЗЕ Г. Н.

Дорогие товарищи!

Письмо вашей бригады прочел с большим удовлетворением. Ваши производственные достижения являются достойным вкладом в дело успешного завершения трудящимися страны девятого пятилетнего плана. По-ударному выполняя личные задания, члены бригады с честью трудятся и за отдавшего жизнь в борьбе с фашизмом Героя Советского Союза Николая Гастелло, которого зачислили в свой рабочий коллектив.

Трудящиеся нашей страны в обстановке высокой политической и трудовой активности идут навстречу 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Подготовка к этому всенародному празднику осуществляется под знаком приумножения усилий каждого коллектива, всех тружеников города и деревни на успешное выполнение решений XXIV съезда партии, на то, чтобы ознаменовать славную годовщину достижением новых высоких рубежей на трудовом фронте. Отрадно, что в этом общем строю уверенной поступью шагает и ваша бригада.

Сердечно поздравляю вас, дорогие товарищи, весь коллектив завода с приближающимся юбилеем великой Победы. От души желаю вам дальнейших успехов в работе по достойному завершению пятилетки.

Л. БРЕЖНЕВ».

* * *

Однако вернемся к юному Георгию Куртанидзе. В 1950 году, после окончания средней школы, он был призван в ряды Советской Армии. Где бы ни доводилось служить ему,— всюду юноша соблюдал образцовую дисциплину, с рвением выполнял приказания командиров и неоднократно получал благодарности.

И вот Георгий снова дома. Какой теперь избрать жизненный путь, чем заняться? Младшие его братья и сестры подросли. Есть кому работать и дома, и в колхозе.

Георгий решил: надо осваивать какую-либо производственную специальность.

В Тбилиси жил и работал двоюродный брат Георгия — Владимир. Может быть, съездить к нему, попросить совета? Так и сделал.

А брат словно ждал этого разговора:

— Говоришь, какую дорогу выбрать? Пойдем к нам на «Центролит». Не раскаешься. Я порекомендую тебя.

На военной службе Георгий уже много повидал. И все же завод ошеломил его. В огромных цехах всюду сновали озабоченные люди, куда-то торопились. Машины так грохотали, что не было слышно голоса человека, стоящего в двух шагах. Катились тележки, нагруженные какими-то металлическими деталями.

Тем не менее Георгий не покидал брата до конца смены: смотрел, как Владимир месил глину, с каким мастерством он изготовлял громаднейшие формы со стержнями, которые затем отделяли от форм и клали в печь для просушки. Время от времени Владимир обращался к Георгию:

— Присмотрись к нашему ремеслу, может быть, понравится?

Но шум и грохот завода в первый день вроде бы отпугнули Георгия. Невольно вспоминались ему спокойные, мирные звуки в родной Гореше: мычание коров, блеяние овец, щелканье бича. Напряженно думал юноша: как хватило терпения у Владимира, чтобы сродниться с заводом? Как он сжился с этой обстановкой? Впрочем, если к заводу другие привыкают, то почему бы и ему не попытаться.

В горячем цехе

На следующий день он опять пришел на завод, неотступной тенью всюду следовал за братом. Час за часом осваивался. А на третий день оформился на работу, принялся помогать брату, копируя все его движения.

— ...Стержни мы тогда изготавливали примитивным способом, — вспоминает Георгий Николаевич. — Формы набивали вручную и тщательно просушивали в печах... А сейчас — другое дело. На помощь пришла химия, небходимость просушки отпала...

Бригадир рассказывает все это обстоятельно, не торопясь, пытливо глядя мне в глаза, чтобы определить, все ли я понимаю. Слушать рассказчика приятно: у него живое выразительное лицо, голос негромкий, плавный, жесты скупые.

И все же я нетерпеливо прерываю его речь, задаю вопрос, который больше всего интересует меня:

— Скажите, пожалуйста, Георгий, в чем секрет Вашего личного мастерства? Что помогло Вам опередить других? Ведь есть просто хорошие стерженщики, но есть и отличные? Чем же они отличаются друг от друга?

Георгий Николаевич молчит, задумывается. В какую-то секунду мне показалось, что ответ готов у него, но, должно быть, мелькнула другая мысль, и он еще помолчал, прежде чем заговорить.

— Знаете, отличный стерженщик чуть ли не с закрытыми глазами может заново собрать даже распавшийся стержень, это — дело тонкой техники, навыков. Но самое главное все же не в этом. Любую технику в конечном счете можно освоить... Подождите, не возражайте... Главное — трудовая честь. Преданность делу, рабочая совесть. Если человек нерадив, тяготится делом, из него не получится дельный мастер. Работой надо увлекаться, любить ее. А любовь к делу надо смолоду воспитывать в себе.

По тому, с каким чувством были произнесены эти слова, я понял, что Георгий Николаевич делится со мной самым сокровенным, что живет в душе рабочего человека. Действительно, он сроднился со своим цехом, с заводом; специальность для него — это как бы часть собственного «я», без которой немыслима жизнь. И нельзя не согласиться с ним, что при таком отношении к делу технические приемы в работе, высокое профессиональное мастерство со всеми его тонкостями будут успешно усвоены. А от этого неотделимы и забота о качестве изделий, и постоянное ознакомление с новинками, способствующими повышению производительности труда.

Теперешние трудовые успехи бригадира стерженщиков Георгия Куртанидзе и пришедшая к нему заслуженная слава — это не какой-то мгновенный рывок, взлет. За всю свою многолетнюю работу на заводе он шаг за шагом шел от одного успеха к другому.

Вот краткое перечисление некоторых памятных событий в жизни Георгия Николаевича.

Уже на пятом году своей работы стерженщиком на заводе бывший колхозный паренек, демобилизованный солдат Советской Армии, за высокие трудовые показатели был награжден орденом «Знак Почета». А через три года он стал бригадиром стерженщиков. В 1970 году его наградили юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». В 1971 году Георгию Куртанидзе был вручен орден Октябрьской Революции. Свой годовой план бригада под руководством Г. Куртанидзе выполнила раньше срока — за десять месяцев.

Так ступень за ступенью поднимался бригадир Георгий Куртанидзе к высотам трудовой славы. Присвоение в 1974 году звания Героя Социалистического Труда вдохновило его на новые производственные подвиги.

В бригаде Георгия Куртанидзе установилась традиция: годовое производственное задание завершать к 7 ноября.

Весь коллектив завода «Центролит» последовал примеру стерженщиков — включился в борьбу за выполнение плана девятой пятилетки к празднованию 58-й годовщины Октябрьской революции. Бригада Куртанидзе приняла обязательство: «Ни одного отставания цеха по вине нашей бригады».

Рабочие «Центролита» уверенно выполняют взятые ими производственные обязательства. Коллектив завода, как и обещал, уже выработал в счет фонда памяти героев Отечественной войны 2050 рублей. Бригада стерженщиков, руководимая Георгием Николаевичем Куртанидзе, выполнила задания девятой пятилетки и работает в счет 1977 года.

Готовясь достойно встретить XXV съезд КПСС, бригада выступила с новой инициативой — выполнить план и обязательства десятой пятилетки за четыре года, работая под девизом «Улучшение качественных показателей на каждом рабочем месте — на службу пятилетке».

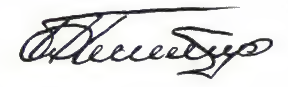
Так своими делами утвердил доброе имя рабочий-стерженщик тбилисского сталелитейного завода «Центролит» Георгий Николаевич Куртанидзе, депутат Верховного Совета Грузинской ССР трех созывов, Герой Социалистического Труда. Народ Грузии по праву гордится своим верным сыном — общественным деятелем и беззаветно преданным своей профессии Человеком.

Минуты ознакомления с письмом Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева являются самыми дорогими минутами в моей жизни.

ЮСИФ АЗИМЗАДЕ

НА МОРСКОЙ БУРОВОЙ

Встретиться с Мамедом Гамбаровым, знатным буровым мастером, оказалось не просто. Когда я позвонил в Сангачальское управление морского бурения, мне ответили, что Гамбарова нет на буровой, он в Москве — его вызвали

в Министерство нефтяной промышленности СССР.

Что ж, бакинские нефтяники — народ занятой, я это знаю. В сущности, свободное время для обстоятельной беседы с журналистом у них появляется лишь тогда, когда они выходят на пенсию. Помню, как Гюльбала Алиев, старейший нефтяник страны, почти семьдесят лет проработавший на нефтепромыслах Апшерона, долго рассказывал мне о своей жизни. Торопиться ему, пенсионеру, было некуда. Вдруг он умолк, глядя с балкона своей квартиры на синюю гладь моря, а потом проговорил с затаенной грустью: «Знаешь, сынок... я еще не насытился работой».

Гамбаров — представитель другого поколения нефтяников, но со старыми мастерами, героями прежних пятилеток, его роднит вот эта ненасытность в труде. Еще я не был с ним знаком, но видел Гамбарова в документальном киножурнале. Передо мной лежал красочный плакат под названием «Победители девятой пятилетки», посвященный Гамбарову и его бригаде. В середине 1974 года эта буровая бригада рапортовала о досрочном выполнении пятилетнего плана. Мамед Гамбаров стал Героем Социалистического Труда. К бригаде обратился с поздравительным письмом Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Как и Указ о награждении, текст этого письма был помещен на плакате, над фотоснимками Гамбарова и его товарищей:

«Буровому мастеру т. ГАМБАРОВУ М. М., партгрупоргу т. АББАСОВУ В. Г., профгрупоргу т. ТАЛЫБОВУ Д. Б., бурильщикам тт. ДЖАБАРУ М. О., НОВРУЗОВУ Б. С., ГУРБАНОВУ Б. М., ИМАНОВУ Г. М., всем членам буровой бригады Сангачальского морского управления буровых работ объединения «Каспморнефть».

Дорогие товарищи!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза горячо поздравляет вас с большой трудовой победой, досрочным выполнением девятого пятилетнего плана по бурению нефтяных скважин.

Ваша бригада в сложных условиях Каспийского моря пробурила и передала нефтедобытчикам 5 нефтяных скважин, запланированных на пятилетие, и сэкономила свыше одного миллиона 600 тысяч рублей сметной стоимости их проходки.

Ваш пример служит ярким показателем того, какие огромные возможности заложены в нашем хозяйстве для выполнения и перевыполнения заданий пятилетки.

Коллектив бригады, претворяя в жизнь решения XXIV съезда партии и декабрьского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС, принял повышенные обязательства — до конца пятилетки пробурить еще 7 тысяч метров и сдать в эксплуатацию две скважины для добычи нефти.

Центральный Комитет КПСС выражает уверенность в том, что ваш славный коллектив успешно выполнит новые социалистические обязательства.

Желаю дальнейших успехов в вашем большом и благородном деле.

Генеральный секретарь ЦК КПСС
Л. БРЕЖНЕВ».

Наконец позвонили из управления и сообщили, что Мамед Гамбаров возвратился из Москвы и находится на буровой № 383, начатой еще прошлой осенью. Пригласив редакционного фотографа, я отправился в путь.

От Баку до мыса Сангачал около часа езды на машине. Стоял теплый и солнечный февральский день, какие нередки для бакинской зимы. Выехав из города, мы помчались на юго-

запад. Слева синело, поблескивая на солнце, море, справа тянулось серо-желтое взгорье Карадага, повсюду высились нефтяные вышки.

Знакомая дорога! И все же каждый раз, проезжая здесь, видишь что-то новое. Вот новая стройплощадка, вот зеленый островок молодого сада.

Дорога поднимается на взгорок — и разом открывается глазу панорама сангачальских морских нефтепромыслов — огромный лес вышек, исчезающий в дымке. Потом, присмотревшись, замечаешь длинные мосты эстакад, соединяющих буровые, — стальные улицы над поверхностью моря. Невольно приходит в голову: как отыскать в этом лесу вышек буровую Гамбарова?

Нам пришлось немало поколесить, пока мы не въехали в «город на сваях». Я взглянул на часы: встреча назначена на одиннадцать, а уже шло к двенадцати.

Теперь мы ехали над морем, на высоте примерно трехэтажного дома. Под нами бесконечной чередой катились волны с пенистыми гребнями. Вдоль эстакады стояли вышки. На некоторых площадках велось бурение, гудели мощные агрегаты. Но на большинстве площадок было безлюдно, только по фонтанной арматуре — «елочкам» и трубопроводам можно было догадаться, что здесь добывают нефть.

Над буровой № 383 парила одинокая чайка. У основания высокой, в полсотни метров, вышки работали буровики — шла подготовка к спуску бурильного инструмента. На мой вопрос худощавый рослый парень со смуглым лицом ответил:

— Нет мастера. Ушел в управление.

Должно быть, у меня был очень расстроенный вид. Парень с сочувствием добавил:

— Вы, наверно, его догоните. Поезжайте в управление.

И верно, мы догнали Гамбарова, когда он уже был у входа в здание управления. Он был и похож и непохож на свою фотографию на плакате: невысокий крепкий человек с характерными чертами южанина, резковатое обветренное, отливающее медью лицо со светло-карими глазами и крупным подбородком. Я узнал его.

— Я ждал Вас к одиннадцати, — сказал Мамед Гамбаров, поздоровавшись.

Вскоре мы возвращались на буровую. Пока ехали по эстакаде, Гамбаров коротко рассказал об истории освоения сангачальского месторождения. В этом уголке Каспия, где близ мыса Сангачал раскинулись островки Бакинского архипелага, долгое время бурение на нефть считалось бесперспективным. С конца 50-х годов морская нефтеразведка начала бурить здесь пробные скважины и добралась до продуктивной толщи. Есть нефть! С берега потянулись небольшие дамбы, еще дальше в море шагнули буровые вышки на массивных опорах. А с 1967 года развернулось усиленное строительство эстакад. Общая длина «улиц» над морем составляет теперь около 50 километров. Сангачальские нефтепромыслы — как бы младший брат Нефтяных Камней...

Мы подъехали к буровой и вышли из машины. Давешний чернобровый парень улыбнулся мне:

— Поймали мастера?

Гамбаров хлопнул его по плечу:

— Знакомьтесь, это мой сын Зейнал. — И, провожая взглядом парня, который поднимался по крутому мостику на вышку, добавил. — Он у нас самый молодой в бригаде.

Шли последние приготовления к спуску долота на забой. Гамбаров отдал несколько коротких распоряжений, и по тому, как его понимали с полуслова, по спокойной, несуетливой четкости движений было видно, что это слаженная, дружная бригада.

Баку — густая зелень,
яркое солнце,
синее море...

Исчезают в дымке
вышки нефтепромыслов

— Дружная, да. — Мастер подтвердил мой вывод энергичным кивком. — В бригаде двадцать один человек, и почти все мы работаем вместе вот уже двенадцать лет. Бурили в Кобыстане, потом здесь, в море. Работаем в четыре смены, а живем, можно сказать, как одна семья. Заработки хорошие, характеры за столько лет притерлись друг к другу — потому бригада и сохраняет постоянный состав. Ведь нет ничего хуже текучести...

И Гамбаров с видимым удовольствием рассказал о людях своей бригады, особо подчеркивая их награды. Бурильщики — Джафар Талыбов, Бахливан Гурбанов, Мусеиб Джабар, Гамид Иманов — специалисты высокого класса, а Гурбанов награжден орденом Трудового Красного Знамени. Помощник бурильщика Векил Аббасов — партгрупорг — награжден орденом Трудовой Славы, как и Петраков, Азатян и Сафиев. Все остальные, в их числе и Зейнал, отмечены Почетными грамотами Верховного Совета республики...

Включен электропривод, завертелся барабан лебедки — начался спуск бурильного инструмента в скважину. Стальная площадка прямо-таки заходила у нас под ногами.

Фотографу хотелось сделать общий снимок бригады, и он попросил Гамбарова, чтобы вся смена — бурильщик, моторист, электрик и другие — собрались возле устья скважины.

— Нет, — решительно ответил мастер. — Снимай, как есть.

Было ясно, что он никому не позволит отрывать людей от дела. Некоторое время он наблюдал за спуском колонны, а потом пригласил меня в культбудку, потому что здесь, возле скважины, разговаривать было невозможно из-за шума лебедки.

Культбудка была разделена на две половины: справа комнатка для отдыха с койками в два яруса, слева — служебное помещение со столом и стульями. На стенах висели цветные диаграммы. Окно выходило на буровую, на площадку, где приготовлялся глинистый раствор, — а дальше синело широкое-широкое море. Конечно, и здесь дрожал под ногами пол, но гул был несколько приглушен.

У нас, в Азербайджане, разговор без крепко заваренного чая — не разговор. Гамбаров в крохотном коридорчике приготовил чай и принес два стакана.

Мы пили горячий чай, разговаривали, и мне вдруг показалось, что я очень давно знаю этого человека.

Я спросил, как восприняли в бригаде письмо Леонида Ильича Брежнева.

— Ну, сами понимаете, как мы обрадовались, — улыбнулся мастер, разведя руками. — Уж очень неожиданно... И такое письмо! Можно сказать, Леонид Ильич обратился к нам поименно... Очень высокая оценка, и, конечно, она обязывает нас... Мы всей бригадой прочитали письмо, настроение было радостное, как на празднике, и тогда-то мы и решили, что закончим бурить 383-ю к Дню Победы.

— Послушайте, — сказал я. — Вся страна теперь знает о Вас лично и обо всей бригаде. Но хотелось бы услышать — как вы добиваетесь досрочной проходки скважин?

Мастер отставил пустой стакан.

— Вряд ли я скажу что-либо новое. Да и нет тут никакого секрета. Первое дело — дисциплина. Четкая организация каждого дня. Каждый член бригады точно знает свою задачу и свое место. Ни единого часа простоя. У нас твердое правило: каждый рабочий должен владеть смежной специальностью — чтобы, если надо, заменить слесаря, плотника, монтажника. Второе — соревнование. Смены соревнуются друг с другом. Понятно, никому не хочется отставать, поэтому у нас не бывает ленивой раскачки, холодка в работе. И третье: мы стараемся содержать оборудование в исправном состоянии. Вот наши секреты.

— А были у вас в бригаде такие случаи... ну, непредвиденные, аварийные, что ли?

Гамбаров усмехнулся:

— Это вы, журналисты, любите «случаи». А мы их не любим. Что Вам сказать? От неожиданностей никто не гарантирован. За многие годы, что мы работаем на сангачальском месторождении, была у нас одна серьезная авария. Бурили мы на берегу скважину с проектной глубиной 2972 метра. И вот однажды, когда опускали колонну труб, на глубине две двести произошел обвал стенок скважины. Крепко прихватило долото. Это плохая неожиданность, можно запороть скважину, понимаете?

— Но вы не запороли?

— Нет. Это долго рассказывать, но, в общем, мы аварию сумели ликвидировать. Даже нагнали упущенное. Все смены давали по 150—160 процентов. Скважину мы сдали на 26 дней раньше срока. А вообще, — повторил мастер, — мы «случаи» не любим. Проходку надо вести беспрерывно и планомерно, пока не продырявим грунт до продуктивной толщи.

Послышались быстрые шаги. Взбежав по деревянным ступенькам, в будку вошел Зейнал:

— Нефть привезли. Куда сливать?

— Куда, куда, — проворчал мастер. — У нас все чаны еще полные. Пусть приедет через два часа.

— Я водителю так и сказал, а он и слушать не хочет.

— Ну, сейчас я с ним поговорю.

Мастер Гамбаров быстрым шагом вышел из будки, следом за ним — Зейнал. Я подошел к стене, к диаграммам и стал рассматривать продольный разрез 383-й скважины. На бумаге оставшееся расстояние от забоя до проектной глубины казалось совсем небольшим. Но по грохоту бурильного агрегата, по тому, как сотрясалась стальная площадка, видно было, какое сопротивление там, на огромной глубине, оказывают долоту пласты грунта. Немало напряженного труда еще предстояло бригаде до завершения бурения.

Вернулся Гамбаров. Сказал сердито:

— Вот это еще нам мешает. Нефть надо вовремя подвозить — это для добавки в глинистый раствор требуется немного нефти, так нет, пригнали цистерну на два часа раньше... — Он взглянул на меня выжидательно. — Ну, вроде бы, я все рассказал.

— Кроме одного. Теперь расскажите подробнее о себе.

Надежная смена

— Ох! — покачал мастер головой. — Попади только к вам, журналистам... Ну ладно, попробую рассказать, но для подробностей, извините, нет времени.

Вырос я в трудовой семье. В сорок четвертом году вернулся мой отец с войны с тяжелой болезнью — и как раз в тот год меня призвали в армию. Думал — пойду на фронт... заменю отца... А получилось по-другому: направили меня в нефтяную промышленность. Знаете ведь, как было: «Нефть — это тоже фронт»... Когда я уезжал в Баку — мы в районе жили, — отец сказал на прощанье: «Всю жизнь я честно работал. Живи и ты, сынок, честным трудом, чтоб не приходилось краснеть перед людьми». В сорок пятом, как раз накануне Победы, отец умер. А его слова остались со мной... Начал я работать в нефтепромысловом управлении имени 26 Бакинских Комиссаров. Простым рабочим. Повезло мне с учителями. Сперва я работал в бригаде Ага Нейматуллы — Вы о нем, конечно, слышали, замечательный был мастер, — а потом у Рустама Рустамова. В сорок седьмом направили меня в Карадагский район на турбинное бурение, через год я уже стал бурильщиком. А спустя еще четыре года назначили буровым мастером, дали бригаду. С тех пор и работаю в этой должности. Вот и все.

— Не все. Вы еще не рассказали о своих сыновьях.

— У меня пятеро сыновей и одна дочь, и если я начну обо всех рассказывать, бригада не выполнит план.

— Выполнит, — сказал я. — Вы сами говорили, что у вас хорошо знают свое дело! Начнем с Зейнала...

Гамбаров помолчал немного, и я заметил, что его озабоченный взгляд стал мягче.

— Что сказать Вам о Зейнале? Он не очень похож на меня лицом, и ростом повыше, но вот упрямством... по правде, упрямством он похож на меня. Я хотел, чтобы после десятилетки Зейнал поступил в институт, выучился на инженера. Но он твердил свое: хочу стать нефтяником. Хочу, говорит, собственным трудом жить, а учеба от меня не уйдет. Я понял: решил парень испытать свои силы. А раз такое дело... В общем, взял я его к себе в бригаду рабочим. Никаких поблажек не давал, да у нас это и не принято. Знаете ведь поговорку: «Захотел рыбы — не бойся лезть в воду». Ну, Зейнал не побоялся... Мне его не в чем было упрекнуть. Теперь он уже помощник бурильщика. Ну вот. А другие сыновья... Юсиф работал слесарем в турбинном цехе, сей-

час он в армии. Муталлим — плотник в конторе бурения. Мохсун учится в восьмом классе, а Эльдар — в шестом. Дочка — Кызетар — окончила медицинский техникум...

— Кызетар? — переспросил я. — У вас только одна дочь, зачем же вы ее так назвали?

(У азербайджанцев есть обычай: если в семье рождается много девочек, то последнюю называют Кызетар, что означает «хватит девочек».)

Гамбаров рассмеялся и ничего не ответил. Он натянул брезентовую куртку, надел на голову каску. По его решительному виду я понял, что разговор окончен.

Мы вышли из культбудки и подошли к буровой. От грохота тяжелых машин, от стремительного вращения «квадрата» над устьем скважины дрожала и сотрясалась гигантская вышка.

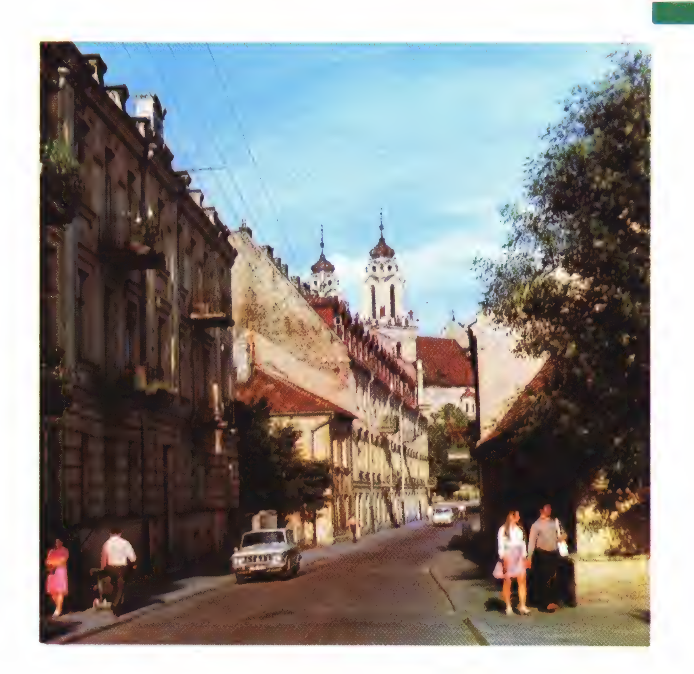
Море под нами, у стальных ног эстакады, было чистое, нигде не видно нефтяных пятен. Вспомнились плакаты, развешанные вдоль эстакад: «Нефтяники, берегите наш Каспий!», «Операторы, не допускайте загрязнения моря!», «Помните, что одна капля нефти загрязняет 20 кв. метров морской поверхности!» Как видно, борьба за чистоту Каспия, ведущаяся в последние годы, уже давала результаты...

Пора уезжать. На прощанье фотограф попросил Мамеда Гамбарова сняться вместе с Зейналом. И вот они встали рядом, мастер положил руку на плечо своего рослого сына, и объектив запечатлел их улыбку.

...Уже садясь в машину, я спохватился: не успел задать Гамбарову последнего вопроса — что он может сказать по поводу выдвижения его кандидатом в депутаты Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Теперь, когда выборы состоялись, можно сердечно поздравить Героя Социалистического Труда бурового мастера Мамеда Гамбарова с высокой честью: избиратели дружно отдали свои голоса за его кандидатуру. Пожелаем прославленному нефтянику успешной работы на почетном общественном поприще.

Перевод с азербайджанского *Е. Войскунского*

Только при социализме я познал счастье творческого труда на благо народа. С великими надеждами вступаю в десятую пятилетку, названную Леонидом Ильичем Брежневым пятилеткой качества, пятилеткой эффективности.

ЙОНАС ДОВИДАЙТИС

БРИГАДИР ШИЛЕЙКИС

Пятрас Шилейкис родился и вырос в одном из живописнейших уголков Литвы — в Зарасайском крае, где не менее трехсот озер и озерков сверкают среди несчетных холмов, пригорков, городищ и курганов.

В пяти километрах от городка Салакас, между двумя чудесными озерками Скранделис и Каушис, соединенными малой речонкой, втиснулась деревня Кемёнис. В ней было всего пятьдесят дворов, но только у одного хозяина насчитывалось тридцать три гектара пашни, у других — жалкие обрезки. Несмотря на красоты природы, земля здесь искони трудная: пески, кочкарники, болотца. Те из жителей, кто мог прокормиться собственным хлебом, слыли «богатеями», про них говорили: «Этот в достатке живет — свой хлеб печет».

У Шилейкисов, кроме Пятраса, были еще две дочки. Хлеба своего семье не хватало, и отец, как и большинство жителей села Кемёнис, часто отправлялся на заработки. С детства Пятрас начал трудиться: сначала по дому, а потом — батраком у зажиточного хозяина. Как-то осенью пришел хозяин на картофельное поле, оглядел сгорбленных женщин-наймичек, копавших клубни, и, заметив щуплого подростка среди них, окликнул, поманил пальцем к себе, начал выспрашивать:

— Уж не ты ли прошлой ночью красный флаг на Микуленской горе вывесил? Верно отец тебя научил. Он ведь, что ни вечер, у Пупейкиса просиживает, да и соседей собирает.

Только значительно позже Пятрас узнал, что учитель Стасис Пупейкис с 1928 г. состоял членом компартии, руководил в Кемёнисе ячейкой, вел революционную пропаганду среди крестьян Зарасайского уезда, печатая на гектографе листовки, вывешивал красный флаг. По тем временам за такую деятельность учителю грозило длительное тюремное заключение.

Но с середины лета 1940 г. в Кемёнисе уже открыто развевались красные флаги. Литва стала равноправной республикой Страны Советов. Бедняка наделяли землей — и уже никто не боялся посещать собрания, громко говорить о том, что вся власть принадлежит трудовому народу.

Пятрас Шилейкис с учебниками в сумке продолжал ходить в школу. Он мечтал получить среднее образование. Учителя объясняли ребятам, что теперь никто не посмеет угнетать крестьян, почет и уважение тому, кто сам пашет землю, выращивает хлеб.

А через год жаркое лето пришло с войной. Под пятой оккупантов тяжко пришлось не только кемёнцам, но и всем литовским труженикам.

Лишь в сорок четвертом фронт откатился от освобожденного городка Салакаса на запад. Поредевшие дивизии гитлеровцев яростно цеплялись за последние километры советской территории. Перед уходом фашисты разбили и сожгли Салакас.

Пятрас принял было решение проситься добровольцем на фронт. Но не получилось. Ему сказали: «Ты, парень, пока нужен здесь, ведь кому-то надо пахать и засевать землю, население и фронт нуждаются в хлебе».

Призвали молодого Шилейкиса в армию только в январе 1945 г.

В воинской части Пятрас выделялся трудолюбием, бодрым настроением и особым усердием в учебе. Он и окоп быстрее всех выкапывал, и гранату далеко метал, а по меткости стрельбы из легкого пулемета вышел на первое место в роте.

По вспаханной снарядами вражеской земле по ту сторону Одера прошел Пятрас со своей частью почти до самого Берлина. На каком-то разрушенном железнодорожном полустанке подстерегла его вражеская мина. Осколки вонзились в ногу, руку, в голову.

В Смоленском госпитале Пятрас узнал: война кончилась.

* * *

В 1947-м, когда для Пятраса уже истекал срок воинской службы, его

*Строгий контроль работ —
закон бригады*

перевели в строительное. Конечно, Пятрас соскучился по дому. Но раз надо потрудиться на больших и неотложных стройках, Шилейкис готов — он никогда не боялся работы. К тому же предстояла передислокация в Москву. Это вызывало интерес.

В Москве майор Иванов сказал выстроенным бойцам:

— Научим вас разным профессиям. Поработаете с инструкторами, будете зарплату получать, в отпуск домой сумеете съездить. А потом вольетесь в ряды славного рабочего класса. Вернетесь домой — станете самыми нужными людьми. Ведь в нашей стране строек теперь не перечесть!

И зачитал список — какое подразделение зачислено в каменщики, какое в штукатуры, монтажники, плотники, маляры — да мало ли нашлось специальностей.

— Разрешите обратиться, — подал голос Пятрас Шилейкис, теперь уже младший сержант.

— Обращайтесь.

— Наше подразделение зачислено в штукатуры, а нам очень хотелось бы в маляры. Можно?

— Вполне, — ответил майор. — Выбирайте профессию по душе. Записываю: маляры!

С малых лет еще в Кемёнисе он любовался, как от малярной кисти светлеет в доме, как преображаются от красок грузные печи. А до чего красивы свежевыкрашенные окна и двери!

Маляр в деревне — особенно почетная профессия. Подбирать краски, находить новые и новые оттенки, настенными росписями веселить глаз и сердце — это же очень интересно, и для людей радость. Краски прогоняют скуку и усталость, порождают бодрые мысли. Уныло бывает в закопченной хате, зато как отдыхает глаз, когда войдешь в светлую горенку, где так и светится белый потолок!

Шилейкиса и его товарищей обучали опытные московские специалисты, щедро делились с ними секретами своей профессии.

Полюбилась ему красавица Москва.

Четыре раза приезжал Пятрас в отпуск в Кемёнис. И там было много нового: колхоз, в который вступила его семья; в районном центре выросли новые дома и целые улицы. Жизнь в деревне преобразилась. Пятрас радовался: отличную профессию выбрал он.

Соседи в Кемёнисе не могли наглядеться на сержанта Шилейкиса. Возмужал парень, окреп. Живет в Москве. В городе у Черного моря побывал в командировке. Мастером стал и отцу дом выкрасил, и соседям. А рассказывать начнет — заслушаешься: особенно интересно о международной политике. И в обхождении очень простой, дружелюбный.

В 1950 г. старший сержант Пятрас Шилейкис уволился в запас — с похвальными отзывами и благодарностями за образцовую военную службу, за хорошее исполнение производственных работ, за успехи в социалистическом соревновании. Военно-трудовая служба отлично подготовила его к дальнейшей жизни.

* * *

В одну из поездок в Вильнюс Шилейкис случайно встретил троих товарищей — тоже маляров. Вчетвером поступили они в строительное управление, в одну и ту же бригаду, вместе поселились в общежитии и решили держаться дружно — как держались в строительном подразделении.

Руководил бригадой человек хотя и пожилой, не новичок в своем деле, но, оказалось, ненадежный. Красили тогда новый корпус на швейной фабрике «Лелия». Шилейкис и его товарищи заметили: порядок в бригаде

неважный. И качество работы много хуже, чем на московских стройках. И выпивохи водятся, и прогульщики. Случалось, что в рабочее время кое-кто из маляров уходил на «левые» подряды. А бригадир смотрел на это сквозь пальцы, да и сам частенько отлынивал от работы.

Сказал Пятрас друзьям:

— Раскисла наша бригада, как плохой студень. А ну-ка покажем, как надо трудиться.

Но на беду вскоре кончились покрасочные работы, маляров перевели на бетон. Может, в другой город перебраться, где малярам найдется работа?

— Я из Вильнюса ни на шаг, — категорически заявил Шилейкис. — Не «летун». От трудностей бегать нам не к лицу.

И все же один из них перебрался в Каунас. А двое других остались с Шилейкисом. Сам он твердо держит свое слово: уже четверть века отработал в 3-м строительном управлении Вильнюса.

Работая в цехах «Лелии», познакомился Пятрас с девушкой, со швеей Антаниной. Она родом тоже из деревни, из озерного края восточной Литвы. Вспоминая то время, Шилейкис улыбается:

— Крепко запала мне в душу Антанина. Славно подружились мы с ней, уговорились: коль решили создавать семью, так не на пробу, а на всю жизнь. Вот я и женился — семейная жизнь ставит мужчину на крепкие рельсы.

После рождения дочери Бируте комната в общежитии стала тесна. Вторая дочка — Регина... Как быть?

В стройуправлении примерный работник Шилейкис был на хорошем счету. Включили его в списки на получение квартиры. Да в списках тех сотни фамилий, а с жильем в Вильнюсе не так-то просто было: растет население литовской столицы — входят в строй новые заводы, фабрики, культурные учреждения. И жителей все прибавляется.

В долине, у пригорка, маляр Шилейкис получил участок для застройки. Тогда город еще отапливался не натуральным газом, а каменным углем. Черного шлаку сколько угодно, заберешь — спасибо скажут. Мешая шлак с бетоном, Пятрас по вечерам лепил стены будущего четырехкомнатного домика, покрывал кровлей. Вот и пригодились все профессии, которым успел научиться за свою еще недолгую жизнь.

В этом доме родились в их семье еще две дочери.

* * *

В 1954 г. назначили Шилейкиса звеньевым, потом бригадиром.

В бригаде у него ни мало ни много 29 человек. Случится с кем-либо неприятность, Пятрас не спешит с выговором, сначала серьезно и внимательно разберется в ситуации. И если виноват человек, для первого раза строго скажет: «Чтоб это больше не повторялось!» Говорить второй раз ему редко приходится. Во всем у него порядок. Работу распределит так, что каждый сразу чувствует: дело по нраву, но и ответственность немалая. Никаких простоев не допускает Шилейкис в своей бригаде. Он раз и навсегда запомнил: плохая организация труда и безделье душу разъедают, расшатывают дисциплину, а без нее толку не добьешься.

Серьезным людям по душе порядок. И не случайно в бригаде Шилейкиса немало старожилов. Вот уже 24 года бывший бетонщик Александр Дайнис работает вместе с Пятрасом, малярному делу его обучил Пятрас. Остался в бригаде и зарасайский житель Федор Лизунов, исколесивший немало дорог. Двадцатилетие своей работы в бригаде отпраздновал Петр

Хаткевич, десятилетие — Янина Курманавичене.

Бригадир Шилейкис особенно заботится о правильной организации труда в своем «подразделении».

Где отдыхать и как проводить обеденный перерыв? На любом объекте Шилейкис находит комнату или хотя бы определенное место, прилаживает вешалку для чистой одежды, ставит столы со скатертями, стулья или скамьи. На столиках — свежие газеты, журналы, на стене — текст принятых обязательств, результаты соцсоревнования внутри бригады по месяцам и кварталам. Чистота в столовой, как говорится, стерильная. Сюда не принесут ни инструмент, ни материал, как это нередко бывает в других бригадах. А если руководитель проявляет такое внимание к рабочему, тот невольно сам старается подтянуться.

По настоянию Шилейкиса управление выделило для бригады передвижной домик, именуемый рабочим вагончиком. Этот вагончик устанавливается там, где коллективу предстоит потрудиться подольше. Получился своеобразный дом культуры и отдыха на колесах. Всегда здесь яркое электрическое освещение, всегда чисто, тепло, звучит радио, в умывальниках горячая вода, на окнах занавески. Бригаде это нравится. Люди сближаются, дружат, устанавливается полное согласие. А сам Шилейкис — считай, вроде отец для тех, кто помоложе; товарищ и добрый советчик для ровни.

О бригаде Шилейкиса вскоре заговорили на всех строительных площадках. В отдел кадров управления стали приходить рабочие: «Хочу к Шилейкису!»

Наладив внутренний распорядок и дисциплину, укрепив в бригаде взыскательные товарищеские взаимоотношения, Шилейкис стал энергично добиваться и качественных изменений в работе. Правильно организуя труд, всегда своевременно представляя заявки на материалы, бригадир постепенно достиг того, что задания стали выполняться без особого напряжения. Заработок рабочих значительно увеличился.

* * *

Задание восьмой пятилетки бригада Шилейкиса выполнила с большим опережением сроков, в социалистическом соревновании заняла первое место в управлении, достигла лучших по республике показателей: вместо плановой выработки 20 кв. метров на одного маляра добилась 25 кв. метров.

Девятая пятилетка ознаменовалась новыми рекордами — бригада добилась выработки 30 кв. метров на одного маляра. Сам Шилейкис стал специалистом высшего класса, освоил и внедрил новейшую технику, обучил наилучшему обращению с ней всю бригаду. Теперь уже шилейкисовцы мастерски выполняли самые сложные работы. Красили под шелк, под дуб, под орех, под мрамор... Десять лет назад производственные цехи белили только известью, теперь бригада применяет разноцветные клеевые составы и масляные краски. Цветовая гамма способствует хорошему настроению, а это верный залог роста производительности труда.

Появилось в бригаде много технических новшеств, облегчающих труд маляра и улучшающих качество работы.

Когда Пятрас пришел на вильнюсские стройки, здесь были в ходу только ручные краскопульты — один рабочий белит, другой краскопульт качает; а ведра с красками таскали с этажа на этаж. Теперь бригада оснащена компрессорами.

Получили маляры и бескомпрессорные агрегаты, центрифугальные насосы-распылители, пистолеты для мас-

Больше самостоятельности, друзья!

ляной краски, механические валики, мелотерки, механизированные смесители. Пришлось бригадиру поразмыслить, как лучше наладить новую технику. При неполадках сразу идут советоваться с Пятрасом.

Все трудности преодолевать безотлагательно — таков стиль работы Шилейкиса. И своих звеньевых — Дайниса, Хаткевича, Лизунова, Карманавичене Шилейкис приучил быть всегда инициативными. «Больше самостоятельности, друзья! Все мы в ответе за огромное общее дело!»

Шли годы. На стройплощадках за Шилейкисом прочно закрепилось доброе имя передового бригадира. В управлении говорят: «Если за дело берется бригада Шилейкиса — будто гора с плеч! Великолепный организатор! Побольше бы таких! И там, где его бригада работает, никаких забот: качество высокое, нет такого дня, чтобы задания не перевыполнили. А с каким огоньком берется сам Шилейкис за кисть или распылитель!»

— Мы Шилейкиса иначе не называем, как «асом строек», — говорит инженер Ильин. — Его бригада уже работает в счет плана 1977 года. А в основе этого — хорошая организация труда. Работают дружно.

Шилейкис всегда находит ключ к сердцам людей. Перед тем как потребовать от бригады что-нибудь новое, сам показывает пример, проявляет неиссякаемую энергию и душевную теплоту.

Так приобрел он исключительный авторитет, а бригада его получила почетное звание коллектива коммунистического труда. И этим гордится каждый член бригады, бережет ее честь. А как все радовались, узнав, что Пятрас Шилейкис награжден орденом Ленина! В то утро на работе встретили бригадира букетами цветов. Было кому цветы собирать: в бригаде всего девять мужчин, а девушек... двадцать!

* * *

Пятрас — коренастый, круглолицый. Говорит он неторопливо, но ходит быстро. По характеру очень настойчив: если поставит перед собой задачу, непременно добьется своего.

Бригада у него — интернациональная: литовцы, русские, белорусы, поляки, и все — как одна семья. Здесь отошли в область преданий прогулы и текучесть кадров. Молодежь, пришедшая из профтехшкол, сразу же приучается к дисциплине и четкости в выполнении заданий. Благотворное влияние на нее оказывает коллектив, его спаянность, чуткое отношение бригадира.

Бригада как победительница в социалистическом соревновании получает бесплатно в свое распоряжение автобус для туристских поездок в другие города, на лоно природы. Рабочие коллективно посещают театр и кино, музеи. Приглашают участвовать и гостей из других бригад. Чем больше компания, тем веселей!

В 1970 г. трудящиеся города Вильнюса выдвинули Пятраса Шилейкиса кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Кандидатура рабочего бригадира получила единодушную поддержку избирателей. Депутат! Великое доверие народа и огромная ответственность.

Когда он прибыл в такую знакомую и близкую Москву на сессию Верховного Совета СССР, его поместили в гостинице «Россия». Из окна своего номера он увидел знакомое здание близ Красной площади, где два десятилетия тому назад, он, солдат строительного подразделения овладел профессией маляра. Таково было начало трудового пути, приведшего сына сельского бедняка в депутаты Верховного Совета великой страны победившего социализма...

В установленные дни Пятрас Шилейкис, вернувшись с работы, спешит

Какие тюльпаны!

на встречу с избирателями: кто пришел за советом, кто за помощью, а кто с деловым предложением. И каждому стремится помочь депутат Шилейкис.

Как-то раз явились к нему рабочие завода железобетонных конструкций № 4. Уже третий год действует предприятие, а столовой при заводе нет. Депутат Шилейкис взялся за дело. В республиканских учреждениях ему сообщили: строительство столовой давно запланировано, но откладывается из года в год, потому что каждый раз не выделяются средства для капитального строительства.

При первой же поездке в Москву Шилейкис направился в союзное министерство. И добился своего. В Вильнюсском тресте руководители горячо благодарили его:

— Спасибо! Столовая в план капитального строительства включена. Приступаем к строительству.

Подобных примеров много.

Девятая пятилетка в биографии бригадира Пятраса Шилейкиса полна знаменательных событий. Его приняли в члены КПСС, избрали в партком треста. Он подружился с прославленным новатором Злобиным. Выступал на многих семинарах, симпозиумах, рассказывал о своем рабочем опыте, знакомился с деятельностью других коллективов. Побывал за границей: встречался с рабочими-строителями ГДР.

И повторно был избран Пятрас Шилейкис в Верховный Совет СССР.

А минувший 1974 год был для Шилейкиса особенным — ему присвоили звание Героя Социалистического Труда. Второй орден Ленина, Золотая Звезда украсили его грудь. Получая награду, Шилейкис сказал:

— С детства я узнал, что такое работа. Но была она тогда в буржуазной Литве тяжелой — за ломоть черного хлеба. Жизнь тружеников казалась беспросветной. И только при социализме я познал счастье творческого труда на благо всего народа. Высокая награда — присвоение мне звания Героя Социалистического Труда вдохновляет на новые трудовые свершения. Чтобы закрепить успехи, будем работать еще дружнее, энергичнее. Ведь с каждым годом перед нами расширяются горизонты, умножаются наши знания, растут силы, крепнет коммунистическое сознание. С великими надеждами вступаем мы в десятую пятилетку, в пятилетку качества — как назвал ее Леонид Ильич Брежнев.

А как идут дела в бригаде, когда у ее руководителя прибавилось столько дел и хлопот?

Она по-прежнему высоко держит знамя ударного труда. Добивается выработки на каждого члена бригады в 30,2 кв. метра. Борется за дальнейшую экономию материалов, за повышение квалификации и освоение смежных профессий, за то, чтобы у каждого молодого работника бригады было законченное среднее образование. И, конечно, за победу в соревновании с не менее славной бригадой маляров З. Куликаускаса.

...Встав в шесть часов утра, Пятрас Шилейкис едет в Пабярже, городок километрах в 30 от Вильнюса, где строится огромный цех завода сельскохозяйственных машин. Распределив там работу, Пятрас возвращается в Вильнюс, посещает ремонтируемое его бригадой рабочее общежитие, столовую завода электроизмерительной техники... Везде запах свежей краски. Везде шумят распылители.

А после обеда — экспериментальный завод. Административный корпус уже кончают строить. Теперь дело за малярами.

Пятрас Шилейкис натягивает комбинезон. Рука уверенно берется за рукоять распылителя...

Вскоре предстоит поездка за рубеж. Посмотрит советский маляр, литовец Пятрас Шилейкис, Герой труда, как живут рабочие в других странах, расскажет им о своей работе, о замечательных советских мастерах. И про чудесную свою Родину — Советский Союз — тоже расскажет.

Никакая, даже самая совершенная система организации труда не даст эффекта, если она не подкрепляется чувством высокой ответственности рабочего.

Ботезат

ДМИТРИЙ ОЛЬЧЕНКО

ГЛАВНОЕ — КАЧЕСТВО

Смена кончилась. Иван Федорович собрал инструмент, привел в порядок рабочее место, и мы направились к выходу. На улице пригретые апрельским солнцем деревья уже покрывались первой робкой зеленью.

Мы решили немного прогуляться.

Накануне мой собеседник Герой Социалистического Труда Иван Федорович Ботезат встречался с учениками старших классов одной из кишиневских школ, где его беседа о заводе «Электроточприбор» вызвала неподдельный интерес юных слушателей. Гость рассказал, как шестнадцать лет назад он, ученик слесаря, закладывал первые кирпичи в стены будущего завода.

Предприятие создавалось на базе небольших автомобильных мастерских и в самые короткие сроки стало одним из немногих в стране заводов, выпускающих дефектоскопы.

О сегодняшнем своем собеседнике до сих пор я знал очень немногое: имя передового рабочего нет-нет да и мелькнет на страницах газеты, иногда его упоминали дикторы радио и телевидения. Полученная таким путем информация слишком отрывочна и случайна, чтобы дать возможно полное представление о человеке, который еще в 1965 году был награжден орденом Ленина, а в 1972 за высокие производственные достижения получил звание Героя Социалистического Труда. Для многих, наверное, и для меня в том числе, понятие героя всегда ассоциировалось с какими-то необыкновенными чертами характера да и внешностью человека. Я с напряженным вниманием присматривался к Ивану Федоровичу Ботезату, вслушивался в его немногословную речь, искал в нем эти необыкновенные черты. А передо мною, по первым впечатлениям, предстал человек, ничем внешне не выделяющийся: чуть выше среднего роста, правильные черты лица, голубоглазый, несколько погруженный в себя. Но с кем бы я ни говорил о нем на заводе, все подчеркивали его редкостное трудолюбие, отзывчивость и скромность. Но ведь не за эти качества награждают орденами!

— Верно, только за скромность и простоту ордена не положено, — согласился Иван Гаврилович Диозу, секретарь заводского партийного комитета, с которым я разговаривал всего день назад.

— Предполагается, что эти черты характера должны быть присущи каждому. Подлинная одаренность, деловитость человека, его преданность идеалам нашего общества чаще всего сочетаются с простотой и скромностью.

Иван Федорович Ботезат на протяжении полутора десятков лет изо дня в день работает без брака, перекрывает сменную норму в полтора-два раза; общественной работе за все эти годы он отдает не меньше души, чем производству; примерно за это же время он подготовил как наставник свыше тридцати молодых специалистов слесарного дела; успел окончить вечернюю среднюю школу и заочно электромеханический техникум.

* * *

Больше трех трудовых пятилеток осталось за спиной слесаря Ивана Ботезата. И каждую пятилетку Ботезат выполнял за три, три с половиной года. В марте 1975 года он работает уже в счет осени 1977 года. Наш герой — далеко не старец, убеленный сединами. Ему — сорок. А выглядит он и того моложе.

* * *

Детство Ивана Ботезата прошло в молдавском селе Самашканы. Был он четвертым, самым меньшим ребенком в семье. Матери не помнит — она умерла, когда мальчику не исполнилось и трех лет.

До недавнего времени, пока был жив отец, Иван Федорович, когда позволяли обстоятельства, любил наведываться ранней весной, в дни обрез-

В праздничный день

ки виноградной лозы, в родное село. В его душе вновь просыпалось нетерпение виноградаря, основательно приглушенное городской жизнью. Лопата, вонзенная в мягкую землю отцовского виноградника, порождала в нем сложное чувство и какой-то праздничности, и желания насладиться знакомым с детства трудом. Его рукам, теперь уже привыкшим к металлу слесарных инструментов, приятно было ощутить черенок лопаты, топорище или ручку садовой пилы. Все это пробуждало в его памяти далекие, но близкие сердцу воспоминания.

Он был застенчивым, несколько мечтательным подростком. Им владела неотступная мечта: жить в большом, многолюдном городе, работать на заводе, где производятся всевозможные машины. Он видел себя в замасленной спецовке стоящим у станка. Он грезил этим наяву. Его властно притягивало граничащее в его представлении с колдовством умение из куска металла создавать готовую, замысловатую и очень нужную вещь, как это делал сельский кузнец старый цыган Штефан. Паренек мог часами, не отводя глаз, следить за взлетом тяжелого молота над наковальней, над куском добела раскаленного железа.

* * *

Летом, по окончании семилетки, Иван упросил соседского шофера, работавшего в райпотребсоюзе, в ближайшую же поездку в Кишинев взять его с собой. Он доверился соседу, рассказал, зачем ему нужно побывать в Кишиневе. Шофер уступил его просьбе. В Кишиневе остановил машину близ вокзала и показал на противоположную сторону улицы, где над широкими, кованными из железа воротами висели крупные металлические буквы: «Электромеханический завод имени Котовского».

— Иди смело, не робей! Желаю удачи! — напутствовал Ивана шофер, захлопывая дверку автомобиля.

Паренек долго топтался у проходной, наконец, набравшись смелости, вошел во двор. Все кончилось неожиданно просто. Пожилой мужчина в отделе кадров, бегло глянув на него, равнодушно сказал, что ученики заводу не требуются. Вернулся Иван на улицу вроде бы не очень огорченным. Бесцельно направился к центру города. На перекрестке постоял, огляделся. Бросилась в глаза афишка, приклеенная к забору. Подошел ближе. Ремесленное строительное училище набирало учащихся. Правда, стройка — не то, о чем столько мечтал

Иван, но, может быть, и это интересно? Строители всюду нужны.

Половина Кишинева еще лежала в послевоенных руинах. Въезжая в Кишинев со стороны Вистерничен, Иван смотрел из кабины грузовика и поражался множеству развалин. Где же тут люди живут!..

* * *

...Немного лет спустя, на строительстве городского почтамта, Иван Ботезат признался своему наставнику — пожилому каменщику Антону Филипповичу, что не лежит у него душа к мастерку. Антон Филиппович пристально посмотрел на паренька, как бы желая установить, серьезно он говорит или, как иногда бывает в таком возрасте, захандрил. Нет, на хандру не похоже. Иван говорил о наболевшем. А ведь если посмотреть, как уверенно он ведет кладку, с какой точностью бросает раствор и как умело прилаживает очередной кирпич, никогда не подумаешь, что парень занимается чуждым ему делом.

«Что тебе сказать, сынок? — после молчания заговорил старый мастер.— Наверно, не всегда получается, что человек сразу выбирает профессию по сердцу. Работник ты, видать, отменный, из тех, кто любое дело — по душе оно, не по душе — делает добросовестно, умеючи. Что же — парень ты молодой, жизнь у тебя на самом взлете, ищи работу по сердцу. Но куда бы ты ни устроился, сохрани главное, что требуется в работе, — совесть! Она должна быть у человека на первом плане...»

Антон Филиппович и сам не ожидал, что его слова окажутся напутственными: через несколько дней Иван получил повестку из военкомата. С легким сердцем расстался он с мастерком, но грустно было расставаться с товарищами по работе. В Севастополе Ивана Ботезата определили сначала в учебный отряд, где он в совершенстве постиг мастерство зенитного огня. Потом молодого моряка перевели на крейсер. Первое время он никак не мог привыкнуть к мысли, что плавучая громадина, которая на годы стала его домом, сработана из многих тысяч тонн стали обыкновенными человеческими руками. Вот, оказывается, какие есть мастера по металлу! И это вернуло его к прежним мечтам о слесарной профессии.

* * *

И опять словно прикипел к ладони полузабытый мастерок! Опять, подчиняясь точному движению руки, сбрасывает мастерок раствор на кладку, «стелет» его, подбирает излишки с боков, привычно подхватывает кирпич (то ли полегчали нынче кирпичи, то ли силенки прибавилось в руках!) и укладывает его на приготовленную из раствора «постель». Лежать этому кирпичу десятки лет, а возможно — и века.

А как же прежняя мечта? Может быть, погасла и теперь вспоминается как причуда подростка? Нет, она живет и по-прежнему владеет мыслями Ивана Ботезата.

Как-то вечером на квартиру, где Иван снимал комнатку, забежал старый приятель — вместе учились в ремесленном. Он слышал, что в городе строится новый завод. Будет выпускать какие-то любопытные приборы...

* * *

Бывшие автомобильные мастерские, на базе которых возникал завод, размещались в нижней части города. Днем будущие металлисты работали каменщиками и штукатурами, достраивали цеховые помещения, бытовки, склады. Вот где пригодился Ивану Ботезату мастерок! Днем строили, а по вечерам инженеры и техники

читали строителям лекции по металлообработке, обучали их приемам работы. Радовало сознание — пришел вместе с другими не на готовенькое. Пришел сначала построить завод, чтобы потом уже работать на нем. Для нравственного самоутверждения очень важно знать, что вот эти стены построены твоими руками. К чувству гордости примешивается чувство хозяина. Да, чувство хозяина! В старую оболочку слов вошло новое содержание, и в нем, как в зеркале солнце, отразилось всеобъемлющее понятие коллективизма.

* * *

Завод «Электроточприбор» — одно из передовых предприятий Кишинева. Он внесен в Золотую книгу Почета республики. В прошлом году коллектив завода завоевал переходящее Красное знамя горкома партии и горисполкома. По такому важному экономическому показателю, как производительность труда, «Электроточприбор» выполнил задание девятой пятилетки уже в середине 1974 года. Перевыполнение плановых заданий по объему производства также стало для завода обычным явлением. Четвертая часть выпускаемых на заводе приборов отмечена государственным Знаком качества. Бывают ли рекламации? В 1974 году сумма зарекламированной продукции составила всего около 0,7 процента. Свыше девяноста пяти процентов продукции завода рабочие сдают с первого предъявления.

Я перелистываю рабочую книжку Ивана Федоровича Ботезата, в которой записи ведутся с 1971 года. Личные обязательства у Ботезата на каждый год высокие: месячные задания выполнять на 140—160 процентов; всю продукцию сдавать с отличным качеством, с первого предъявления; отработать 4000 нормо-часов (рабочий, выполняющий дневное задание на 100 процентов, обычно отрабатывает около 2300 нормо-часов). Сверх того он обязался подготовить двух слесарей, постоянно оказывать им необходимую помощь. За все годы у Ивана Федоровича ни одного невыполненного обязательства. Начальник слесарного цеха Виктор Григорьевич Дарноступ положил рабочую книжку Ботезата в общую стопку и сказал:

— Вы спрашиваете, чем объяснить столь высокую производительность труда Ивана Федоровича. В первую очередь высокой профессиональной квалификацией слесаря, четкой организацией работы. У него продумано все: и расположение инструментов, и каждая операция... Мы прошли с вами по цеху. У Ботезата — ни минуты потерянного времени за всю смену. Я никогда не видел его стоящим без дела. А работает он сноровисто, быстро, уверенно. Вас интересуют «секреты» его мастерства? Ну какие тут секреты! Разве можно назвать секретом то, что Ботезат умеет работать, любит работать, отдается работе полностью.

* * *

Недавно я снова побывал (уже не помню который раз) в слесарном цехе. Иван Федорович изготавливал кожуха для дефектоскопов. Но сначала хотя бы коротко об этих приборах. Допустим, что на каком-то участке железной дороги произошла авария. Позднее специальная комиссия, расследуя обстоятельства крушения, установит причину: например, лопнул и сместился рельс. На поверхности разрыва эксперты обнаружили раковину, окруженную рыхлотами. Этот дефект, допущенный во время проката, нельзя было увидеть даже при сверхтщательном осмотре. Сейчас то, что недоступно человеческому глазу, легко находит прибор, смонтированный на специальной тележке. Катится эта тележка по рельсам — и не

Точный расчет —
гарантия качества

Ну улыбнись же, дочка!

скроется от чувствительного прибора даже микроскопическая трещинка в толще рельса. Дефектоскопы — это приборы неразрушающего контроля за качеством изделий. Завод выпускает их свыше сорока видов. Среди них и такие, что состоят из тысяч деталей, а по стоимости равны двум «Волгам». Принцип действия приборов тоже различен: ультразвуковые, люминесцентные, искровые, электроконтактные. Их постоянно совершенствуют, делают все более точными, все более универсальными.

Иван Ботезат недавно опубликовал в журнале «Коммунист Молдавии» интересную статью «За качество в ответе каждый». В ней он делится опытом коллектива «Электроприбора» в достижении высоких результатов борьбы за качество. Система, применяемая на «Электроточприборе», не родилась сама по себе. Кишиневские приборостроители положили в основу системы метод саратовцев, усовершенствовали его и дополнили опытом львовских предприятий. В результате «Электроточприбор» располагает сейчас очень действенными приемами борьбы за качество продукции, а следовательно, и за качество труда. Вот какие показатели берутся за основу при оценке работы цеха: количество рабочих, сдающих продукцию с первого предъявления, и процент сдачи такой продукции; случаи внутрицехового брака и наличие поступивших рекламаций; оперативное исправление причин брака; степень культуры труда; точный учет нарушений этого обязательного порядка наблюдения за качеством. Итоговые показатели борьбы за качество прямо связаны с премиальной оплатой труда рабочих и инженерно-технического персонала. Эта система укрепляет чувство моральной и материальной ответственности коллектива за производственные успехи всего предприятия.

* * *

В ожидании конца смены я пристроился в цехе возле окна понаблюдать за работой Ивана Федоровича. На работе он сосредоточен, молчалив, весь погружен в дело. Со стороны кажется, что он ведет безмолвный разговор с чертежами, напильниками, штангенциркулем, с фрезами и сверлами, отрешается от всего на свете, когда берет в руки кусок металла, чтобы превратить его в деталь прибора. Вот он берет алюминиевый лист, кладет его на слесарный стол. Быстрый взгляд на чертеж, ловкие манипуляции штангенциркулем. На листе металла появляются обозначения

множества отверстий, вентиляционных щелей, жалюзи. Движения мастера отработаны до автоматизма. Следующую операцию он проводит уже на прессе. Просверлив необходимые отверстия, отштамповав щели и жалюзи, слесарь переходит к третьему станку, где лист приобретает форму коробки с открытыми торцами. Раньше эта операция производилась вручную. Ботезат сконструировал специальное приспособление, и теперь необходимое время сократилось в восемь раз. Горка готовых кожухов для дефектоскопа росла прямо на глазах. Только на минутку оторвется Ботезат от чертежа, проверит изделие своего подопечного, сделает несколько коротких замечаний — и снова слесарные операции сменяют одна другую. Время от времени к Ботезату подойдет кто-нибудь из молодых рабочих с чертежом в руках. Происходит разговор вполголоса, лаконичное разъяснение и снова — работа. День за днем, месяц за месяцем, год за годом. Я видел человека, влюбленного в свое дело.

* * *

«Самые превосходные материалы и совершенная техника не могут служить стопроцентной гарантией качества, если у рабочего дремлет совесть», — говорит Иван Федорович. И он принадлежит именно к тем людям, для которых сама мысль о возможности брака в работе недопустима.

Он дорожит лучшими традициями своего коллектива, приумножает и ревностно хранит их.

Это нравственный кодекс рабочего.

* * *

Каждую пятницу Иван Ботезат торопится в райком партии на заседание бюро, членом которого он является. Он депутат Верховного Совета Молдавской ССР, член республиканского совета профсоюзов.

Ивану Федоровичу Ботезату — передовому слесарю и общественному деятелю, заслуженно пользующемуся уважением, органически свойственно сознание личной ответственности за все, что происходит в нашей жизни, в нашем обществе. Преданный своей профессии, он с достоинством несет звание передового труженика, создающего богатство и могущество нашей Родины. Это было и остается главным смыслом и призванием его жизни.

5 KM.
daudznaciju
audzibas

Качество труда — это прежде всего показатель чувства долга и ответственности человека.

ИНДУЛИС ЗЕЛТЫНЬШ

МЕБЕЛЬЩИК ИЗ РИГИ

За последнее десятилетие в мебельной промышленности произошли значительные перемены. Увеличился выпуск мебели, стал разнообразнее ассортимент ее, появилось много новых высококачественных, пластичных материа-

лов. Изменились и методы работы — теперь уже надо овладевать управлением сложными машинами и механизмами, внедрять автоматические и полуавтоматические линии.

Герой Социалистического Труда Петр Вильман — один из тех мастеров мебели, чей творческий поиск неизменно связан с изучением опыта передовиков и рационализаторов, совершенствованием своего мастерства.

Человек труда и поиска — так в нескольких словах можно охарактеризовать Петра Донатовича. Мужчина рослый, сильный, он располагает к себе и добродушной приветливой улыбкой и низким мягким голосом. После непродолжительной беседы с ним начинает казаться, что вы давно знаете этого человека, не раз по душам говорили с ним.

Облик и характер Петра Вильмана с наибольшей полнотой раскрываются во время работы. Как расчетливы и точны его движения, с какой тщательностью он отделывает материал. Спокойно, уверенно управляет машиной.

Начало биографии Петра Вильмана типично для поколения, в детство которого ворвалась война.

* * *

На левом берегу Даугавы, километрах в двадцати пяти от Даугавпилса, расположено местечко Салиена, где Донату Матвеевичу Вильману с братом принадлежал клочок земли и жилой дом. На этой не очень-то благодарной земле надо было работать без передышки, чтобы сносно прожить. Помогало крестьянское трудолюбие. В 1932 г. в семье Доната Матвеевича и Александры Игнатьевны появился первенец. Мальчика назвали Петром. С одинаковой любовью и требовательностью супруги Вильман вырастили и воспитали девятерых детей.

В хозяйстве для каждого находилось дело. С тех пор, как Петр начал помнить себя, в его обязанность входило подносить хворост к плите, присматривать за младшими сестренками и братишками, а когда стал повзрослее — выгонять скот на пастбище.

В семилетнем возрасте, напутствуемый отцом и матерью, Петр впервые отправился в Салиенскую семилетнюю школу. Радостный и улыбающийся, он никак не мог понять, почему молчаливы и озабочены его родители. А в тот день, 1 сентября 1939 года, началась вторая мировая война.

Тревожные сообщения газет все сильнее волновали людей, вызывали неуверенность в завтрашнем дне. Становилось ясно, что фашисты не остановятся перед захватом Латвии.

В июле сорокового года в Латвии установилась Советская власть. Но мирный труд длился недолго: в июне 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

В Салиене хозяйничали немецкие оккупанты.

Прислужники фашистов рыскали по домам, охотились за советскими активистами. Непомерно увеличивались налоги и всякие поборы натурой с крестьян. Местные националисты, богатые хуторяне шпионили за населением, расстреливали заподозренных в антифашизме, делили награбленное добро.

В это время в доме Вильманов как бы проездом стал довольно часто появляться двоюродный брат отца. Только позже дети узнали, что их дядя — партизан, что партизанская его кличка Коршун. Петр был особенно горд тем, что дядя не скрывал от него своей принадлежности к партизанам и даже давал ему различные поручения: считать проезжавшие автомашины оккупантов, запоминать, кто в

них находится, какие перевозятся грузы.

Небольшой хутор, у хозяев которого было так много детворы, не вызывал подозрений у гитлеровцев. Пользуясь этим, в доме Вильманов все чаще находили приют не только партизаны, но и бежавшие из фашистских лагерей советские военнопленные.

Детские воспоминания Петра связаны с ужасами войны. И только в сорок четвертом году, когда в Латвию вступила освободительница Советская Армия, в доме Вильманов кончились тревоги взрослых и детей.

Как и все дети, пережившие страшную войну, Петр выглядел старше своих лет. Серьезные мысли заботили его. Надо было продолжать учебу, подумать о работе. От родителей он перенял твердую убежденность: только труд дает человеку место в жизни.

Когда-то Петру интересной казалась работа шофера. По окончании семилетки он поехал в Даугавпилс на курсы шоферов, которые успешно окончил. Но оказалось, что возможность лихо «крутить баранку» его уже не прельщает. И Петр отправился в Ригу.

Поначалу он устроился в плотницкую бригаду, состоявшую из одиннадцати человек. В послевоенное время бригада восстанавливала старые разрушенные заводские цехи, строила новые.

Петру всерьез понравилось обрабатывать дерево. Все чаще и чаще появлялась мысль, что это и есть его призвание.

Трудно сейчас объяснить, почему не металл, не камень, не пластиковые материалы, а именно дерево привлекало Петра. Ему нравился естественный рисунок древесины, раскрывающийся при обработке дуба, березы, клена, ясеня, — в каждом случае разный и всегда освежающий. Эта влюбленность в материал все крепла — хо-

Неповторим облик моей Риги

телось раскрыть красоту дерева, чтобы люди могли любоваться ею.

Служба в армии — а служил Вильман в артиллерии — временно разлучила его с плотницкой бригадой. Вернувшись домой, он уже знал, в чем его призвание.

* * *

Петр Вильман пришел в цех предприятия «Ригас мебельниекс» («Рижский мебельщик») спросить, нужны ли рабочие. Так он попал в бригаду Освальда Рудзитиса, замечательного мастера, знавшего мебельное дело до мельчайших подробностей. У мастера были золотые руки и открытое для молодежи сердце.

Рудзитису понравилось внимательное отношение юноши к работе, его старательность, добросовестность. Освальд Рудзитис научил своего воспитанника распиловке и загрузке материала, предназначенного для просушки; потом занялся с ним обработкой реек и многих других деталей, без которых нельзя изготовить мебель. Он распознал в своем ученике особую любовь к дереву, и это еще более расположило его к Петру. У них сложились отношения взаимного уважения и доверия.

Настало время для работы с ручным инструментом; от простейшего переходили к более сложному; наконец, мастер стал доверять Петру точнейшие инструменты, требующие прямо-таки артистического обращения и особой сноровки. Петр Вильман выдержал и этот экзамен. Большую помощь оказывал молодому человеку и опытный мастер Ян Розе. Это была замечательная школа. Значительно позже, когда приходилось самостоятельно искать наиболее рациональные приемы и варианты обработки благородной древесины, опыт, приобретенный за годы учения, очень пригодился Петру Вильману.

Ассортимент мебели, изготовлявшейся в середине пятидесятых годов на «Рижском мебельщике», был довольно разнообразен и в общем-то отвечал вкусам тогдашней моды. Но уже появились в журналах новые модели, изготовление которых было очень привлекательно для вдохновенного мастера. Требовалась и специальная техника.

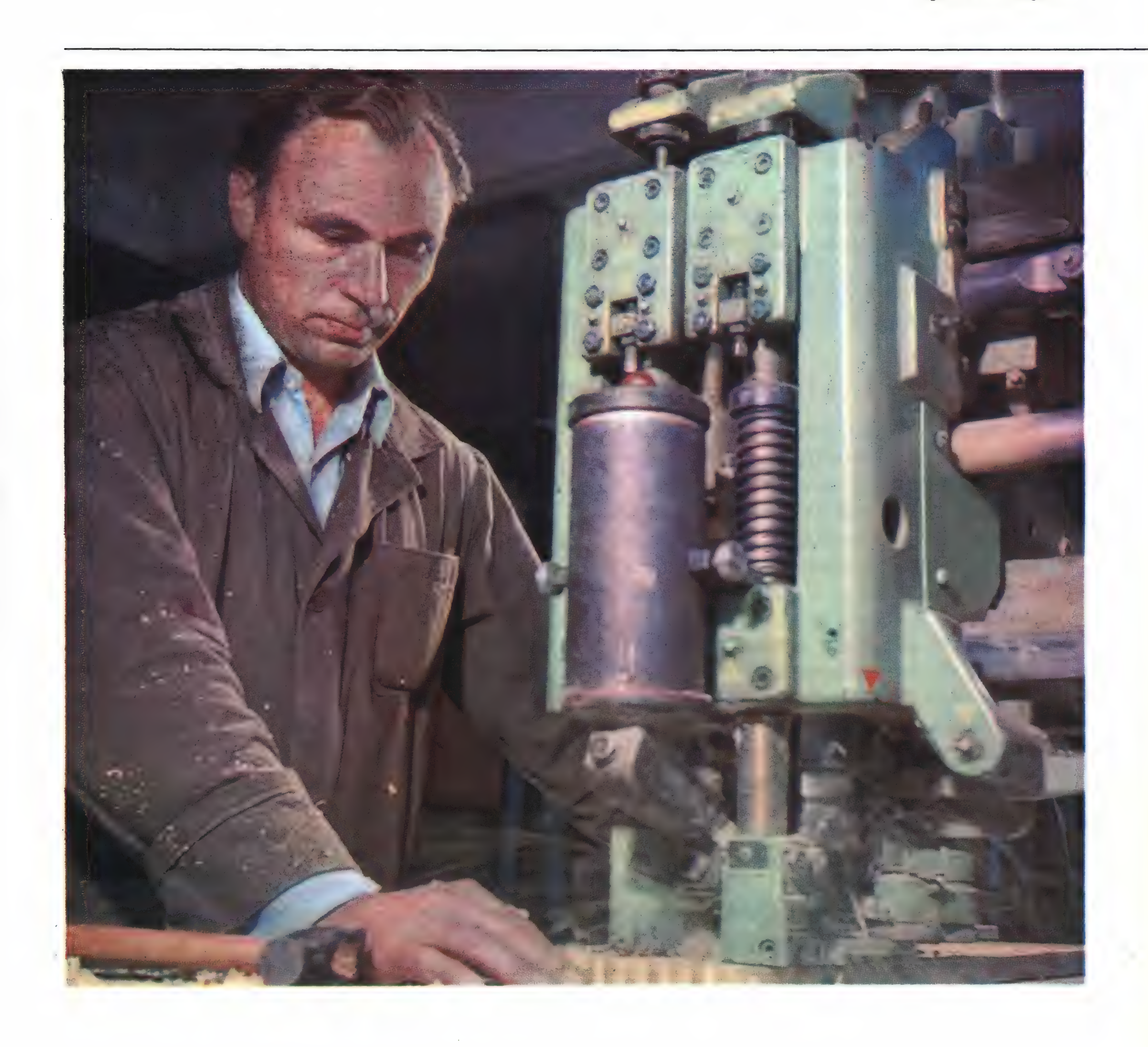
Тогда и перешел Вильман на мебельную фабрику «Ассоциация», которая была оснащена новейшим по тому времени оборудованием. Основные операции по обработке материала здесь выполнялись машинами. Фабрика в те годы производила одновременно более двадцати артикулов мебели.

* * *

Определили Вильмана в бригаду Ефимова — превосходного столяра, до тонкости знавшего различные деревообрабатывающие машины. Это и нужно было Петру. За два года он освоил управление машинами, все приемы наладки и регулировки. Тогда и назначили Петра Вильмана бригадиром участка механической обработки деревоматериалов. Поначалу трудно пришлось новому бригадиру. Не хватало рабочих. Больших усилий требовала и организация труда в бригаде. Слабая дисциплина в конечном счете вела к браку, штурмовщине, перерасходу материалов.

Со всеми этими неполадками надо кончать — решил Петр. Помогли его недюжинные организаторские способности. Он сумел подойти к людям. Требования дисциплины сочетал с товарищеским отношением к рабочим. А главное — он хорошо знал дело, обучал правильным приемам работы, и это укрепляло его авторитет. Бригада П. Вильмана постепенно становилась крепким, сплоченным коллективом. Производственная взаимовыручка стала здесь привычным явлением.

Поет древесина
в умелых руках

Помогали друг другу и советом, и делом. Инициатива каждого была направлена к общему успеху.

В работе появился четкий ритм, улучшилось качество изготовляемых деталей; расход материалов не превышал нормы.

Велика была радость рабочих, когда в 1958 году бригаде, одной из первых в деревообрабатывающей промышленности республики, было присвоено почетное звание бригады коммунистического труда. Коллектив успешно выполнил плановые задания и социалистические обязательства. Производительность труда в бригаде увеличилась за год на 8%; было сэкономлено материалов на 5000 рублей; каждый научился работать по крайней мере на двух машинах; бригада внедрила в производство шесть собственных рационализаторских предложений. Теперь это уже был дружный рабочий коллектив, способный выполнить любое сложное производственное задание.

* * *

В середине шестидесятых годов в деревообрабатывающей промышленности появились новые режущие инструменты с резцами из твердых сплавов. Использовать их можно в течение длительного времени без заточки. Хорошо бы применить эти инструменты на мебельной фабрике «Ассоциация». Какая экономия рабочего времени получилась бы! Петр Вильман прежде всего испытал инструменты на своем шипорезном станке. Результаты получились убедительные. Вся бригада получила на вооружение эти чудо-инструменты. Позаботился бригадир раздобыть и шлифовальные круги с алмазным абразивом для их заточки.

Настала очередь вплотную заняться участком механической обработки. Здесь из заготовленных досок вырабатывают различные детали, иногда сложные, но из доски с трещиной или сучком нельзя получить нужную деталь. Обычно эти доски шли на дрова. Само собой разумеется, что чем больше отходов, тем выше себестоимость мебели.

Петр Вильман добился того, что каждый рабочий в бригаде научился безошибочно отличать древесину, пригодную для изготовления деталей мебели. А уж сам бригадир окончательно решал, как лучше распилить ту или иную заготовку, чтобы получить по возможности больше различных деталей. Здесь важна была не только технология резания, но и стремление членов бригады к тщательной работе, экономии материалов из благородных лесных пород.

И это прочно вошло в традицию. Каждый год бригада Вильмана в своих социалистических обязательствах предусматривает экономию материалов. В течение девятой пятилетки бригада ежегодно экономила лесоматериалов в среднем на 10 тысяч рублей. А всего за счет такой экономии бригада Вильмана сберегла государству больше 50 тысяч рублей, что соответствует примерно 1000 кубических метров благородных пиломатериалов, или 1700 кубических метров обычного строительного кругляша.

Любимый отдых? Охота

А это целый железнодорожный эшелон — труд сотен лесорубов и рабочих лесопильных заводов.

Созданная на базе мелких мебельных предприятий фирма «Рига» почти всю мебель производит теперь в виде разборных конструкций, без монтажа. Потребители монтируют ее сами. Этот способ изготовления требует высокой точности, начиная с первых операций по механической обработке и кончая комплектовкой деталей и узлов мебели. Бригада Петра Вильмана выпускает точные взаимозаменяемые детали. Этого коллектив добился за несколько лет упорной работы. Нужно было получить точные измерительные инструменты, калибры, шаблоны, укомплектовать режущие инструменты, научиться работать с ними в соответствии с научными требованиями, уметь своевременно обнаруживать, оперативно анализировать и устранять возможные ошибки. В девятой пятилетке высокая точность производства на мебельной фабрике, где работает Петр Вильман, стала само собой разумеющимся условием.

Бригада Петра Вильмана встретила девятую пятилетку как один из самых передовых коллективов фирмы «Рига». Вильмановцы шли впереди в социалистическом соревновании, на их показатели ориентировались и другие бригады. Под руководством Петра Донатовича работают 20 человек, и для оценки их деятельности лучше всего подходят показатели производительности труда. За пятилетку производительность труда в бригаде ежегодно возрастала на 10—11%. План 1974 года бригада выполнила в ноябре, а задания девятой пятилетки — 1 мая 1975 года.

В 1974 году за выдающиеся успехи в труде по выполнению плана мебельной промышленности в третьем, решающем году пятилетки Петру Донатовичу Вильману было присвоено звание Героя Социалистического Труда с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда». А раньше за славную трудовую деятельность Петр Вильман был награжден орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени.

* * *

За долгие годы работы у Петра Донатовича сложился свой взгляд на развитие мебельной промышленности.

Вот что говорил он на совещании работников республиканского министерства деревообрабатывающей промышленности:

«Я хочу призвать всех работающих в мебельной промышленности на первое место выдвинуть борьбу за качество.

В наши дни покупатели предъявляют к мебели высокие требования. Мебель хорошего качества позволяет благоустроить квартиры, сделать их красивыми. Хорошее качество — это и долгий срок службы мебели. Будем работать с большой ответственностью, чтобы рижская мебель была признана самой лучшей.

В мебельном производстве пока еще много ручного труда. Механизацию производственного процесса следует развивать в таком направлении, чтобы полностью заменить ручной труд. Только тогда будут созданы предпосылки интенсификации всего производственного процесса.

Проектировщики мебели в республике хорошие, однако новые артикулы еще медленно внедряются в производство.

Ассортимент мебели надо совершенствовать и обновлять, поэтому нужно сократить путь от разработки проекта до готовой продукции. От мебельщиков ждут новинок».

Главное в нашем деле — взаимовыручка, чувство локтя, крепкая трудовая дружба.

Н. Алакин

ВАЛЕРИЙ ОЛИЯНЧУК

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Уже сгущались сумерки, когда Накайбек разыскал нужный дом. Дом как дом, ничем с виду не отличишь от других — невысоких, белостенных, утопающих в зелени домов на маленькой улочке за Дубовой рощей. Тишина.

Сюда слабо доносится гул центральных магистралей города. Подсвеченный лампочкой, чернел на воротах номер. Убедившись по записи в блокноте, что не ошибся, Накайбек осторожно постучал в окно: оно было полузакрыто занавеской, виднелся только розовый матерчатый абажур, отражавший на потолке яркий белый круг и узорчатые тени. Раздвинулись занавески, выглянула женщина в косынке, потом щелкнул крючок на двери, и она появилась на пороге — высокая, полная, с морщинками на круглом лице. Спросила подозрительно:

— Тебе кого, парень? Не заблудился ли?

— Если вы — тетя Аскара, то не заблудился, — ответил он. — А вот «парнем» меня уже двадцать лет никто не зовет...

— О, извините! — сказала она, всматриваясь в лицо Накайбека. — Темно, не разглядела, думала, кто-то из дружков племянника... Проходите, чего же стоять на улице...

Пригласив его сесть у стола, покрытого вишневой бархатной скатертью, она ушла и тут же вернулась с чайником и пиалами. Яркий свет из-под абажура очертил середину комнаты, остальное расплылось в мягком сумраке, но Накайбек сразу увидел на стареньком диване у стены помятые джинсы и подумал, что они, конечно же, принадлежат Аскару. Значит, Аскар никуда не уехал, и это очень хорошо...

Женщина разлила по пиалам черный чай, добавила в напиток молоко, села напротив. Некоторое время и она, и он молчали. По обычаям предков считается неприличным в разговоре сразу приступать к делу; сначала нужно вежливо справиться о здоровье гостя и его семьи... Снова наполнив пиалы, хозяйка спросила:

— Так вы знаете моего Аскара? Он сделал что-то плохое?

— Мы вместе с ним работаем на заводе. Вернее, работали. Теперь он почему-то ушел, — отозвался Накайбек. — Не объясните мне, почему?

— А вы не из начальства будете?

— Аскар — слесарь, и я тоже слесарь. Только он без году неделя у нас работает, а я — двадцать пять лет... Хотелось бы с ним потолковать...

Она покачала головой, сказала:

— Никак не пойму, что ему нужно! Подружился тут с одним, зазывает тот куда-то племянника. Заработки, говорит, у них большие. А зачем они Аскару, если и на заводе получал достаточно? Потом вдруг заявляет Аскар, что домой, в аил, уедет, разонравилось в городе... Жениться бы ему, может, за ум возьмется!

— Предложение дельное, — засмеялся Накайбек. — У нас на заводе невест много, так что пусть выбирает...

— Вернуться бы ему обратно! — вздохнула она. — Чувствую я, добра хотите вы Аскару... Поговорите с ним, да построже, к моим советам он не очень-то прислушивается...

— А где он?

— У того приятеля, должно быть. Вы отдохните, а я схожу за ним, это недалеко.

— Спасибо, — поблагодарил Накайбек, — я возле дома посижу, там прохладнее.

...Он устроился поудобнее на скамейке, которую приметил, когда решился постучать в освещенное окно. Задумался... С чего начать беседу с Аскаром? В последний раз видел его перед уходом в отпуск для подготовки к защите диплома. Мало парня знает — вот в чем беда. Пришел к ним на участок недавно, ничем проявить себя не успел... Сегодня пятница, возвратился Накайбек из отпуска в понедельник... задал вопрос кому-то из товарищей, почему не видно Аскара, и услышал в ответ: отпросился на два дня по личному делу... А тут

В перерыве на сессии горсовета

захватила работа, одно к одному, оглянуться некогда! Утром сегодня поинтересовался у мастера, где же новичок, и узнал, что Аскар взял расчет. В заявлении написал, добавил мастер, по семейным обстоятельствам...

— По каким же?

— Не объяснил. Скрытный парень да еще с ленцой... Упрашивать остаться? А к чему, если не желает?

Накайбек не выдержал:

— Значит так получается: не первый пришел, не последний ушел!

— Это ты зря, — недовольно сказал мастер, — неужели я за производство не болею?

Передал Накайбек свой разговор с мастером Николаю Стулову, товарищу по работе. Уважает он его за мастерство, за рабочую смекалку. Как старшего по возрасту уважает, за то, что воевал на фронте.

— Еще недавно помогал Аскару в чертеже разобраться, — словно оправдывался Николай Афанасьевич, — и словом он не обмолвился, что собирается уходить. Если бы предупредил заранее...

— Если бы, да кабы... Прозевали мы парня! — махнул рукой Накайбек.

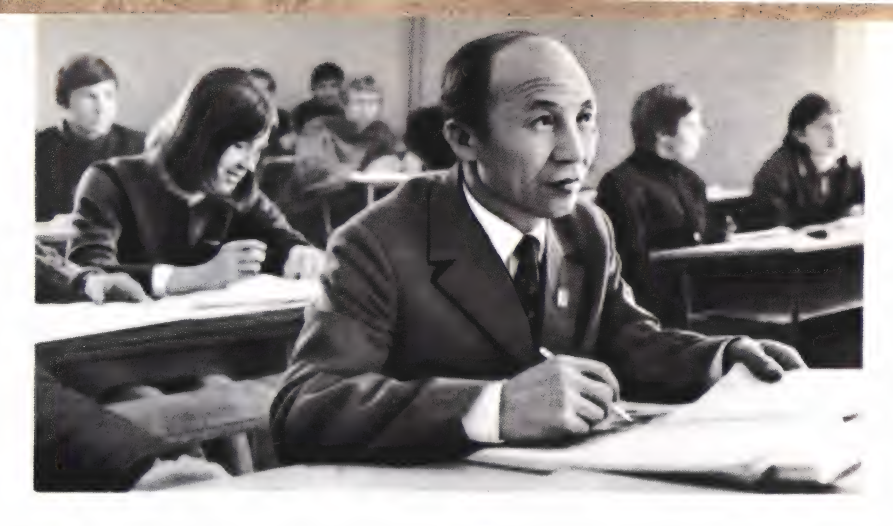
— ...Может быть, напрасно я погорячился, — подумал он потом. — Может быть, ломился в открытую дверь, и разговоры с молодым рабочим оказались бы пустой тратой времени? Нет, с этим согласиться нельзя. По себе знает Накайбек, как нужны молодежи внимание и поддержка. Вот встретился недавно на сессии городского Совета с председателем Ленинского райисполкома Копбаем Тыналиевичем Сарымзаковым. Наверное, отвечая на приветствие Накайбека, он не припомнил его. Да и не удивительно — когда-то у директора ремесленного училища Сарымзакова было много таких учеников, как Накайбек. Зато сам он навсегда запомнил Копбая Тыналиевича... Четверо их поступило в училище, четверо друзей из аила Башкарасуу... Класс, завод, общежитие. Строгий распорядок дня, дисциплина.

Трое не выдержали — уехали домой. Он не спасовал, благодаря Копбаю Тыналиевичу продолжал учиться.

Сколько ему было — шестнадцать, семнадцать? Мальчишка... Поначалу город пугал, и по ночам снилось, как он с отцом гонит отару овец, по склонам гор струятся потоки, а в долине цветут маки и тюльпаны... На каникулах заглянул в школу, учитель спросил, не хочется ли ему домой вернуться, насовсем? Похвалил за настойчивость: «Правильный выбрал путь! Вон сколько заводов и фабрик

Его учу...

И сам учусь

в республике строится, везде требуются квалифицированные рабочие, и на таких, как ты, Накайбек, большая надежда...»

Напутствие это вспомнилось в тот торжественный день января семьдесят четвертого, когда председатель Президиума Верховного Совета Киргизской ССР Турабай Кулатов вручал ему орден Ленина и Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Нет, не в момент награждения, а немножко позже, когда он сидел с председателем за одним столом и Турабай Кулатович рассказывал о себе, о том, как начинал работать в шахте, о своих сверстниках, детях чабанов, которые стали рабочими в 30-е годы, когда в Киргизии строились первые промышленные предприятия. Говорил он, как важно воспитывать молодежь на традициях рабочего класса...

На сессии Верховного Совета республики увидел Накайбек Михаила Федоровича Кабанова, ответственного партийного работника. Не подошел к нему, постеснялся. Никогда не забудет Накайбек, как помог ему Михаил Федорович, в ту пору — мастер инструментального цеха... Тяжело заболел Накайбек, врачи сомневались, что сможет работать слесарем, советовали подыскать работу полегче. И неизвестно, как бы дальше пошла его жизнь, если бы не поддержка товарищей! Переборол недуг, окреп, вернулся в цех. Врачи говорили: молодой организм справился с болезнью, сила воли помогла победить ее... Он знал, что не только это...

...Прошли мимо несколько ребят и девушек — веселые, беззаботные... Какой-то парень остановился, чтобы спросить, который час. Да, уже поздно, а ни тети, ни племянника все еще нет. Интересно, Дариха в театре или дома? Перед обеденным перерывом он записал в отделе кадров адрес Аскара, твердо решив поехать к нему после работы. Перекусив в столовой, поспешил в кабинет начальника цеха. Набрал номер телефона квартиры. В трубке раздался голос жены.

— Молодец, что позвонил! — обрадованно сказала она. — Как и условились, я взяла билеты в оперный. Постарайся не задерживаться...

— Видишь ли, Дариха...

— Случилось что-нибудь? — встревожилась жена.

— Все в порядке. Но в театр я сегодня пойти не смогу, возьми с собой Эльмиру, девочка давно мечтает...

— Почему не можешь? — прервала его Дариха. — Совещание, депутатские дела?

Ну как ей объяснить? Она очень долго ждала этот вечер... Другим не-

Диплом —
дело ответственное

трудно пойти после работы в гости, в театр, в кино, а у них на это времени было мало. Вначале Дариха училась на заочном отделении педагогического института. Возвратившись со швейной фабрики, спешила на консультацию, в библиотеку, засиживалась за учебниками. Он помогал ей во всех домашних делах, в уходе за детьми. Их четверо — Эльмира, Динара, Эмиль, Эдиль... Закончила Дариха институт, сам поступил в вечерний машиностроительный техникум. Пять лет подряд, изо дня в день, — работа и учеба. Получил диплом. «Сегодня пойдем в театр, — предложила Дариха утром, — а завтра соберем друзей: отпраздновать окончание техникума».

— Что же ты молчишь, Накайбек?

— Даю тебе честное слово — в воскресенье пойдем и на дневной спектакль, и на вечерний. А сегодня у меня особое дело. Не обижайся, Дариха...

...Как это сказала тетя Аскара: «А вы не из начальства будете?» Едва не рассмеялся он... Но ведь и на заводе кое-кто прочит его теперь в начальники. Вчера отозвал Накайбека в сторонку Анатолий Прохоров, стал допытываться:

— Старинные мы с тобой друзья?

— Да...

— Друг от друга ничего не таим?

— Да какие там секреты!

— Слух есть — получил Накайбек диплом, переходит на руководящую работу, в заводоуправление, а то и повыше...

— Чудак-человек, разве я для должности учился? Показывали както по телевизору фильм об уральском бригадире — книги по токарному делу он написал, заочно политехнический институт окончил... Не смотрел? Жаль... В фильме спрашивают этого бригадира: зачем вам, мастеровому, инженерный диплом? Знаешь, как он ответил? Очень хорошо ответил: не диплом, а новые знания помогли мне перестроить технологию на участке, поднять производительность труда... Кстати, вслед за бригадиром и остальные потянулись к учебе!

— Намекаешь, Накайбек?

— Понимай, как хочешь. Я твердо усвоил — нам, слесарям-инструментальщикам, все время приходится читать чертежи, от нас требуется не только сноровка, но и точный расчет, и если желаешь быть мастером своего дела — обязан учиться...

...Первой неделей на заводе после долгого перерыва он остался доволен. В понедельник получил наряд на изготовление проколочного штампа масляного радиатора автомашин новой марки. Эти грузовики высокой прохо-

Цветок папе

димости предназначены для БАМа. Заказ почетный. По нормам на изготовление штампа положено семь рабочих дней, он сделал его за пять. Нормально... Хуже со штампом для деталей крепления радиатора — обнаружил ошибку в чертеже, и пока в конструкторском бюро разбирались, вносили поправку, вынужден был прекратить разметку штампа и потерял добрых полчаса! Зато на токарно-фрезерном участке — ни единой заминки, детали для сборки шли оттуда одна за другой. Иногда же случается — подводят, а надо выдержать заданный темп. Тогда тормошишь мастера, начальника цеха...

Так с чего же начать разговор с Аскаром? Важно знать, чего он сам хочет, что ищет...

Кто-то идет... Накайбек поднялся со скамейки, сделал несколько шагов навстречу. Протянул руку высокому парню:

— Здравствуй, Аскар, я к тебе...

В субботу, к назначенному часу, я пришел к Накайбеку Алымбекову домой. Дариха сказала:

— Подождите, пожалуйста, муж вот-вот вернется... К нему избиратели с жалобой обратились — с утра отправился по этому делу...

Она хлопотала на кухне, оставив меня в комнате: на столе — чертежи, плотно заставлены книгами полки стеллажа, тахта, покрытая шырдаком — киргизским ковром. Я перелистывал блокнот с записями бесед на заводе.

М. Ткаченко, главный инженер завода, сказал:

— На таких, как Алымбеков, все производство держится. «Киргизавтомаш» поставляет комплектующие узлы и детали Фрунзенскому автосборочному заводу, Ульяновскому, ЗИЛу. Кроме того, отправляем запасные части к автомобилям на экспорт, наша продукция идет в пятьдесят стран. Качество и надежность изделий в значительной мере зависят от Накайбека Алымбекова и других слесарей инструментального цеха, стоящих как бы у истоков производства. Хороший там коллектив подобрался, дружный. Не было случая, чтобы он подвел нас. Мы уже привыкли видеть впереди соревнующихся Алымбекова. За успехи в восьмой пятилетке награжден орденом Ленина, за новые достижения в девятой удостоен звания Героя Социалистического Труда. И вот еще одно доказательство авторитета нашего знатного рабочего — избрание депутатом Верховного Совета Киргизской ССР. Избран он и членом Президиума Верховного Совета республики. И Алымбеков оправды-

вает это высокое доверие: и в труде — пятилетку окончил с опережением на полгода, неустанно ищет пути совершенствования технологии производства; и в общественной жизни — как член партийного комитета завода и республиканского комитета профсоюза работников машиностроения делает большое полезное дело...

В. Свиридов, бригадир слесарей-монтажников:

— Много лет миновало с тех пор, как Накайбек пришел ко мне на выучку малоопытным слесарем. Чем он сразу понравился? Трудолюбием, упорством. Не получается что-то, не поддается какая-то деталь — не отступится, пока не доведет дело до конца. Удивлялся я поначалу: ростом невелик, худенький, откуда только силы в нем берутся? К товарищам всегда с открытой душой. Спокойный, приветливый... Недолго я его опекал — быстро освоился, стал в своем деле мастером первой руки. К нему потянулись ученики, многим помог, да и сейчас помогает. Безотказный он человек... Иному слава голову кружит. Был у нас в цехе один такой — прогремел и возгордился, а теперь забыли его. Накайбек же еще скромнее стал...

В. Лукин, начальник технического бюро цеха:

— С 1965-го по 1971-й работал я старшим мастером на штамповочно-слесарном участке и близко узнал Алымбекова. Сейчас мы тоже встречаемся в цехе почти каждый день. И я убедился: секрет успеха его — в работоспособности, творческом подходе к каждой производственной операции. Мы проводили хронометраж — наибольшая выработка у Алымбекова. Он легко читает чертеж, искусно ведет разметку, слесарную обработку, сборку штампов. Сдает их в ОТК, как правило, с первого предъявления. В работе у него обязательно пять-шесть штампов, что под силу только высококвалифицированному специалисту. Именно это позволяет Накайбеку Алымбекову создавать четкий ритм в производстве. Он точно планирует, рассчитывает каждую операцию, экономя драгоценные минуты. Известен Алымбеков и как рационализатор: немало у него внедренных предложений.

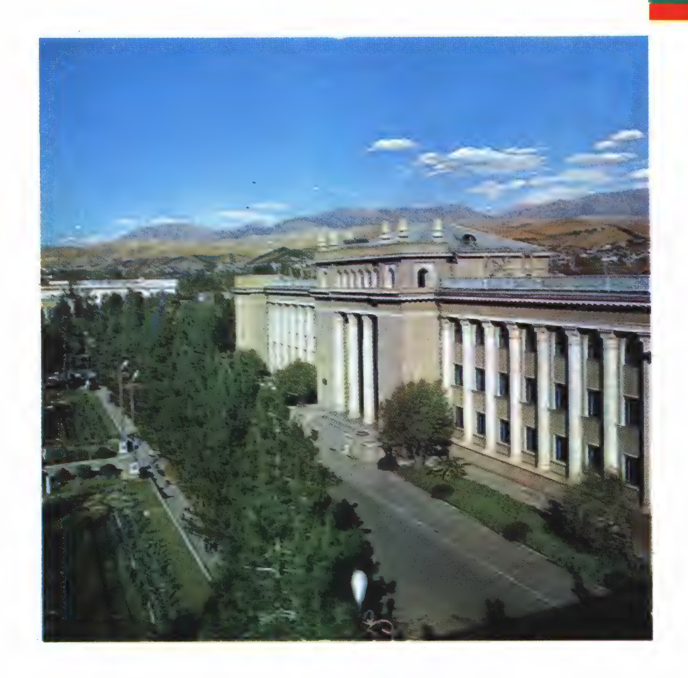
Я о нем скажу так: это настоящий современный рабочий — вдумчивый, ищущий, отзывчивый.

Раздается трель звонка в прихожей. Слышно, как Дариха открывает дверь... А вот и Накайбек! После приветствий первый вопрос к нему:

— Поговорили с Аскаром?

— Да, откровенный был разговор! Кажется, обо всем на свете поговорили... Надеюсь, сдержит он слово и вернется на завод. Есть в нем задатки для того, чтобы стать рабочим человеком.

90-53
СБД

Ковры, вытканные женскими руками, так же прекрасны, как цветы таджикских садов, но сады отцветают, а ковры остаются у людей на долгие годы.

Рахманова

ОТАХОН ЛАТИФИ

СЧАСТЬЕ МУХТАБОР

Еще не так давно неприглядной была здесь природа. Старинное название местности говорит само за себя: «Кайраккум», что значит «камень на песке». Но вот быструю и капризную Сырдарью перегородила плотина. Широко

раскинулось и заплескалось знаменитое теперь «Таджикское море» — первое из запланированных крупных водохранилищ на территории нашей республики. Поначалу вода использовалась только на орошение. Зазеленели хлопковые поля, золотистыми фруктами переполнились сады. Неузнаваемо красиво стало вокруг. А вскоре дала миллионы киловатт-часов электроэнергии Кайраккумская ГЭС.

Рукотворному морю, ГЭС, первенцу индустрии — ковровому комбинату имени В. И. Ленина обязан своим рождением новый город. И название его — Кайраккум — осталось словно напоминанием о том, как безрадостно было раньше на месте цветущих теперь полей и садов.

* * *

— В садах один раз в году бывает весна, а у нас на комбинате она круглый год, — говорила мне при первом знакомстве Мухтабор Рахманова.

Было это в пору цветения садов, когда чудится, что не ты идешь сквозь череду стройных деревьев, а они проходят через твое сердце. Цветущий сад окружал домик Рахмановой, который сказочным теремом светился на закатном солнце. Муж Мухтабор — Набиджон — разливал душистый зеленый чай. Мы с ним сидели на тахте и ждали плов, который варила Мухтабор. Набиджон хотел взяться за приготовление ужина — по здешней традиции плов готовят мужчины — но Мухтабор не согласилась, сказала, чтобы он лучше сам занимал гостя.

— А у папы есть награда, — прервал нашу беседу звонкий голос Нематджона, младшего сына.

— Дядя знает, иди поиграй, — заулыбался отец.

— У отца большая-большая награда, — настаивал мальчик, показывая пол-ладони.

— Будешь в школе себя хорошо вести, тебе дадут самую большую медаль, — сказал отец, но непоседусынка будто ветром сдуло. И Набиджон объясняет: «Когда Мухтабор присвоили звание Героя Социалистического Труда, к ней на комбинат и домой зачастили журналисты. Нематджон и радовался гостям, и обижался на них. Всех интересует работа матери, ее достижения, а про отца никто слова не спросит».

Как он носился по дому, бегал по улице, хвастался товарищам, что отцу дали большую награду! Набиджон по итогам 1973 года удостоен знака «Победитель социалистического соревнования».

Прекрасная семья у Мухтабор Рахмановой. Труд — вот критерий, по которому определяется ценность человека в этом доме. Не сразу, не вдруг вошел в сознание его обитателей этот принцип.

* * *

Уже в Ленинабаде намечался перелом, уже там, в доме родителей Набиджона, словно весенние ростки, пробивалось новое в их взаимоотношениях. Мухтабор рвалась на производство, ее манил ткацкий цех фабрики, где работал покойный отец. Но нельзя было нарушать и обычая: после замужества какое-то время полагалось посидеть дома. Потом пошли дети — один, второй, третий, и, казалось, желание быть среди людей, проявить себя на производстве отодвигалось все дальше и дальше.

Набиджон видел душевные мучения жены и понимал: дело не в том, что он не может обеспечить семью — вольно или невольно он лишает жену радости и гордости быть сопричастной к строительству новой жизни и счастья для всех.

В те дни полетела из уст в уста весть — началась закладка коврового

Станок рассчитан на двоих,
но Мухтабор
управляется одна

комбината в Кайраккуме. Набиджон попросился на ударную стройку. А за ужином похвастался путевкой. «Вот хорошо, поедем вдвоем», — улыбнулась Мухтабор. «Куда!?» — вырвалось у всех. Набиджон понял, что обидел жену. Надо же такое, не посоветовался с ней! Теперь, услыхав слова Мухтабор, Набиджон почувствовал, что жена настроена решительно и в самом деле последует за ним.

Отговаривать ее он не стал, в душе даже радовался, что она будет рядом. Наконец-то исполнится и ее желание.

* * *

Ни Набиджон, ни Мухтабор не знали, какая же она, эта стройка, и какую работу придется выполнять. Гулом моторов, лязгом металла, снующими туда-сюда людьми, которым, казалось, нет дела ни до кого, — встретил их берег моря. У штаба толпились такие же молодые, чуточку растерянные парни... Да, больше было парней, в очереди стояли в основном они. Набиджон подумал: «Интересно, как она воспринимает это?» — и тут же их подтолкнули к столу

— О-о, девушка! Это хорошо, — привстал с места молодой человек.

— Она моя жена, — вспыхнул Набиджон. Он только теперь заметил, что Мухтабор вошла с ним.

— Еще лучше, — улыбнулись за столом...

* * *

«Нет-нет-нет!» — повторял Набиджон по дороге домой. Он не возражает, пусть хоть завтра Мухтабор выходит на работу — сам поможет ей устроиться. Но только не сюда. Надо быть безумной, чтобы имея на руках троих детей — один меньше другого, — приезжать каждый день сюда на работу. Будет комбинат, они и переедут в Кайраккум.

— А мы сейчас переедем, — спокойно отвечала Мухтабор.

— Вы поймите, здесь же негде и жить, — переходил на «Вы» Набиджон, давая понять, что не следует переходить границы дозволенного.

Уговоры были напрасны.

— Бес в нее вселился, — шептали соседи, узнав о сборах Мухтабор на стройку. — Ладно женщины идут работать — время давно такое, но увязаться за мужем — нет, об этом даже не слыхали. Э-э-э, она еще молодая, потому так ведет себя, подождите, родит еще двух-трех — сама не захочет ни на какую работу.

Мухтабор знала, верила — вдали от родителей, от привычного очага, где все пропитано традициями, Набиджон разделит с ней домашние заботы. У него доброе, отзывчивое сердце.

* * *

Молодым супругам дали финский домик — по сей день они живут в нем. Мухтабор привезла и детей. Сама жизнь отца и матери была и остается уроком трудолюбия для детей. Никогда не говорили им, надо, мол, трудиться. Перед глазами детей ежедневный пример родителей. И никого не удивило, когда их первенец Курбон пришел на комбинат.

Конечно, не просто далась им жизнь, наполненная высоким содержанием. Мухтабор была чуть ли не единственной женщиной таджичкой в большом коллективе строителей, трудом которых поднимались корпуса предприятия. Как было ей трудно, особенно в год учебы Набиджона в Обухове! Многие молодые строители поехали учиться новой специальности — сейчас они составляют бригадирский костяк комбината. «Замечательные ребята», — говорит о них Мухтабор. С каждым из них так или иначе связана рабочая судьба Рахмановой. Владимир Кученко — первый помощ-

ник мастера в цехе, куда пришла работать Мухтабор. Он поверил в способности Мухтабор, помог раскрыться им, заявить о себе. Неспроста его выдвинули начальником цеха. Он настоящий коммунист, работая, окончил техникум, производство знает — поучиться можно у него упорству искать и совершенствовать.

Не одной Мухтабор комбинат дал крылья — многим. Но все эти люди — и первые строители и первые помощники мастера, какой бы пост они сегодня ни занимали, остаются скромными тружениками.

В тот весенний вечер, когда я допоздна засиделся у Мухтабор и Набиджона, они с какой-то необычной теплотой и сердечностью рассказывали мне о Мухсине Султановиче Рахимове. Его появление на стройке запомнилось молодым супругам. Он был щупл, мягок, потому и казался застенчивым. Оказалось, что окончил он медучилище, работал в больнице, но его, как и других молодых, потянуло на стройку. Как и многие, Рахимов остался на комбинате. Здесь и проявился его талант — умение работать с людьми. Сейчас Мухсин — секретарь парткома. Молод, но мудр вожак коммунистов комбината.

— Он бы мог написать книгу, каким быть помощнику мастера, — сказал Набиджон.

— А Вы, каким надо быть мужем, — с восхищением отозвалась Мухтабор.

— Эй, эй, женщина, — запротестовал Набиджон, — одумайся, ты хвалишь меня, как мой сват, посланный к вам домой.

Мухтабор и сама смутилась от того, что при постороннем человеке прорвались ее чувства.

Что греха таить — бывает и нередко, когда муж болезненно воспринимает «известность» жены. Мухтабор — Герой Социалистического Труда. Мухтабор два созыва была

депутатом Верховного Совета республики. Но как таджики говорят, счастье дается, когда рядом есть человек, качающий люльку этого счастья. Для Мухтабор Рахмановой этим человеком был и есть Набиджон.

Я рассказываю об их семейном счастье только потому, что без этого нельзя понять до конца подвига Мухтабор.

* * *

Это сейчас комбинат не испытывает нужду в рабочих руках. А несколько лет назад проблема кадров здесь, как и в других городах республики, была самой острой. На предприятиях простаивало оборудование. В то же время на селе создавался избыток трудовых ресурсов. На комбинате велась упорная, повседневная работа по формированию национальных кадров. Здесь хорошо понимали, что многие аспекты проблемы воспитания молодой смены сходятся к семье.

Десять человек — родственников Мухтабор и Набиджона — пришли вслед за ними на комбинат и стали костяком новой рабочей династии.

Мухтабор Рахманова много ездит по селам, встречается с учащимися, рассказывает юношам и девушкам о своей профессии. Ничто так не подкупает, как искренность, так не вызыва-

ет стремления следовать за старшим, как честный рассказ о трудном пути, которым прошел он сам.

Мухтабор не только агитирует, но и учит тех, кто приходит на предприятие. Тут уж для нее нет своих и чужих. С каждым она щедро делится знаниями, опытом. 30 юношей и девушек прошли ее школу.

Рядом с ней, за соседним станком, трудится Лидия Панина — одна из учениц Мухтабор. Молодая ткачиха вспоминает:

— Я тоже из деревни, до приезда в Кайраккум не была знакома с производством. Шла в цех и мучилась сомнениями, получится ли из меня ткачиха. Подвели меня к Мухтабор. С материнской добротой и нежностью отнеслась она ко мне.

За месяц вместо трех наставница обучила Лидию профессии. Главное в ее методе работы с ученицами — доверие и собственная увлеченность. Она так рассказывает и показывает, как надо выполнять ту или иную операцию, что, слушая ее, думаешь — нет лучшей специальности на свете, чем та, которой тебя обучает Рахманова.

— И не заметила, — добавляет Лидия, — как стала работать самостоятельно.

Дают ученице отдельный станок, Рахманова в самые трудные минуты оказывается рядом, на расстоянии чувствует, если что-то не ладится у подшефной. Бывает и поругает. Требует серьезного отношения к работе, к жизни.

— Мы же красоту создаем и сами во всем должны быть красивыми, — любит говорить Мухтабор тем, кому помогает постигать тайны ковроткачества.

* * *

...На ковры с некоторых пор я смотрю глазами Мухтабор. Запали в душу ее слова: «Весна садов преходяща, а ковров — на долгие годы». Она сама водила меня тогда по комбинату. Мы задержались в комнате образцов — и впрямь сюда собрались все краски весенних садов. Мухтабор говорила о смелом таланте художников предприятия во главе с Орифджоном Назаровым, которые, как истинные волшебники, создают чарующие узоры известных всей стране кайраккумских ковров.

— А это я ткала, — подошла к большому яркому ковру Рахманова.

— Специально для этой комнаты? — поинтересовался я.

— Нет. Просто знаю свою работу. Из тысячи ковров могу отличить свои, — сказала Мухтабор.

Неискушенному такое заявление может показаться необоснованным, брошенным ради красного словца: мастер, вручную творящий необыкновенную вещь, разумеется, не ошибется, когда укажет на свою работу, да и другие ценители сразу отличают его почерк, но чтобы выделять ковры, сходящие с серийных станков, сделанные из одного и того же сырья, — этому действительно трудно поверить. Когда я рассказал о своих сомнениях помощнику мастера Мамадзокиру Насруллаеву, тот повел меня в отделочный цех.

Я подходил то к одной, то к другой группе работниц, и у меня глаза разбегались: поистине тут было царство весны! И в природе не увидишь, чтобы столько красок играло вместе. Только людям подвластно такое волшебство! Разойдутся эти изделия по сотням городов страны, посланцами весны войдут в тысячи квартир и будут радовать людей. За один 1974 год комбинат выдал более трех миллионов тысяч квадратных метров ковров и ковровых изделий. Но тем не менее, ковер одной мастерицы отличается от ковра другой. Кому принадлежит та или иная работа, конечно, дано узнавать лишь людям, давно связанным с

Обсуждая план, без цифр не обойтись

комбинатом, чей глаз за долгие годы научился определять творение опытной ткачихи.

— Вот глядите, — разворачивал ковры, обращая мое внимание на их изнанки, Мамадзокир Насруллаев. Он говорил об узлах, о плотности и ровности рисунков, а мне вспоминались наши базары давних дней, когда по воскресеньям их ковровые ряды наполнялись ручными изделиями. Покупатели отказывались брать ковер, даже яркий и привлекательный, если им не нравилась его обратная сторона.

Оказывается, и при машинном производстве изнанка ковра является показателем качества работы.

Мамадзокир Насруллаев сам бывший ткач. Он знает, каких трудов стоит хорошая работа. Тут многое зависит от помощника мастера. Но Мамадзокир Насруллаев в этой роли недавно. И бригада, возглавляемая им, многим обязана Мухтабор Рахмановой, опытной ковровщице.

— Делать красивый ковер, — объясняла мне Мухтабор, — это все равно, что наблюдать, как раскрывается цветок. Надо иметь великое терпение, чтобы увидеть этот миг. В нашем деле то же самое, не углядел — и нет цветка того рисунка, какой задуман художником.

* * *

— Несколько лет назад, когда Рахманова была в бригаде Владимира Григорьевича Куценко, среди молодых ткачих разгорелся спор: «Что это все — Рахманова, Рахманова, — она же сидит больше, чем работает».

— Действительно, она сидит, но у нее и выработка высокая и качество отличное. Хотите знать, почему? — спросил Куценко и повел девушек к станку Мухтабор.

— Тебе чего, Володя? — повернулась Мухтабор к бригадиру, стоявшему с девушками за ее спиной.

— Берем урок терпения, — улыбнулся Куценко.

Молодые ткачихи недоумевали — ну вот, сидит же она, так, только изредка обойдет станок и опять опускается на стул.

— Ты, Мухтабор, хорошо рассказываешь о передовых приемах, да видно молодым этого недостаточно. Они мало знают о терпении и зоркости ткачихи, ты уж обрати на это внимание, — посоветовал в тот день Владимир Григорьевич Куценко.

В ковроткачестве, пожалуй, самое главное — терпение и сосредоточенность. Отвлекся — что-то упустил. Скажем, ткачиха проглядела, как выработался уток. Основа и ворс идут,

а ковер не ткется. Мало того, что приходится останавливать станок и терять время. Страдает и качество. На лицевой стороне ковра изъян может быть и не заметен, а на изнанке сразу бросается в глаза. Мухтабор заблаговременно распускает вырабатывающийся уток и присоединяет к его концу новый. А оборвавшуюся нить основы Рахманова устраняет, как и все опытные мастера, на ходу.

Секреты ее мастерства просты и доступны каждому, надо только любить, очень любить свое дело.

* * *

Весь арсенал воспитательной и организаторской работы на комбинате опирается на опыт передовых работниц и помощников мастеров. Ежемесячно чествуются победители социалистического соревнования. Всем памятен день, когда инициатор движения за досрочное выполнение пятилетнего плана Мухтабор Рахманова первой завершила личную пятилетку.

Здесь не обойтись без цифр. Планом было определено, что за 1971—1975 годы она снимет со своего станка 13 700 квадратных метров ковров. Мухтабор, исходя из личного опыта работы в восьмой пятилетке (тогда она выполнила два задания), установила себе норму: выткать за пять лет 22 800 квадратных метров ковров.

Рубеж этот был взят за два с небольшим года.

Такую высоту лишь терпением и сосредоточенностью, хотя они многое значат, — не одолеешь. И опять секрет ее успеха кажется прост — одна обслуживает станок, с которым обычно управляются двое. Сложно ли это? Конечно! Но под силу каждому. Мухтабор Рахманова очень женственна, даже чуточку хрупкая, а вот операции выполняет как бы автоматически — быстро и ловко. Знает оборудование не хуже помощника мастера. Другая ткачиха, если что случится, отключит станок и будет ждать, когда устранят неисправность, — Мухтабор же может справиться сама. Только надо сказать, что и станок ее всегда налажен отлично.

— Сама атмосфера дружного коллектива, — говорит Рахманова, — вдохновляет работать лучше и лучше. Поверьте, появляется желание быть первой, не отставать. Но ой, как это трудно!

На комбинате уже утром люди знают, как они поработали накануне. Трудовое соперничество втягивает всех в орбиту борьбы за увеличение выпуска товаров для народа. Сто человек здесь встретили 1975 год выполнением личного пятилетнего плана.

* * *

В последнюю встречу как бы продолжая наши прежние беседы, Мухтабор сказала:

— Прямо Вам скажу, производство изменяет взаимоотношения в семье, перестраивает психологию людей, делает их духовно богаче. Надо, надо, чтобы наши женщины и девушки шли на предприятия.

Она вдруг засмеялась: уже с которым человеком ведет об этом речь. Завтра ей ехать по кишлакам, встречаться с выпускниками школ — вот все мысли и заняты предстоящей беседой.

Эти хлопоты Мухтабор Рахмановой связаны со второй очередью комбината, новые корпуса которого поднимаются рядом. Мощность предприятия удвоится, и люди будут нужны. А лучшего агитатора, чем Мухтабор Рахманова, не найти. Уж она-то знает, какими словами открыть сотням девушек дорогу к берегу Таджикского моря, где в цехах коврового комбината никогда не кончается весна.

Мы строим наше будущее.

СЕРО ХАНЗАДЯН

ТРУД — ОТДАЮ ЛЮДЯМ

Дома меня ждал высокий красивый молодой человек. Я поздоровался с ним, и мне почудилось, что от него исходит знакомый запах камня. Да, да, камня, каменной пыли. Вероятно, мне следовало спросить гостя, по какому делу он

пришел. Но так уж получилось, что, взглянув на него, я безотчетно сказал:

— Мне кажется, молодой человек, что где-то мы встречались?

Он слегка смутился:

— Не помните? Мы даже вместе выступали по телевидению под Новый год... Я приехал поговорить с Вами.

Передо мной стоял знатный строитель Гарник Манасян. Я видел его — и не раз.

Вспомнилась наша первая встреча. Это было в шестьдесят восьмом году, в Каджаране — городе горняков, вскоре после того, как там произошло землетрясение. Заметно пострадал город, был затронут и знаменитый медно-молибденовый комбинат. Все это выглядело очень печально. Некоторые жители лишились жилья. Гарник Манасян тогда говорил:

— Мы день и ночь работаем, чтобы комбинат ни на час не останавливался. Город стал для нас фронтом. Надо победить стихию во что бы то ни стало. Это — наш долг...

Фронт, победа, долг — эти слова, сказанные тогда Манасяном, заставили меня вспомнить и другой день — 24 июня 1941 года. На скалистых землях Кафанского района среди пожухлого кустарника приютилось село Верин Анд. У домика стоит женщина — причитает:

— Ой, беда-то какая, дети... Война!

По пыльной каменистой дороге идем мы — бойцы. Жарко. Хочется пить. Босой, полуголый мальчик лет десяти протягивает нам пригоршню диких яблок.

Может, сидящий теперь передо мной рослый мужчина, прославленный строитель, Герой Социалистического Труда Гарник Манасян и есть тот самый мальчик, предлагавший нам яблоки, ведь он тоже из села Верин Анд? Или это был другой мальчик из этого же села?.. Я спрашиваю Манасяна:

— Скажи, чем занимается твой отец?

— Он погиб на войне.

Мне все еще кажется, что это тот самый мальчик.

— А мать?

— Мать умерла, когда на отца пришла похоронка.

...Не та ли это женщина, что стояла тогда, окруженная четырьмя малышами с грудным младенцем на руках, и причитала:

— Ох, беда-то какая, дети... Война!

Но если бы даже мои догадки и оправдались, я не собираюсь рассказывать подробно биографию известного бригадира строительной бригады из города родных мне гор — Кафана Гарника Манасяна, начиная с его детства. Это ведь была бы целая эпопея, необыкновенная летопись, связанная с войной, с бедствиями, которые она принесла людям, наконец, с возрождением пострадавших городов и сел. Нет, моя задача более скромная.

* * *

Впервые в село Верин Анд меня привел отец, почтальон, еще в тридцать первом году. Запомнились раскаленные солнцем скалы, шапки вечных льдов высоко в горах.

—Посмотри, сын, — со вздохом сказал мне тогда отец, — как бедно живут здесь люди!..

Эти слова вспомнились много лет спустя, когда сюда, в села Верин Анд, Вохчи и Каджаран, стали приезжать первые строители, чтобы среди скал заложить новый город. Люди едва успели обжить Каджаран, как землетрясение нанесло ему ощутимые раны. К счастью, строители — друзья Гарника Манасяна сдержали свое слово: без особых задержек устранили повреждения, причиненные стихией, и возвели немало новых строений. Гордость жителей Каджарана — комбинат по производству меди и молибде-

на, слава о котором перешагнула рубежи нашей страны, — возобновил свою работу в полную мощь.

Можно понять и мою гордость за человека, навестившего меня. Ведь его жизнь многими нитями связана с молодым городом: он закладывал камень в стены первых его домов, участвовал в восстановлении Каджарана после землетрясения.

— Да, да, — улыбаясь подтверждает Манасян, — так оно и было. Я пришел на стройку сразу после ремесленного училища.

Он называет улицы и здания, которые возведены им и его товарищами по бригаде.

— Особенно люблю строить школы, — признается Манасян. — Самому не пришлось доучиться, трудное было время, пошел зарабатывать себе и сестрам на хлеб.

Зато его старший сын в этом году закончил десятый класс в одной из школ, которую построил отец.

— Сына Максимом назвал, — продолжает Манасян.

— Ну, как парень?

— Не жалуюсь. Старательный парень. Трудолюбив.

— В отца пошел? — спрашиваю я. — Строителем хочет быть?

— Посмотрим. Время покажет.

В сдержанности его ответа я почувствовал, что Гарник Манасян не только как отец, но еще и как рабочий, которому пришлось на своих плечах вынести нелегкий груз, прежде чем он добился исполнения заветных дум, серьезно заботится о поколении, которому предстоит войти в жизнь. Какие дороги, какие судьбы ждут Максима и его сверстников? Примут ли они с благодарностью все то, что добыли для них отцы?

Некоторое время мы сидим молча, каждый думает о своем. В мыслях почему-то сравниваю юный город Каджаран с расположенным ниже, на склоне горы, древним Кафаном. Здесь, в Кафане, много веков назад был построен монастырь Ваганаванк. Когда разговор возобновился, выяснилось, что Манасян сейчас живет и работает со своей бригадой не где-нибудь, а именно в Кафане.

Неожиданно спрашиваю:

— Знаешь, из какого камня наши предки сложили Ваганаванк?

— По правде говоря, я никогда не задумывался над этим, не осматривал монастырь. Я люблю строить школы, — напоминает Гарник.

— В книгах пишут, что монастырь построен из базальта. Камень брали в карьере, выше монастыря, в лесу, в труднодоступном месте.

— Интересно! — сразу оживился Манасян. — Как только вернусь домой, обязательно осмотрю карьер. Может быть, удастся наладить добычу базальта для нашей стройки. Мы ведь до сих пор возим камень издалека. Это дорого обходится...

...Кафан — очень древний город, добраться до него еще не так давно было почти невозможно.

— На чем ты приехал из Кафана в Ереван? — спрашиваю у Манасяна.

— На поезде...

— Да, конечно. Теперь можно и на поезде... Вспоминаю: я — шестнадцатилетний комсомолец. Тридцать первый год. Из городка Горис мы большой группой выехали в Кафан. Здесь уже восстановили старые медные рудники, литейные цехи. Нужна была железная дорога. И комсомольцы приехали помогать строителям. Мы были энергичны, молоды, полны энтузиазма.

А теперь по железной дороге, сооруженной нами, приехал в Ереван ко мне в гости Манасян. Как все же причудливо бывает в жизни.

В Кафане мне приходится бывать почти ежегодно у друзей. Город каждый раз встречает радостными новостями: старый вокзал перестроен от основания до шпиля; рядом заложен

новый квартал. Вот в этом-то квартале, как выяснилось, строит жилые дома бригада Героя Социалистического Труда Гарника Манасяна...

К нам подходит мой четырехлетний внук Армен. Просит лист бумаги, хочет что-то нарисовать. Его любимая тема — война. Знакомлю его с гостем, говорю, дядя — герой. Малыш озадаченно смотрит на него.

— Герой?

— Да, Армен, герой.

— А почему у него нет автомата?

Смеемся. У Армена слегка сконфуженный вид. Ведь для него герой — это воин, солдат. Тем не менее он спрашивает:

— А этот дядя, какой герой?

— Герой, который строит дома.

Недоумение малыша возрастает:

— Этот дядя построил наш дом? — спрашивает он.

— Нет. Но дядя построил в других местах очень много домов, детских садов и школ для детей.

Армен протягивает Манасяну руку:

— Ты, дядя, хороший, герой.

Гарник обнимает малыша.

* * *

Хочется подробнее рассказать о знаменитом строителе Гарнике Манасяне, его бригаде, об их работе.

Среди нас есть люди, которые идут как бы впереди времени. Они уже живут в будущем — и не только воображением, но и своими делами и поступками.

Сейчас, для примера, семьдесят пятый год. А вот Гарник Манасян с товарищами из своей бригады живет уже в восьмидесятом году. И это не фантазия, а действительность. Это ощутимый факт! Бригада Манасяна выполнила план девятой пятилетки за два с половиной года. И взяла обязательство завершить в семьдесят пятом году десятую пятилетку.

Секрет успеха бригады не трудно объяснить: продуманная, разумная организация труда; почти сведены к нулю простои техники; правильно чередуются различные работы звеньев бригады. И еще — очень важное: каждый человек в бригаде владеет несколькими профессиями, и все трудятся с величайшим энтузиазмом, глубоко сознавая свой рабочий долг. Конечно, пересказать все это — куда как легко. А вот сделать... Но тем и прославлена бригада, что в ней объединились творцы подлинно героических дел.

Самый старший в бригаде — пятидесятилетний Казар Алавердян.

Манасян о нем говорит:

— Мастер Казар — это наша совесть. В бригаде все любят его.

— За что же? — неосмотрительно спросил я и пожалел.

Всегда ли можно выразить в нескольких словах, за какие именно черты характера или заслуги любят в коллективе человека? И Манасян поначалу затруднялся ответить. Все же нашел нужные слова и с какими-то особенными интонациями произнес:

— Он настоящий труженик! Самое святое для него — работа!

Манасян вспоминает, что свой первенец в Каджаране — жилой дом — он строил вместе с Казаром. Может, потому и любит Манасян мастера. Это здание, созданное их руками, выдержало даже землетрясение. Есть чем гордиться. Неожиданно Манасян рассмеялся.

— Этими же руками в селе Верин Анд я построил для себя домик на месте дедовского старого. Во время землетрясения жилище мое обрушилось.

— Надеюсь, никто не пострадал?

— К счастью, нет.

— Что же для других строишь прочные здания, а для себя — кое-как?

Счастливого новоселья!
Ключ вручает бригада Манасяна

— Ну, — беззаботно сказал он, — тут особая причина. Когда сестры выросли и повыходили замуж, я тоже решил жениться. На скорую руку слепил домик. Очень уж торопился, невеста ждала. Кое-как и построил.

— Скажи, — полюбопытствовал я, — вспоминая о мастере Казаре Алавердяне, ты как-то по-особенному улыбался. Почему?

— Сейчас объясню... Наш Алавердян очень любит хачкары[1], древние памятники. Когда он находит хачкар или какие-нибудь каменные руины, может часами очищать их от мха, земли.

Что же, можно понять мастера Казара. Для него каждое построенное человеком сооружение священно, полно смысла. Его привлекает мастерство предков, интересует, как они строили, как обрабатывали камень, вдыхали в него жизнь. В чем секрет постройки двух древних сводов моста через Гехи, возведенных более 1000 лет назад? Они сохранились до наших дней, а ведь все десять веков находились под открытым небом.

Не случайно говорят, что армяне с младенческих лет чаще всего видят перед собою камни, и работа по камню столь же свойственна им, как поэзия или изготовление вин.

Но не только у одного мастера Алавердяна — у каждого в бригаде свой характер, свой мир. И можно согласиться с Манасяном, когда он говорит, что главная сила бригады — дружба. Но все же в коллективе должен быть виден каждый человек, его индивидуальность, почерк в работе. Отношение к делу, понимание ее значимости стало в бригаде мерой ценности человека. Именно это помогает товарищам Гарника Манасяна досрочно выполнять производственные планы, идти впереди, увлекая за собою других рабочих.

А что это означает на деле? Цифры бывают скучными для читателя, но в данном случае без них не обойтись. С тысяча девятьсот шестьдесят третьего года труд членов бригады оплачивается по сдельно-премиальной системе.

— Вначале мы зарабатывали в день в среднем по семь рублей. Потом заработок увеличился вдвое, одновременно улучшилось и качество работы. Мы считаем, что надо использовать материальную заинтересованность в сочетании с моральными стимулами.

В бригаде царит строгий порядок: и мастер и рабочий-новичок заранее знают, что надо делать. Трудовая дисциплина «железная». К концу рабочего дня каждому известно, сколько он заработал.

Вот почему, — деловым тоном продолжает Манасян, — например, жилой дом по улице Шаумяна в Кафане был построен нами за четыре с половиной месяца. А дом пятиэтажный, 60-квартирный, со всеми удобствами! Что выиграло от этого государство? Снизилась себестоимость здания, сократились расходы, сэкономлено значительное количество стройматериалов, и, кроме того, объект сдан в эксплуатацию на год раньше срока. Представьте себе радость горняков, получивших квартиры, радость шестидесяти семей!

Я говорю Манасяну:

— Выходит, за четыре с половиной месяца бригада построила жилища для населения целой деревни, такой, как старый Верин Анд. Вряд ли ваша деревня насчитывала больше шестидесяти домов, а?

— Да, — соглашается он.

Как уже говорилось, бригада Манасяна (в ней более тридцати человек) за первые два с половиной года девятой пятилетки полностью выполнила свой пятилетний план. За это

[1] Хачкар — крест-камень — мемориальный памятник, воздвигавшийся в Армении в средние века. Архитектурной доминантой камня является крест.

время она построила и сдала в эксплуатацию с оценкой «хорошо» и «отлично» четыре жилых дома, бытовой корпус завода железобетонных конструкций, несколько других объектов. Площадь жилых домов, построенных бригадой за это время, превысила 13 тысяч квадратных метров. Срок строительства каждого из жилых домов сокращен в среднем на 150 дней! Красноречивые цифры!

Совсем недавно пятиэтажный дом из 55 квартир был сдан в эксплуатацию за три с половиной месяца. В это не сразу поверишь, но это действительно свершается, да еще в сложнейших горных условиях. Как ни подробно рассказывает Гарник Манасян, все же нелегко объяснить себе, почему возможно такое. Остается призвать на помощь мудрую формулу, которую довольно часто повторяет Манасян: «Труд — отдаю людям». Здесь все — и патриотизм, и честное отношение к труду, и гордость строителя.

В бригаде говорят о Манасяне — строгий. Да, он никогда не простит небрежности в работе. Справедливость, необходимая строгость, честность являются сущностью созидателя, строителя. Эти качества свойственны советскому человеку.

* * *

На вопрос: помнит ли он, на что потратил свою первую зарплату, — Гарник ответил:

— Конечно, помню.

Оказывается, купил патефон. Когда пришел домой, то дома не было ни хлеба, ни сахара. Война только окончилась. Жили голодно. А он всю зарплату потратил на патефон и пластинки.

Может быть, это воспоминание о первом заработке Гарника Манасяна и обязывает сказать несколько слов о его детстве, юности. Это были тяжелые годы раннего сиротства. К тому же маленькие сестры на руках. Но лавина выпавших на его долю испытаний не исковеркала душу юноши: нет у него ни злости на судьбу, ни обиды на людей. Взгляд его синих глаз ясен, улыбка добрая, есть в ней и что-то детски непосредственное. Где источник этой чистоты и стойкости? Сердце подсказывает ответ: источник становления мужественного и прямого характера — постоянный упорный труд. А труд, как огонь, выжигает все нечистое, освещает и греет человека. Честный труд не позволяет завестись недобрым мыслям в потаенных уголках души.

Что бы ни услышал нового о бригаде Манасяна, из головы не выходит девиз бригадира: «Труд — отдаю людям». Бригада за четыре года построила 280 квартир, 280 семей получили удобное жилье. Сколько радостных переживаний у людей, сколько благодарности строителям.

— Для нас нет большей радости, чем вручить новоселам ключи, — говорит Манасян. — Если вдруг обнаруживается, что что-нибудь недоделано в построенном нами доме, это мне причиняет ужасную боль. Строить надо на совесть.

* * *

Наверное, нигде люди так часто не соприкасаются с камнем, как у нас в Армении. Есть даже поэтическое изречение: «Страна камней — Армения». Наши предки говорили еще: «В некоторых камнях есть кровь». Они, вероятно, подразумевали под этим, что добыча камня бывает связана с риском.

Для Гарника Манасяна камень также словно бы наделен своей душой: это — живое существо, которое необходимо приручить, одушевить, превратить из дикого первозданного природного образования в вещество

полезное. Мастер-строитель Манасян хорошо знает свойства, повадки камня и песка, дерева и цемента, панелей и железа. Он проник в сущность материалов, с помощью которых создает кров людям, дарит им тепло и уют. Он говорит о камне так, словно речь идет о живом человеке.

— В ремесленном училище я первое время частенько плакал, — признается Манасян. — Однажды взял молоток и принялся обрабатывать твердый, непокорный камень... Я ничего не мог сделать с этой глыбой своими неопытными руками под испытующим взглядом старого мастера. Но вот мастер подошел ко мне, вытер слезы ладонью, перепачканной каменной пылью, и сказал:

— Слезы, сынок, не смягчат камень, не подчинят его. Горячим сердцем и стальными пальцами можно подчинить камень. Ну, за дело, сынок!..

Постепенно камень стал подчиняться. У молодого мастера отлегло от сердца. Дальше произошло настоящее чудо. Едва он притрагивался к камню, к известковому раствору, к песку, как они смирялись, становились покорными замыслу и воле строителя.

* * *

Мы вышли из дому, поднялись на холм. Отсюда хорошо был виден Кафан — город медеплавильщиков. Вместе с другими мастерами его строил осиротевший в войну мальчик, который научился из бездушного, холодного камня создавать красивые дома, согревающие жизнь людям. Как же не любить профессию строителя!

* * *

Наш современник строитель Гарник Манасян — Герой Социалистического Труда, с гордостью носит он на груди знак наивысшей трудовой славы и всеобщего признания — золотую медаль «Серп и Молот».

Через мои руки проходят тысячи тонн «белого золота», так необходимого стране, народу. Тружусь с полной отдачей сил, вкладываю в свой труд любовь к Родине.

ВАЛЕНТИН РЫБИН

РЯДОВОЙ РАБОЧЕЙ ГВАРДИИ

Плодородная Мургабская долина в Туркмении тянется вдоль речных берегов с юга на север — от холмов Кушки до окраины Каракумской пустыни. На всем протяжении реки Мургаб по обеим ее сторонам раскинулись колхозные

поля. Растет на них знаменитый тонковолокнистый хлопчатник. Колхозы здесь богатые, с миллионными доходами. Сотни проселочных дорог, по которым осенью сельчане везут хлопок, ведут в областной центр, город Мары, где на хлопкоочистительном ордена «Знак Почета» заводе имени В. П. Чкалова хлопок проходит первичную обработку.

В 1954 году приехал в аул Герельде-Ярыш к Иламану Ходжагельдыеву его старший брат Какаджан — рабочий Марыйского хлопкоочистительного завода. Гостинцев на праздник привез. Обрадовал своим приездом старенькую больную мать, а брату сказал с упреком:

— Тебе уже восемнадцать, Иламан. Посмотри на своих сверстников: один шофер, другой тракторист, третий на ферме работает...

После праздника братья сели на попутную машину и спустя час были на окраине Мары. Повел Какаджан младшего брата на хлопкоочистительный завод, поговорил с главным инженером Валуевым — и определили Иламана подавальщиком хлопка-сырца.

На другой день Иламан вышел на работу. Огляделся. Взял вилы. Поворошил слежавшийся хлопок и начал перекладывать его поближе к пневматической трубе. Труба, словно пасть сказочного дракона, засасывала хлопок-сырец и отправляла в цех к очистительным машинам — джинами их называют. Поработал Иламан час-другой — ничего сложного.

Кто-то из русских ребят-подавальщиков спросил:

— Эй, парень, кто ты и откуда?

— Я рабочий, — ответил Иламан. И больше ничего не мог сказать: он немного слов знал по-русски.

Как вскоре поняли товарищи по работе, главными отличительными чертами парня были любознательность и пытливость. В первые же дни работы он старался узнать, что и как делается в соседних цехах, как вообще поставлено производство на заводе, кто и чем занят.

Рабочий-прессовщик Овез Бердыклычев однажды позвал его в прессовочное отделение и сказал:

— Посмотри, как этот пресс пакетирует хлопок.

Иламан долго смотрел, как работает машина, наблюдал за действиями рабочих: один управлял какими-то рычагами, другой заправлял в утробу машины белый бязевый мешок, третий обвязывал кучу хлопка проволокой. Вдруг все загудело, задрожало, и из-под пресса двое ребят вытащили готовую кипу хлопка. Точно такие видел Иламан на железнодорожных платформах.

— Вот, оказывается, как это делается? — удивился он.

— Да, братишка, именно так, — с гордостью подтвердил Овез. — А потом отправляем кипы на фабрики страны. Когда ты будешь покупать матери на платье — вспомни о нас, прессовщиках...

Незаметно пролетели три года. Иламан освоил ряд подсобных работ, при случае даже мог заменить рабочего на джине. Подружился со многими мастерами пильного и валичного цехов. Сменный мастер бригады № 3 валичного цеха Дерья Черкезов приметил пытливого парня, предложил ему:

— Переходи ко мне, Иламан. Зачислю младшим прессовщиком. Вместе со своим другом Овезом будешь работать.

Иламан согласился. И уже на другое утро Овез Бердыклычев наставлял приятеля:

— Техника безопасности — прежде всего. Будь внимательным. Если этот «слон» заденет, — кивнул он на пресс, — долго отлеживаться будешь.

Всю смену Иламан заправлял тару и проволоку для вязки кип. Признать-

ся, нервничал. Понимал, что движения его недостаточно быстры и сноровисты. Опытные прессовщики поругивались, подгоняли новичка. Бердыклычев одергивал ребят: «Сами разве не так начинали?»

Надо было скорее входить в общий ритм работы. Метод в бригаде — поточный. Подавальщики гонят хлопок-сырец на джины, джинщики — волокно на пресс, прессовщики отправляют готовые кипы на весы, потом их складывают на товарном дворе и грузят в железнодорожные вагоны. Работа всех зависит от каждого. Если кто-то промедлил, то задержка сказывается на всей бригаде. Сменный мастер Дерья Черкезов спрашивает одинаково со всех. На пятиминутках достается то джинщикам, то прессовщикам, не реже — подавальщикам.

Главная беда на подаче в том, что вместе с хлопком в трубу затягивает посторонние предметы. Попадет какая-нибудь железка на шестерню джина, даст искру — и пожар. Пожарники всегда наготове, но все равно, как бы хорошо они ни работали, ЧП — есть ЧП. Тут и потеря времени, и поломка техники, и тягостные выяснения — кто виноват в аварии. На собраниях всегда один и тот же вопрос: «Неужели ничего нельзя сделать, чтобы в пневмосистему не попадали посторонние предметы?» И ответ всегда одинаковый: «Надо подавальщикам быть внимательнее!» А что значит — внимательнее? Это значит — только и следи за камнями да железками, забудь о темпе подачи хлопка.

Много еще нерешенного. Вот и главный инженер Валуев все время призывает молодежь: «Думайте, ребята, как механизировать все участки. Механизация — вот главное условие, которое определяет и количество, и качество работы!»

Иламан после таких разговоров всегда с претензией к Овезу Бердыклычеву:

— А мы — что? Разве нам нечего механизировать?

— Пресс что ли механизировать?! — возмущался Бердыклычев. — В нем десятки тонн веса и тысячи разных деталей. Да и станкостроители позаботились, все что возможно механизировали.

— Выходит, у нас нет резервов? — не сдавался Иламан.

— Есть! — повышал голос Овез. — Ищи резервы в себе. Руками поживее двигай, мозгами шевели... Видно, мало у тебя забот. Ведь женился, квартиру получил... О семье надо подумать!

— Думаю и об этом, Овез... Ссуду хочу брать. Свой домик построю. Как там ни говори, дети растут, в заводской квартире тесновато.

Иногда Иламан выбирал время заглянуть в механический цех. Здесь всегда оживленно. Слесари и механики — народ способный, с изобретательской жилкой. Рядом с ними бригадиры, сменные мастера. Главный инженер Валуев был здесь всегда желанным гостем. Как-то рассматривали чертежи нового агрегата — автоматического питателя подачи хлопка-сырца в джины. С его вводом облегчится труд подавальщиков, увеличится производительность.

— А как же с посторонними предметами? — напомнил Иламан. — Скорость подачи хлопка увеличится — тогда еще труднее будет заметить в хлопке камни. Может, надо поставить у всасывающего отверстия трубы бункер? Сделать так, чтобы хлопок гнало в одну сторону, посторонние предметы — в другую.

Валуев задумался, пытливо посмотрел на Ходжагельдыева.

— Темп подачи упадет, Иламан. Общая производительность снизится. А если весь этот привезенный хлопок, — он кивнул на белую гору, — пропускать через бункер-очиститель, то потребуются дополнительно боль-

шие средства и немалая рабочая сила. Слишком накладно... Нерационально.

Иламан насупился:

— Штрафовать надо тех, кто при сдаче хлопка кладет камни, чтобы прибавить вес. И в колхозных бригадах следует поговорить об этом.

— Ты, конечно, прав, Иламан, — согласился Валуев. — К сожалению, в семье не без урода. Надо искать способ очистки всего бунта.

Вскоре старший прессовщик Овез Бердыклычев перешел работать на другой участок. Валуев поставил на его место Иламана. Пожелал ему:

— Ну вот, теперь давай вместе думать, как увеличить производительность. Пресс в твоих руках. От тебя многое зависит.

Обязанности старшего прибавили забот Иламану. И без того немногословный, теперь он весь ушел в работу. Раньше он как-то не придавал значения тому, что помимо хорошего пакетирования кип прессовщикам важно уметь делать кое-что и другое. Оказывается, если промедлили прессовщики, то и в валичном цехе работа притормозилась, а соответственно и у подавальщиков. Значит, надо так построить работу, размышлял Иламан, чтобы не нас подгоняли, а мы поторапливали: «Эй, джинщики, почему не успеваете?! Из-за вас и мы не можем работать быстрее!» Нередки были случаи, когда тормозили общий поток прессовщики. На одном из собраний Иламан откровенно заявил сменному мастеру:

— Теперь, товарищ Черкезов, всем нам хорошо понятно: самый важный участок на потоке — это пакетирование хлопкового волокна и линта. У нас на прессе — заключительный этап переработки хлопка-сырца, и это во многом определяет результаты работы всего завода! Надо нам действовать живее, согласованнее.

— Ты правильно думаешь, дорогой! — согласился Черкезов. — Очень

Белое золото

правильно. Но ведь ты старший прессовщик. Вот с себя и начинай. Подай всем пример, Иламан. Надо так организовать работу, чтобы в течение всей смены не допускать нарушений заданного ритма, тем более — вынужденных простоев оборудования.

* * *

Этот переломный период совпал с вступлением Иламана Ходжагельдыева в партию. Ему памятны были слова сменного мастера Черкезова: «Подай всем пример, Иламан».

Подать пример — это не только задать темп и увлечь ударным темпом товарищей. Этого мало. Да и ребята сами понимают, что от темпа, ритма их работы зависит весь поток операций. Тут надо действовать помудрее. По-видимому, надо так расставить рабочих, чтобы каждый наиболее соответствовал своему месту: где требуется ловкость — поставить самого ловкого, сильному дать возможность применить свою силу... Попробовали — получилось. Напрасно говорят, что от перестановки слагаемых сумма не меняется. Еще как меняется! Ребята заработали куда продуктивнее и слаженнее. И процент выполнения норм заметно возрос. У ребят дух поднялся: «Поди ж ты — нехитра наука, а каковы результаты!» И для Ходжагельдыева открытие: «Выходит, раньше я только назывался старшим прессовщиком, а на самом деле не вполне отвечал своему назначению». Иламан чувствовал себя таким счастливым и уверенным, словно нашел ключ от какого-то хитрого механизма...

Стабильность ритма, закрепленная на прессовальной машине, передавалась по цепочке всему потоку операций. И к началу семидесятых годов задание по производительности труда на хлопкоочистительном заводе впервые было выполнено более чем на сто процентов.

Главный инженер Алексей Алексеевич Валуев хвалил Иламана за хороший порядок, установленный на прессе.

— Но это еще не все, Иламан, — говорил главный инженер. — Основа основ в наше время — это механизация. Как по-твоему, что прежде всего требуется на прессе?

Иламан долго думал. И главный инженер не торопил его, терпеливо ждал. Он и раньше заговаривал с Иламаном о механизации, угадывал в нем ясный, самостоятельный ум, тяготеющий к решению технических задач. И кажется, он не ошибался в способностях молодого человека.

—Знаете, что нужно прессу, Алексей Алексеевич?! — оживился Иламан. — Думается, нужен ему механический выталкиватель кип. Вот что ему нужно! Чтобы этот механизм был похож на железные руки!

— Что же, — серьезно заключил Валуев,— будем работать, Иламан.

И они начали вместе думать над выталкивателем. Это была настоящая техническая учеба для Ходжагельдыева.

Валуев сумел сплотить вокруг себя любителей техники. Шаг за шагом разрабатывался план максимальной механизации трудоемких процессов. Директор завода Гара Келов всячески способствовал привлечению к делу все новых людей. Среди этих самородков выделялся своей одаренностью Иламан Ходжагельдыев. Можно было только удивляться, как человек без специального образования способен правильно разрабатывать и решать довольно сложные технические проблемы.

Механизаторы были неистощимы на выдумки. Вслед за установкой механического выталкивателя кип решено было изменить конфигурацию подушки камеры гидропрессовой установки марки Д-8237; механизировать открывание дверок пресс-камеры; для

более надежного обеспечения безопасности труда поставить ограждение на участке поворота прессовых ящиков; для устранения западаний хлопкового волокна в гидронасосное отделение между отверстием в полу и поворотным кругом установить надежное перекрытие.

Модернизацию прессового отделения решили провести в период минимальной загруженности завода, т. е. в весенне-летние месяцы, одновременно с ремонтом всего заводского оборудования. При дополнительной механизации пресса был принят и ряд наметок Иламана Ходжагельдыева.

— Ну, и задали вы всем работу! — весело говорил механизаторам директор завода Гара Келов. — Посмотрим, что из этого получится.

— Как же не получится, коль за дело столько людей взялись.

И действительно, хорошо получилось. Только механизация прессового отделения, по скромным подсчетам, дала заводу экономии 64 тысячи рублей в год.

О старшем рабочем на прессе Иламане Ходжагельдыеве, активном рационализаторе, заговорили на заводе. Его фотография и раньше была на доске Почета, а теперь под фото появилась внушительная подпись: «Годовое производственное задание выполнено на 115,4%». Это были итоги работы прессовщиков в первом году девятой пятилетки, в год XXIV съезда КПСС. Таких результатов прессовщики добились впервые за всю историю существования завода.

За успешное выполнение производственного плана Иламан Ходжагельдыев был удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина.

А дальше дела у Иламана пошли еще лучше. И в цехе все ладится, и дома, в семье, настроение у всех отменное. Душа поет. Говорить хочется. Вот и сегодня — сидит с женой Огульгерек в небольшой беседке, которую сам соорудил во дворе.

— Вот ведь как получается в жизни, — говорит задумчиво Иламан. — Раньше, когда я приезжал из аула в Мары, никак не мог понять, что хорошего находят люди в хлопкоочистительном заводе. Стены, цеха, машины. То ли дело просторные хлопковые поля. А теперь, Огульгерек, я свой цех не меньше поля люблю. Только и думаю: «Завтра сделаю одно, послезавтра — другое. И все это очень нужное». Раньше я не так уж часто брал книги в руки, а теперь книги для меня, как музыка дутара. Особенно нужны мне книги по технике. Вот закончим механизацию прессового отделения, весь Мургаб работой удивим!

Очень повезло мне, Огульгерек, что я встретился с инженером Валуевым. Он ведь помог мне стать настоящим человеком. Жаль, на пенсию недавно ушел. Но на заводе все равно бывает почти каждый день. А как же... Большое дело мы начинаем. Новый цех будем строить. Первый в Советском Союзе. Опытный сушильно-очистительный — для лучших сортов тонковолокнистого хлопка...

Иламан не зря так горячо отзывался о своем учителе Алексее Алексеевиче Валуеве.

Старый опытный инженер после ухода на пенсию все же избавил джины от попадания в них посторонних предметов. По чертежу инженера Валуева слесари изготовили некое сооруженьице наподобие круглой печки с дверцей внизу. Труба, в которую подается хлопок-сырец на джины, пролегает во дворе завода под проезжей дорогой, затем выходит на поверхность и у стены валичного цеха поднимается вверх.

Свою «печурку с конфоркой» Валуев установил на самом изгибе трубы, в том месте, где начинается ее подъем. Потом Алексей Алексеевич подключил пневмосистему. Хлопок-сы-

А что, если
и в самом деле...

рец, как обычно, пошел из бунта по трубе. И сам конструктор, и помогавшие ему слесари сидели поблизости, внимательно наблюдали за своим устройством. Конечно, был тут и старший рабочий пресса Иламан Ходжагельдыев.

Прошел час, а может быть, и больше. И вдруг дверца внизу «печурки» автоматически приоткрылась, из нее выпал булыжник килограмма два весом. А дверца также автоматически захлопнулась. Теперь всем стало очевидно, какую необыкновенно простую и в то же время полезную для производства «печурку» сотворил Алексей Алексеевич.

— Ну вот, — облегченно сказал изобретатель, — теперь всем «происшествиям» конец. Как же мы назовем это приспособление?

— «Уловитель тяжелых предметов!» — посоветовал Иламан. Валуев внимательно посмотрел на него.

— Что ж, пусть будет так.

Прошел месяц-другой. Как-то после смены Иламан во дворе завода повстречал Валуева.

— Как поживаешь, Иламан? Мы давненько с тобой не виделись.

Ходжагельдыев ответил, что хорошо живет, нельзя пожаловаться. Прессовщики снова перевыполнили план. Старательно работают ребята.

— Вот недавно ты сказал, Иламан, что скрытые резервы в себе отыскиваешь. Это верно, резервы в самом человеке кроются. Все зависит от человека. Подумай-ка...

Попрощался и ушел. Кажется, со всей серьезностью говорил. Именно после этой встречи впервые спросил себя Иламан Ходжагельдыев: «А что если и в самом деле?..»

Он советовался с новым главным инженером, с парторгом. Не обошел и сменного мастера бригады Дерью Черкезова. Дерья — смелый, горячий парень: «А чего ж, ежели есть желание, начинай. Поддержим...»

...Это партийное собрание осталось у многих в памяти. Горячо говорили о том, что все бригады завода вступили в социалистическое соревнование. И соревноваться надо так, чтобы работа горела в руках у людей. Выступил Иламан Ходжагельдыев. Он был немногословен. Сказал, что целью своей в соревновании ставит выполнение на прессе заданий пятилетнего плана в четыре года. И что по его соображениям есть к этому реальные возможности. Иламану дружно аплодировали. Желали ему успехов. Но после собрания, когда улеглись страсти, все же нашлись скептики, которые с сомнением покачивали головами.

— Вряд ли... И у пресса, и у людей есть пределы. Ну, поднимут еще на один-два процента. Но чтобы в четыре года...

Видимо плохо знали Ходжагельдыева. Не за дни, а за недели перед партсобранием Иламан тщательно высчитывал, прикидывал, говорил с прессовщиками. Ребята добросовестные, отзывчивые. «Если требуется прибавить темп, мы прибавим, Иламан, можешь положиться».

Спасибо ребятам. Но ведь надо знать, за счет чего прибавить.

Дома, по вечерам, Иламан сидел за столом с карандашом и тетрадкой. Думал, записывал.

Взять, например, пакетирование кип хлопка. ГОСТом установлен «скользящий» вес кипы: 215 килограммов, допуск в ту или иную сторону 10 килограммов. Значит, кипа должна весить от 205 до 225 килограммов. Что греха таить, — чаще всего допуск склоняется в сторону минимума. Ну, а если пакетировать никак не меньше 220, стремясь к 225 килограммам? Ведь это же немалая экономия упаковочного материала, заметное повышение коэффициента полезного использования вагонов. — Пиши, Иламан, цифры — копейки, рубли, минуты, часы, килограммы, тонны.

На работе Ходжагельдыев несколько смен подряд засекал по часам, как расходуется рабочее время. Оказывается, непосредственно на пакетирование уходило только шесть часов, остальные два — на обслуживание рабочего места, подготовительно-заключительные работы, личные надобности и перекуры. И Ходжагельдыев разработал точный сменный график распределения рабочего времени. По его подсчетам, можно значительно увеличить время производительной работы.

Посоветовался с прессовщиками: «Ну как, ребята, хватит нам времени на все то, что не связано прямо с производством?»

Переглянулись ребята, задумались, потом начали одобрительно кивать: «Уложимся. Не для чужого дяди стараться будем, для себя же».

И закипела у прессовщиков работа по-новому. Внешне как будто в прессовом отделении ничего не изменилось: тот же пресс, те же люди, не заметно головоломной спешки, а производительность круто пошла вверх.

Тут даже опытные джинщики и мастера не без любопытства посматривали на Ходжагельдыева: за счет чего же у него растет процент? Но Ходжагельдыев и не думал секретничать. Пусть люди перенимают его опыт. Когда он окончательно убедился, что, пересмотрев график рабочего времени и разработав новый, нашел скрытые резервы производства, что новые показатели производительности прочно закрепились, он доложил о результатах партийному собранию.

Никто теперь на заводе не сомневался, что старший прессовщик Ходжагельдыев поставит новый рекорд, но вряд ли кто-нибудь, например, полгода назад мог сказать, что рекорд этот будет равен 138,3 процента планового задания.

В апреле 1974 года в зале Марыйского областного комитета партии собрались передовики области — рабочие, колхозники, механизаторы. Первый секретарь областного комитета партии зачитал Указ Верховного Совета СССР о присвоении Иламану Ходжагельдыеву звания Героя Социалистического Труда и вручил ему орден Ленина и золотую медаль «Серп и Молот». Орденами вместе с другими передовиками производства был награжден и бригадир валичного цеха Дерья Черкезов.

* * *

Награды получили лучшие из лучших, но ведь победа ковалась во всех цехах завода. Весь коллектив хлопко-

очистительного, включившись в социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана девятой пятилетки, показал высокие образцы труда.

Марыйский ордена «Знак Почета» хлопкоочистительный завод имени В. П. Чкалова в начале девятой пятилетки заключил договор о творческом содружестве с подмосковной Реутовской хлопкопрядильной фабрикой: 1974 год должен был выявить победителя. Этот год был трудным для марыйцев. В урожае 1973 года появился новый сорт тонковолокнистого хлопчатника. Принятый на очистку в джины, этот хлопок несколько снизил производительность. Требовалось некоторое время, чтобы в полной мере освоить очистку нового сорта. Снижение темпов на джинах сказалось и на производительности труда прессовщиков. Выработка первых месяцев 1974 года составляла немногим более 100 процентов, но за лето дружный коллектив рационализаторов усилил на джинах отбойные валики, и очистка возросла до ста килограммов хлопка-сырца в час, тем самым было с лихвой наверстано упущенное.

Осенний небывало богатый урожай хлопкоочистители Туркмении встретили во всеоружии. Ежедневно с заводского товарного двора откатывались железнодорожные вагоны, груженные кипами тонковолокнистого хлопка. Со станции Мары уходили поезда с «белым золотом» во все концы Советского Союза: в Ленинград, Барнаул, Киев, Херсон...

А вот и результат. Свой годовой план Марыйский ордена «Знак Почета» хлопкоочистительный завод имени В. П. Чкалова выполнил досрочно. На год раньше выполнил пятилетнее производственное задание старший прессовщик Герой Социалистического Труда Иламан Ходжагельдыев.

В феврале 1975 года подводились итоги социалистического соревнования за минувший, определяющий год пятилетки. Лучшие производственники Марыйского хлопкоочистительного завода выехали в Реутово — сменный мастер Дерья Черкезов, старший прессовщик Иламан Ходжагельдыев, старшая джинщица Людмила Ишкова, сменный мастер пильного цеха Худайберды Бабаев.

На перроне Казанского вокзала в Москве реутовцы встретили туркмен как самых близких друзей.

Гостям из Туркмении хозяева показали свою хлопкопрядильную фабрику, культурные учреждения, жилые дома. А затем, после осмотра достопримечательностей Москвы, гости встретились в фабричном клубе с кол-

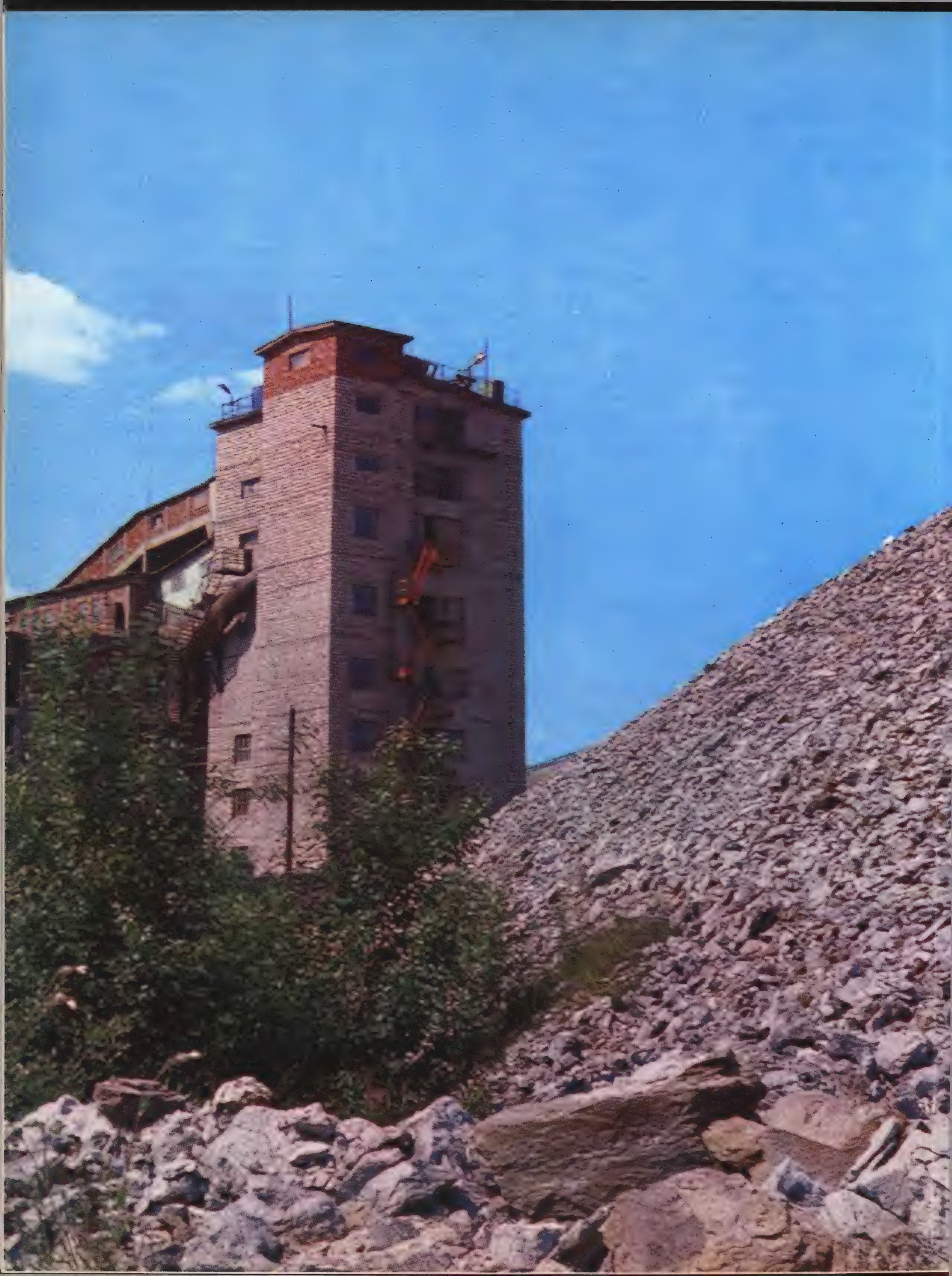
лективом текстильщиков: подводились итоги социалистического соревнования за 1974 год. В президиуме рядом с туркменскими передовыми тружениками сидели и директор Реутовской прядильной фабрики, и лучшие прядильщицы. Смотр показал, что в соцсоревновании победили марыйцы, выполнившие годовой план по очистке и упаковке хлопка на 116 процентов. У реутовцев показатели на восемь процентов ниже. В тот же день был подписан договор о социалистическом соревновании на 1975 год.

А через неделю — снова торжества: состоялось общезаводское собрание, на котором Марыйскому ордена «Знак Почета» хлопкоочистительному заводу имени В. П. Чкалова было вручено как победителю во Всесоюзном социалистическом соревновании переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Заслуженная награда.

В преддверии XXV съезда КПСС честно и самоотверженно потрудились хлопкоочистители Марыйского ордена «Знак Почета» завода имени В. П. Чкалова. И в этот труд щедро вложил свою долю депутат Верховного Совета Туркменской ССР, Герой Социалистического Труда старший прессовщик Иламан Ходжагельдыев.

Высокое предсъездовское обязательство ежесуточно добывать не менее 1500 тонн сланца — не предел для нашей бригады. Убежден, что в десятой пятилетке мы сумеем найти новые резервы роста производительности труда.

ВЛАДИМИР ЧАЧИН

ДЕЛИСЬ ОГНЕМ!

Он работал, как и все его товарищи: давал на-гора сланец. В этот вечер он пришел после смены, как всегда, в то же время. Жена поставила на стол пищу, простую, но подкрепляющую — ту, что требуется шахтеру. По лицу

мужа Хирланде поняла — сегодня он очень устал или же чем-то расстроен. Она уже знает — если за ужином всматриваться в лицо Арно, многое можно узнать. Читать на его лице каждую морщинку, угадывать каждый рассеянный взгляд (даже в поисках соли на столе) она давно научилась. Очень хорошо научилась.

Немудрено. В прошлом году исполнилось ровно двадцать лет со дня их свадьбы...

Она еще внимательнее вгляделась в его лицо — и теперь уже твердо уверилась: на шахте что-то случилось. Там, на шахте № 4 ее муж, ее друг, самый дорогой человек, работает бригадиром, машинистом горного комбайна. Труд у него не из легких, к тому же шахта есть шахта, мало ли что может случиться.

Хирланде сама когда-то работала в шахте, знает, шахтеры — народ неслоовоохотливый, о пустяках говорить не любят. А особенно — ее Арно. Что ж, она потерпит. Вот Арно сейчас поужинает, закурит сигарету, отдохнет и уж обязательно поделится всем, что его может тревожить.

Неясное чувство тревоги передалось и Хирланде. Нет, Арно не просто чем-то огорчен, озабочен. В лице у него, кроме тревоги, еще и грусть. Это уже что-то непонятное даже для Хирланде. — Нет, ничего плохого не могло с ним произойти, — успокаивала она себя. — Арно — прямой, открытый, честный человек, от него нельзя ждать плохого.

— Посмотри-ка, я закончила вязать тебе свитер! Нравится? — говорила она, чтобы как-то рассеять неприятные мысли. Арно похвалил обновку, начал было примеривать, но вдруг неуклюже стянул с широких плеч свитер, невыразительно сказал: «Спасибо». И снова — отсутствующий взгляд, молчание.

Хирланде встрепенулась, засуетилась: как же это она забыла, ведь от старшего сына Калева пришло письмо из Клайпеды, из мореходного училища. Да где же оно? Ах, вот же, в кармашке передника.

Арно внимательно читал письмо, а она с тихой радостью ловила его редкие теплые улыбки, про себя успокоенно решила: по сыну соскучился. Вот и все тревоги.

В письме Калев восторженно делился своим нетерпеливым желанием поскорее окончить училище и отправиться в далекое плавание. Потом шло предположительное описание будущих встреч с жестокими штормами морей и океанов и как он, Калев, мужественно будет стоять на качающейся палубе — и крепкая матросская дружба поможет экипажу победить любой ураган, ибо нет на свете силы, которая могла бы противостоять сплоченному коллективу.

Арно отложил письмо сына, задумчиво подпер голову руками. Наконец тихо проговорил, глядя куда-то в сторону.

— Завтра закрывают нашу шахту № 4. Весь сланец мы выбрали. До последней тонны выбрали...

Хирланде присела на скамью рядом. Обняла мужа. Нет, не может она сейчас найти слов утешения, да и не ищет. Она даже не спрашивает, почему Арно раньше ничего не говорил ей об ожидаемом закрытии шахты. Ведь не могло же так получиться: вдруг только сегодня все узнали, что запасы сланца в шахте кончились. Молчал Арно, значит, были к тому причины... Она машинально складывает и вновь развертывает письмо от Калева... Хирланде — жена шахтера, она хорошо понимает, что значит расстаться с шахтой, которой отдан честный многолетний труд, где шахтер делил с товарищами все опасности и беды, радости и успехи, где зарождалась и крепла, пожалуй, самая прочная на свете дружба рабочих людей — шахтерская дружба. Может, так про-

исходит потому, что она рождается под землей, где товарищеская выручка нужна не меньше, чем в открытом океане, где Калева ожидают штормы и ураганы.

Двадцать два года Арно уходил протоптанной им же дорожкой от крыльца дома до этой шахты, и все двадцать два года шесть дней в неделю Хирланде с беспокойством и нетерпением — иногда легкими, порой беспричинно острыми — ждала его возвращения, как ждут все шахтерки своих мужей. Зимой, когда под ногами скрипит снег, она по этому скрипу, по шагам и походке, еще не видя лица Арно, научилась угадывать, как складывался у него прошедший день. А летом, если из окна дома она видела его, возвращающегося с шахты с цветами в руках, с широкой улыбкой на лице, — уже знала, что в этот день на шахте № 4 отмечалась трудовая победа.

Об этом нетрудно было догадаться — букеты цветов для бригады, отличившейся в социалистическом соревновании и добившейся рекордной выработки, вошли в традицию шахтерского трудового быта. Хирланде не может утверждать, что ее мужу доставались букеты ярче и пышнее, чем другим шахтерам, работавшим в одной бригаде с Арно, хватит и того, что букеты всегда были достаточно красивы. Но она знала, что имя Арно Киивита и в приказах по шахте в местной газете называлось не последним в перечне участников бригады: то одним из первых, а то и самым первым. Вот это она хорошо знала!

Ее Арно стал самым первым машинистом самого первого горного комбайна, полученного шахтой № 4. Машинист первого комбайна! Это ведь не случайно выпало на долю Арно Киивита. Выходит, знали, кому доверить новую технику. Знали также, что в этих надежных руках она оправдает себя и не будет простаи-

В Таллин приезжает много гостей

вать. Так и получилось. Добыча в бригаде неуклонно шла вверх.

Помнит Хирланде и такой торжественный день: к ним в домик вдруг весело ввалилась во главе с Арно группа его друзей по шахте. Пока она бегала к соседям одалживать дополнительные стулья, на столе появились и принесенные гостями закуски, и шампанское, до которого, честно говоря, шахтеры не такие уж любители. Но обычай есть обычай. Хирланде поняла, что произошло нечто очень важное. Первый тост, первое поздравление. Оказывается, ее Арно стал бригадиром. Она знает: бригадир на шахте — это очень почетно. Там, глубоко под землей, слово бригадира — закон. Там и начальник, и защитник, и советчик, и отец для молодежи — бригадир. Он — шахтерская справедливость и достоинство бригады. Вот кем стал Арно. Другие тосты подтверждали, что он вполне заслуживал эту честь.

Но ведь честь обязывает ко многому. Арно Киивит и это оправдал. Дневная выработка бригады достигла небывалого для шахты № 4 уровня — 1500 тонн товарного сланца. Начали заметно подтягиваться и другие бригады. Правда, выработка у них не достигала полутора тысяч тонн, однако общий дебет добычи в шахте значительно возрос.

А вот и еще один памятный день. Одетый по-праздничному, Арно вернулся из Городского комитета партии со счастливым, каким-то просветленным лицом. Он расстегнул внутренний карман пиджака, извлек красную книжечку. Всей семьей, притихшие, они рассматривали партийный билет. Хирланде показалось тогда, что билет уж очень маленький, слишком скромный. Почему-то думалось, что он будет большим, ярким и непременно с золотыми буквами на обложке. А оказалось, что от партийного билета веет какой-то особенной простотой, от которой тепло и торжественно становится на сердце.

В тот вечер она неожиданно для себя сделала открытие. Невольно сопоставила партийный билет и людей, которые носят его близ сердца, которых она знала в лицо. И вдруг установила: люди эти, как и билет партийный, отличаются простотой, спокойной уверенностью и скромностью. Это не только делает их похожими друг на друга, но и роднит. И вот теперь ее муж Арно принадлежит к числу тех, кого называют коммунистами. В этом заверяет маленькая красная книжечка с портретом Ленина внутри.

...Шахта! Сколько с ней всего пройдено, пережито, достигнуто! В сводках, в графиках и разных бумагах она именуется сухо, официально: шахта № 4. А в шахтерском просторечии ее называют ласково, как бы по-семейному: «Хорошая». (Должно быть так пошло от школьников, шахтерских детей, от их отметок в тетрадках: четверка — значит «хорошо».)

Здесь, рядом с их шахтой, рос террикон. И словно вровень с терриконом росла семья Хирланде. Когда террикон еще только-только угадывался — родился будущий романтик-моряк Калев. Поднялся террикон выше, стал виден с любого края поселка — на свет появился Урмас, теперь уже почти юноша, дотошный в технике (заканчивающий профтехучилище электриков). И вот верхушка террикона стала видна издалека, еще на подступах к поселку шахтеров — к этому времени родился третий сын — беспокойный, шустрый Пэтер. Прибежит из школы, ранец в сторону, подступает к отцу: «Почему сегодня звезда над копром не горит?» Знает мальчуган: если вспыхнула алая звезда, значит, шахта выполнила и даже перевыполнила план. А это уже «пятерка»!

Отец частенько требует у Пэтера дневник: «Ну-ка, посмотрим, как у

Перед сменой

тебя с пятерками дело?» Пэтер скисает, лепечет что-то невнятное, дескать, дневники забрала учительница для проверки. Взрослые в доме смеются.

А отец молча взглядывает то на окно, то на стенные часы.

— Сейчас вспыхнет звезда. Смотри, Пэтер!

И верно, вспыхивает над шахтой яркая алая звезда.

— Ну, теперь давай дневник, сынок...

...И вот настал этот день: закрывается шахта № 4. Шахтный двор заполнен людьми. Они одеты по-праздничному, море цветов, веселыми зайчиками блестит на солнце медь оркестра. С трибуны раздаются бодрые голоса ораторов, оркестр играет туш. Прощание с шахтой должно быть торжественным. И все же лица у шахтеров грустные.

Да, они хорошо поработали, особенно последние три-четыре года. Они выбрали из земли, что сейчас у них под ногами, весь сланец. Земля уступила их настойчивости, мускулам, знаниям, технике. Но как все же не просто расставаться с родной шахтой, а возможно — и с друзьями-товарищами!

Оркестр мягко начал плавный шахтерский вальс, так хорошо знакомый всем. И вот тут дрогнули лица ветеранов-горняков, руки потянулись в карманы за наутюженными платками.

А голос с трибуны, хоть и прерываемый паузами, но все же звучал достаточно громко:

— Товарищи, а сейчас слово предоставляется нашему знатному шахтному комбайнеру...

И тут Хирланде услышала свою фамилию, спохватилась: так ведь это же Арно вызывают! Вот все люди повернулись в их сторону. Слышны голоса:

— Давай, Арно! Тебе же слово!

И Хирланде тихонько подтолкнула его:

— Иди, Арно.

— Иди, Арно! — повторили стоявшие вокруг шахтеры. — Ну, чего ты? Давай, скажи.

Арно смущенно, как-то боком, плечом вперед, пошел к трибуне. Поднялся, огляделся, кому-то кивнул дружески, кому-то улыбнулся. Потом кого-то отыскал глазами. Хирланде показалось, что именно ее отыскал. Наконец, медленно, с запинкой, проговорил:

— Вот тут много моих друзей-товарищей... В этой шахте мы все выбрали. Весь сланец... Да как же так, товарищи?.. Выходит, расстаемся?..

Крепь установлена правильно.
Можно работать

Из президиума послышались голоса:

— Ну, почему расстаемся? У нас шахт много. Ты что, Арно?

— А как же мои товарищи?.. — недоуменно сказал Арно.

Загремел рукоплесканиями шахтерский двор. Оркестр снова начал шахтерский марш — теперь уже бодро, призывно рванул.

— Я еще хочу... — пытается продолжать Арно.

Но ему не дают говорить — люди машут руками, поднимают цветы над головой, протискиваются к трибуне:

— Арно, ты все правильно сказал! Чего растерялся? Мы здесь, Арно!

* * *

Шахта № 4 закрылась навсегда. Горняков приглашают на другие шахты. Но к этим другим надо еще привыкнуть, а потом уже полюбить. Так вот сразу и скажешь — родная шахта? Нет, так быстро не бывает. А уж очень хочется Арно и всей группе его почувствовать, чтобы их новая шахта «Кохтла» стала такой же близкой, любимой, какой была «Хорошая». Там бригада Арно выдавала за сутки 1500 тонн добротного сланца. А здесь — с трудом 1000 тонн. Это теперь — тысячу. А вначале... Но сказать правду, нелегко далась и эта тысяча. А ведь на этом никак нельзя останавливаться после тех вершин, которые еще так недавно были завоеваны ударным трудом бригады на шахте № 4.

Арно подбадривал и себя, и ребят своей бригады.

— Подождите, вот освоимся, осмотримся...

А среди старожилов шахты «Кохтла» нашлись остряки, подшучивали:

— Вы там у себя, на четвертой, небось, приписками занимались?

Арно по-настоящему сердился, выключал комбайн, сжимал огромные кулаки. Остряки поспешно умолкали:

— Ну-ну, успокойся, бригадир. Уж и пошутить нельзя.

Домой он приходил хмурым, неразговорчивым. Даже озорник Пэтер, казалось, все понимал и не лез с назойливыми расспросами. Молча подсовывал отцу дневник с одной-двумя пятерками, выжидательно заглядывал в глаза. Отец расписывался в дневнике, скупо хвалил мальчика и опять углублялся в свои невеселые мысли.

Хирланде, как могла, успокаивала:

— Может, пласт на новой шахте крепкий. Вот пройдете его и помягче начнется. Легче пойдет сланец. Ведь так, Арно?

Он и сам знал, что пласт, который достался его бригаде, в самом деле необычно крепкий. Не выдерживали, летели зубки комбайна, приходилось часто менять смазку, маневрировать шнеком. К тому же пласт тонкий, чуть поднял шнек — комбайн захватывает пустую породу.

Весь свой опыт, все знание техники Арно вкладывал в работу, отдавал своей бригаде. И все же больше, чем 1000 тонн в сутки, люди не могли дать.

В забой все чаще стал спускаться секретарь парткома производственного объединения «Эстонсланец» Евгений Федорович Филатов. Опытный горный инженер, он умел подбодрить шахтеров к месту сказанным словом, вселить уверенность в завтрашнем дне. И деловыми советами помогал. Филатов присмотрелся к людям бригады, словно бы взвесил силы и способности каждого, подсказал бригадиру, как целесообразнее расставить их на рабочие места. И бригада, хотя и по-скромному, стала набирать темпы.

Серьезный разговор состоялся между Филатовым и Киивитом.

— Послушайте, Арно, — начал Евгений Федорович. — Пласт достался вам такой, что действительно не угрызешь: летят зубки у комбайна, случаются другие мелкие поломки, немало уходит времени на маневры шнеком...

Машинист вы замечательный, с ремонтом мелких поломок обходитесь своими силами. Но ведь вы прежде всего машинист, а не ремонтник.

Арно пожал плечами.

— Что же тут поделаешь.

— Безвыходных положений нет, Арно... Люди в бригаде уважают вас, слушают. Предложите, чтобы каждый освоил вторую специальность: изучил бы комбайн, мог бы управиться с текущим ремонтом. Все это не так трудно, если парни овладеют слесарными и кузнечными навыками. Тогда и металл сварить сумеют. Прикиньте, какая экономия во времени получится. Конечно, не сразу, сперва надо позаниматься с ребятами.

А ведь это дельная мысль! — согласился Арно.

Хирланде уже привыкла к тому, что почти каждый вечер к ним приходят люди из бригады. Они усаживаются за столом, раскладывают чертежи, и Арно терпеливо учит шахтеров понимать назначение каждого узла в комбайне, как разобрать и собрать любую часть умной машины.

Прошло не так уж много времени — и вот ученики уже сдают специальные экзамены: из 24 членов бригады семеро допущены к управлению горным комбайном.

А вскоре бригада выдала за сутки 1100 тонн сланца. Это был первый успех. Арно повеселел.

— Видишь, я все же угадала, — говорила довольная Хирланде. — Пласт пошел мягче.

Арно покрутил головой, рассмеялся в ответ:

— Нет, Хирланде, пласт не стал мягче, это бригада стала крепче.

Перед встречей с избирателями

* * *

Однажды февральским утром, перед завтраком, когда Арно, умывшись, входил в столовую комнату, он увидел: взволнованная Хирланде крутит ручки радиоприемника, и глаза ее влажные как будто даже испуганные.

— Ты что? Что случилось?

— А разве ты ничего не слышал?

— Нет.

— Арно, дорогой! Тебе присвоили звание Героя Социалистического Труда! Сейчас передали Указ.

Все хорошее, что сделал Арно Киивит за долгие годы своей самоотверженной, безупречной работы, было справедливо оценено: и высокая добыча бригадой сланца на «Хорошей», и мастерское освоение Арно первого горного комбайна на шахте, и отличное управление этой сложной высокопроизводительной машиной, а также и то, что бригада не растерялась, столкнувшись на шахте «Кохтла» с особо твердыми пластами сланца, и теперь изо дня в день наращивает добычу, и наконец, превосходно организованная техническая учеба в бригаде — ничто не было забыто, все приравнено к доблестному трудовому подвигу.

...В дверь кто-то нетерпеливо стучит. Хирланде бросилась открывать — на пороге ребята из бригады Арно. Среди них — новые, воспитанные бригадиром Киивитом машинисты комбайнов Велло Райдла и Петр Филатов. Смеются, радуются. Велло даже начал было бороться с Арно. Потом они окружили своего бригадира, взялись за руки вместе с Хирланде и стали отплясывать какой-то непонятный восторженный танец. Хирланде помнит, как беспрерывно хлопала дверь и все ширился, вырастал круг танцоров. Арно стоял в середине, краснел, что-то смущенно бормотал.

Потом ей запомнилось, как она с крыльца смотрела им вслед. Обнявшись, они шли шеренгой к своей шахте, занимая всю ширину улицы, и в середине шеренги — Арно.

...В эту смену бригада выдала нагора 1150 тонн сланца, хотя пласт оставался все таким же твердым.

И еще запомнился ей тот не менее счастливый день, когда Арно, или как все, словно сговорившись, теперь называли его, Арно Петровича Киивита, всенародно избрали депутатом Верховного Совета СССР.

Она даже не подозревала, какие у ее Арно организаторские способности. Там, глубоко под землей, он не забывал, что нужно повседневно заботиться о бригаде — о культурно-политическом росте людей, об их производст-

венной учебе, о бытовых нуждах. Об этой его заботливости она наслышалась от самих шахтеров. А вот здесь, на поверхности земли, дома, ее Арно, депутат Киивит, сейчас все время в кругу людей — своих избирателей, в хлопотах и беспокойстве о них. Она знает, в какие дни он встречается на собраниях с избирателями. Придет с шахты, долго и тщательно бреется, потом надевает свой лучший костюм с Золотой Звездой Героя и депутатским значком на груди (она сама аккуратно их прикрепила к его пиджаку). Иногда она просматривает его записи, конспекты выступлений. А напоследок скажет с улыбкой:

— Ну, член правительства, иди, послужи своему народу.

Ей приятно слышать в городе добрые слова о ее муже. Она знает — это он добился, чтобы шахтеров с дальних шахт доставляли на работу и с работы в автобусах; это он помог многим нуждающимся семьям получить новые квартиры; организовал культурный и веселый воскресный отдых для горожан; принимает участие

в благоустройстве шахтерской столицы — Кохтла-Ярве.

И еще она заметила, что Арно научился уверенно, интересно и по-деловому выступать перед людьми. Не так, как это было в тот день на митинге, когда прощались с шахтой № 4. Тогда она сама подтолкнула оробевшего мужа к трибуне. А вот недавно Хирланде пригласили на вечер передовиков соцсоревнования. В президиуме были товарищи из ЦК коммунистической партии Эстонии, ответственные работники города, знатные люди.

О социалистическом соревновании говорилось много, чувствовалось: этому придают очень большое значение. Она заметила, что не всем выступающим зал аплодирует одинаково. Тем, кто часто повторял слово «соцсоревнование» и в общих чертах объяснял, как организовать соревнование, аплодировали меньше, нежели тем, кто рассказывал о фактах, предлагал что-либо.

И вот предоставили слово Арно. Его слушали с большим интересом. Но Хирланде казалось, что никто так близко к сердцу не принимал каждое его слово, как она. И главное — все у Арно было просто, понятно и очень правильно. Он предлагал, например: лучших шахтеров из одной соревнующейся бригады посылать на какое-то время в другую. И пусть они, словно добрые разведчики, посмотрят, что есть хорошее, передовое в бригаде-сопернице, и со своей стороны подробно расскажут о полезном новаторстве в их бригаде. Особенно понравился Хирланде один пример, рассказанный Арно.

«В Донбассе, — говорил он, — еще во времена зачинателя соцсоревнования Алексея Стаханова была в ходу и даже считалась священной шахтерская заповедь: «Делись огнем! Это означало, если у шахтера гасла лампа, то сосед подставлял ближе к нему свой светильник.— Вот это и есть настоящий, товарищеский обмен лучшим опытом», — закончил Арно под дружные аплодисменты президиума и всех присутствующих в зале.

Позже из рассказов Арно она узнала, что такой обмен опытом уже ввели на шахтах в Кохтла-Ярве.

Как-то вечером, довольный, необычно оживленный, он говорил:

— А знаешь, Хирланде, теперь и наша бригада обогатилась опытом, да и мы соперникам немало подсказали хорошего. Понимаешь? Мы вчера посоветовались в бригаде и решили, что в честь XXV съезда партии можем взять обязательство давать за смену 1500 тонн сланца и не меньше. Знаешь, как это было на «Хорошей»! Ты веришь, что мы сможем?!

Она внимательно и доверчиво смотрела в лицо мужа. За много лет Хирланде научилась читать в этом лице каждую упрямую морщинку, каждый лучик радости.

СОДЕРЖАНИЕ

331
Р 13

Р 13 **Рабочая доблесть.** М., «Экономика», 1976.

383 с.

Книга посвящена лучшим представителям рабочего класса отраслей промышленности, строительства, транспорта, добившимся в девятой пятилетке выдающихся трудовых достижений.

В очерках раскрывается богатый духовный мир героев, рассказывается о достигнутых трудовых успехах новаторов производства, «секретах» их мастерства.

Авторами книги выступают широко известные писатели и журналисты.

Книга содержит большое количество иллюстраций.

Р $\frac{10903-080}{011(01)-76}$ БЗ—46—5—75 331

РАБОЧАЯ ДОБЛЕСТЬ

Литературный редактор *К. Я. Горбунов*

В редактировании книги принимало участие издательство «Художественная литература»

Редакторы:
Ц. С. Гинзбург, Л. Я. Горелик, Т. М. Граховская, Н. В. Колесник, Л. А. Коников, Г. М. Короткова, Т. Д. Косарева, Р. В. Мацук, Э. Т. Морозова, И. В. Преловская, Т. С. Репина, Л. А. Таривердиева, Г. Б. Трифсик

Младший редактор
Л. И. Кузнецова

Художественные редакторы:
Е. С. Васильев, А. Н. Михайлов

Технический редактор
Э. М. Элькина

Корректор
А. С. Рогозина

Оформление
В. С. Елизаветского, О. А. Кознова

Портреты
А. Данилова, А. Немчинова, Ю. Немчинова

Фотокорреспонденты
А. Беляев, В. Герман, В. Клепко, А. Коноплянник, О. Коханов, Л. Раскин, В. Смоляков и др.

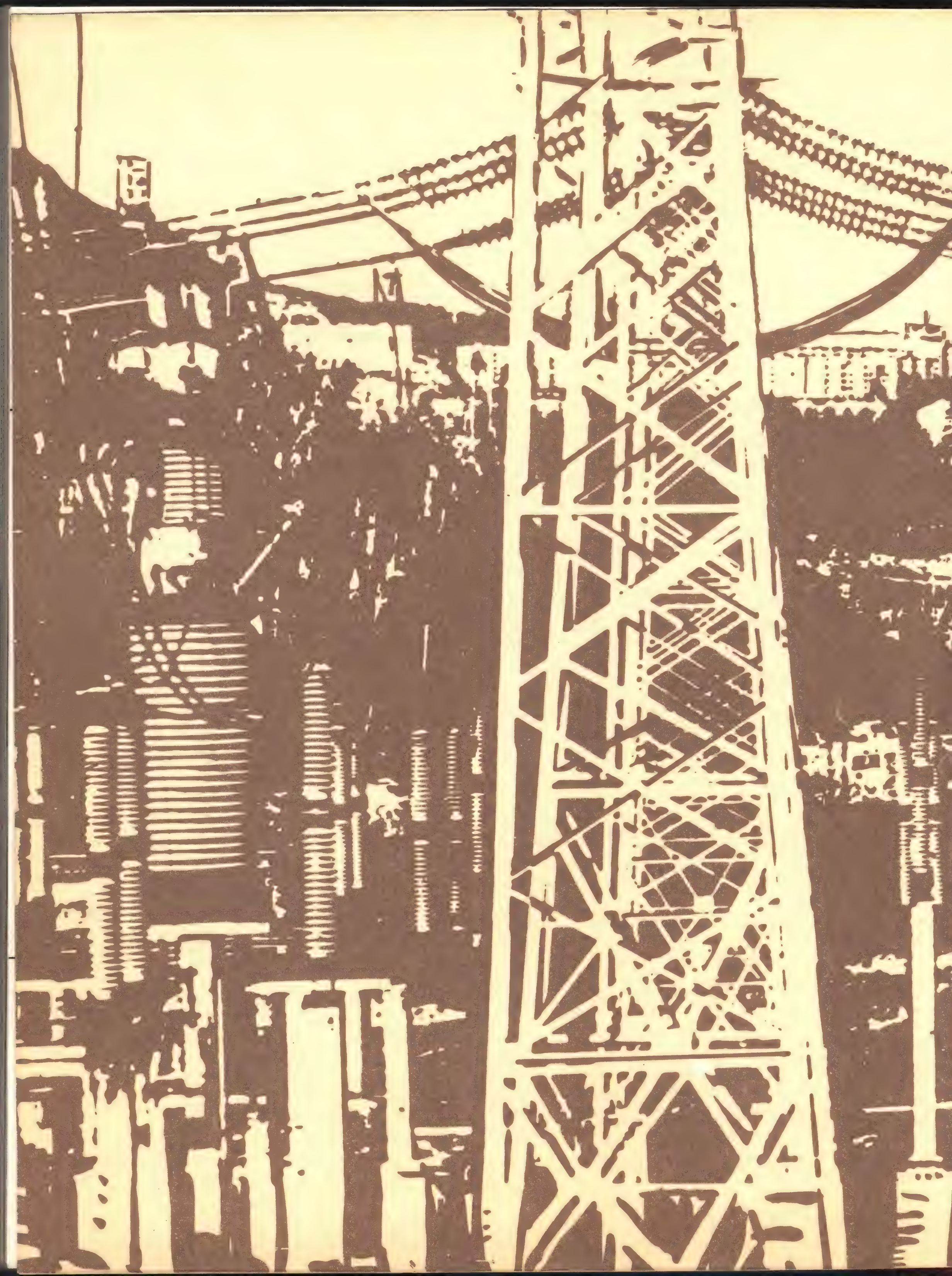
В сборнике помещены фотоснимки ТАСС и АПН

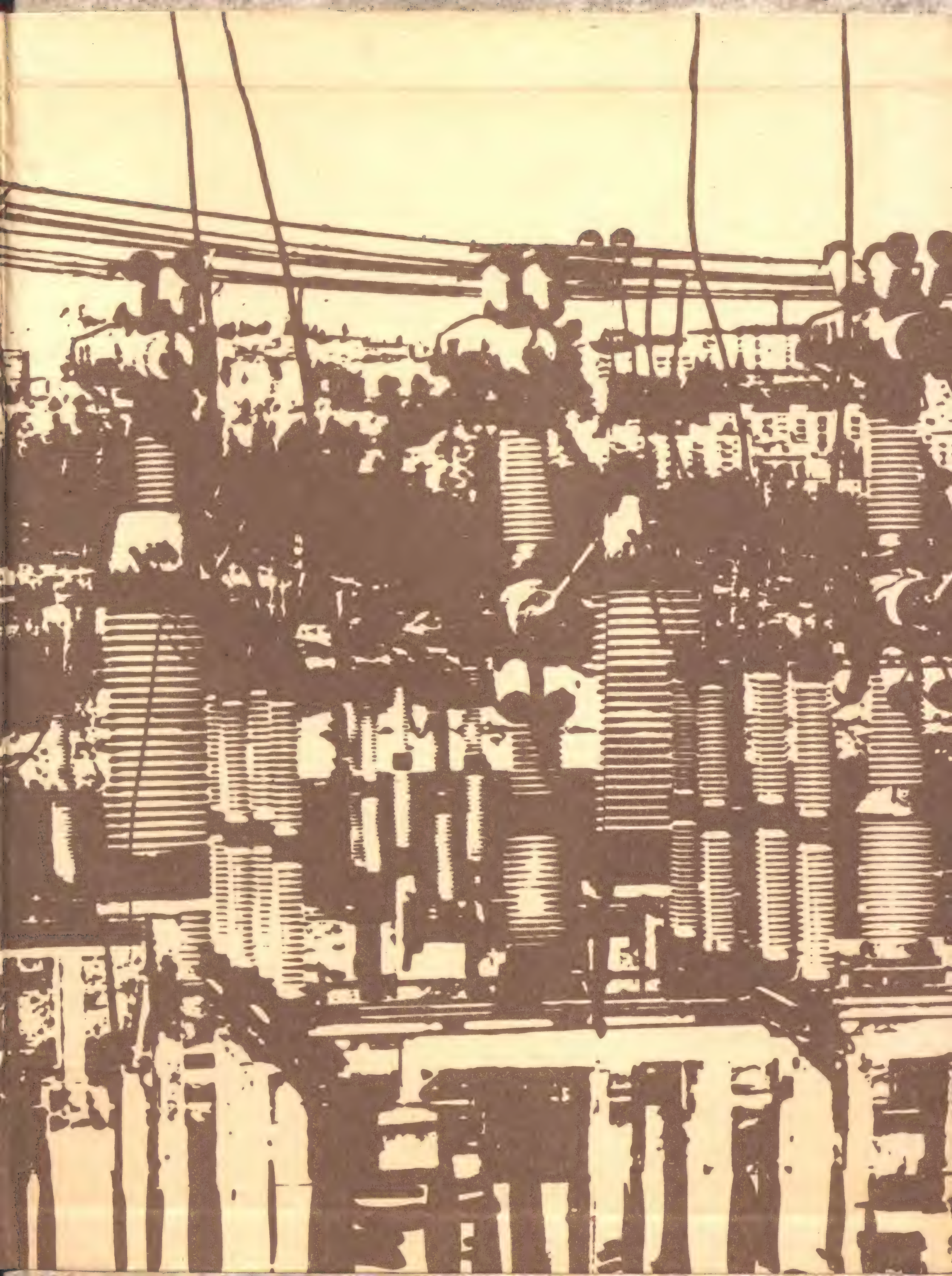
Сдано в набор 2/VII 1975 г. Подписано к печати 22/XII 1975 г. А04376. Формат $70\times90^{1}/_{16}$. Привед. печ. л. 28,08. Уч.-изд. л. 28,59. Изд. № 3786. Тираж 50 000 экз. (1—25 000). БЗ—46—5—1975 г. Бумага офсетная мелованная. Цена 4 р. 14 к. Заказ 720.

Издательство «Экономика» 121864. Москва, Г-59, Бережковская наб., 6.

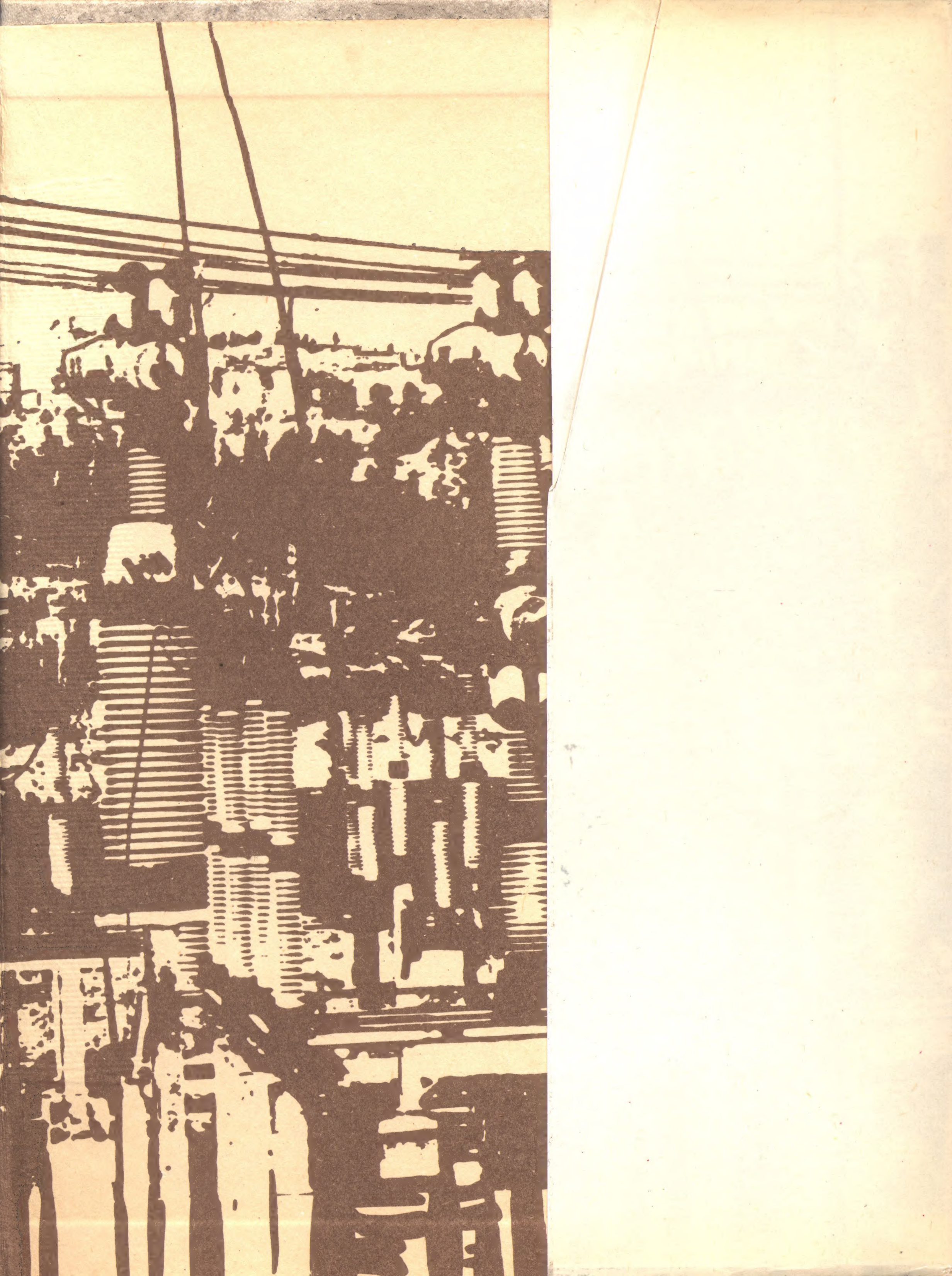
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, проспект Ленина, 5.

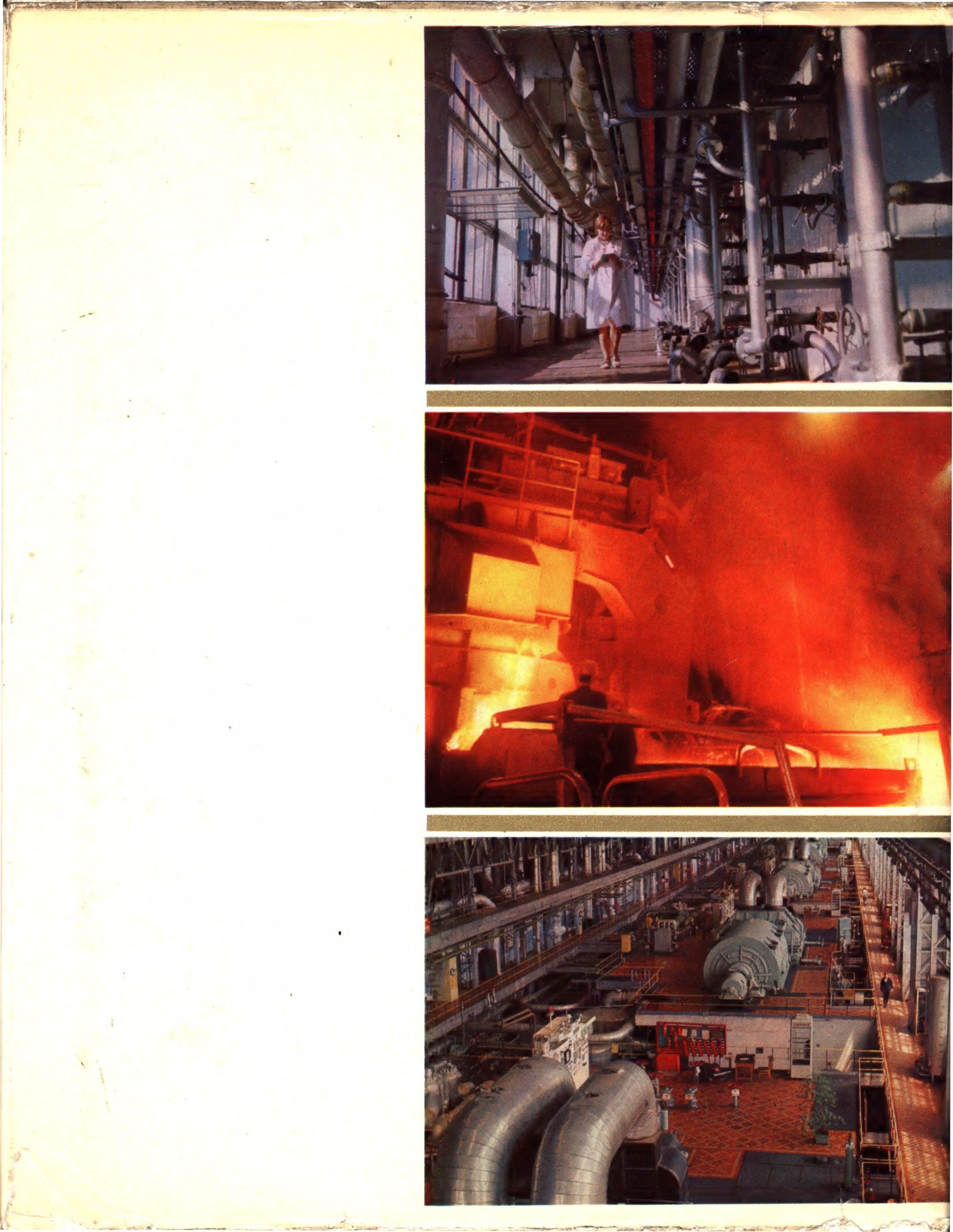
Р $\frac{10903-080}{011(01)-76}$ БЗ—46—5—75

РАБОЧАЯ
ДОБЛЕСТЬ
ГЕРОИ
ДЕВЯТОЙ
ПЯТИЛЕТКИ